

ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ

БОГДАН СУШИНСКИЙ

секретный фарватер

Annotation

Зима 1945 года. Война проиграна. Это понимают и союзники, и немецкое командование. Только Гитлер и кое-кто из руководства СС лелеют призрачные планы на спасение. Одним из таких безумных планов стала попытка сооружения на Одере мощного укрепрайона — Восточного вала, призванного остановить русские армии. Одновременно с укреплениями активно шла разработка проекта создания огромного подземного города — «СС-Франконию». Основой для него должна была послужить подземная база войск СС «Регенвурмлагерь» («Лагерь дождевого червя») с ее непобедимым гарнизоном из воинов-зомби, которая до сих пор остается нерассекреченной...

- [Богдан Сушинский](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)

Богдан Сушинский

Восточный вал

Вся история нашей цивилизации — это по существу история войн. Стоит ли удивляться, что все народы мира с таким восхищением чтят своих рыцарей и полководцев, тех истинных профессионалов войны, которые творили ее, как величайшее искусство, как ритуал жертвенности поколений, как богоугодное священнодействие героев?!

Автор.

Часть первая

1

Шестеро эсэсовцев во главе с роттенфюрером^[1] стояли на холодном послеливневом ветру, поеживаясь, в своих отсыревших, пропахших кострами и сыростью казематов френчах и молча, напряженно следили за каждым движением неизвестно откуда явившегося им бригаденфюрера СС^[2].

Вот генерал приблизился и, никак не отреагировав на приветствие гарнизона охранного дота, принялся долго и пристально осматривать поникших, давно потерявших остатки своей былой молодцеватости солдат: их посеревшие, основательно увядшие лица, их мокрое оружие и мятые мундиры, и даже сбитые носки грязных солдатских сапог...

Коренастый, широкоплечий, с ярко выраженными азиатскими чертами смугловатого лица, бригаденфюрер фон Риттер совершенно не ассоциировался с образом германца, тем более — арийца, а бритая, необъятной величины шлемоподобная голова делала его похожим на возродившегося из небытия веков монгольского воителя. Казалось, пройдет еще несколько минут, раздастся пронзительный крик, и оттуда, из низины, из-за буровато-зеленых отрогов возвышенности, покажутся первые сотни его орды.

— Вы знаете, почему Германия все еще держит вас на этих болотах, в этом тихом доте, а не бросает в окопы Восточного фронта?! — резко выкрикивал каждое слово фон Риттер. — Вас спрашивают, идиоты!

— Мы охраняем дот, — нервно передергивал плечами верзила штурмманн^[3], пытаясь при этом стыдливо прятать в воротничок щедро усыпанный оспинами подбородок.

— Они, видите ли, охраняют дот! — возмущенно апеллировал генерал к своему адъютанту, — худощавому, почти пятидесятилетнему померанцу, с тонкими, искаженно римскими чертами лица, на котором всегда выделялись мясистые, амбициозно поджатые губы.

— ...Как им кажется, — процедил тот, почти не разжимая губ.

— Вы не дот охраняете, идиоты! За вашими тщедушными спинами — один из входов в «Регенвурмлагерь», величайшую из тайн рейха! И если охранять его доверили вам, то лишь потому, что именно вам доверено погибнуть здесь, ни слова не проронив перед врагами о том, что именно вы охраняли. Вас спрашивают, идиоты!

Штурмманн и стоявший рядом с ним широкоплечий, слегка сутуловатый эсэсманн^[4] угрюмо переглянулись, так и не поняв, чего от них, собственно, хотят. Они еще попросту не знали, что «вас спрашивают, идиоты!» — вовсе не вопрос, а излияние великосветских эмоций нового коменданта подземной «СС-Франконии»^[5], который вообще не желал выслушивать, кого бы то ни было в этом мире, кроме своего шефа, Гиммлера. Но и шефа фон Риттеру тоже не всегда хватало терпения дослушивать до конца, поскольку и его научился понимать с полуслова.

Барон вообще устал от неудержимой многословности мира и с куда большим успокоением души прислушивался к пальбе шмайсеров, нежели к человеческим голосам. Что, однако, никогда не мешало ему великодушно выслушивать самого себя.

— Вы не имеете права попадать в плен! — размахивал он кулаком перед лицами солдат, обходя их жиденький строй.

— Так точно, господин бригаденфюрер СС! — пытался отвечать ефрейтор за весь свой гарнизон.

— Вы не имеете права оставаться здесь ранеными!

— Так точно, господин бригаденфюрер СС!

— Вы обязаны погибнуть вместе со своим дотом! Ибо такова воля Германии!

— ...Ид-диоты! — с явным наслаждением договорил адъютант то, чего из великосветской деликатности не высказал бригаденфюрер.

— Взгляните на этот мощный дот, на эту бетонную «гробницу», которой позавидовал бы любой из фараонов, и запомните, что отныне это «гробница» каждого из вас!

Услышав еще одно ефрейторское «так точно», комендант «СС-Франконии» опять надолго умолк и именно этой паузой решил воспользоваться адъютант Удо Вольраб, никогда не упускавший ни малейшей возможности напомнить о своем существовании.

— И видит Бог, — благословляющим голосом пастора произнес он, — что отсиживаться в этой вашей «гробнице» куда лучше, чем гибнуть в польских болотах. Так цените же это, ид-диоты!

Однако никакого прилива благодарности его слова у «гробничников» не вызвали. Глаза и лица их оставались погасшими и безучастными. Казалось, им совершенно безразлично: отправят ли их гибнуть в те «польские болота», среди которых они и так уже провели не один месяц; загонят их в дот и замуруют там или прямо сейчас на склоне холма, у подножия которого они выстроились, расстреляют.

Удо Вольраб хотел молвить еще какие-то слова, однако, встретившись с отсутствующим взглядом ефрейтора, лишь что-то невнятно пробормотал. И

только тогда комендант дота как-то внутренне встреппенулся и, в свою очередь, насмешливо, а значит, мстительно осмотрел гауптштурмфюрера Удо Вольраба — среднего роста, невзрачно худощавого... К тому же адъютант как-то слишком уж неуверенно держался на своих немыслимо тонких ногах, пошатываясь, словно пьяный.

Ефрейтор не впервые встречался с Удо Вольрабом, он сталкивался с ним, еще когда гауптштурмфюрер был адъютантом коменданта Германа Овербека, и знал, что это его «полупьяное шатание» уже не раз приводило ко всевозможным недоразумениям. Но только теперь, впервые, ефрейтору пришла в голову мысль: пристрелить Вольраба, как только тот в очередной раз решит поохотиться в прилегавших к доту болотистых лесах.

— ...Ибо такова она — воля Германии! — вновь и совершенно неожиданно для всех прорычал бригаденфюрер фон Риттер, подытоживая какие-то свои, никому неведомые мысли. И голос его — хриплый и нахрапистый — звучал так, будто гортань барона состояла не из тканей живой материи, а из вибрирующей жести. — Но все же, на всякий случай, запомните: вы здесь не для того, чтобы погибать, а для того, чтобы сражаться.

Фон Риттер еще раз с брезгливым высокомерием осмотрел гарнизон прикрытия, решая для себя, что их здесь слишком мало, и что, когда русские действительно приблизятся к этим местам, он прикажет устроить рядом с дотом еще два пулеметных гнезда. Где-нибудь вон там, в каменных россыпях возвышенности. А сам гарнизон дота увеличит до десяти человек. Но это уже будут его решения, и делиться своими планами с гарнизоном «гробницы» он не собирался.

И потом, он ведь прекрасно понимал, что главной задачей охранного полка «СС-Франконии» было не удержать свой подземный лагерь при натиске русских, поскольку это было попросту нереально, а погибнуть так, чтобы для врагов осталось полнейшей загадкой: что собственно эти солдаты прикрывали, и почему вообще появился здесь этот дурацкий дот.

— Вот что, штурмманн: гарнизон отправляйте в дот, а сами следуйте за мной, — молвил барон после некоторого раздумья. — Вы ничего не должны знать из того, что мы здесь строим и вообще, что здесь происходит, но видеть кое-что из того, что здесь уже сотворено, вы все же обязаны. Дабы проникнуться...

— Ибо такова воля Германии! — голосом монастырского привратника прогундосил Удо Вольраб, пользуясь тем, что новый комендант великодушно позволял ему высказывать то «сокровенное», что он попросту забыл изречь или же что самому ему изрекать по каким-то причинам не хотелось.

2

Мрачные башни средневекового замка возникли на каменистом взгорье как-то неожиданно, словно бы зарождаясь из утреннего тумана, из свинцового поднебесья, из черных, давно не зеленеющих крон старинного, ритуально вымирающего парка.

Здесь, в священном замке СС «Вебельсберге», Скорцени выпадало бывать уже трижды. Но всякий раз и мощные башни его с мавританскими решетками на бойницах и выложенная в восточном стиле привратная арка, и кроваво-оранжевые гранитные валуны, загадочно окаймлявшие парковые дорожки,

воспринимались обер-диверсантом рейха так, словно знал он все это очень давно; словно с замком этим связана была иная, давно позабытая им жизнь; словно много веков назад он не только видел этот замок, но и вырастал в его стенах.

Как бы там в действительности ни было, а перед «Вебельсбергом» первый диверсант рейха всегда представлял в таком состоянии души и духа, в каком способен был представлять только вернувшийся из крестового похода рыцарь.

Вот и сейчас, стоит ему приблизиться к обводному рву — и заскрежещут цепи подъемного моста, со ржавым ревматическим стоном откроются тяжелые дубовые ворота, и рожок привратника возвестит обитателей этой каменной твердыни, что доблестный рыцарь Скорцени с победой и славой вернулся в свое родовое гнездо. Вновь, в который уже раз, вернулся! Из очередного крестового похода.

«Это все еще не угасли радужные впечатления, которые ты нафантазировал во время первого визита сюда, — сказал себе штурмбаннфюрер. — Когда тебе вдруг показалось, что предстаешь перед воротами замка в облике возродившегося владельца замка, доблестного рыцаря-крестоносца. Хотя тебе как диверсанту от подобных наваждений давно пора было бы избавиться».

...Но, как и тогда, во время его первого посещения замка, ни усиленная охрана из офицеров СД и гестапо, ни целая колонна машин, мобилизованных в Паденборне, чтобы доставлять сюда с ближайшего аэродрома элиту СС, не в состоянии были разрушить ту ауру таинственности и вечности, что по-прежнему царила в «Вебельсберге» — в этой секретной и священной штаб-квартире «высших посвященных» СС^[6].

Первым, кого Скорцени увидел во внутреннем двореке замка, был оберштурмбаннфюрер Вольт. Он стоял у неприметной двери, ведущей в небольшую пристройку, которая могла бы показаться дворницкой. Однако личный агент фюрера по особо важным вопросам знал, что на самом деле один из тайных ходов, начинавшийся за этой дверью, вел в секретную комнатку, сидя в которой, можно было незаметно наблюдать за всем, что происходило в Рыцарском зале. А еще акустика этой комнатки позволяла слышать все, о чем говорил человек, восседавший в тронном кресле.

— Имперская Тень уже здесь, — вполголоса проговорил Вольт, заметив, что Скорцени замедляет шаг. — И ведет себя высокодостойно.

— Кто-нибудь обратил на него внимание? — рассматривал Скорцени каменный герб, высеченный над входом в центральный вход. Оба они вели сели себя в эти минуты, как разведчики в тылу врага.

— Мы доставили его сюда в его мундире лейтенанта войск СС и основательно загримированным, — объяснил оберштурмбаннфюрер, который с недавних пор, по приказу Гиммлера, являлся опекуном и личным телохранителем двойника фюрера.

— Из этой комнатки наш Великий Зомби может наблюдать за поведением фюрера и даже различать выражение его лица?

— Может, штурмбаннфюрер, — склонил голову Вольт. — Для верности мы снабдили его моноклем и усилителем звука. Теперь у него есть все условия для высокодостойной подготовки к своей миссии.

— Нашего лжефюрера вы впервые увидели лишь две недели назад...

— Но перед этим внимательнейшим образом ознакомился с его «личным делом», — поспешно заверил Вольт, не сообразив, к чему клонит обердиверсант рейха. Он ценил доверие Гиммлера и

Скорцени и очень гордился тем, что именно ему поручено теперь персонально опекать Имперскую Тень.

— Куда ценнее то, что в свое время вы служили в личной охране Гитлера.

— И горжусь столь высокодостойной строкой своей биографии.

— Как он воспринимается? Вы — единственный человек в мире, которому выпало быть личным телохранителем и фюрера, и первого лжефюрера. Поэтому я и спрашиваю вас: на какой стадии готовности к своей миссии находится унтерштурмфюрер Зомбарт?

— Считаю, что внешне, так сказать физически — да, готов. Но психологически...

— Что — «психологически»?

— Ему нужна настоящая полноценная роль. Как бы ни готовили актера в театральной школе, он не станет настоящим актером, пока не пройдет через суровую школу сцены. Если прикажете, Скорцени, я сочиню для него как лжефюрера особый сценарий.

Вольт был фанатичным почитателем Скорцени и чувствовал себя неудобно из-за того, что в чине его повысили раньше, чем кумира. Сам оберштурмбаннфюрер никакого участия ни в одной диверсионной операции не принимал, но собирал все сведения, касающиеся разведчиков, диверсантов и просто военных авантюристов всех времен и народов. Вот и получалось, что Скорцени ценил этого «недиверсионного диверсанта» за то, что тот представлял настоящей энциклопедией диверсионного мира, а Гиммлер держал его в своем штабе еще и как разработчика планов, по существу сценариста диверсионных операций.

Только вспомнив об этом, Скорцени согласился:

— А что, в этом случае ваш драматургический талант может пригодиться.

— Гиммлер сказал мне, что сегодня фюрер будет обсуждать положение на Восточном фронте и требовать создания мощного оборонительного «Восточного вала».

— Судя по всему, так оно и будет.

— Так почему бы нам не устроить инспекционную поездку фюрера в «СС-Франконию»? На несколько суток. Официальная встреча... Совершенно секретная поездка, с окружением, которое подобострастно и талантливо «играет короля», то бишь фюрера.

— Теперь я понимаю, за что вас ценит Гиммлер. Обещаю обдумать ваше предложение, а вы пока что обдумывайте драматургию этой поездки, — вполголоса проговорил Скорцени, направляясь к парадному входу в жилую, рыцарскую часть замка.

Идея подобной инспекционной поездки и в самом деле понравилась ему. Правда, он тут же подумал, что самым сложным и проблематичным в этом спектакле окажется участие не лжефюрера, а самого Гитлера. Даст ли он согласие на поездку Имперской Тени в «Регенвурмлагерь», а если даст, то что именно будет позволено лжефюреру во время этого необъявленного визита?

Задумавшись над этим, Скорцени таинственно улыбнулся. Он вдруг вспомнил, как, отдавая в его подчинение Вольта, рейхсфюрер СС сказал: «Кроме всего прочего, Вольт понадобится нам обоим еще и для того, чтобы под рукой всегда был «жертвенный баран», которого никогда не жалко будет положить на жертвенник фюрера, когда тот вдруг решит, что столь старательная подготовка нами лжефюрера на самом деле является частью заговора против него. Еще одного хитромудро спланированного заговора.

— Считаете, что Вольт идеально подходит к роли «жертвенного барана»?

— Не идеально, но куда лучше, нежели вы или, не доведи Господь, я. На всякий случай, я даже добился его повышения в чине. А уж о том, что именно Вольт является «Шекспиром Главного управления имперской безопасности», Гитлер помнит и без нашего напоминания.

Воспроизведя в памяти его слова, Скорцени вновь криво усмехнулся. Как никто иной, он понимал, что на самом деле истинным автором всех предложенных Вольтом диверсионных сюжетов является сам Гиммлер. Что же касается Вольта, то он выступает лишь в роли литературного поденщика, разработчика массовых сцен и... лжеавтором.

«Впрочем, с самим Шекспиром тоже не все ясно, — философски подытожил эти свои размышления Скорцени. — Историки до сих пор сомневаются: существовал ли Он на самом деле, а если существовал, то его ли перу принадлежали все те пьесы, которые именуются теперь шекспировскими? Так почему бы не допустить, что и в истории со «сценариями от Вольта» существует некая тайна, некая интрига?»

3

— Вы тоже прибыли сюда, Скорцени?! — первым подошел к нему командир дивизии «Дас Рейх» Пауль Хауссер.

— Меня, старого солдата, это радует.

— По зову фюрера, мой генерал.

— Не так много осталось в рейхе людей, само присутствие которых вселяло бы уверенность в нашем воинстве и дарило ощущение надежности.

— Неужели все это обо мне, мой генерал? — не мог скрыть иронии обер-диверсант рейха. — В любом случае считаю, что таких людей у нас все еще немало.

— Это значит, что вскоре СС действительно заявит о себе, как о рыцарском ордене, созданном на века. Я, старый солдат, понимаю это так.

— И мы еще взбодрим этот мир! — в тон ему ответил Скорцени. — Мы еще пройдем его от океана до океана!

Бригаденфюрера СС Пауля Хауссера Скорцени знал еще по тем временам, когда в составе дивизии «Дас Рейх», под началом этого же генерала, наступал на Москву.

Вспоминать об этом наступлении, «о зимней русской кампании», в высшем руководстве СС теперь уже было не принято. Однако Хауссер не стеснялся напоминать своим коллегам, что уж кто-кто, а он со своими солдатами все же стоял у самых стен Москвы. Да, он дошел до столицы русских, он, черт побери, стоял у ее стен, и даже «рассматривал в бинокль Спасскую башню Кремля».

В действительности же Хауссер рассматривал ее лишь в специально изданном для офицеров туристическом справочнике Москвы. Но, боже ж ты мой, кого сейчас, в сорок четвертом, могли интересовать столь незначительные подробности?!

Некогда худощавое лицо Хауссера теперь окончательно исхудало и состарилось, но никакие морщины, никакие «раны лица и судьбы» не способны были развеять тот воинственный оптимизм, который комдив элитной дивизии СС способен был порождать в любой военно-фронтowej ситуации.

— Вам известна причина, по которой нас вновь созвали в этот замок? — доверительно поинтересовался Хауссер.

— Понятия не имею, — беззаботно ответил первый диверсант рейха.

— То-то и оно. Непозволительно! Мы не знаем, зачем нас сюда приглашают, и не знаем, с какими мыслями собираться. Может, я что-то не так понял, — взял он Скорцени под руку, — но похоже, что сегодня речь пойдет о какой-то таинственной подземной «стране СС», которую фюрер якобы решил создавать в районе Одера.

— Если только фюрер действительно так решил...

— Само собой разумеется. Вам приходилось бывать в этой стране? Что она представляет собой?

— Не приходилось.

— Ну, это уж совсем странно! — развел руками несостоявшийся покоритель Москвы. — Создавать какую-то подземную «страну СС» и пытаться делать это без Скорцени! Непозволительно!

Говорят, что Гиммлер не в восторге от этой идеи, подозревая, что «польский берег» этой реки, на которой должна располагаться «Страна Франкония», вскоре окажется в руках русских.

— Но так считает не фюрер, а Гиммлер, — заметил обер-диверсант рейха.

— Мне нравится ваша осторожность, Скорцени. Даже если учесть, что в общении со мной вы слишком уж осторожничаете, я, старый солдат, понимаю это так...

— И что, Гиммлер намерен отговаривать фюрера от создания нашей базы СС восточнее Одера? — Скорцени решил не отрываться от основной темы разговора.

— Не знаю, решится ли, — доверительным полупшепотом ответил Пауль Хауссер.

— Скорее всего, не решится, — иронично усмехнулся обер-диверсант.

— Если уж вы, Отто, все чаще предпочитаете осторожничать, — попытался отомстить ему Пауль Хауссер, — то почему бы не побережься Гиммлеру,

который и так никогда особой храбростью не отличался?

— В тылу ему по чину положено быть храбрее. Особенно в приемной фюрера.

— Замечу, однако, что Гиммлер считает: разворачивать этот лагерь следовало бы где-то на границе между Баварией и Швабией, то есть в том районе, где уже давно запланировано создание основного укрепленного района рейха — «Альпийской крепости».

— ...И тогда «Лагерь дождевого червя»^[7] стал бы подземной частью этой крепости, — кивнул Скорцени. — Соединение двух крепостей: горной и подземной — это выглядело бы необычно, а главное, внушительно^[8].

— Считаете, что фюрера никто не сумел подтолкнуть к подобной мысли?

— Не посмел, так будет точнее. И очень плохо, что не посмел.

— Я, старый солдат, тоже понимаю это так, — поддержал его бригаденфюрер. — А что касается Гиммлера...

— Он, несомненно, прав, но только изменить уже ничего нельзя. Единственное, что мы можем, — это оставить после себя в образе, в неизведанном облике этого лагеря еще одну тайну рейха.

— Столько сил и времени тратить на создание «еще одной тайны»?! — удивленно взглянул на него комдив. — Что-то тут не так, над этим еще стоит поразмыслить.

— Чем больше национал-социализм оставит после себя тайн, тем дольше будут жить в грядущих поколениях его идеи.

— Вы так считаете?! — с наивностью романтического подростка поинтересовался Хауссер.

— Такова природа человеческой памяти.

Прежде чем что-либо ответить, генерал впал в растерянное беспомыслие.

— Чем больше национал-социализм оставит после себя тайн... Никогда не задумывался над этим, Скорцени.

— Но рано или поздно приходит время, и мы, дьявол меня расстреляй, задумываемся.

— ...И потом, что это за название такое для «страны СС» — «Лагерь дождевого червя»?! — вдруг невпопад отреагировал бригаденфюрер СС. — Это кто предстает в виде дождевых червей, мы, воины СС?

— «Лагерь дождевого червя» — это всего лишь условное название, — попытался охладить его обер-диверсант. — Хотя могли бы придумать и что-нибудь повыразительнее.

— Недостойное название — я, старый солдат, понимаю это только так!

— Негероическое, — вынужден был признать обер-диверсант.

— А вот то, что вы, Скорцени, только что сказали по поводу «тайн рейха»... Вы становитесь не только отчаянно храбрым, но и отчаянно мудрым.

Последние слова бригаденфюрер Пауль Хауссер произнес в увешанном старинными портретами вестибюле замка, в котором чуть было не столкнулся с Гиммлером. Рейхсфюрер остановился и настороженно, пытливо осмотрел каждого из них в отдельности, словно определял, достаточно ли они трезвы и благонамеренны, чтобы не представлять для него какой-либо опасности.

Громкие приветствия здесь не практиковались; в храме высших посвященных СС все были настолько равны перед Черным Орденом, что приветствия удостоивался лишь фюрер. Тем не менее Хауссер и

Скорцени молча вскинули руки в «приветствии истинных наци».

Гиммлер словно бы догадывался, что в разговоре этих двоих все упоминается и его непорочное имя, а потому даже после приветствия вновь всмотрелся в лицо Скорцени с откровенной настороженностью. После того, как «первый диверсант рейха» со своими «фридентальскими коршунами», выпускниками Фридентальских диверсионных курсов, жестоко расправился со штабом заговорщиков на Бендлерштрассе, его как «карающего меча фюрера» начали опасаться все, вплоть до Гиммлера и Бормана. А чины пониже еще и пытались заискивать перед ним.

— Но если уж этому «лагерю-червю» суждено появиться, — вполголоса произнес Хауссер, как только Гиммлер удалился, — то комендантом его следовало бы назначить вас, Скорцени.

— Побойтесь Бога, бригаденфюрер!

— Только вас, Отто, только вас! С повышением в чине. До сих пор оставаться всего лишь штурмбаннфюрером — это недостойно вас. Я, старый солдат, понимаю это только так!

— Успокойтесь, господин бригаденфюрер, в «СС-Франконии» только что появился новый комендант.

— Вот я и говорю, что опять назначили черт знает кого!

— Ну, если таковым будет решение фюрера... — Скорцени не стал продолжать этот бессмысленный спор.

— Конечно же, он держит вас в запасе, для устрашения всех прочих неблагонадежных, и назначит комендантом «Альпийской крепости». Но это будет потом, а пока...

— Если таковым будет решение фюрера, — вновь многотерпимо объяснил свою позицию Скорцени. Ибо для него, «старого солдата», единственно верным

решением было только решение фюрера. Даже если представлялось оно в корне ошибочным и принципиально неверным.

4

Вежливо раскланявшись с гаулейтером Вестфалии, на территории которой находился замок Вебельсберг, и обергруппенфюрером Лаутербахером, входившим в штаб Гимmlера еще и в качестве заместителя «имперского руководителя молодежи», Скорцени намерился подойти к своему шефу Кальтенбруннеру, однако Хауссер вновь перехватил его.

— Должен вам напомнить, господин диверсант, что многие решения, которые принимает фюрер, на самом деле созревают в кабинете Гимmlера.

Скорцени непонимающе уставился на генерала. Будь перед ним кто-либо иной, он попытался бы избавиться от подобного советчика куда решительнее, но этот фронтовой генерал. Его первый генерал...

— Это я все еще о «дождевых червях», — объяснил бригаденфюрер.

— То есть вновь возвращаетесь к должности коменданта «Регенвурмлагеря»?

— Не все готовы поверить в это, но порой рейхсфюрер СС прислушивается к мнению старого солдата Хауссера.

— К счастью, не всегда, — как можно вежливее осадил его Скорцени, не ведая, каким еще образом можно увести бригаденфюрера от навязчивой идеи загнать его в подземелья «СС-Франконии».

— Но ведь по существу этот подземный город может стать столицей СС, — вполголоса проговорил

Хауссер. — И потом, если бы вы стали комендантом, то обратились бы к Гиммлеру и самому фюреру с просьбой поручить охрану «СС-Франконии» дивизии «Дас Рейх». Я, старый солдат, понимаю это только так.

— Вы бы так сразу и сказали, господин бригаденфюрер, — снисходительно улыбнулся Скорцени своей окаймленной шрамами «улыбкой Квазимодо».

— А о чем, позвольте вас спросить, мы вот уже в течение получаса толкуем с вами?! — не стал уходить от сути интриги командир дивизии СС «Дас Рейх».

И снова сдержанное офицерское раскланивание. Отдав дань уважения шефу гестапо Мюллеру, рейхсляйтеру Борману, командиру третьей танковой дивизии СС Йозефу Дитриху, а также Шелленбергу, Кальтенбруннеру, командиру дивизии СС «Адольф Гитлер» бригаденфюреру Монке и нескольким другим адептам и высшим руководителям СС, Скорцени наконец занял то же кресло у большого полуовального стола, которое занимал во времена предыдущих совещаний.

Фюрера пока что не было. Все присутствующие нетерпеливо ждали его, располагаясь у окон-бойниц, у камина или двух небольших «картежных» столиков. И лишь Скорцени опустился в свое кресло у «круглого стола рыцарей короля Артура» и, блаженно вытянув ноги, вальяжно откинулся на его спинку. При этом он презрительно игнорировал удивленные взгляды кое-кого из принадлежащих ко «внутреннему кругу посвященных».

Скорцени как бывшему фронтовику не нравилось, что принадлежащие к Черному Ордену эсэсовские чины все больше отдалялись от армейских частей ваффен-СС, представавших теперь в качестве низшей касты. Он считал такое положение вещей несправедливым.

Это было первое совещание высших посвященных, которое фюрер собирал в «Вебельсберге» после покушения на него и подавления «заговора генералов». И поскольку маховик репрессий еще только раскручивался, то многие из призванных сюда все еще чувствовали себя неуверенно. Если сами не принимали участия в заговоре, то знали о нем, обязаны были знать, или, в крайнем случае, вся вина их в том и заключалась, что не знали и не упредили заговорщиков.

Увидев рядом с собой бригаденфюрера Вильгельма Монке, Скорцени хотел приподняться, однако генерал СС великодушно налег рукой на его плечо, разрешая не вставать.

— Вы, Скорцени, — единственный из всех берлинских бонз СС, чья совесть перед фюрером чиста, — довольно громко, не опасаясь быть услышанным остальными адептами «внутреннего круга», произнес он.

— Не уверен, что фюрер догадывается об этом, — с мрачной иронией заметил Скорцени, — но лично мне слышать приятно. Тем более — из ваших уст.

— Догадывается, штурмбанфюрер, догадывается. И теперь я знаю, что если русские все же ворвутся на территорию Германии, вы останетесь верным фюреру до конца. Как и я ^[9].

— И пусть никто не смеет усомниться в этом, — сурово молвил Скорцени.

— А значит, все мы, кто предан фюреру, можем положиться на ваше мужество и ваш диверсионный талант.

— Попытаюсь не разочаровать вас, — кротко заверил его Скорцени. Он так и не определился, как ему вести себя в таких случаях, а потому, оказываясь на гребне подобной похвалы, всегда терялся.

— Для всех нас вы — образец мужества. Орденом СС повезло, что у нее есть такой кумир, такой рыцарь! И фюрер не может не понимать этого.

Вместо ответа Скорцени с уважением взглянул на Золотой крест, которым фюрер совсем недавно наградил Монке за участие в боях на Западном фронте. Это еще два-три месяца назад награждение подобным орденом кого-либо из генералов не вызвало бы у первого диверсанта рейха никакого интереса. Теперь же комдив Монке оказался одним из немногих генералов, которого после подавления заговора фюрер хоть как-то — в чине, должности или в награде — уважил.

Особенно это касалось генералов вермахта, в присутствии которых фюрер уже не раз подтверждал, как горько он сожалеет, что не подверг свой офицерско-генеральский корпус чистке, как это сделал в свое время Сталин.

Все, кто встречался в эти дни с Гитлером, знали, что у него вырабатывалось неукротимое отвращение к генеральским мундирам и фельдмаршальским жезлам. Генеральский корпус рейха приобретал в его глазах хищный облик притихшего на время террариума.

— Я решил быть там, где находятся последние из рыцарей короля Артура, — на ходу извещал высокое собрание приближающийся к обер-диверсantu и Монке бригаденфюрер Пауль Хауссер.

— С вашего позволения, — с великосветской холодностью отреагировал командир дивизии «Адольф Гитлер».

— Позволю себе напомнить, что, как всякий истинный солдат, Скорцени начинал свое восхождение в составе дивизии «Дас Рейх».

— Сам Скорцени давно забыл бы об этом, если бы вы без конца не напоминали ему, — саркастически

парировал Монке, заставив обер-диверсанта мстительно улыбнуться.

— Об этом мог бы забыть кто угодно, но только не Скорцени, я, старый солдат, понимаю только так.

— Если бы такой парень, как Скорцени, — тыкал указательным пальцем в грудь своего соперника Монке, подтверждая давно закрепившуюся за ним привычку, — служил у меня, то не оставался бы до сих пор в майорах.

— Или же до сих пор ходил бы в капитанах СС. И потом, в моей дивизии он ведь только начинал свою службу, — парировал Хауссер, и лишь теперь оба они вспомнили, что при их схоластическом споре присутствует сам Скорцени. Открыв это для себя, генералы растерянно и в то же время виновато уставились на обер-диверсанта рейха.

— В дивизии кого из вас я бы ни продолжал свою службу, господа, бригаденфюрером мне уже все равно не стать, — успокоил их Скорцени.

Ни для кого не оставалось тайной, что Монке и Хауссер давно соперничали за право считаться командиром самой приближенной к фюреру дивизии СС. Причем провоцировал это соперничество сам Гитлер, который почему-то время от времени отдавал предпочтение дивизии «Дас Рейх», а не той, которая носила его собственное имя.

Этим-то Хауссер и пользовался. И в «СС-Франконию» рвался — тоже исходя из этого, не понимая, почему его гарнизон должны составлять два полка дивизии СС «Мертвая голова». Скорцени — комендант «Лагеря дождевого червя», а он, Хауссер, начальник его гарнизона. Такой расклад вполне устраивал уставшего от войны генерала.

— И все же я с вами, друзья, — не стал накалять страсти Хауссер. — Там, где собрались самые преданные и бесстрашные.

— Даже если они и не принадлежат к дивизии СС «Адольф Гитлер», — проворчал Вильгельм Монке.

Теперь уже, из уважения к своему бывшему фронтовому командиру, Скорцени, конечно же, поднялся.

Вскинув подбородки, все трое молча обменялись многозначительными взглядами, словно бы еще раз, теперь уже в узком кругу особо доверенных, клялись в верности фюреру. «Старые солдаты», они прекрасно понимали в эти минуты друг друга.

5

Осевшим, срывающимся голосом обер-ефрейтор приказал своим подопечным вернуться в бетонную гробницу и, пройдя вместе с генералом за небольшой выступ, поднялся по едва заметной тропе на скалистый карниз. Там он отодвинул какой-то невзрачный валун, нащупал рычаг, и несколько секунд спустя произошло то, что способно было поразить воображение любого непосвященного: значительная часть склона вдруг подалась назад, обнажая рельсы, а заодно и вход в тоннель.

Это был один из эвакуационных входов в огромный подземный лагерь, именовавшийся в строго секретных документах штаба войск СС «Регенвурмлагерем», то есть «Лагерем дождевого червя».

Название барону решительно не нравилось, куда больше ему импонировали «Подземный рейх-СС» или «СС-Франкония», как однажды назвал эту базу Гиммлер. Однако бригаденфюрер не собирался предаваться эмоциям. Главным для него было — проверить все шесть основных и шесть запасных входов

в эту рукотворную Валгаллу, дабы убедиться, что все они действуют, надежно замаскированы и охраняемы.

Этот вход, «Альфа-3», размещенный в предгорьях возвышенности, укрываемой густым болотистым бором, предназначался теперь только для того, чтобы части, обороняющие подступы к нему, однажды ночью могли исчезнуть в подземелье, а затем, уже небольшими группами, появляться в тылу врага.

Командир (или, как его называли здесь, «фюрер-раум») укрепленного пункта «Альфа-3» оберштурмфюрер Ланкен попытался о чем-то там доложить, однако, болезненно поморщившись, фон Риттер прервал его на первом же слове и как можно внушительнее проговорил:

— Никакого шума. Тихо, спокойно проведите меня по всему укрепункту. У вас я впервые.

Ланген, худощавый, бледнолицый паренек, которому едва исполнилось двадцать, был явно горд тем, что командует гарнизоном столь мощного бункера, начал с того, что показал два бронекупола, под каждым из которых, за стальными заслонками, между стрелковыми щелями-амбразурами скрывались скорострельный гранатомет, крупнокалиберный пулемет и огнемёт. Затем, прежде чем отвести коменданта на нижний ярус, где располагалась батальонная казарма, Ланкен продемонстрировал коменданту свою командирскую рубку, а также оснащенную перископом командную рубку, в которой имелось несколько телефонных аппаратов, и соединенную с ней радиорубку; бронированную герметическую дверь, за которой следовал противогазовый шлюз-отсек, призванный защищать гарнизон от газовой атаки противника. Внимательнейшим образом осмотрел бригаденфюрер клозет и умывальник, оставаясь довольным «вниманием строителей к солдатскому быту».

— Долго эти люди находятся в подземельях? — поинтересовался барон у Ланкена, пока командир роты гауптштурмфюрер Энгер выстраивал всех свободных от вахты солдат на небольшом плацу возле казармы.

— Все мы здесь уже около года.

— Когда вас передислоцировали сюда, радовались, что до Восточного фронта далеко, но уже через месяц проклинали и это подземелье, и свою солдатскую судьбу.

— Не все, господин бригаденфюрер, — рассудительно заметил Ланкен. — Одни и тогда рвались, кто на фронт, а кто просто на поверхность, под открытое небо; другие же до сих пор совершенно спокойно переносят условия подземелья, чувствуя себя здесь, как подводники во чреве субмарины.

— Как подводники? — оглянулся барон фон Риттер, сначала на него, а затем на своего адъютанта. — Черт возьми, а ведь это идея! Мой брат, контр-адмирал Людвиг фон Риттер, тоже как-то говорил мне о подводниках как об особой касте моряков, об их особой психологии, о выдержке. Он хорошо знаком с ними, с их образом жизни и выносливостью, когда шел в Антарктиду, на базу... Впрочем, куда он шел — уже не так важно, — вовремя вспомнил он, что брат его, барон-адмирал, шел тогда на совершенно секретную подземную антарктическую «Базу-211», именуемую еще «Рейх-Атлантидой».

— ...И если учесть, что в наши дни многие субмаринники остаются без своих судов, — своевременно поддержал его Удо Вольраб. — То почему бы часть из них не прислать сюда, в качестве офицеров и унтер-офицеров гарнизона

— Нужно будет поговорить с людьми из штаба Кригсмарине, попросить их подбросить сюда хотя бы сотню списанных на берег подводников, Причем сделать это при первой же возможности.

Захваченный идеей «наводнить» гарнизон «СС-Франконии» отставными субмаринниками, комендант уже без всякого энтузиазма обошел строй эсэсовцев гарнизона, всматриваясь при довольно ярком электрическом освещении в каждого из стоявших в первой шеренге: серые, с запавшими щеками лица, отсутствующие взгляды, прибитые катакомбной пылью мундиры и сапоги.

Приказав вернуть солдат в казарму, бригаденфюрер так ничего и не сказал гауптштурмфюреру Энгену по поводу своих впечатлений от смотра и зашел в его командирский отсек.

— Карта «Регенвурмлагеря»? — удивленно спросил он, тыкая пальцем в висевший не стене лист ватмана.

— С картами всего «Регенвурмлагеря» нам, ротным командирам, знакомиться не позволено, — отрапортовал гауптштурмфюрер. — Перед вами — всего лишь карта Мезерицкого ^[10] сектора лагеря. Да и та совершенно секретная. Карты же всего лагеря, никто из нас никогда не видел.

— Так и должно быть, — жестко подтвердил фон Риттер. — Всей карты никогда не должен видеть даже я, комендант, притом что у меня подобная карта, несомненно, должна появиться.

Еще с минуту он молча рассматривал карту сектора, но, так ни черта и не поняв в хитросплетениях ее линий, пожал плечами, прохрипел нечто нечленораздельное и вышел.

— Попомните мое слово: все эти подземелья будут иметь смысл только тогда, когда появится столь же мощная укрепленная линия там, наверху, — проворчал фон Риттер, прощаясь с Энгеном и его бункерниками. — Только когда там, наверху, вся территория будет изрыта окопами и усеяна дотами.

— Но гарнизон каждого из подобных бункеров способен самостоятельно держать оборону, — мягко заметил адъютант Удо Вольраб, приходя на помощь сбитому с толку его словами оберштурмфюреру. — Причем держаться может довольно долго. Во всяком случае, так считали Овербек и те инженеры из «Строительной армии Тодта», которые все эти подземелья проектировали.

— Ничерта он не способен, — еще мрачнее парировал фон Риттер, уже не обращая никакого внимания на семенящего вслед за ними фюрераума. — Как только русские прорвут фронт над нашими головами, эти тоже побегут к Одру. По подземельям нашим побегут, опасаясь остаться в тылу врага.

— То есть вы считаете, что все, что мы здесь строим, — напрасный труд?! — ужаснулся самой этой мысли Ланкен.

— Труд не бывает напрасным, — проворчал бригаденфюрер, — напрасными бывают надежды, которые мы с ним связываем. Здесь нужно создавать гарнизон смертников.

— Хотите сказать: гарнизон зомби? — попытался уточнить Удо Вольраб.

— Я сказал то, что хотел сказать — гарнизон смертников. Добровольцев-смертников. Которые бы не только получили приказ защищать свою «СС-Франконию» до последнего патрона, последнего солдата, но и поклялись, что ни один из них не поднимется на поверхность «страны СС», пока на ней вновь не появятся германские войска.

— Зная при этом, что они уже вряд ли когда-либо там появятся, — криво ухмыльнулся адъютант.

— Лично я буду просить рейхсфюрера Гиммлера о создании именно такого гарнизона, — простил ему пораженческие настроения фон Риттер. — И к

формированию его следует приступить немедленно, я вас спрашиваю, идиоты! — неожиданно взорвался он хриплым басом. И тут же потребовал от Ланкена вывести его на поверхность.

...Бетонно-каменные ворота отошли в сторону, а из глубины тоннеля появился автомобильный трап. Спущенный на плато, он позволил водителю генеральского «опеля» въехать в «СС-Франконию» таким образом, что на поверхности не осталось никаких следов.

— Каждого, кто попытается приблизиться к этой стене, расстреливать на месте! — вновь взорвался барон фон Риттер жестяным лязгом слов. — Всякого, кто хотя бы случайно бросит взгляд в сторону этой стены — расстреливать на месте! Даже если это будет солдат гарнизона вашего дота, роттенфюрер Герт, — расстреливать на месте! Ибо такова воля Германии!

— Яволь, господин бригаденфюрер СС, — «отстреливался» все более верноподданническими заверениями роттенфюрер. — Расстреливать буду лично. Во исполнение вашего приказа.

— Причем исполнять его вы обязаны благоговейно, — саркастически объяснил ему адъютант фон Риттера.

— Так точно, благоговейно, — подтвердил роттенфюрер, смерив при этом гауптштурмфюрера таким взглядом, словно готов был использовать свое право на «благоговейность» прямо сейчас.

Из солдат гарнизона о валуне, рычаге и об этом входе в «Регенвурмлагерь» обязан был знать только он один, комендант дота «Вилли-5», ефрейтор войск СС Герт. Но и он обязан был знать о нем только то, что обязан.

А еще он должен был помнить, что любое связанное с этим объектом любопытство — самоубийственно.

— Ибо такова воля Германии! — вновь поучительно поднял вверх указательный палец комендант подземной «СС-Франконии». Фуражка его так и осталась в машине, поскольку барон терпеть не мог, когда его голова оказывалась покрытой. И сейчас, стоя у черного зева тоннеля, он напоминал обмундированного буддистского монаха, которого через несколько минут должны будут замуровать в его отшельнической пещере. — И пусть никто не сомневается, что воля Германии — именно такова!

6

У дота, который прикрывал переход к центральной штольне, коменданта встретили офицер СС и фельдфебель вермахта.

— Господин бригаденфюрер СС, позвольте представиться: гауптштурмфюрер СС Штубер, назначенный по приказу обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера начальником отдела СД и службы внутренней безопасности «Регенвурмлагеря».

— А вот, наконец, и вы барон, — хрипловато обрадовался ему комендант. — Что-то долговато добирались до наших катакомб.

— Назначен был давно, однако прибыть в «Регенвурмлагер» приказано было сегодня, — спокойно объяснил Штубер.

Фон Риттеру уже давно было известно об этом назначении. Как знал он и то, что длительное время барон фон Штубер, вместе со своим антипартизанским диверсионным отрядом «Рыцари рейха», служил на Украине, где прославился своей храбростью и знанием психологии русского солдата.

— Очевидно, сами напросились на службу к нам, а, барон?

— Терпеть не могу подземелий.

— Приходилось бывать в них? — удивился фон Риттер. — Где это вас угораздило?

— Не бывать, а штурмовать. На Украине, еще в сорок первом, Могилёвско-Ямпольский укрепрайон по Днестру, осколок бывшей «Сталинской линии».

— «Сталинской», значит, — кивнул фон Риттер, о такой линии он действительно слышал. — Но ведь утверждали, что русские сами взорвали ее, еще до начала войны.

— Эту часть оставили.

— Странно. И что же она собой представляла?

— Систему мощных двухъярусных дотов, каждый из которых был оснащен двумя орудиями и тремя пулеметами, а также имел свой колодец, электродвижок, химическую защиту и все прочее, полагающееся при длительной обороне в окружении противника.

— А подземные ходы сообщений, соединяющие дот с дотом?

— Не предусматривались. К счастью тех, кто их штурмовал. Даже надежной полевой системы обороны этот укрепрайон не имел

Комендант «Регенвурмлагеря» скептически передернул щекой и презрительно процедил:

— Ну что вы хотите: русские. Каждый дот в отдельности, без ходов сообщения и без окопов прикрытия. Русские и в этом поленились. И как долго продержался этот укрепрайон?

— На вторые сутки гарнизоны большинства дотов сдались. Только один сражался недели две, остатки его гарнизона пришлось замуровать живьем: чтобы не потерять своих солдат и продемонстрировать силу мести.

— Правильное решение, — признал фон Риттер, немного поколебавшись. — Хотя коменданту этого дота, учитывая его исключительное мужество, можно было бы предложить почетный плен.

— Именно это я ему и предлагал. И даже офицерский чин в войсках вермахта.

— Но он предпочел смерть...

— Нет, ему удалось спастись. Пробраться через стенку нижнего яруса дота в карстовую пещеру и выбраться на поверхность километра за три от дота. Затем он возглавил партизанскую группу и противостоял моим «рыцарям рейха», или как мы еще называли себя в Украине, — «рыцарям Черного леса». Это лейтенант Громов, в Украине он был известен в основном под кличкой «Беркут», по кодовому наименованию дота, в котором держал оборону.

Фон Риттер уважительно помолчал. Штубер не был близко знаком с этим человеком и не знал, что барон фон Риттер обожал всевозможные военно-армейские истории и буквально коллекционировал их.

— Хотите сказать, Штубер, что он до сих пор жив?

— Вполне допускаю. Он был пленен, однако по дороге в Германию бежал из эшелона где-то на территории Польши. По некоторым донесениям, человек с его диверсионнопартизанским почерком все еще находится в Польше, то есть где-то недалеко отсюда.

— Будет время, обязательно расскажете о нем поподробнее, фон Штубер. Люблю выслушивать такие истории по вечерам, за рюмкой коньяку, сидя у камина.

— Если бы вы позволили мне прихватить с собой десяток парней и на несколько дней отлучиться, я, возможно, даже привез бы вам Беркута в живом виде. Тогда у нас было бы много вечеров у камина, поскольку историй из его походов хватало бы надолго. Тем более что Беркут отменно владеет германским.

— Почему же тогда вы допустили, чтобы такого парня везли в Германию в общем, грузовом вагоне, со стадом других заключенных?

Этого вопроса Штубер всегда опасался. Он действительно прозевал Беркута, это была его, и только его, вина. Хотя Штубер и боялся признаться себе в этом.

— Слишком поздно узнал, что он в плену, — ответил он, поморщившись и пожевывая нижнюю губу. — Слишком поздно удалось установить, что один из захваченных в плен партизан действительно является Беркутом, поскольку существовал еще и партизан, который выдавал себя за Беркута, купаясь в лучах его славы, и даже немного был похож на него. Но это уже другая история, для другого вечера у камина.

— И ее тоже послушаем, — оценивающим взглядом окинул бригаденфюрер СС крепкую, мускулистую фигуру этого смуглолицего полуарийца.

Барон фон Риттер уже отметил про себя, что парень этот, с широкими, слегка обвисающими, как у самого Скорцени, плечами, действительно способен производить впечатление. Во всяком случае, от него веяло безудержной какой-то силой и внутренней уверенностью в своем призвании и в своей судьбе.

— Я так понимаю, что долго вы у нас, барон, не задержитесь, — с легкой досадой проговорил фон Риттер. — Не думаю, чтобы Скорцени отказался от помощи таких гренадеров, как вы и ваш фельдфебель.

— Фельдфебель Зебольд, именуемый у нас «Вечным Фельдфебелем».

— «Вечный Фельдфебель», говорите? Понятно. Кстати, мне сказали, что вместе с вами прибыло еще два десятка ваших «вечных фельдфебелей».

— Так оно и есть. Только мы называем их «фридентальскими коршунами». Вечный Фельдфебель у нас один, и он — перед вами.

— Что намереваетесь делать прежде всего?

— Нам приказано наладить внутреннюю службу безопасности «СС-Франконии», создать здесь полноценное отделение СД и совместно с подразделениями дивизии «Мертвая голова» провести несколько рейдов по окрестным лесам и селам.

— В Берлине нам сказали, что вы привезли с собой и какого-то славянина-скульптора, — вмешался в их разговор адъютант коменданта. — Это действительно так?

— Он ожидает нашего решения в аэродромной машине, которая доставила нас сюда. Причем это не просто скульптор, а специалист по скульптурным «Распятиям». Выдающийся специалист по «распятиям», которого мы сами в свое время распинали.

— Неужели... распинали?! — не поверил Удо Вольраб.

— Обошлось, правда, без гвоздей, ограничились проволокой. Зато на кресте, как полагается. Дабы этот творец по-настоящему прочувствовал, вошел в образ, проникся философией и психологией мессии-мученика.

— Все-таки психологией? — едва заметно ухмыльнулся фон Риттер, вспомнив о том, что своими научными изысканиями барон занимается давно и настолько усердно, что его труды уже печатают в научных сборниках.

— К тому же, сам этот скульптор, в миру именуемый «Отшельником», оказался еще и недоученным православным священником.

— А вот это уже существенно! — оживился фон Риттер. — Как только прибудем в штаб «СС-Франконии», поставьте его передо мной. Скульптор, священник, солдат, славянин, пленный, распятый, загнанный в подземелье... С таким экземпляром есть о чем поговорить.

— Кстати, он тоже лично знал Беркута, и незадолго до осады дота Отшельник умудрился побывать в доте «Беркут», медсестрой в котором служила его любимая девушка.

— А вы, фон Штубер, вместо того чтобы увековечить этот «укрепрайонный треугольник» в лучшем фронтовом романе двадцатого столетия, до сих пор балуетесь статьями о психологии русского солдата.

Гауптштурмфюрер по-философски вздохнул, мол, что поделаешь, каждому свое.

— ...Хотя в принципе, человеку, далекому от науки, даже трудно представить себе, какое великое множество научного материала дает человечеству эта война, какие анналы она открывает в психологии, философии и даже в физиологии человека.

— Значит, можно не сомневаться, что в скором времени мы действительно увидим книгу «выдающегося психолога войны» барона фон Штубера, а также узнаем о присвоении ему ученой степени доктора наук?

— Если только война и прочие обстоятельства позволят ему эти ученые вольности, — заметил Штубер.

— Позволят. Теперь вам уже ничто не мешает.

— Кроме случайной пули, — вернул его к реалиям войны фон Штубер.

— Это уж само собой, — развел руками фон Риттер.

— И позволю себе напомнить о моей просьбе.

— Какой еще просьбе? — непонимающе отшатнулся комендант «СС-Франконии».

— Предоставить мне возможность выехать на охоту на Беркута в район Малопопыпи [\[11\]](#).

— А что, над этим следует подумать, — не стал разочаровывать его отказом фон Риттер.

— Буду весьма признателен.

— Но обратите внимание, барон, что здесь, в подземельях «Регенвурмлагеря», рождается новая философия и психология бытия, новый тип человечества, а возможно, и новая земная...

— Точнее будет сказать, подземная...

— ...Но все же цивилизация!

— Ну, говорить о гарнизоне «СС-Франконии» как о зарождающейся цивилизации, наверное, слишком смело...

— ...Поэтому, — не внял голосу его сомнений барон фон Риттер, — экспериментального человеческого материала у вас будет предостаточно. Причем материала, похлеще истории с Беркутом.

«Экспериментального человеческого материала» — врезалось в сознание Штубера. А что, подобного «экспериментального, человеческого...» теперь, во время войны, у него действительно хватало, причем некоторые экземпляры способны были поразить удивительнейшими сюжетами своего бытия кого угодно.

К такому «материалу», несомненно, принадлежал и некий самородок, бывший красноармеец и семинарист, а еще — резчик по дереву, иконописец и скульптор Орест Гордаш, с которым Штубер познакомился еще там, в оккупированной Украине. Такие судьбы, несомненно, составляли украшение его коллекции. Барон был доволен тем, что знакомство с Гордашем, больше известным ему под прозвищем Отшельник, затянулось достаточно долго, чтобы «поработать с ним еще и здесь, в подземельях «Регенвурмлагеря».

— Будете погружаться в «Регенвурмлагерь» вместе со мной? — поинтересовался бригаденфюрер, и Штубера удивило, что фон Риттер не приказал следовать за ним, а решил выяснить его намерения.

— Хотел бы немного полюбоваться окрестностями, а заодно ознакомиться со степенью маскировки лагеря.

— Тогда, прежде чем отпустить аэродромную машину, прикажите водителю доставить вас к цепочке лесных озер, что в двух километрах отсюда. Через полтора часа наши люди подберут вас.

7

В ожидании людей коменданта Штубер несколько минут осматривал поросшие ивами берега лесного озера, с искусно насаженными кустарниками на искусственных островках, в основании каждого из которых находился небольшой, соединяющийся с «Регенвурмлагерем» дот.

Присев на корточки, он с философским глубокомыслием созерцал невидимый с берега водопад, зарождавшийся в едва выступающей над поверхностью бетонной шахте. Куда потом уходили эти мощные потоки воды, что они в глубине подземелья вращали или охлаждали и, вообще, для каких нужд использовались — об этом можно было судить с той же достоверностью, с какой судят о мифических подземных «реках смерти».

— Я понимаю, что по своей гнусной привычке вы, Зебольд, станете оспаривать мое утверждение. Тем не менее смею утверждать: то, что предстает сейчас перед нами, — уже нечто выходящее за рамки войны. То ли каналы на Марсе, то ли базальтовые дворцы на Венере или что-то в этом роде...

— Словом, и на сей раз «нам не дано постичь», как изрекает в подобных случаях наш великий Магистр, — проворчал фельдфебель.

Последние несколько дней фельдфебель Зебольд оставался мрачным, как Отелло накануне мести. Вот

уже в третий раз ему было отказано в присвоении чина лейтенант. То образованием не вышел, то заслугами не впечатлил, и вообще, дескать, по природе своей человек может быть или фельдфебелем, или офицером; ни о каком соединении этих качеств и свойств не может быть и речи.

Собственно, Зебольду не то, чтобы отказывали, а просто всякий раз на какой-то ступени штабной иерархии стремление Штубера возвести своего «Вечного Фельдфебеля» — как уже язвили по этому поводу в группе «Рыцари рейха» — в офицерское достоинство почему-то странным образом не срабатывало. Месяц назад Зебольда уже даже поздравили со «снисхождением к нему мечты». Тем горче оказалась пилюля, преподнесенная ему одним из берлинских штабистов: оказывается, нельзя полагаться ни на какие заверения штабных писарей, ни на какие другие свидетельства причастности к офицерскому сонму, кроме одного — приказа. Которого так и не последовало.

— ...Во всяком случае, не дано постичь настолько, насколько мы с вами, исключительно по недоразумению уцелевшие в украинских лесах, по-настоящему способны постичь все это. Проиграв сражение за жизненное пространство на полях Украины, мы вынуждены добывать его в подболотных недрах Ляхистана.

— Так мы где это, в Польше? — как бы про себя удивился стоявший чуть в стороне Отшельник. За те дни, что прошли после распытия, его успели немного подлечить, и теперь он выглядел вполне пригодным и к дальнейшим экспериментам, и к творчеству.

— Извините, великий зодчий «СС-Франконии», но в Берлин вас доставят чуть позже. Впрочем, к чему вам познавать архитектуру погрязшей в войне, испепеленной Германии, если у ваших ног —

«Регенвурмлагерь». И вы — первый в ее истории скульптор, первый истинный творец.

— Хоть в чем-то первый! — благодушно проворчал Отшельник.

— Правда, до вашего появления там успели наследить некие бездари, не познавшие не только святости искусства, но и искушения распятием. Но что поделаешь: к величию искусства истинным мастерам всегда приходится пробиваться через негодующую толпу бездарей, костры инквизиции и распятия на крестах завистников.

— Тем более что постичь сущность искусства, не побывав на Голгофе, невозможно, — неожиданно добавил Лансберг.

Штубер осекся на полуслове, удивленно оглянулся и, умиленно уставившись на Магистра, поучительно ткнул пальцем в его сторону:

— Вот она, истина, глаголющая устами мудрейшего из нас! Невозможно постичь глубинную суть искусства, не постигнув сути собственного восхождения на Голгофу. Только пройдя через все мучения, только исстрадавшись, только уверовав в собственное бессмертие... Однако мы с вами, кажется, увлеклись, — жестко и безжалостно прервал себя Штубер, словно и в самом деле сам себе наступил на горло.

Часть замаскированной дерном бетонной площадки, расположенной почти у самого ствола водопада, вдруг с лязгом опустилась, и удивленным взорам прищельцев открылся мрачный сырой туннель, изрыгнувший на них терпкий дух болотной тины, прелой хвои и круто замешанной на пороховой гари казематной смрадности.

Отшельник съежился и даже присел от удивления, наблюдая, как из преисподней «Регенвурмлагеря» появляется массивная шлемоподобная лысина какого-то эсэсовца. Все, что происходило с ним сегодня, здесь, на этом лесном озере, Отшельник воспринимал то ли как

предсмертный сон, то ли как странный спектакль, великодушно разыгрывавшийся в его честь, ради его ублажения и на его же могильной плите.

— Господин бригаденфюрер СС, каждое появление ваше — незабываемо.

Вслед за комендантом, держа в руке его фуражку, явился миру адъютант, однако бригаденфюрер предпочел не надевать ее. Барон так и предстал перед Штубером, словно идол азиатских степей, на которого эсэсовский мундир был навешан лишь в издевку над стараниями сотворившего его древнего мастера.

— Ну и как вам красоты наших озер, барон? — спросил комендант, за которым из подземелья неспешно выбирались его личные телохранители.

— Как вы понимаете, я должен прочувствовать не только атмосферу чистилища, именуемого «Регенвурмлагерем», но и... — хищновато ухмыльнулся Штубер, описывая руками два полукруга и таким образом давая бригаденфюреру понять, что его заявление относительно «прибытия в распоряжение» не следует воспринимать слишком буквально. До сих пор он, «величайший психолог войны», всегда был предоставлен в распоряжение только самого себя и собственных идей.

— ...И что еще? — холодно поинтересовался комендант «СС-Франконии».

— Цену отречения от этого мира, господин бригаденфюрер. Чтобы затем лучше познать цену возвращения в него.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— «Познавать цену возвращения»? И потом... Возвращения куда? — басисто прохрипел комендант, с воинственным остервенением окинув взглядом окрестности искусственного островка.

Азиатский прищур глаз его стал еще более свирепым, лицо превратилось в маску презрения, а рука вцепилась в кобуру. Подземелье, судя по всему, совершенно не угнетало барона, а пейзаж, открывавшийся ему по ту сторону лесной заводи, не вызвал ни к каким ностальгическим чувствам землянина.

И Штубер вдруг открыл для себя, что по существу перед ним уже стоят особи, зарождающие совершенно новую популяцию человекоподобных, новую цивилизацию. Одной из особенностей их менталитета будет полное пренебрежение к истории и достижениям всех наземных народов, в том числе и германского, их породившего.

— Я предполагал, что встречу с военным комендантом, а не со странствующим философом. Тем заманчивее погрузиться в философию нашего бытия.

— Погружаться вам, гауптштурмфюрер, придется в пока еще мало приспособленную к нормальной человеческой жизни «СС-Франконию», с бытием в которой следует смиряться с той же аскетической отрешенностью, с какой смиряются с кельей затворника. Вы уверены, что готовы к этому?

— А вы уверены, что к этому готова ваша «СС-Франкония»?

— Наша с вами «СС-Франкония», — сурово уточнил бригаденфюрер, делая ударение на слове «наша», и только теперь взяв у адъютанта свою генеральскую, с непомерно высокой тульей, фуражку, победно водрузил ее на увядающую желтизну своего черепа. — Но суть не в тонкостях дипломатии. Сейчас мы должны спросить себя, готова ли к этому Германия. А то ведь когда речь заходит о деньгах, оборудовании и рабочей силе, многие здесь, наверху, предпочитают делать вид, будто понятия не имеют, о каком грандиозном проекте фюрера идет речь. И потом, не так уж много находится

воинов СС, готовых заживо погребать себя в штольнях «Регенвурмлагеря». Но их приходится принуждать, жестко и жестоко принуждать. Это обстоятельство вас как «психолога войны» не интригует?

Снисходительно ухмыльнувшись в ответ, Штубер дал понять, что в мире существуют вещи, способные заинтриговать его с куда большей силой, нежели упрямое желание воинов СС уходить в землю после гибели, а не задолго до нее, и перевел взгляд на терпеливо дожидавшегося своего часа Отшельника.

— Перед вами, господин бригаденфюрер, редкий экземпляр человека не только подготовленного к загробности существования «СС-Франконии», но и стремящегося к ней.

— Вот как?! — Фон Риттер с нескрываемым интересом осмотрел гигантскую, облаченную в довольно странное, полувоенного покроя, обмундирование, фигуру Ореста Гордаша...

Ни германского, ни советского мундира, способного охватить его мощные, безмерные тела, под рукой у Штубера не оказалось, и он приказал портным из ближайшего лагеря военнопленных в течение одной ночи перед вылетом сотворить «нечто достойное самого этого «скульптора-христосотворителя». А уж они постарались. И не беда, что наряд Гордаша представлял собой нечто усредненное между советской гимнастеркой, германским френчем и русской косовороткой, накладные карманы на которой поражали своими размерами и неуклюжестью.

Увлечшись созерцанием этого экземпляра новоявленного поселенца, фон Риттер даже обошел вокруг него, высоко задрав голову, не отводя взгляда и настороженно, словно карлик, наткнувшийся на идола-великана, подступаясь к нему.

— Но ведь он не ариец! — с явным сожалением упрекнул бригаденфюрер СС Штубера.

— И, понятное дело, не принадлежит к ордену СС. Но обладает удивительной способностью сотворять «распятия» и... возводить виселицы.

Услышав о виселицах, фон Риттер вновь, теперь уже с опасливым уважением, словно на палача, взглянул на Отшельника.

— Ну, виселицы нам вряд ли понадобятся. Обходимся с помощью крематория, а вот что касается «распятий»... То именно ими вам и придется заняться, господин гауптштурмфюрер, «величайший из психологов войны», как — или приблизительно так — представил вас Отто Скорцени. Но для начала познакомьтесь с унтерштурмфюрером Крайзом.

— Фризским Чудовищем? В общих чертах мы уже...

— Только пройдя через знакомство с этим исчадием «Регенвурмлагеря», — перебил его бригаденфюрер, — вы поймете, какую цивилизацию мы здесь, — ткнул пальцем в сторону входного люка, — пытаемся зародить.

— Ну, относительно зарождения цивилизации у меня возникла более оригинальная идея.

— Все идеи, которые зарождаются в подземельях этого секретного лагеря СС, представляются там, наверху, более чем оригинальными, но слишком уж странными.

— Кстати, пока мы окончательно не осели в подземельях «Регенвурмлагеря»... Говорят, где-то рядом есть и довольно большое, удивительной красоты, озеро, с островом посередине, на котором стоит рыбацкая хижина. Убедительно прошу перебросить нас туда.

— С каких пор вас потянуло на красивые лесные озера и охотничьи хижины, Штубер?

— Хочу, чтобы в свободное от «распинательства» время Отшельник создал несколько полотен, связанных с озерными пейзажами. На них уже поступил заказ от

одного известного промышленника и столь же известного коллекционера.

— Уж не стальной ли магнат Фридрих Флик решил расщедриться на гонорар вашему художнику?

— Если сочтет, что работы стоят того, — не стал утруждать себя отрицанием барон фон Штубер.

— Солидный коллекционер. С некоторой частью его коллекции мне посчастливилось ознакомиться.

— Заодно покажу эти работы экспертам, которые способны оценить уровень таланта нашего, пока еще непризнанного, гения.

— В таком случае, — молвил фон Риттер, демонстрируя свое желание вновь исчезнуть в подземелье, — мой адъютант обеспечит машину, которая доставит вас к Озеру Крестоносцев, как называет его один из местных краеведов.

8

Отшельник задумчиво сидел у окна, в тесной флигельной комнатушке бревенчатого коттеджа, по архитектуре своей мало напоминающего традиционный охотничий домик и расположенного на романтическом островке посреди мрачноватого лесного озера Кшива.

В шагах десяти от открывавшегося Оресту крылечного уголка зеленел сочный травянистый берег, а по ту сторону небольшой озерной глади, в миниатюрной, окаймленной соснами и гранитными валунами заводи, притаилась стайка рыбацких челнов, на одном из которых старый поляк-перевозчик и доставил его сюда вместе с бароном фон Штубером.

Отшельник представления не имел, зачем его сюда привезли, куда девался его «покровитель» и как может

сложиться на этом клочке суши его судьба. Впрочем, сейчас Отшельник над этим и не задумывался. Он соскучился по работе. Его руки, его глаза, его томящаяся фантазия и не менее томящаяся душа — все требовало сейчас какого-то образного порыва и великомученического творческого исхода.

Его, сына «богоизбранного богомаза» Мечислава Гордаша, выросшего в святости иконописи, вдруг тягостно повлекло к стенам расположенной на берегу Черного моря духовной семинарии....В те, все еще памятные, дни, когда, устав от доносов святых отцов-преподавателей, заявлявших, что ни в познании библейском, ни в мирском послушании семинарист Гордаш не усердствует, ректор-архимандрит призвал его к себе в личные покои.

К тому времени архимандрит уже знал, что при первой же возможности сын богомаза забывает об учении и усердно лепит что-нибудь из податливой прибрежной глины; вырезает из мягких липовых веток каких-то «человечков-анафемчиков» или же, к неопишуемому ужасу доносчиков, рисует «неканонические» иконки. Эти-то иконки как раз интересовали архимандрита более всего остального. В них заключался весь его, и тоже далеко не канонический, интерес.

С помощью своего знакомца-кагебешника он уже успел выяснить, что «натурой» для его «Святой Девы Марии Подольской» служила фотография медсестры Марии Кристич, землячки Ореста, дед и прадед которой тоже были священниками. То что «натура» происходила из семьи священников, каким-то образом облагораживало ее, и даже канонизировало сами иконки. Впрочем, архимандрита это уже не интересовало. Ему нужны были иконы: много икон «Святой Девы Марии Подольской» и копии работ некоторых старинных иконописцев. Поэтому, простив

Оресту его «семинаристскую лень и всевозможные недостойные занятия», ректор-архимандрит поселил его на квартиру «долгодевствующей» дочери погибшего в коммунистическом концлагере священника.

Отшельнику не понадобилось много времени и фантазии, чтобы понять, что ложе с ним «долгодевствующая» Софочка делила с такой же страстностью, как и с самим архимандритом. Но это его не огорчило. Тем более что Софья сама ему в этом призналась.

Отшельник до сих пор помнил, как, ложась с ним впервые в постель, эта «православнокрещенная полуеврейка-полуполька» назидательно поучала его:

«Запомните, Орест: истинные священные девы — не те, на коих вы молитесь в храмах, а те, на которых вы молитесь в постели. Ибо постель — и есть тот священный храм, в лоне которого зарождается все наше греховнопадшее человечество!»

Эти-то слова он как раз и запомнил лучше какого бы то ни было библейского канона. А когда Орест высказал опасение, что, узнав об их постельной связи, архимандрит может приревновать его, Софочка не менее назидательно изрекла: «Что вы, Орест! Архимандрит понимает, что вы — талантливый мастер. А талантливому мастеру всегда нужны деньги и женщины, причем сейчас, всегда и сразу, чтобы он никогда понапрасну не отвлекался на поиски одного и другого! Так могу ли я не стараться во имя такого мастера? Тем более что значительная часть тех больших денег, которые он получает за ваши иконы, так или иначе оседает в этом вот, в моем то есть, доме. Я не слишком откровенна с вами, мой канонически непоколебимый мастер Орест?»

Софа и сама была достойна кисти любого из великих мастеров. Ее лицо совершенно естественно

вписывалось в те иудейские формы ликов, которыми были отмечены работы раннехристианской иконописной школы. Отшельник так до сих пор и не смог объяснить себе, почему же так и не «срисовал» Софочкин лик хотя бы на одну из икон. Почему он не сделал этого, хотя бы из чувства признательности Софье? Почему на всех его работах по-прежнему «проявлялась» смуглолицая, темноглазая, с выразительными чувственными губами и высокой шеей подольская красавица Мария Кристич, в которую Орест был давно и безнадежно влюблен?

Однако не повезло только лику Софьи. Что же касается ее «бренных телес», то Отшельник рисовал их с тем же упоением, с каким упивался ими во внебрачном, «архимандритском», как он его называл, ложе. Несколько картин которых Софочка продала своим богатым знакомым за большие деньги, тем и отмечены были, что оголенная женщина на них соединяла в себе лик «Девы Марии Подольской» с «бренными телесами» Софьи. Причем никаких вопросов такое соединение у нее не вызывало.

Эта «долгодевуствующая» двадцатисемилетняя девица и в самом деле была создана для того, чтобы украсить жизнь какого-то мастера резца или кисти: гибкая, понятливая, ненавязчивая, она была идеально подготовлена к обыденной жизни, причем даже такой морально растерзанной, каковой была жизнь всякого советского художника. И в постели она не просто отдавалась, а священнодействовала, всякий раз ритуально принося свое тело на жертвенник, если уж не искренней любви, то, по крайней мере, вполне искренней страсти.

— Я могу выйти хотя бы на крыльцо? — по-немецки спросил Гордаш часового, дремавшего на лавке в конце небольшого коридора.

Прежде чем ответить, диверсант-эсэсовец с нескрываемым любопытством осмотрел этого могучего,

почти двухметрового роста парня, которым его шеф, гауптштурмфюрер, так дорожил и с которым уже якобы захотели встретиться и Скорцени, и сам рейхсфюрер СС Гиммлер. Огромная, резко выпяченная, похожая на рыцарскую кирасу грудь; необычные какие-то, воистину неохватной ширины, плечи; огромная, почти квадратная, по-медвежьи посаженная прямо на туловище голова; непомерно длинные и столь же непомерно толстые в кисти руки... Все это делало Отшельника похожим то ли на какого-то реликтового предчеловека, то ли на бродячего циркового борца в расцвете сил.

— Барон приказал позволять вам все, что заблагорассудится, — неожиданно ответил часовой, входивший, как понял Гордаш, в диверсионный отряд Штубера. — Стрелять велено только в том случае, если вы решитесь вплавь уйти с острова.

Отшельник пошел прямо на часового, так что тот — и сам не из «мелких» — вынужден был прижаться к стене и с улыбкой восхищения пропустить его.

— Не собираюсь я вплавь, — трубным, архиерейским басом заверил его пленный.

— Благоразумно, — признал тот. — И Штубер прав: природа здесь прекрасная.

И вновь, почти с восхищением, осмотрел гориллоподобную фигуру Гордаша, облаченную в серые «пехотные» брюки, германский морской китель и легкий авиационный комбинезон да обутую в итальянские ботинки. С первого взгляда становилось ясно, что одевали этого парня, как могли, — из всего, что соответствовало его размерам, что только удавалось найти.

— Пожить бы здесь, — мечтательно согласился с ним Орест.

— Для художника и скульптора такой островок — сущий рай, — приучался штурмманн воспринимать

Отшельника глазами гауптштурмфюрера Штубера, который умел ценить настоящих мастеров, независимо от того, в каком искусстве или каком ремесле они себя проявляли.

— И я — о том же, — неохотно продолжил разговор Отшельник, с наслаждением вдыхая напоенный озерной влагой и сосновым духом воздух.

— Только что поделаешь, война!

Роттенфюрер понимающе ухмыльнулся, но приставать к этому гиганту с расспросами и уговорами не стал. Он прекрасно знал, что завербовать этого сильного и мужественного человека не удалось даже «великому психологу войны» Штуберу; что пугать смертью этого человека уже бессмысленно, он давно готов к ней, и что фашистов он ненавидит еще яростнее, чем всю свою жизнь ненавидел коммунистов.

...Нет, никакого особого чувства к Софочке новоявленный иконописец тогда не проявлял. Впрочем, «долгодевствующая» полуполька-полуеврейка и не требовала какого-то нежного отношения к себе. Но теперь Отшельник почему-то все чаще вспоминал именно ее, причем воспоминания эти были доверчиво-трогательными и сексуальноизысканными. Тогда, во время сожителства с Софочкой, Орест и предположить не мог, что когда-нибудь с такой тоской будет вспоминать ее упругую грудь, ее точеные, цвета слоновьей кости, бедра, ее миниатюрные — икры «бутылочками» — ножки. Что ему так часто станут сниться вечно стремящиеся к поцелую, чувственные губы и пылкие, неукротимые объятия «долгодевствующей».

А как много узнал он от этой начитанной женщины о «бытии в искусстве» великих мастеров кисти и резца, талантливых иконописцев и не менее талантливых литераторов — Микеланджело, Тициана, Врубеля, Родена, Ван Гога, Петrarки...

Как настойчиво вырывала его Софочка из его полумонашеской кельи-мастерской, чтобы затащить в Художественный музей, на выставку современных живописцев или на лекцию по искусству церковной живописи Средневековья. При этом женщина сама навязчиво представляла его каждому, кто в этом городе хоть как-то был связан с искусством, и гордилась своим Отшельником так, словно он и сам являлся величайшим творением искусства.

Лишь теперь, несколько лет спустя, Орест начал по-настоящему понимать, сколь основательно готовила его Софья Жерницкая к способу жизни художника, мастера, жизни «человека от богемы». И при этом следила, чтобы богемность его проявлялась в таланте и способе творческой жизни, а не в пьяных загулах и прочих «великих пороках... великих».

«Вся ваша порочность, — мило, на французский манер грассируя, наставляла его Софья, — должна проявляться в постели, и только в постели. Только здесь, в моей постели, вам позволено возноситься до сексуального зверствования и опускаться до сексуальной святости. И ради бога, не стесняйтесь ни меня, ни себя, держитесь настолько раскованнее, насколько вам это приятно, — страстно шептала она ему на ушко, нежно поводя кончиком языка по мочке. — А главное, не забывайте подбадривать себя и меня простыми, народными выражениями. В этой богоизбранной постели вы познаете такое блаженство, что никаким небесным раем, — слово «рай» оставалось одним из немногих, которые она выговаривала без французского грассирования, — вас уже не заманишь».

И сама тут же принималась поражать его «народностью» тех выражений, которые нашептывала ему на ухо во время любовного экстаза.

Так происходило и в ее девичьей постели, и во флигеле, который стал его мастерской, и в море, куда

они бегали купаться при свете луны...

Только теперь, пройдя через дантовы круги военного ада, Орест понял, что эта женщина помогла ему сотворить целый мир, который уже давно предстает в его воспоминаниях в виде полуразвеявшихся грез.

9

В Рыцарский зал фюрер вошел лишь в сопровождении начальника личной охраны Раттенхубера и адъютанта Шауба. Однако это уже было не то решительное вхождение, которым он обычно наэлектризовывал зал, прежде чем достигал своего тронного кресла.

Не обращая никакого внимания на приветственно поднявшихся адептов Ордена СС, фюрер теперь прошел к нему шаркающей походкой старого, смертельно усталого крестьянина, неуверенно ступающего по свежей осенней пахоте. Посеять он еще, возможно, успеет, а вот дожждаться весенних всходов — вряд ли!

— Наше движение вступает в иную, совершенно новую фазу борьбы, — глуховатым, дрожащим голосом произнес Гитлер, краем глаза наблюдая, как Шауб отдергивает черную бархатную штору, которой была задернута огромная настенная карта рейха. — В ту решительную фазу, которая должна показать всему миру, что наша германская нация, наша арийская раса способна противостоять вражеским ордам не только в период военных удач, но и в то страшное время, когда рейх оказался в плотном кольце неисчислимых фаланг.

Выдерживая паузу, фюрер медленно обводил присутствующих таким испепеляющим взглядом,

словно эти орды уже подступали к его тронному креслу. Однако сегодня Скорцени не чувствовал ни силы этого взгляда фюрера, ни силы его слова. Что-то у Гитлера не ладилось сегодня, он напоминал обер-диверсанту артиста, который пытался играть сложную психологическую роль, не обладая для этого ни внутренним пониманием самой роли, ни творческим вдохновением.

Боковым зрением обер-диверсант взглянул на сидевшего справа от фюрера Генриха Гиммлера. Тот смотрел в какую-то точку на стене и взгляд его точно так же ничего не выражал, как и бесцветная речь вождя рейха.

— ...Но я хочу напомнить всем им, — Гитлер движением руки указал куда-то в сторону своего портрета, — непреложный закон природы: если государство, которое в век загрязнения рас уделяет внимание уходу за своими лучшими расовыми элементами, однажды должно стать властелином Земли. И пусть наши враги знают, что там, где есть мы, уже нет места никому другому. В своей борьбе мы должны постоянно учитывать слабости и звериные черты человеческой натуры, используя которые, сумеем разорвать неестественный союз коммунистов и западных демократий, мира социализма и капиталистического мира, сотворенного обществами США, Англии и других стран^[12].

Скорцени взглянул на небольшой закрытый выступ, нависающий над боковой стеной, слева от фюрера. Судя по описанию, именно там должна скрываться закрытая, тайная галерея, в которой восседали сейчас двойник Гитлера унтерштурмфюрер Зомбарт, по кличке «Великий Зомби», и оберштурмбаннфюрер Грегори Вольт. Хотел бы он сейчас видеть, как Великий Зомби

воспринимает эту речь фюрера, как «впитывает» в себя слова, манеры и жесты вождя, как входит в роль.

Обер-диверсант рейха вспомнил предложение Вольта сыграть «пьесу» об инспекционной поездке лжефюрера в «СС-Франконию» и вновь утвердился в мысли, что такая поездка не помешала бы им всем, и Великому Зомби, и Вольту, и, конечно же, ему, Отто Скорцени. Это — как для артиллеристов пристрелка перед огневым налетом. Конечно, было бы очень лихо, если бы сейчас перед адептами Ордена СС выступал не фюрер, а Великий Зомби.

«Не зарывайся, не зарывайся! — тотчас же охладил себя Скорцени. — Учитывай роковые ошибки предшественников!»

— ...Я собрал вас в этом ритуальном зале «Вебельсберга», — предавался своим духовным экзальтациям фюрер, — чтобы обсудить положение на фронтах и выработать общую стратегию нашей борьбы. Не исключено, что через несколько месяцев русские войска приблизятся к Одру. — Гитлер поднялся, подошел к карте и, испытывая терпение адептов С С, долго, томительно искал эту пограничную реку, сначала перепутав его с Эльбой, а затем почему-то метнувшись к Висле. — Именно здесь, на этой реке, на священных рубежах германцев должны нанести им такие потери, при которых сама мысль о наступлении на Берлин покажется им абсурдной. «Восточный вал», мощный «Восточный вал», соединяющий в себе несокрушимую систему наземных дотов и прочих полевых укреплений — с подземным оборонным районом «СС-Франкония»...

Еще минут десять Гитлер убеждал своих соратников в необходимости создания такого оборонного рубежа, преодолеть который русские уже не смогут. Именно он послужит Рубиконом, на берегах которого германская армия повернет дивизии большевиков вспять. Однако Скорцени чувствовал, что ни одного из присутствующих

речь эта так и не зажгла. Иное дело, что все они сумеречно молчали, думая каждый о чем-то своем.

— Скорцени!

— Я, мой фюрер.

— Комендантом «СС-Франконии» недавно назначен бригаденфюрер фон Риттер. — Скорцени это было известно, поэтому он вежливо промолчал. Он терпеть не мог, когда в разговоре с фюрером, как, впрочем, и с ним самим, кто-либо пытался «словесно суесться», стремясь то ли предугадать смысл того, что ему надлежит услышать, то ли признать вину еще до того, как его в чем-либо обвинили.

— Вы побываете на этой подземной базе СС и проинспектируете ее, как подземный укрепленный район. Готов ли он к обороне? Следует ли использовать его во фронтовой обстановке или же лучше сохранить гарнизон для ведения партизанской борьбы.

— Через три дня я отбуду в «СС-Франконию», мой фюрер.

— Для меня важен взгляд диверсанта. Кстати, мне доложили, что с Восточного фронта прибыл один из ваших «фридентальских коршунов», большой специалист по методам партизанской войны...

— Очевидно, речь идет о гауптштурмфюрере фон Шту-бере.

— Именно о нем, сыне генерала фон Штубера, которого многие из нас хорошо знают.

— Гауптштурмфюрер Штубер будет включен в мою инспекционную группу, а также поможет коменданту наладить службу безопасности лагеря и подготовить базы для партизанских действий гарнизона «СС-Франконии».

— Отныне все наши тыловые силы мы обязаны нацелить на создание мощных оборонительных рубежей по Одру, в горах Чехии, в районе «Альпийской крепости» и на Рейне. Все мы должны понять, что

поражение в этой войне не может расцениваться лишь как военное поражение. Если германский народ проиграет эту войну, он тем самым докажет свою биологическую неполноценность и потеряет право на существование. Вы слышите меня: германский народ потеряет право на свое арийское величие, конец рейха будет ужасным, однако народ вполне заслужит его!

«Выигрывают битвы генералы, а проигрывают их солдаты», — вспомнился Скорцени один из постулатов черного генеральского юмора. — Переосмысливая его, можно утверждать, что вожди всегда ведут народ к победе, а посему в поражениях своих виновен сам народ».

— «Восточный вал»! Вы слышите меня, Гиммлер, «Восточный вал» — вот тот секретный подземный рубеж, который будет сковывать значительные силы русских и держать в напряжении их тылы, отвлекая от наступления на Берлин. Усиьте же гарнизон «СС-Франконии» отборными подразделениями СС, сформировав два новых полка дивизии «Мертвая голова», укрепите его оборону массой гранатометов, огнеметов и всего прочего, что так важно в ближнем бою и при организации партизанско-диверсионных рейдов. Используйте в подземельях солдат, имеющих опыт войны с партизанами в России, а также боев в крепостях, дотах и катакомбах.

— Можем ли мы снимать некоторые отборные подразделения СС с фронта, чтобы усилить гарнизон? — впервые подал голос лишь недавно назначенный командиром дивизии «Мертвая голова» бригаденфюрер СС Хельмут Беккер.

Худощавый, сутуловатый, не производивший никакого иного впечатления, кроме впечатления человека мнительного и предельно педантичного, Беккер все это время просидел с выражением вызывающего безразличия на скорбном монашеском

лице. И стоял он теперь так, как позволительно было стоять разве что школьному учителю перед отцом нерадивого школьника, но не как командиру элитной дивизии СС перед вождем нации.

— У нас некого снимать с фронта, бригаденфюрер! — резко парировал Гитлер. — Тем более — из частей СС, наиболее стойких и преданных. Все, что мы могли снять с фронтов, мы уже сняли или же потеряли на фронтах. Вы понимаете, о чем я говорю, Беккер?

— Понимаю, мой фюрер.

— Единственное, что я вам могу позволить, так это при помощи воспитанников «Фридентальских курсов» Скорцени создать «школу СС Мертвая голова», которая бы готовила молодое пополнение, призванное из стай «Гитлерюгенда», а также набранное из военных госпиталей. Это должна быть школа, в которой инструктора готовили бы унтер-офицеров для службы не просто в подразделениях «Мертвой головы», но именно в тех подразделениях, которые составят основу гарнизона «СС-Франконии». Как вы понимаете, выпускники этой школы должны будут прекрасно ориентироваться в подземных лабиринтах, знать техническое оснащение базы, и психологически быть готовыми вести длительные оборонные бои в ее подземельях. Вы слышите меня: самые длительные, ожесточенные бои, без права на отступление, без права на сдачу в плен, и даже без права оставлять подземные лабиринты этой базы СС!

— Я слышу вас, мой фюрер! — без какого либо вдохновения и энтузиазма проворковал своим тихим голосом Беккер.

— Он, видите ли, «слышит фюрера»! — подавшись к Скорцени, на ухо его проворчал бригаденфюрер Хауссер. В это же время почему-то стали обмениваться мнениями и другие участники совещания, поэтому не

бормотание «старого солдата» никто особого внимания не обратил.

— Для усиления обороны, — говорил тем временем Беккер, — нам бы следовало бы сформировать еще как минимум один противотанковый и один противовоздушный батальоны СС.

— Обсудите эти вопросы с Гиммлером, — резко прервал фюрер попытку комдива втянуть его в армейские мобилизационные дебри. — На его усмотрение.

— Этот, — повел командир дивизии «Дас рейх» подбородком в сторону Беккера, — ничего противопоставить русским не сможет. Сколько бы батальонов он еще ни сформировал, — все равно не сможет. Я, старый солдат, понимаю только так!

— Не стану возражать, господин генерал.

— И напрасно фюрер снял с этой должности обергруппенфюрера Германа Присса.

— С этим генералом СС я не знаком, — попытался отмахнуться от этих армейских сплетен Скорцени.

— Талантливый генерал, вот что я вам должен доложить, Скорцени.

— Но если фюрер все же счел необходимым отстранить его, то кто может усомниться в мудрости решений фюрера? — попытался прибегнуть обердиверсант рейха к явной демагогии.

Однако уgomониться Хауссер уже не мог.

— Тот, по крайней мере, обладал авторитетом в Берлине и способен был железной рукой наводить порядок, — постепенно взвинчивался он. — Так что в этом вопросе фюрер показался мне недалёковидным.

— Не стоит оглашать подобные упреки в адрес фюрера на таком важном собрании высших чинов СС.

— И вообще, что это за приближенная к фюреру дивизия такая, — не прислушивался к его совету

Хауссер, — в которой в течение войны сменилось пять или шесть ныне здравствующих командиров?!

— Но, возможно, в этом и заключается высшая командная мудрость: не позволять старым генералам засиживаться в своих штабах, предоставляя при этом возможность проявить себя молодым, только что возведенным в генеральские чины, комдивам?

— А как по мне, то по-настоящему формировал и готовил эту дивизию к боям только один командир — обергруппенфюрер СС Теодор Эйке^[13]. И только он один достоин был командовать такой высокородной эсэсовской частью СС.

— Вам, бригаденфюрер, как старому солдату лучше знать, — сдержанно отреагировал на его оценки Скорцени.

10

Пройдясь взглядом по последним страничкам досье, Уинстон Черчилль закрыл папку и, резким движением отодвинув ее от себя, долго массажировал дрожащими пальцами переносицу.

То, что премьер-министр только что прочел в донесениях агентов «Сикрет интеллидженс сервис», способно было потрясти воображение кого угодно, даже такого закоренелого циника, как он. В предоставленных ему генералом от разведки Альбертом О'Коннелом сводках содержались сведения о терроре, развязанном Гитлером против собственного генералитета.

Это была настоящая резня, в ходе которой «под нож» шли не только те, кто действительно имел какое-то отношение к «заговору 20 июля», но и все, кто

способен был породить хоть малейшее подозрение в предательстве или кто когда-либо вызывал у фюрера недоверие и раздражение. Хотя бы мимолетное раздражение.

Вновь взглянув на довольно пухлую папку, премьер-министр Великобритании хищно ухмыльнулся. Он явственно представил себе, с каким удовольствием агенты германского отдела военной разведки, а также агенты союзных разведок, которые делятся с Англией своими изысканиями, собирали все эти сведения. С какой мстительной благодатью замирали их сердца при прочтении каждого из этих ненавистных всякому уважающему себя англичанину, американцу или французу имен германских военных. То есть имен тех людей, которые после провала заговора жесточайшим образом казнены или еще только ждут, когда их выведут к виселичным крючьям во дворе тюрьмы Плетцензее; уже застрелены костоправами Скорцени во время подавления путча на Бендлерштрассе или же успели осчастливить самих себя выстрелом чести из личного оружия!

Причем каких имен! Не удержавшись, Черчилль резко налег на стол и, ухватив «Папку заговора» за растопыренный уголок, словно змею за хвост, осторожно потянул к себе. Открыв ее, премьер быстро пролистал подписанную начальником Западноевропейского отдела военной разведки Альбертом О'Коннелом докладную записку: чистописание генерала его уже не интересовало. Тем более что там оказалось слишком много констатации фактов и слишком мало аналитики. Непростительно мало... аналитики — вот что он вынужден будет заметить генералу О'Коннелу, при всем уважении к нему и его службе.

Зато Черчилль вновь остановил свой взгляд на предусмотрительно составленном по материалам

донесений агентов разведки «Списке лиц высшего командного состава германских Вооруженных сил, казненных, арестованных или же покончивших жизнь самоубийством в ходе ликвидации последствий покушения на Гитлера, осуществленного 20 июля 1944 года полковником графом Клаусом фон Штауффенбергом».

— Могли бы озаглавить все это проще, баснописцы чертовы! — вслух проворчал автор шеститомной эпопеи «Мальборо». — К чему все это суесловие?!

При первичном знакомстве с папкой, Черчилль лишь бегло прошелся по этому списку, отдавая предпочтение обстоятельным донесениям из Берлина. Оно и понятно, как премьера его прежде всего интересовала общая военнополитическая ситуация в рейхе после подавления заговора. Но теперь он вдруг подпал под магию имен. Тех имен, многие из которых в его собственных глазах и в глазах командования союзных войск олицетворяли военную мощь и стратегический мозг германского рейха. Вот они...

Взять хотя бы главнокомандующего армией резерва вермахта генерал-полковника Фридриха Фромма, долго и нетерпеливо ожидавшего, когда фюрер присвоит ему чин генерал-фельдмаршала. Кстати, не обида ли на Гитлера подтолкнула его к своре заговорщиков?! Именно так, «к своре». Сам познавший «романтические прелести» фронтов, Черчилль с презрением относился к любым заговорщикам, даже если их действия разлагали стан врагов Великобритании.

Иное дело, что никакое презрение не уменьшало интереса к их действиям, как действиям союзников. Сначала подтолкнула к этой своре, а затем все же заставила предать их, поскольку первые расстрелы заговорщиков на Бендлерштрассе происходили под руководством самого Фромма. Что, впрочем, не спасло от ареста и его самого. Даже его поспешная расправа с

некоторыми руководителями заговора показалась Скорцени, Мюллеру да и самому рейхсфрейтору слишком уж неоправданной, смахивающей на заметание следов.

...А вот и главнокомандующий Западным фронтом генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге! Интересно, в чем проявлялось участие в заговоре этого полководца фюрера?! Что-то Черчилль не слышал, чтобы армии Западного фронта взбунтовались и повернули штыки против частей, верных фюреру. И вообще, находилась ли в распоряжении заговорщиков хотя бы одна верная им дивизия? Нет, в самом деле, была ли у них хотя бы одна надежная дивизия? Вряд ли!

«Заговор чистоплюев-штабистов» — вот что скрывается за трагикомическим спектаклем под названием «Заговор против фюрера», — сказал себе Черчилль, и, открыв объемистую записную книжку с надписью на обложке «Размышления», тут же записал «подвернувшуюся» ему фразу!

Закрыв блокнот, премьер долго держал руку на его кожаном переплете, как на ритуальной королевской Библии, и, попыхивая сигарой, смотрел в окно. Под напором ветра струи дождя били в окно Кельи Одинокого Странника, как называл Черчилль этот личный кабинет с огромным, окаймленным двумя сейфами камином, словно пытались ворваться в нее вместе со всем тем миром, от которого владелец «кельи» так упорно отстранялся.

Вот только Страннику было слишком хорошо в его «прикаминном одиночестве». Причем особенно хорошо чувствовал он себя в этом творческом уединении во время очередных «дождевых рыданий» Лондона, за которые он одновременно и любил, и ненавидел этот город. Однако в эти минуты обладатель «кельи» смутно мечтал о дне, когда, в очередной раз уединившись, сможет полностью предаться созданию новой книги,

избавляя себя от идиотизма последних военно-политических и вообще каких-либо событий.

Да, это вновь давала знать о себе известная каждому литератору «тоска по перу». Однако Черчилль все еще вынужден был пренебречь ее призывами, чтобы вернуться к берлинскому путчу нацистских генералов.

«Итак, кто здесь еще подвизался на висельничных подмостках «Театра заговорщиков» на Бендлерштрассе?», — упускал Черчилль из виду ничего не говорящие ему, малозначительные фигуры «театральной массовки».

Ага, ну, конечно! Как же, как же: бывший главнокомандующий сухопутными войсками Эрих фон Хаммерштейн-Экворд! В свое время премьер слышал прекрасные отзывы о нем штабистов королевской армии, и даже встречался с ним во время переговоров, касающихся чехословацкой территории. И вот такой вот, нетриумфальный финал. Какая жалость!

Кто там еще назван? Ну, понятно: неудавшийся фюреро-убийца, однорукий и одноглазый «Африканский Циклоп», начальник штаба армии резерва полковник Клаус фон Штауффенберг. Тоже из старинного аристократического рода. Граф. Несмотря на все фронтовые увечья фюрер лично разрешил Штауффенбергу остаться на военной службе. Но Гитлер принимал во внимание только физические увечья полковника, не замечая душевных.

Дальше следовали начальник общевойскового управления Генштаба вермахта генерал Фридрих Ольбрихт, о котором говорили как о талантливом штабисте и возможном будущем начальнике Генштаба, и командующий германскими войсками во Франции Карл Генрих фон Штюльпнагель.

Премьер вдруг вспомнил, как под впечатлением от диверсионных вылазок Скорцени полковник британских командос Тернер уговаривал его согласиться на

устранение этого «французского обер-наци». И был неприятно удивлен, когда Черчилль воспротивился.

— Солдат должен приносить голову врага с поля боя, — сурово заметил тогда Уинстон. — Над ядами пусть колдуют презренные лазутчики-иезуиты.

— Позволю себе заметить, сэр, что для командос поле боя — весь мир, поэтому нам позволено снимать вражеские головы даже в постелях любовниц.

— Позволю себе заметить, полковник, — парировал премьер, — что только этому — добывать головы своих противников в постелях любовниц, ваши командос пока что и научились. Поэтому оставьте Штюльпнагеля в покое.

Тернер онемел от удивления, однако возражать не стал. Как и сам Черчилль не стал напоминать полковнику, что в свое время Сталин резко выступил против попыток русских диверсантов отправить на тот свет фюрера. И не только потому, что человек, пришедший на смену Гитлеру, получил бы возможность со спокойной совестью вести переговоры с руководителями западных стран. Кровавый Коба прекрасно понимал, что нельзя нарушать негласный, джентльменский запрет на охоту за головами военных и политических руководителей. Нельзя запускать этот убийственный бумеранг.

Причем Сталин не только запретил своим диверсантам эту охоту, но и позаботился об утечке информации по этому поводу.

...На имени фельдмаршала Эрвина Роммеля, прославленного «Лиса Пустыни», некогда командовавшего Африканским экспедиционным корпусом вермахта, а в последнее время — возглавлявшего группу армий «Б», премьер Великобритании задержался особенно долго. Он давно следил за действиями этого полководца, которого фюрер послал в Африку только для того, чтобы на

какое-то время сковать войска англичан, отвлечь на корпус несколько десятков дивизий, которые могли быть переброшены в Европу. Но Роммель повел себя так, словно прибыл со своим незначительным воинством покорить весь африканский континент.

В самой фигуре Роммеля, в его судьбе, в стратегии и тактике ведения боевых действий, в фатализме принятия решений — просматривалось что-то наполеоновское. Понятное дело, что до Бонапарта он не дотягивал: не та эпоха, не та страна, не те условия. Да и по складу характера Роммель не мог позволить себе те авантюры, к которым прибегал Великий Корсиканец. И все же, все же... Германский фельдмаршал не только сражался в тех же краях, в которых когда-то сражался Бонапарт, но и вел себя так, словно в нем ожил дух корсиканца.

11

Фотографии... Целая пачка фотографий, которые Софья Жерницкая сумела заказать специально для Отшельника.

Уже после того, как Орест успел написать около четырех десятков своих иконок «Святой Девы Марии Подольской» и несколько светских полотен, Софья откровенно нацелилась на то, чтобы он создал картину, достойную не только экспозиций в художественных музеях Одессы, Москвы и Петербурга, но и «скромного местечка в Лувре».

Приняв это решение — «о Лувре», Софья извлекла из потайной полочки секретера заветную пачку снимков, на которых она была снята нагой в самых изысканных позах — в постели, на берегу моря, на

лужайке, в саду под розовой вуалью — одну из картин она так и предлагала назвать «Девушка под розовой вуалью».

А чего стоила фотография Софьи Жерницкой на лежанке из сирени! Потрясающая женщина — на совершенно изумительной «лежанке из сирени», посреди сиреневой рощицы! Сколько раз ему снилась потом и эта женщина, и эта сиреневая рощица, с «оголенной натурой», достойной кисти любого из кумиров Монмартра.

Но самое удивительное, что здесь же были фотографии еще нескольких непрофессиональных и добровольных фотонатурщиц. Некоторые из них являлись миру в таких позах, при созерцании которых даже никогда не отличавшемуся особой богомольностью Оресту хотелось набожно креститься, вспоминая о библейском изгнании из рая.

— Я понимаю, — доверительно произнесла Софья, когда он в очередной раз завершил знакомство с этой небольшой, но поражающей воображение коллекцией городских красавиц, — что любая, даже самая совершенная и страстная натура со временем теряет свою позолоту.

— Только не вы, Софа, — попытался уверить ее давно падший семинарский иконописец.

Ах, перестань-перестань! — призывно повела лебединой шеей Софья Жерницкая. — Чем женщина преданнее и щедрее, тем скорее она теряет свою сексуальную вуаль. — Последние слова она произнесла с такой поэтической возвышенностью, словно завершала чтение самого сокровенного стиха о девичьей непорочности.

Странно же устроен этот мир, — смутился за сексуальную распущенность всего мира Орест.

Только потому, что таким его творят странно устроенные мужчины. Однако вы не поняли, Орест. Я не

сетую на вашу изначальную склонность к изменам. Наоборот, решила разнообразить ваши сексуальные впечатления. Взгляните на тела этих женщин. Сколько в них нерастраченной энергии и сколько милой постельной извращенности, так никогда и не спровоцированной мужчинами! А ведь любая из этих жриц «храма бесстыдства» по вашей воле может или появиться на вашем холсте, скопированной прямо с фотографии, или явиться в вашу мастерскую, в виде живой натурщицы. Причем ни то, ни другое не лишает вас права познать ее в своей постели для царственного вдохновения».

— Думаете, они придут?

— Я сама приведу их, — в глазах Софьи появились огоньки какого-то охотничьего азарта. — И они будут счастливы.

— Не питая никакой ревности? —

— Ах, Орест, Орест! — вновь на французский манер произнесла Софья. — Единственное, к чему я вас ревную, так это к вашему собственному таланту. Иных талантов, в том числе и талант ревности, я не признаю. И вот увидите, чтобы помочь вам стать гением, я не остановлюсь ни перед чем: ни перед деньгами, ни перед моралью. Ибо высшая степень моральности женщины, живущей рядом с Мастером, с Творцом, заключается в том, чтобы вести его к вершине таланта, мастерства и славы. Все остальное в этом мире не должно иметь для нее абсолютно никакой ценности.

Почему он не женился на этой женщине? На единственной женщине, которая предлагала именно то, что в глубине души он как художник больше всего хотел услышать:

— ...А если вы еще и женитесь на мне... О, если вы еще и женитесь на мне, Орест! — безбожно грассировала Софья, как грассировала всегда, когда начинала волноваться. — Вы станете самым богатым и

самым преуспевающим иконописцем, да, пожалуй, и самым богатым светским художником, в этой стране. Уж об этом мы — я и мои друзья — позаботимся. И вряд ли кто-либо удивится, если в скором времени ваши картины и ваши иконы будут выставляться в Париже, Риме, Нью-Йорке...

«Так почему ты, идиот, не женился на этой женщине?! — спросил себя теперь Орест, нервно похаживая по берегу островка, бредившего древними легендами и сказаниями посреди древнего озера Кшива. — Ты хотел соединить любовь и талант, но такое мало кому удавалось. Если только вообще удавалось, с пользой для таланта, ясное дело. Кристич никогда не любила тебя, никогда! Единственный, кого она мыслит в своих мужьях, так это лейтенант Беркут. И не так уж важно: жив он или умер. Она будет любить его и мертвого. Так что после всего этого ты избираешь: любовь или талант? Запомни: если только ты уцелеешь, и если уцелеет в этой войне Софья Жерницкая. Если только она уцелеет!..»

Гордаш не готов был завершать свой экскурс в послевоенное будущее, однако эта мысль — «если только мы оба уцелеем!..», как-то сразу и прочно укоренилась в его сознании и подарила некий проблеск в казематах его обреченности.

— Вас тоже отправляют в подземелье? — не оглядываясь на Гордаша, поинтересовался сидевший на носу лодки, с удочкой в руке, поляк-перевозчик.

— В какое... подземелье? — как можно тише переспросил Гордаш, с трудом вырываясь из сладостного плена воспоминаний и тем самым заставляя поляка оглянуться, чтобы пронзить его удивленным взглядом.

— В «Лагерь дождевого червя» — неужели не понятно? В огромный подземный город для войск СС, самую большую тайну рейха, — пробубнил он на смеси

русского и польского языков, вновь обращаясь лицом к озеру. — Германцы, краем уха слышал, еще называют этот лагерь «СС-Франконией».

Отшельник обвел взглядом небольшой островной причал, с тремя привязанными к нему лодками, небольшой, метров двести, пролив, на том берегу которого чернел густой бор; оглянулся на «охотничий домик», с беззаботным, незлым стражем на крыльце...

— Я об этом не знал, — неохотно ответил он поляку. — Нет, о лагере, конечно, уже слышал, но не думал, что попадают в него с этого островка.

— Готов поверить. Меня зовут Каролем, или просто, Лодочником.

— Так же и меня... Отшельником кличут, — по-польски ответил Гордаш. И сразу же объяснил: — Я родом из Подолии, в селе у нас было немало поляков.

— Подолия!.. — мечтательно покачал головой Кароль. — Прекрасный край.

Отшельник хотел приблизиться к лодке, однако перевозчик остановил его, посоветовав оставаться на том холмике, на котором он сейчас находился.

— Это счастье, что охранник прибыл вместе с вашим капитаном СС. Местные эсэсовцы, которые из дивизии «Мертвая голова», ведут себя, как звери. Оно и понятно: прежде чем прибыть сюда, многие из них охраняли концлагеря.

— Значит, в подземелье — тоже концлагерь?

— Если бы только концлагерь! Не похоже. Пленные там есть, но все же это не концлагедь. Да и вас доставили сюда не как концлагерника. Заключенных на остров не перевозят, а загоняют под землю через один из лесных входов. Правда, здесь тоже есть вход, так сказать, островной, но не для таких арестантов, как вы. Кстати, по нему-то ваш офицер и ушел в катакомбы.

— Где этот вход?

— На мысу, по ту сторону домика. Там, в зарослях, германец построил огромный охранный дот, а под землей создает какую-то свою, подземную Германию, доступ к которой оставался бы только у служащих СС. Где-то там, очевидно, глубоко под землей, он закладывает тайники да обустривает всевозможные секретные лаборатории. Зачем Гитлеру понадобилось все это, сказать пока что трудно.

— Так вы бывали там?

— Не будьте наивными. Если бы моя нога ступила туда, никогда бы мне не быть перевозчиком. Меня-то и сюда назначили только потому, что записан по их бумагам «судетским германцем, да в польской школе был учителем германского языка.

— Но вы не германец?

— Почему же, — неохотно сознался Кароль, — какая-то германская кровь во мне действительно есть, но не настолько, чтобы выродиться в фашистскую. — Словом, поляк я, по крови и духу — поляк. Так я решил для себя, с этим и умру.

Гордаш понимал, что сказать такое незнакомому человеку решится не каждый «судетский германец», поэтому взглянул на рыбака-перевозчика с искренним уважением. Правда, он мог оказаться и провокатором, однако Отшельнику не верилось, что Штубер рискнет подсовывать ему такого вот провокатора. Во-первых, барон, командир диверсионного отряда — не того полета птица, чтобы прибегать к столь мелким, примитивным провокациям, а во-вторых, и так знает, что он, Отшельник, ненавидит и Гитлера, и весь его рейх, вместе с бароном фон Штубером. И даже никогда не пытался скрывать этого.

— Вы помогли бы мне бежать отсюда? — Решительно молвив это, Отшельник оглянулся на часового.

Словно бы догадавшись, к чему стал сводиться разговор пленного украинца с перевозчиком, штурмманн, не поднимаясь с крыльца, крикнул:

— Еще один шаг к воде — и стреляю без предупреждения!

Орест не ответил, но, чтобы успокоить его, уселся на едва выглядывавший из травы, нагретый августовским солнцем валун и блаженственно запрокинул голову. Солнце уже приближалось к полуденному августовскому теплу, однако озеро и лес все еще оведали островок влажной утренней прохладой.

Гордашу было хорошо здесь, он просидел бы над этой тихой заводью целую вечность. Жаль только, что разнежившийся на солнышке эсэсовец-диверсант блаженствовал сейчас вместе с ним. С автоматом в руках.

— Не помогу, — только теперь, слишком запоздало, ответил Лодочник, снимая с крючка небольшую рыбину. — Даже если бы мог — не помогал бы.

— Что отказываешь, это объяснимо. Но почему отказываешь так резко и зло? — оскорбился Отшельник.

— Лучше скажи, почему вдруг эсэсовцы привезли тебя сюда? Кто ты?

— Древесных дел мастер. Скульптор, художник, иконописец. Был солдатом, оказался в окружении, чудом уцелел в концлагере. Получил две пули в плечо при попытке к бегству, но германский хирург прооперировал меня...

Рыбак насадил на крючок червя, забросил удочку поближе к тому уступу, на котором восседал Отшельник, и только тогда решился продолжить этот разговор:

— Иконописцы этим иродам вряд ли понадобятся, но фюрера рисовать да из камня вырезать могут заставить. Кстати, теперь понятно, почему они тебя

пока что в домике держат. Обычно в нем останавливается лишь высокое германское начальство, которое приезжает в «Регенвурмлагерь», но спускаться в ад не спешит. Продержат тебя здесь, конечно, недолго. Но для нас это хорошо. Нам нужно, чтобы ты побывал в подземелье и основательно разведал, что там и к чему.

— Так ты от местных партизан что ли? — тоже перешел Орест на «ты».

— Тебе партизанить не пришлось?

— Немного, на Днестре.

— Тогда ты и в самом деле наш. В перевозчиках здесь обычно бываю или я, или мой старший брат Стефан. Ему тоже можешь доверять. Узнай все, что только способен будешь узнать, и сообщи нам.

— И вы со своей группой партизан, конечно же, нападете на это подземелье! — иронично молвил Орест.

— Мы передадим сведения в Лондон, представителям нашего правительства в изгнании, а по возможности и русским. Они должны иметь представление о том, что происходит в этих краях под землей, с чем они столкнутся и какими силами следует обладать, чтобы взять «СС-Франконию» штурмом.

— Это другое дело, — примирительно произнес Орест. — На таких условиях я готов помочь вам, если только сумею.

Кароль бегло прошелся взглядом по мощной фигуре Отшельника и вполголоса заверил его:

— Ты сумеешь. Узнаешь все, что надо, вырвешься из подземелья и выживешь. Кому же выживать в этой войне, если не таким как ты?

— Постараюсь. Не боишься, что предам?

— Ты — как раз тот случай, когда следует рискнуть. И на том берегу, и когда плыли, я к тебе присматривался, к разговору барона Штубера прислушивался.

— Это я заметил.

— Почему же сам не попытался установить со мной связь, или хотя бы прощупать, кто я такой?

— Сейчас как раз этим и занимаюсь.

— Если же попытаешься выдать, скажу, что провоцировал тебя, проверял на преданность фюреру. От нас, фольксдойчей, то есть ополеченных или обрусевших германцев, этого требуют.

— Знаю, на Подолии встречал таких. Ненавидели мы вас там.

— Вы нас ненавидели, мы вас — «советов», коммунистов. Только об этом сейчас лучше забыть. Поэтому не майся сомнениями, а проси своего гауптштурмфюрера СС, чтобы хоть время от времени позволял тебе работать здесь, на острове. В подземелье, дескать, талант твой спит, по-настоящему просыпается только на природе. Словом, ты знаешь, как это следует объяснять. Хорошо, что ты владеешь германским и польским, только не всегда щеголай этим.

— Так оно и будет на самом деле: в подземелье талант, скорее всего, «уляжется спать».

— Попытайся присмотреться к людям, которые там работают, не исключено, что пленные создали свою подпольную организацию. Хорошо было бы наладить с ней связь. Но учти, что настоящих пленных там не так уж и много. Зато много рабочих, завербованных организацией «строительной армии Тодта». С этими следует быть особо осторожным. Это все же наемники. Им за работу платят, причем мастерам платят неплохо.

— Тоже знаю.

— Попытайся и ты попасть в число рабочих, им легче, не так жестко контролируют и не так жестоко наказывают. Ну а дальше... Если поможешь нам, постараемся каким-то образом помочь тебе. И бежать, и скрыться. Бежать из Мезерицкого укрепрайона, да к

тому же из «Регенвурмлагеря», очень сложно, тем не менее верить в возможность такого побега нужно.

— Будем верить.

— В разведку когда-нибудь ходил?

— Не пришлось, в самом начале войны в окружении оказался.

— Считай, что теперь ты в разведке. В нашей, польско-союзнической. У нас уже есть все: рация, связные, деньги

— разведка, одним словом. Мы сообщим о тебе и англичанам, и русским. Сейчас нам дано такое задание — разведать «Регенвурмлагерь».

— Из Лондона задание?

— Тебе бы лучше из Москвы? — несколько встревоженно спросил Лодочник. Он уже радовался вербовке Отшельника, как большой удаче, и боялся, что того может испугать «связь с капиталистами».

— Лучше бы.

— Но мы теперь союзники. И потом, пусть они там, в столицах, без нас разбираются. Наше дело солдатское.

— У вас и воинское звание есть?

— Есть. По-нашему это чин. — В этот раз Лодочник немного колебался, но, поняв, что для Отшельника, бывшего солдата, его чин может иметь какое-то моральное значение, отрекомендовался: — Честь имею, майор Армии Крайовой Кароль Чеславский. Офицер той армии, что подчиняется правительству в изгнании, армии польских патриотов^[14].

— Ваши польские дела меня мало интересуют, — хрипловато пробасил Отшельник. — Но если ты действительно военный, это важно. На войне, прежде всего, следует доверять военным. Этому я уже научен.

— Если так... если ты действительно так относишься к армии и чину, — явно заволновался поляк. — У тебя самого какой армейский чин?

— Красноармеец. Рядовой то есть.

— Советские звания я знаю, — улыбнулся Лодочник. — И сам в польской армии служил.

— Но я не поляк.

— А каково мне, в чьих жилах течет и германская кровь? Не по зову крови мы теперь с тобой служим, Отшельник, а по зову совести и чести.

— Кстати, как твоя настоящая фамилия? Я обязан знать.

— Гордаш. Рядовой Орест Гордаш.

— Отныне считай себя лейтенантом Армии Крайовой, Гордаш. Нет, неправильно выразился — «считай». Отныне, с этого дня, ты — лейтенант Армии Крайовой.

— Лейтенант?! — не удержавшись, Отшельник произнес это слишком громко, чтобы заставить майора испуганно оглянуться. К счастью, штурмманн сидел, привалившись спиной к опоре крыльца, и откровенно, безбожно дремал.

— Ты ведь из Подолии, а это тоже польская, как считают польские историки, земля. Впрочем, об истории и историках полемизировать не будем, не время. Однако замечу, что у нас в армии служит немало украинцев. Причем служат верно, по-солдатски. Учился где-нибудь?

— В духовной семинарии.

— Мать Божья! Так ты еще и верующий, истинный христианин! Тогда тем более произвожу тебя в офицерский чин.

— Но меня — в офицеры?! — Гордаш мог ожидать какого угодно завершения встречи с этим приземистым, коренастым человеком, только не такого.

— А почему ты считаешь, что не достоин этого?

— Да странно как-то.

— Тогда вспомни того, первого офицера, с которым тебя свела судьба. Он что, был образованнее и

достойнее тебя?

Однако Гордаш вспомнил не того, первого, кто принялся командовать им, а коменданта дота «Беркут», лейтенанта Андрея Громова. Но это был по-настоящему боевой офицер. Такого он, Гордаш, никому не позволил бы унижить.

— ...Ну, таким офицером я действительно хотел бы стать, — молвил он, упустив из вида, что майор Чеславский не знает, о ком идет речь. Чей образ вырисовывается сейчас в его памяти.

— Не волнуйся, лейтенант Гордаш. Мне дано такое право: присваивать чины людям, которые действуют в зоне моего полка. Как и представлять к наградам. Не было случая, чтобы командование Армии Крайовой не утвердило чин кого-либо. Так что, в случае успеха тебя ждет европейская слава, лейтенант Гордаш.

12

Поляк хотел сказать еще что-то но, оглянувшись, умолк и склонил голову, делая вид, что очень занят поведением поплавка. Отшельник тоже оглянулся и увидел, что из-за угла охотничьего домика появляется барон фон Штубер. За ним, как всегда, в ипостаси верного телохранителя и адъютанта, следовал Вечный Фельдфебель Зебольд.

— Позже ты поймешь, — едва слышно проговорил Лодочник, — как это важно, что в этом подземелье ты не сам по себе, что за тобой кто-то стоит, что о тебе знают не только там, наверху, но и за рубежом. Так что держись, Отшельник!

— И ты, Лодочник...

— Германцы приближаются, поднимись. И барона этого не дразни. Он хоть и с большой придурью, но есть в нем что-то общечеловеческое. Как ни странно, такое случается даже у эсэсовцев. Хоть и очень редко.

— Штурмманн не слишком притеснял свободу вашей творческой фантазии, Мастер? — любезно поинтересовался гауптштурмфюрер.

— Не слишком. Но часовым был очень бдительным.

Штубер не обратил внимания на то, как смутился ефрейтор, поняв, что Отшельник явно подтрунивает над ним.

— Грех унижать мастера, штурмманн Зигерт, — назидательно произнес он. — Непростительный грех. Тем более — иконописца.

— Не посмел бы делать этого, — клятвенно заверил штурмманн. — Тем более что он любовался озером с таким благоговением, словно сидел на берегу библейского Йордана.

— Ему так велено свыше, — еще назидательнее молвил Штубер, приближаясь вместе с охранником к Оресту. — И познать то, что он видел, сидя на берегу озерца, проникнуться той красотой, какую внутренним взором созерцал он, — нам не дано. Я прав, Отшельник?

— Как всегда, господин барон, — сдержанно ответил Орест, неохотно расставаясь с теплым телом валуна.

Раньше Отшельник частенько игнорировал вопросы Штубера, но в последнее время понял, что в его интересах не только отвечать на них, но и поддерживать светские беседы.

Теперь же он помнил еще и задание майора Чеславского. В конце концов, барон был не самым жестоким извергом, из тех, которых ему как пленнику приходилось встречать. К тому же с недавних пор Штубер стал интересоваться его и как личность.

— Наш партизанствующий германо-поляк, — стеком указал Штубер на Кароля, — не пытался соблазнить вас побегом из этого острова Святой Елены?

— Не пытался. К тому же он поляк, а мы, украинцы, с поляками не очень дружим.

— Не верю, но смирюсь, — рассмеялся фон Штубер.

— Еще со времен Богдана Хмельницкого не очень дружим, — напомнил ему Отшельник, зная, что Штубер не поленился ознакомиться с историей Украины, и даже неплохо научился понимать украинский язык.

— Как поляк-католик, — вмешался в их разговор Кароль,

— я ненавижу этого, — кивнул в сторону Ореста, — православного, а как германец — не доверяю этому украинцу.

— Тоже не верю, но тоже смирюсь, — все с той же высокомерной ухмылкой произнес гауптштурмфюрер. — И запомните, Отшельник, как пленный вы можете попытаться сбежать с этого острова, из «Регенвурмлагеря», но как скульптор, как творец, бежать от своей судьбы вы не можете, не имеете высшего, Господнего, на то права. А ваша судьба творца обрекает вас на свершение того, что вам предначертано.

— С каких это пор вы стали чувствовать себя посредником между творцом и Всевышним? — не удержался Орест.

— Вы опять ничего не поняли, Отшельник. Это не я являюсь посредником между вами и Всевышним, это Всевышний безуспешно пытается быть посредником между мною, гауптштурмфюрером СС, и вами, все еще не повешенным партизаном. Причем не повешенным исключительно по моей прихоти. Не Всевышнего, заметьте, господин Гордаш, прихоти, а моей.

Орест боковым зрением посмотрел на Чеславского и вежливо улыбнулся.

— Доля истины в ваших словах есть, господин барон.

— По этой же прихоти я хоть сейчас могу сначала повесить вас, затем утопить, а затем... без суда и следствия расстрелять. И я хочу видеть, каково будет вашему Господу в качестве посредника между вами и мной, палачом и творцом.

Орест хотел что-то сказать в ответ, однако поляк-перевозчик благоразумно упредил его:

— Не смейте перечить, Отшельник, капитан прав.

— Неужели? — недовольно проворчал Гордаш.

— Во всех отношениях прав, поскольку слишком уж трагически они не совпадают — заповеди Святого Писания и заповеди войны.

— Как-как вы сказали?! — подался Штубер к Каролю, на ходу выхватывая из бокового кармана записную книжку.

Лодочник вопросительно взглянул на Ореста.

— Барон записывает такие мысли, кем и когда бы они ни были высказаны. Особенно если их выкрикивают на эшафоте.

Лодочник медленно повторил ранее сказанное и при этом подобострастно улыбнулся гауптштурмфюреру, пряча за этой улыбкой память мести.

— ... А что касается спора между палачом и творцом, — вновь обратился Штубер к Отшельнику, — то единственным судьей нам обоим станет мой Вечный Фельдфебель Зебольд.

— Потому что вечными в этом мире являются только, две сущности: Всевышний — на небе и фельдфебель — на земле. Я не прав, Зебольд? Нет, хотя бы вы скажите: я не прав?!

— Вы не правы только тогда, когда не прав сам Всевышний, — не задумываясь, изрек Зебольд, и становилось понятно, почему и за что именно Штубер,

этот любитель армейско-фронтовых драм, так уважал своего Вечного Фельдфебеля.

— Вы слышали, Отшельник? Вот она, истина, которая способна открыться нам только в устах Зебольда, только в устах самого Вечного Фельдфебеля. К слову, а почему это вы вдруг стали обращаться ко мне, используя мой баронский титул? Вы замечали когда-нибудь раньше, чтобы этот маловоспитанный, но талантливый славянин проявлял уважение к германским аристократическим титулам?

— Никогда. Для этого он слишком плохо воспитан.

— А вот вам и первый прокол! — вдруг язвительно заметил майор Чеславский. — А господин гауптштурмфюрер как настоящий разведчик заметил даже такую деталь.

— Одного не пойму, почему вас это заинтриговало? — обратился Штубер к перевозчику.

— Потому что он попытался поговорить со мной, но обратился не по форме, и как всякий уважающий себя германец я вынужден был внушить это недочеловеку, что воспитанные люди обращаются, употребляя слова «герр», «пан», «барон»... Так что первые плоды воспитания налицо.

— Почему же вы, Зебольд, до сих пор не предприняли ни одной попытки заняться воспитанием господина Отшельника?

— Не представилось случая, господин гауптштурмфюрер. Но ведь и вы тоже, насколько мне помнится...

Штубер попробовал каблуком сапога, насколько прочно сидит в земле валун, похлестывая стеком по голенищу сапога, осмотрел окрестности острова...

— Я не в счет, мой Вечный Фельдфебель.

— Учту: вы не в счет, — поспешил ретироваться Зебольд.

— Потому и не в счет, что, слишком уважая в этом человеке талант древесных дел мастера, готов прощать ему все, что угодно. Любые его проколы, — многозначительно и, как показалось Отшельнику, с явной подозрительностью, посмотрел он на Чеславского.

...И все же, было, было в этом человеке что-то такое, что казалось иконописцу и скульптору Гордашу родственным ему самому. Прежде всего, Отшельник признавал, что барон тоже является Мастером. Правда, в совершенно ином ремесле, но тем не менее...

13

Вряд ли фельдмаршал Роммель догадывался, что в Лондоне есть столь высокопоставленный поклонник его полководческого таланта, который требовал, чтобы ему предоставляли всю имеющуюся информацию о действиях Лиса Пустыни, его характере, его переговорах, беседах и решениях. Но еще больше был бы удивлен Роммель, если бы узнал, что интерес к его личности вызван у Черчилля не из потребности познать врага, а из чисто человеческого восторга его бонапартистскими замашками. Да еще пребывая в восторге от его книги фронтовых заметок.

Мог ли он знать, что «Папка Роммеля» со всеми причастными к его личности материалами до сих пор хранилась в «литературном сейфе» Черчилля, здесь, в его личном кабинете, который с его же легкой руки действительно стали именовать «Кельей Одинокого Странника».

Уинстон еще не решил, станет ли германский фельдмаршал героем его очередной книги, однако

материалы накапливал, тайно рассчитывая, что, может быть, именно Роммель окажется прототипом одного из героев его первого романа. Того, настоящего, полноценного художественного романа, о котором давно, и втайне, кажется, даже от самого себя, мечтал Черчилль-литератор.

Кстати, в этой же папке лежал и сделанный по заказу Черчилля рукописный перевод на английский язык книги Роммеля «Пехота атакует»^[15], к чтению которой премьер Британии обращался уже множество раз. Жалко, что уходить из жизни этому германскому Бонапарту пришлось в незавидной роли заговорщика против фюрера. Недостойно это полководца такого таланта, недостойно!

«Ты бы лучше вспомнил, — упрекнул себя Черчилль, — в какой ничтожной ипостаси униженного пленника завершал свой земной путь на далеком и диком клочке суши тот, настоящий Бонапарт, кумир твоего Роммеля! Да и твой — тоже! Каким жалким и... беспомощно гражданским он выглядел на острове Святой Елены. Именно так, «беспомощно гражданским», — понравилась Черчиллю эта явно унижающая Бонапарта словесная формулировка.

А еще в этом же скорбном списке Черчилль обнаружил имена командующего войсками рейха в Бельгии и Северной Франции, высокородного аристократа Александра фон Фалькенхаузена; командующего группой армий «Север» фельдмаршала Георга фон Кюхлера; командующего танковой группой и давнего соперника «отца бронированных армий» Манштейна; командующего танковой группой генерала Эриха Геппнера. И... кто там еще?

Ну, конечно же, как он мог забыть о таком патологическом заговорщике, как начальник

оперативного управления группой армий «Центр» генерал Хённинг фон Тресков?!

В отличие от Роммеля, фронтового генерала, личность Трескова никакого чувства восхищения или хотя бы приверженности у премьера Великобритании не вызывала. И не только из-за его странноватой, на русский лад, фамилии. Просто Черчилль терпеть не мог заговорщиков, даже если заговоры эти направлены были против его, Черчилля, личных врагов. Он мог одобрить их удачное покушение на его врага, но никогда не позволил бы восторгаться самой личностью покушавшегося.

Черчилль уже знал, что этот генерал, в генеалогическом древе которого, как предполагают, действительно просматривалась и русская кровь, плел свой заговор против Гитлера давно. Существуют сведения, что он пытался убить фюрера еще весной 1942 года, когда тот посещал штаб группы армий «Центр», располагавшийся в то время в Смоленске. Причем сделать это хотел с помощью секретного технического новшества — пластиковой бомбы.

«Покушаться на фюрера во время разительных успехов его армии в войне против коммунистов и на самом пике его популярности в народе?! — и теперь тоже пожал плечами Черчилль. — На что следовало рассчитывать такому человеку, — что, простив убийство своего вождя, фанатично настроенные толпы германцев с криками «эиг хайль!» провозгласят фюрером Великой Германии его, Трескова?! Бред какой-то! И неужели еще тогда он умудрялся находить единомышленников в армейской, генеральской среде?!»

Как бы там ни было, одну хитромудрую взрывчатку с часовым механизмом фон Трескову все же удалось подсунуть в пакет с коньячными бутылками и передать офицеру, улетавшему в Берлин вместе с Гитлером. Вот только взрыватель тогда не сработал. Кого спасали в те

минуты ангелы: офицера-смертника, фюрера или самого фон Трескова, сказать трудно. Но похоже на то, что какие-то высшие силы в течение событий все же вмешались. И вновь увели фюрера от гибели.

«Неужели действительно вмешались?! — в который раз предстал премьер перед давно мучившим его вопросом. — Неужто и в самом деле у фюрера существует какая-то связь с Высшими Посвященными Шамбалы, Атлантиды или чего-то там еще?!»

Нет, чисто по-человечески Черчилль, конечно, мог бы посочувствовать кое-кому из фельдмаршалов и генералов, которых фюрер только что арестовал. Однако минуты «сочувственной слабости» стареющего, примирившегося с превратностями мира сего аристократа уже проходили; наступали минуты холодного расчета непримиримого политика.

Черчилль и в самом деле постепенно отходил от сугубо человеческого восприятия того, что ему открывалось со страниц донесений английских разведчиков-нелегалов из Германии, и начинал оценивать события так, как и должен был оценивать их глава враждующей с рейхом страны. В последний раз с чем-то подобным сэр Уинстон сталкивался в тридцатые годы, когда такую же массовую резню своих офицеров устроил недоученный семинарист и бывший платный агент царской охраны Сталин, он же «Кровавый Коба».

Это сатанинское самоистребление коммунистов настолько ослабило Красную армию, что едва не поставило ее на грань краха. Впрочем, в отличие от Германии, «самоистребление» коммунистов распространялось на все слои огромного, многонационального народа России. Премьер мог поклясться, что в истории не было примеров столь массового истребления одним из правящих кланов своего собственного народа, к какому прибегли в свое время жидо-большевики в России. Причем Черчилль не

раз публично утверждал, что подобное истребление собственного народа не имело прецедента и уже, очевидно, никогда в истории нынешней цивилизации не сможет повториться. Так почему же фюрер решился следовать его путем?

— Крите, — позвал он личного секретаря.

— Я — весь во внимании, сэр, — молниеносно, словно джин из бутылки, явился тот своему патрону.

— Что там говорят ваши иезуитские источники относительно кровавых репрессий, развязанных против своего собственного народа русскими коммунистами?

— «Иезуитские источники», как вы изволили выразиться, сэр, старательно собирают сведения об этих «варфоломеевских годах» русских коммунистов и внимательно их изучают.

— «Варфоломеевские годы русских коммунистов», — задумчиво повторил Черчилль, прислушиваясь к мелодике звучания этой фразы. Неплохое получилось бы название для книги.

— «Британия без коммунистов» — вот лучшее из названий книги, которую вы все еще не написали, сэр.

Черчилль помолчал, однако секретарь не сомневался, что в эти секунды он мысленно повторяет дарованное ему название.

— Вот я и хотел спросить вас, Крите: не кажется ли вам, что по числу жертв и масштабам беззакония советские жидо-большевики умудрились затмить даже иезуитскую инквизицию?

— Позволю себе напомнить, сэр, что инквизицию творил монашеский орден доминиканцев, который был создан специально для этого.

— Доминиканцев?! Кто бы мог подумать?! — иронично изумился Черчилль. — С виду — вполне безобидные монахи.

— Начиная, если мне не изменяет память, с 1232 года, именно доминиканцы, последователи монаха-

богослова Доминика из Тулузы, контролировали все суды инквизиции, в составе которых было немало монахов-францисканцев. Известно также, что теоретиком инквизиции, а также «драматургом» и «режиссером» инквизиционных судов стал доминиканец Бернар Ги, член суда инквизиции в Тулузе.

— Поди ж ты! Кто бы мог подумать, что кремлевские коммунисты станут такими старательными последователями доминиканцев!

— Кстати, если отбросить свойственную вам иронию, сэр, то по численности жертв и размаху репрессий инквизиции все же далеко до коммунистов России.

— Вот видите, — не обратил внимания на этот вывод Черчилль, — странно как-то получается: суды инквизиции творили доминиканцы и францисканцы, а называют их «иезуитскими», — мрачновато улыбнулся Черчилль.

И только теперь Крите понял, что патрон в очередной раз подтрунивает над ним как воспитанником ордена иезуитов.

— В истории человечества немало подобных странностей, сэр. Среди них — даже такие, которые к иезуитам никакого отношения не имеют.

— Поэтому-то иезуиты с сугубо иезуитской дотошностью изучают каждую такую странность. В том числе и те, которые порождены кремлевскими иезуитами Москвы.

...Как бы там ни было, а премьер до сих пор держал папку с «русскими донесениями» тех времен в своем особом сейфе, в котором собирал материалы, предназначенные для работы над будущими книгами. Так вот, теперь, рядом с «Папкой Кровавого Кобы» должна была занять свое место и постепенно наполнявшаяся «Папка заговора».

Подземелье напоминало туннель метро, только стены его уходили в глубь горного массива уступами, каждый из которых представлял собой вооруженный орудиями и пулеметами дот. Те, кто попытается штурмовать «Регенвурмлагерь», должны будут идти по трупам своих же солдат.

«Именно так, по трупам, они и пойдут, — решительно молвил про себя комендант «СС-Франконии». — По горам трупов они должны будут пройти... к собственной гибели. Нужно только увеличить здесь склады боеприпасов и продовольствия. Особенно продовольствия».

Лично он, барон фон Риттер, предпочел бы, конечно, умереть где-нибудь там, на закате дня, под старыми, озаренными лучами угасающего солнца соснами. Но что поделаешь: если уж суждено, то суждено. Единственная надежда на то, что последует приказ увести отсюда солдат, дабы укрепить ими оборону Берлина. По крайней мере, он хотел бы, чтобы все произошло именно так.

...Схожесть этого огромного тоннеля с метро еще более усилилась после того, как «опель» бригаденфюрера фон Риттера пересек рельсы, предназначенные для электропоезда. Причем комендант уже знал, что этот, магистральный, железнодорожный тоннель действительно уводил в сторону Берлина, чтобы где-то там приблизиться к линии метро, от которой его все же будет отделять стена. А возможно, и не будет. И в архитектуре «Лагерь дождевого червя», и в его предназначении все еще

оставалось много неясного. Даже для него, коменданта этого лагеря.

Причем фон Риттер понятия не имел, кто же на самом деле является реальным носителем всей правды о нем, обладателем его инженерного и военно-бытового проекта. Единственное, что ему было доподлинно известно, так это то, что настоящие владельцы «Регенвурмлагеря» обитают в институте «Аненербе».

Об этом он подумал сразу же, как только узнал об одной странности. Хотя из метро в «Лагерь дождевого червя» можно будет попадать через систему ходов, известных лишь узкому кругу посвященных, тем не менее, в подземном депо, располагавшемся по ту сторону Одера, инженерная бригада железнодорожников уже собирает первый электровоз, который должен открыть движение в метрополитене Франконии. А на схеме железнодорожного сообщения фон Риттер видел ветку, уводившую куда-то к району, расположенному чуть южнее Берлина. Но куда именно?

«Не могла же кому-то прийти в голову еще одна безумная идея: соединить подземелья «СС-Франконии» с еще не созданным подземным лагерем «Альпийской крепости»! — не поверил собственным догадкам фон Риттер. — Для такой стройки понадобится полстолетия, которых ни у фюрера, ни у самого Третьего рейха уже нет!»

С этой мыслью барон и успокоился бы, если бы... Вот именно. Благословляя фон Риттера на должность коменданта «Регенвурмлагеря», Гиммлер неожиданно намекнул, что открывать его «подземку» вызвался сам фюрер и что прибыть в штаб «СС-Франконии» он возжелал по... тоннелю, начинающемуся неподалеку от Берлина^[16].

— Если фюрер так решил, — ответил тогда барон, — то он прибудет по этой подземке, даже если к тому

времени там еще не будет ни электровоза, ни рельс, на самого тоннеля. Ибо такова воля Германии.

Поначалу Гиммлер не воспринял возвышенности его веры во всемогущество фюрера и посмотрел на фон Риттера взглядом босса, успевшего разочароваться в только что назначенном подчиненном, но затем неожиданно изрек:

— Наконец-то я слышу ответ, достойный коменданта «СС-Франконии»!

— Подобные ответы вы будете слышать всегда, — заверил его барон.

— Жаль, что ничего подобного добиться от вашего предшественника Германа Овербека мне не удавалось.

Словом, все, вроде бы, складывалось хорошо в секретном проекте «Регенвурмлагеря», если бы не катастрофическое приближение всегерманского краха, инквизиторская тень которого все беспросветнее нависала над тем, что в этих подземельях задумывалось и осуществлялось.

— Вам никогда не хотелось вырваться отсюда, как из ада, Вольраб? — спросил барон, обращаясь к сидевшему позади него адъютанту.

— У меня это уже прошло, господин бригаденфюрер.

— Неужели прошло?! — искренне удивился комендант. — Почему же у меня не проходит?

— Потому что вы все еще продолжаете спускаться в «СС-Франконию» с тем же ощущением, с которым в свое время спустились сюда впервые.

— И с каким же чувством я спустился сюда впервые, прорицатель вы наш? — въедливо поинтересовался комендант.

— С тем же, с каким спускались бы в ад. А «Регенвурмлагерь» этого не любит. И не прощает.

— Не любит и не прощает? «Регенвурмлагерь»? Не раз замечал, что вы говорите о нем, как о чем-то

воодушевленном.

— Он и есть воодушевленный, господин бригаденфюрер. Здесь уже давно появляются привидения, возникают какие-то странные существа и вообще происходит черт знает что. Если позволите, подробнее об этом мы поговорим чуть позже.

— Обязательно поговорим, — взбодрился фон Риттер. — Но даже после всего сказанного... Как еще можно воспринимать это подземелье, — благодушно проворчал комендант, — если не как преддверие ада?

— Как надежное пристанище рыцарей Франконии, рыцарей-франконьеров, решивших оставаться верными Третьему рейху даже после его падения.

— ... «Пристанище рыцарей-франконьеров»? — вслух повторил бригаденфюрер, вдумываясь в смысл этих слов. — Неплохо сказано. Никогда не слышал такого определения.

— Потому что оно только что появилось. Считаю, что именно так, «рыцарями-франконьерами», и следует называть всех обитателей этой подземной базы.

— Представляя в качестве адъютанта, мой предшественник назвал вас «идеологом «СС-Франконии».

— Он назвал меня именно так?! — приятно удивился Вольраб.

— Считаете, что не соответствует действительности?

— Никогда бы не мог поверить, что штандартенфюрер Овербек способен кому-либо льстить!

— Это не ответ, адъютант, — сурово предупредил его фон Риттер.

— Понятно, что я был среди тех, кто задолго до войны готовил для фюрера и рейхсканцелярии военно-экономическое и научное обоснование завершения

строительства этого лагеря, замороженного еще в конце двадцатых.

— Уже кое-какие подробности.

— Можно утверждать, что я оказался самым яростным и убежденным сторонником сотворения «СС-Франконии», таким же, как гросс-адмирал Редер — сторонником возрождения германского военно-морского флота, а Геринг — возрождения люфтваффе.

— Вот теперь многое проясняется. Как я и предполагал, мы не в равных условиях, потому что всякий раз вы возвращаетесь сюда, как в свое детище. Я верно понимаю ситуацию, творец германского ада?

— Очевидно, историки рейха так и нарекут меня, — беззаботно признал Вольраб.

— А еще мой предшественник намекал, что вы могли стать комендантом «Регенвурмлагеря». Уже даже готовился приказ на присвоение вам чина штандартенфюрера.

Фон Риттер оглянулся и увидел, что губы Вольраба поджаты как нельзя плотно, а желваки поигрывают так, словно он вот-вот мог выхватить пистолет.

— Сотворяя свой июльский заговор, — хрипловато проговорил он, выдержав мыслимую в этой ситуации паузу, — генералы даже не догадывались, что они сотворяют этот заговор и против меня, поскольку с некоторыми из них судьба сводила меня очень близко. Как не догадывались и о том, что месть фюрера была и моей личной местью.

— Вас судили?!

— Нет, суду не предавали, но разжаловали до гауптштурмфюрера и спрятали подальше от гнева фюрера, то есть в это подземелье.

Вспоминая о чем-то своем, тоже связанном с «заговором генералов», барон задумчиво кивал.

— Но я не заметил, чтобы такое наказание сильно удручало вас, — наконец произнес он.

— Порой удручало, но тогда я вспоминал о тех, кто уже подвешен был на крючьях тюрьмы Плетцензее и кто еще только ждет своей страшной участи. Знаете, — мрачно осклабился он, — такие воспоминания очень быстро взбадривают и основательно отрезвляют.

— Еще бы!..

— И вообще, замечу, что, попадая на поверхность, я вдруг начинаю чувствовать себя неудобно. Мы обречены жить во чреве земли, потому что истинный рейх может быть создан только здесь, в недрах планеты, а не там, на продуваемой политическими ветрами поверхности.

А ведь действительно, мало кто из непосвященных догадывался, что Удо Вольраб является не только адъютантом, но и главным идеологом «Регенвурмлагеря». Только это обстоятельство сдерживало порой коменданта, когда он вдруг чувствовал, что гауптштурмфюрер начинает говорить с ним, как с только что загнанным в подземную «СС-Франконию» новобранцем.

— Из земли взошли и в землю вернулись, — задумчиво подтвердил теперь фон Риттер, и смуглое азиатское лицо его приобрело ту естественную твердость тибетской маски, с которой когда-то и было скопировано Всевышним.

— Истинно так.

— Однако возникает вопрос: чем вы как идеолог «СС-Франконии» мотивировали ее появление, да к тому же здесь, на правом берегу Одера?

— Позволю себе напомнить, что здесь, на правобережье Одера, «Лагерь дождевого червя» начали возводить еще в двадцатые годы, и никакого отношения к его созданию я не имел.

— А кто... имел? — поспешно поинтересовался комендант.

— Этого я не знаю.

— Нет, в самом деле, кто и зачем начинал строительство такого важного объекта в двадцатые годы?^[17]

— Проектировать такой мощный подземный объект могли только люди, которые готовились к ведению тотальной газовой войны. Но уже тогда «Регенвурмлагерь» был строго засекреченным объектом. Теперь вы комендант и имеете право поинтересоваться архивными данными этого объекта.

— Пытался интересоваться, — резко парировал фон Риттер. — Причем очень настойчиво и у очень высокопоставленных людей. Но мне посоветовали не интересоваться тем, что меня в принципе интересовать не должно.

— Оказывается, иногда и там, в верхах, способны дать дельный совет, — не отказал себе в удовольствии съязвить главный идеолог «Регенвурмлагеря» Удо Вольраб. — Жаль, что в свое время к точно такому же совету я почему-то не прислушался.

Фон Риттер и Удо Вольраб встретились взглядами и грустновато улыбнулись, давая понять друг другу, что тема истоков «Регенвурмлагеря» отныне и навсегда закрыта.

15

Черчилль в очередной раз оторвал взгляд от залитого дождевыми струями окна и увидел у двери неслышно вошедшего, словно бы из ливневого тумана материализовавшегося, Роберта Критса.

— Генерал О'Коннел все еще здесь? — спросил премьер, не пытаясь выяснять, что заставило секретаря возникнуть на пороге Кельи Одинокого Странника.

— Я был уверен, что он вам еще понадобится, — с иезуитской смиренностью молвил личный секретарь.

— Чего бы стоила Англия без вашей иезуитской прозорливости, Крите? — вновь принялся массажировать переносицу премьер. — И чего бы стоил без этой прозорливости я?!

— Вы прекрасно помните девиз Ордена иезуитов, сэр: «Если где-то в мире появился великий человек, рядом с ним немедленно должен оказаться иезуит!»

— ... Чтобы «преданно служить ему без зависти и гордыни, не завидуя, а способствуя и всячески поддерживая, и всегда находясь рядом с ним», — почти дословно процитировал Черчилль основу той иезуитской доктрины, которую в свое время изложил ему сам Роберт Крите. И этим, уже в который раз, удивил своего личного секретаря.

— Ибо таково священное правило адептов ордена иезуитов, — смиренно подтвердил Крите, воздерживаясь от похвалы. — И, видит Бог, как многотерпимо и степенно я придерживаюсь его мирских основ.

— Однако вернемся к генералу от разведки.

— Человека, способного доставлять подобные досье, — едва заметно повел подбородком Роберт Крите в сторону «Папки заговора», — вообще желательно не отпускать от себя. По крайней мере, до тех пор, пока ее содержимое не будет использовано в очередном томе ваших «Мыслей и приключений» или в книге исторических портретов «Великие современники»^[18].

— Только том этот будет называться «Кровавые современники».

— Что с пониманием было бы воспринято многими поколениями европейцев, — благоговейно склонил голову один из достойнейших представителей

иезуитского ордена. Прикажете пригласить сэра О'Коннела?

«Впредь сотрудников английских министерств следует набирать из выпускников иезуитских колледжей и богословских факультетов, тоже иезуитских, — подумал Черчилль, наблюдая как, пятясь, Крите вновь растворяется в преддверных сумерках. — Иезуитский орден — вот где кладезь истинных британских чиновников!». Он пытался вспомнить, в какой из колоний империи находится колледж, подаривший ему такого личного секретаря-иезуита, и не мог.

— Я внимательно ознакомился со списком выявленных СД и гестапо участников заговора против фюрера, генерал,

— Черчилль побарабанил пальцами по «Папке заговора». — Вы всерьез считаете, что в нем участвовало такое ничтожное количество людей, какое указано в ваших списках?

— Прошу прощения, сэр, но...

— Их здесь слишком мало, генерал, — кинжально впивался премьер указательным пальцем в грубоватую кожу папки. — Непростительно мало.

О'Коннел — рослый, бурно лысеющий блондин, удивленно уставился на премьер-министра, плохо представляя себе, чем он недоволен. Черчилль просил предоставить ему «Папку заговора», и его, О'Коннела, люди подготовили его, максимально используя все имеющиеся источники и сведения: от копий судебных материалов до шифрограмм агентов и сообщений германской и итальянской прессы.

— Этот список максимально приближен к тем данным, которыми оперирует созданная рейхсфюрером СС Гиммлером Особая следственная комиссия Главного управления имперской безопасности, возглавляемая Генрихом Мюллером. Которая, как считают многие

специалисты по Германии, и так слишком усердствует, истребляя невинных.

— Кого-кого истребляя? — с трудом выкарабкивался из бездонной глубины своего огромного кресла Черчилль. — Невинных?! И это заявляете вы, генерал «Интеллидженс сервис»?!

— Видите ли, сэр, мы стремимся к максимальной объективности сведений...

— «Невинных» в Германии не существует, генерал, — наконец налег всей массой своего тела на угол письменного стола премьер. — Ни в штабе армии резерва, ни в штабе Верховного командования вермахтом, ни в рядах СС и гестапо, ни в рядах германского чиновничества. Для нас, англичан, невинных в нацистской Германии не существует, поскольку в принципе существовать таковых в нынешней Германии не может.

— Но это решает Особая следственная комиссия РСХА.

— Вот как, — попыхивал сигарой Черчилль, — «особая, следственная»?! К вашей разведке они за помощью не обращались?

О'Коннел воспринял это, как очередную «премьерскую шутку», и продолжил:

— Замечу, что данная комиссия расследует причины заговора и, насколько мне известно, сейчас в ее распоряжении находятся списки основных заговорщиков. Большинство имен вам уже знакомы, — кивнул генерал в сторону «Папки заговора».

— А вам не кажется, что эта комиссия несколько подустала?

— Если наши агенты не ошибаются, — не понял его намек генерал, — в ее состав вошло более четырехсот гестаповцев и сотрудников СД. Даже трудно вообразить себе, какую массу абсолютно невинных людей способна погубить такая армия гестаповских комиссаров! И как

она, подобно своре псов, станет упиваться собственной властью.

— «Способна», однако же до сих пор не погубила. Вот я и поинтересовался, не обращалась ли эта комиссия к нашей военной разведке. Потому что слишком уж мало в этом, составленном комиссией гестапо списке обреченных имен. Так почему бы агентам «Сикрет интеллидженс сервис» не помочь своим германским коллегам и не выдать всех известных им прямых заговорщиков, каким-либо образом причастных к нему, просто подозреваемых в причастности...

— Но, в таком случае, мы резко ослабим антигитлеровскую оппозицию внутри Германии, сэр.

— Несомненно.

Удивленно отшатнувшись, генерал похмельно покачал головой: он пока что ничерта не понимал!

— Получается, что мы будем сдавать Гитлеру внутренних противников режима, а значит, по существу своих союзников.

Прежде чем ответить, Черчилль долго водил над столом дымящей сигарой.

— Особая комиссия может ограничиться какими-нибудь пятью десятками казненных заговорщиков — и все! Мы же не должны допустить этого. Чем дольше германцы будут убивать друг друга — тем лучше.

— В принципе, так оно и должно быть, но высшие интересы королевства...

— Не вам, генерал, судить о высших интересах королевства, — грубовато прервал его Черчилль. — Чем больше этих германцев будет истреблено во внутренней борьбе, тем меньше останется истреблять нам. Руками самих же нацистов мы должны уничтожать не только германский нацизм, но и тот прусский милитаризм, который снова и снова провоцирует германцев на войну со своими соседями. В Первую

мировую Германия не знала о существовании Гитлера и гитлеризма, однако это не помешало ей залить кровью половину Европы^[19].

— Вот теперь мне наконец становится понятен ход ваших мыслей, сэр.

— Сейчас, в эти дни, ваши люди, генерал, должны «рыть» во сто раз усерднее, чем люди Мюллера и Скорцени. Немедленно свяжитесь с германским отделом Би-Би-Си, с радиостанциями... — пощелкал пальцами Черчилль, пытаясь вспомнить их названия.

— Работающими на разложение германских войск, — подсказал ему О'Коннел, — то есть с «Золдатензендер Кале», «Золдатензендер Айне» и другими.

— Составляйте для них все новые и новые списки «заговорщиков» из тех, которые действительно когда-либо проявляли себя в попытках свергнуть фюрера или хотя бы наладить связь с нами, американцами, русскими, кем бы то ни было другим; и из тех, кто никогда не имел никакого отношения к заговору, но близко знаком с кем-либо из заговорщиков, состоит с ними в родстве или служит под их началом. Тщательно отрабатывайте каждое имя, ставя под подозрение гестапо и СД все новые и новые десятки армейских и прочих чинов.

— Будет исполнено, сэр.

— Гитлер жаждет мести своим генералам-предателям? — вслух рассуждал Черчилль, вновь вальяжно откинувшись на спинку кресла и попыхивая сигарой. — Так подставляйте под его меч все новые и новые головы! Гитлер жаждет крови? Сделайте так, чтобы потоки ее в подземельях гестапо еще долго и долго не иссякали. Причем это должна быть воистину арийская, нацистская кровь древних прусских, саксонских, швабских, померанских и прочих родов!

— Мои люди проникнутся ответственностью, — растерянно и неудачно вклинился в его монолог О'Коннел.

— Гитлер откровенно заявляет о том, что жалеет, что не почистил свой офицерский корпус, как в свое время это сделал Сталин? Так помогите же ему исправить эту оплошность! Вы слышите меня, генерал, помогите. Пусть он насладится горой трупов своих офицеров и таким образом, наживет себе еще миллионы новых врагов.

— В этом мы ему поможем, сэр, — генерал постепенно поддавался его настроениям.

— Пусть он насыплет курган над массовым захоронением своих фельдмаршалов, генералов и бригаденфюреров!

— «Массовым захоронением фельдмаршалов»! — с восторгом повторил генерал. Именно в этом контексте мы и станем наращивать наши усилия, сэр.

— Так что вас сдерживает?!

— До сих пор сдерживало, — деликатно уточнил генерал.

— Хотите сказать, что в вашей стратегии и тактике что-то изменилось, — кивал Черчилль, наперед зная, что у генерала нет и не может быть аргументов, которые бы способны были развеять его скепсис.

— Как я уже объяснял, мы опасались, что неминуемо отправим на виселицу тех людей, которые действительно хотели бы наладить с нами отношения.

— А что, в Германии существуют и такие, которые этого действительно хотят? — артистично откинул руку с сигарой Черчилль.

— Есть. Они стремятся избавить Германию от Гитлера и ждут от нас помощи в борьбе с гитлеризмом.

— Понимаю, что германский генералитет хотел бы избавиться от зарвавшегося и недалекого Гитлера, но

только для того, чтобы привести к власти более дальновидного, а значит, еще более коварного фюрера.

— Возможно, возможно, — стушевался О'Коннел. Его удивляло невосприятие премьером какого бы то ни было внутреннего противостояния Гитлеру. — И все же осмелюсь напомнить, что еще до начала «русской кампании» советник германского МИДа барон фон Зольц и евангелический проповедник Дитрих Бонхеффер пытались наладить с нами отношения, чтобы создать мощную оппозицию фюреру.

— Вы еще напомните мне о наскоке Карла Герделера! — взорвался благородным гневом Черчилль.

— Герделера? — поморщил лоб генерал.

— Это я при упоминании имени Герделера должен напрягать память, а не вы, генерал от разведки. Речь идет о том самом Герделере, которого заговорщики прочили в теневые канцлеры и который еще в мае сорок первого пытался связываться со мной с помощью шведских политиков. Однако моя реакция вам известна.

— Известна, — подтвердил О'Коннел.

Генерал прекрасно помнил, что она была предельно лаконичной: «Я абсолютно против даже самых незначительных контактов с этими разочаровавшимися в фюрере нацистами!»

— Так вот, моя позиция остается неизменной. Как и моя поддержка ваших усилий, генерал.

— Весьма признателен, сэр.

— Нечего передо мной расшаркиваться, — недовольно проворчал премьер-министр. — И вообще, не теряйте времени, сдавайте членам следственной комиссии гестаповского Мюллера всех германских дипломатов и конструкторов, отправляйте на виселицу эсэсовцев и сотрудников гестапо, а главное, впутывайте в этот путч как можно больше вермахтовских офицеров и генералов, не говоря уже о тайных и явных сотрудниках абвера.

Небо над полигоном казалось сумеречно низким, и молнии прорезали его от горизонта до горизонта, словно трещины в кратере ожившего вулкана.

Окопы, в которых притаился взвод специально натренированных зомби-воинов, отделяла от окопа русских пленных и власовцев лишь небольшая каменистая равнина, над которой рокочущие раскаты грома звучали, как неслаженные удары сотен батальонных барабанов.

— Так сколько же было отобрано русских пленных и солдат РОА? — поинтересовался Скорцени, как только «барабаны» на какое-то время затихли и над будущим полем боя воцарилась тягостная тишина предпогибельного ожидания.

— Пятьдесят два бывших красноармейца, — ответил командир зомби-воинов, известный всем под кличкой «Центурион», мраморным изваянием застывший рядом с обер-диверсантом рейха на небольшой возвышенности, между дотом и мощным многовековым дубом. — Отбирали жестко, отдавая предпочтение самым крепким, выносливым и относительно тренированным.

— «Относительно»?

— Увы, в лагере не оказалось ни бывших парашютистов-десантников, ни морских пехотинцев, которые у русских славятся умением драться врукопашную. Отбор производился из того материала, который был предоставлен.

— Итого пятьдесят два русских против двадцати пяти зомби-воинов?

— Неплохое соотношение, если учесть, что пленным придется сражаться с недочеловеками, лишенными чувства страха и инстинкта самосохранения и в то же время прошедшими подготовку по ускоренной программе рукопашного боя.

— Вам когда-нибудь приходилось видеть настоящую рукопашную?

Штандартенфюрер недовольно побряхтел. Он уже смирился с тем, что Скорцени давно игнорирует его чин полковника войск СС и предпочитает называть только по кличке. Но обер-диверсант все же мог бы поинтересоваться его послужным списком.

— Вынужден напомнить, что я начинал службу в парашютных войсках, под командованием известного вам генерала Штудента, вместе с которым вы занимались освобождением Муссолини.

— Кто бы мог подумать? — холодно удивился Скорцени. — Оказывается, вы начинали в парашютных войсках.

— И прошел достаточно хорошую выучку.

— Значит, мы не ошиблись, когда выбор падал именно на вас.

— Вскоре вы в этом убедитесь. Можно начинать бой?

— Для начала, пригласите командиров обоих отрядов.

Центурион прошел между стволами двух пулеметов, выставленных для усиления огневой мощи штабного дота на тот случай, если бы какой-то из отрядов ринулся в атаку на командный пункт, и уже из дота вызвал по полковому телефону командира зомби-воинов серба Ведовича, а также командира роты пленных и власовцев старшего лейтенанта Кротова.

— Ваша задача, лейтенант Ведович, контратаковать противника, в рукопашном бою прорваться сквозь его порядки и взять штурмом вон ту каменистую гряду. Вам понятно задание?

— Прорваться сквозь порядки противника и взять штурмом вон ту каменистую гряду, — угрюмо повторил Ведович, указывая рукой в ту сторону, куда только что указывал Скорцени.

В свое время Ведович, он же — Свирепый Серб, служил взводным в армии Тито, но за грабежи был приговорен к расстрелу, во время которого ему удалось бежать. Это был свирепый на вид славянин лет тридцати пяти, с задатками громилы и садиста, именно это и уловил один из офицеров СД, к которому Ведович попал на допрос после сдачи германцам.

— Твои зомби-воины должны разметать солдат противника и прорваться до этой гряды! — Еще более грозно произнес Скорцени, умышленно не называя противников зомби «русскими», дабы не вызывать у Ведовича воспоминания о славянском братстве.

— Они пройдут и размечают! — преисполнилось ненавистью лицо серба — Барра!

— Они должны пройти по телам врагов и взять штурмом вон ту высоту! После этого каждый из зомби получит много еды и женщину. Все вы получите много еды и много женщин!

— Много еды и много женщин! — почти прорычал Ведович и вновь разразился боевым кличем римских легионеров, с которым зомби-воинов приучали ходить в атаку: — Барра!!

— Ты понял меня, лейтенант?!

— Лейтенант все понял. Мы пойдем в контратаку! Барра!

— А теперь построь своих зомби-воинов и прикажи им идти в контратаку, как только из своих окопов поднимутся солдаты противостоящих вам варваров.

— Я прикажу им идти в контратаку! — пообещал этот верзила в форме СС с такой лютой злобой, что было ясно: каждого зомби-воина, который вовремя не

выйдет из окопа, он разорвет своими собственными руками.

Лишь проводя взглядом удаляющегося командира зомби-воинов, Скорцени перевел его на стоявшего чуть в сторонке старшего лейтенанта Кротова, тоже рослого, но слишком уж исхудавшего, чтобы выглядеть таким же грозным, как командир зомби-воинов. Кротов успел два месяца прослужить в армии генерала Власова и немного владел германским, поэтому Скорцени решил общаться с ним без переводчика. Штурмбанфюрер специально ввел в отряд пленных полтора десятка власовцев, дабы не допустить бунта лагерников, а заодно и позволить солдатам РОА провести среди своих неожиданных «однопольчан» агитационную работу.

— Вашим опытным воинам будут противостоять новобранцы, — штурмбанфюрер умышленно не посвящал ротного в тайну происхождения воинов Ведовича. — У вас, как и у них, в руках деревянные винтовки. Прикажи своим солдатам помнить, что рукопашная будет учебной, поэтому не зверствовать, солдат, оказавшихся на земле, прикладами не добивать, и вообще, старайтесь больше действовать без оружия. В ходе этой схватки новобранцы СС должны прорваться вон к той гряде. Вы же добираетесь до их окопов, перевязываете раненых и отдыхаете. Ни один ваш солдат преследовать их не должен. Это вам понятно?

— Так точно.

— Каждого, кто нарушит мой приказ, после боя расстреляете лично. Или же расстреляют вас. Вопросы есть?

— Нет, — угрюмо проворчал Кротов.

— Не чувствую азарта, старший лейтенант Кротов, не чувствую азарта! Постройте своих солдат, соответственно настройте их, затем верните в окоп и поднимайте в атаку.

— Есть, поднимать в атаку! — немного оживился власовец.

— Кинооператоры, — вызвал штурмбанфюрер из дота двух специально прикомандированных из штаба Гиммлера военных кинохроникеров, — занять свои места. Снимать все! Самым подробнейшим образом. И не вздумайте запороть пленку.

— Вы видели, как мы снимали ваших зомби во время тренировок и учебной рукопашной с манекенами, — ответил один из них, успевший в качестве кинооператора трижды побывать на Восточном фронте.

— Вы мое предупреждение слышали, Шигнер. И молитесь Богу, чтобы во время следующей атаки вы не оказались в строю зомби, под командованием нашего Свиного Серба.

Когда «враждующие» отряды сходились, некоторые пленные и власовцы сбивались в кучки и приближались к зомби-воинам с опаской. Те же, с криками «Барра!», отчаянно врывались в их гущу, скрещивали с ними свои «потешные» винтовки, врубались легкими прикладами в их каски и, применяя приемы восточных боевых искусств, расшвыривали атакующих, неспешно прокладывая себе путь к скалистой возвышенности.

— А ведь мои зомби неплохо сражаются! — восхищенно воскликнул Центурион. — Никакого страха, преисполнены ярости, приемы проводят так, словно находятся на показательных тренировках. Чего не скажешь о пленных и власовцах.

— И все же советую внимательно присматриваться к ним.

— С какой стати?

— Потому что большая часть из них завтра же будет отправлена в «Лабораторию призраков» «СС-Франконии», для переделки в зомби.

— Я об этом не знал, но... решение мудрое. Если только мы действительно собираемся создать в

подземельях Франконии гарнизон зомби-воинов.

— Не «собираемся», Центурион, а уже создаем. Причем усиленными темпами. К тому же потребую, чтобы еще как минимум роту специально отобранных власовцев тоже направили в «Лабораторию призраков».

Центурион не ответил, он уже был поглощен созерцанием того, как первые зомби-воины, ведомые Свирепым Сербом, бросаются на скальные стены небольшой волнистой гряды, чтобы карабкаться к ее вершинам.

* * *

Два дня спустя пленку со съемками этого боя, а также фрагментов из предыдущих «зомби-пленок» затребовал к себе фюрер. Заинтригованный рассказами Гиммлера, он теперь сидел в «имперском кинозале» рейхсканцелярии, вместе с рейхсфюрером СС Кальтенбруннером, адмиралом Деницем, личным адъютантом и Скорцени и внимательно всматривался в сцены умерщвления и зомбирования людей, которые по всем законам природы уже должны пребывать в мире ином.

Когда на экране угасли последние сцены рукопашной схватки, фюрер долго молчал, затем, не оборачиваясь к сидевшим позади него эсэсовцам и адмиралу, спросил:

— Вы, Гиммлер, можете поклясться мне головой, что в этом умерщвлении и оживлении нет никакого подвоха?

— Наши ученые используют рецепты и методы, проверенные столетиями, — как можно мягче, почти вкрадчиво напомнил ему главнокомандующий войсками

СС. — Существует целое учение африканских и гаитянских заклинателей...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо прервал его фюрер. — Сколько мы можем сотворить подобных зомби-воинов?

— Пока что не более пятидесяти человек в месяц. Но если понадобится...

— Понадобится. Теперь уже, несомненно, понадобится. Всех их вы намерены использовать только в подземельях «Регенвурмлагеря»?

— Основную массу. Будет также сформирован особый отряд зомби-диверсантов, который уже готовится под руководством Скорцени. Рассматривается вопрос и о том, чтобы превратить в зомби часть германских камикадзе, которые будут управлять «человеко-торпедами», «человеко-бомбами» и пилотируемыми ракетами «Фау».

Слушая его, фюрер задумчиво кивал, все ниже опуская при этом голову, словно засыпал.

— Вчера у меня на приеме был известный вам берлинский лама, — неожиданно встрепенулся он в тот самый момент, когда Скорцени показалось, что вождь вот-вот погрузится в сон. — Тот самый «Человек в зеленых перчатках».

Кальтенбруннер и Скорцени переглянулись. Они уже знали, что берлинский лама напророчил фюреру падение Берлина в начале мая сорок пятого. К своему ужасу, Гитлер имел возможность убедиться, что несколько предсказаний ламы сбылись с убийственной точностью. Кроме того, лама был единственным, кто не боялся говорить фюреру правду прямо в лицо, без каких-либо обиняков. Впрочем, знали они, со слов Гиммлера, и о том, что после встречи с ламой фюрер почти сутки пробыл в состоянии глубочайшей прострации,

— Он что-то говорил о зомби-воинах? — спросил Гиммлер только для того, чтобы вывести сейчас фюрера

из нескстати наступившего молчания.

— О зомби — нет, не говорил, — глухо ответил Гитлер. — Но предложил перебросить для охраны рейхсканцелярии три сотни добровольцев-смертников из Тибета^[20].

— Мы тоже можем превратить их в зомби-воинов. Если только последует ваш приказ, — уточнил Гиммлер.

— Они будут в вашем подчинении, Генрих, — произнес фюрер после небольшой паузы, тотчас же поднялся и, ни на кого не глядя, вышел из кинозала.

— Я так и не понял, господа, для чего меня пригласили на этот просмотр, — поднялся вслед за ним главком Кригсмарине. — Я не собираюсь укомплектовывать экипажи судов этими полумертвецами, чье появление на любом из судов унизило бы честь Военно-морского флота Германии.

— Напрасно вы столь категоричны, господин гросс-адмирал, — предостерег его Гиммлер. — Не забывайте о «субмаринах-призраках», которые можно отправлять к берегам США, а также об экипажах субмарин, которые будут оставлены для охраны секретной «Базы-211» в Антарктиде.

Гросс-адмирал недовольно пощелкал языком, как делал это всякий раз, когда следовало признавать свою неправоту.

— В любом случае подобный подход еще следует основательно осмыслить, — сказал он, уже стоя у двери.

— Не волнуйтесь, Скорцени, — наконец-то ожил и Кальтенбруннер, — он еще будет выпрашивать у вас этих зомби-воинов, как выпрашивают милосердия и последнюю надежду. Какие будут указания относительно зомби у вас, рейхсфюрер? — без какой-либо переходной паузы обратился он к Гиммлеру.

— Никто не убедит меня, что в будущем берлинский лама откажется от своих предсказаний. Поэтому усиленно наращивайте гарнизон «Регенвурмлагеря» и отряд зомби-диверсантов.

Майор Чеславский оказался прав: вход в «Регенвурмлагерь» находился на небольшом лесистом мысу, змеевидно уползавшем к середине озера. Судя по всему, это был осколок небольшой горной гряды, основная часть которой когда-то давно, возможно тысячи лет назад, ушла под воду, и на котором теперь возвышался мощный, хорошо замаскированный дот.

В сопровождении Штубера, Вечного Фельдфебеля и роттенфюрера Зигерта Отшельник долго спускался по железной винтовой лестнице, проходил сквозь тщательно охраняемые пулеметные блокпосты и преодолевал какие-то странные, герметически закупоренные горные выработки, которые, как он понимал, служили газовым щитом подземного лагеря СС.

Вспомнив о разговоре с польским партизаном, он теперь старался обращать внимание на малейшие детали, которые могли броситься ему в глаза и которые могли служить для характеристики «СС-Франконии».

Хотя к своему зачислению в ряды Армии Крайовой и возведению в лейтенанты Отшельник поначалу отнесся с легкой иронией, однако теперь он постепенно начинал проникаться важностью всего того, что совсем недавно произошло на островном берегу. Теперь он здесь, в подземельях, не просто так, и вообще, отныне он не сам по себе. Черета бессмысленных дней

обреченного ожидания гибели завершилась, и Отшельник вдруг почувствовал, что стал звеном какой-то сложной, всеевропейской цепи сопротивления фашизму, что он приобщился к секретному братству разведчиков.

В это пока что с трудом верилось, но где-то там, в генштабах и разведуправлениях Лондона, Вашингтона, Москвы, действительно будут благодарны любым сведениям, которые смогут получить от некоего разведчика, сумевшего проникнуть в самое логово секретного «дождевого червя» СС. И кому какое дело до того, кем этот разведчик был раньше, как он попал в «Регенвурмлагерь», кто его завербовал и как он к этой вербовке отнесся? Главное, что этот человек сумел добыть такие сведения, которые не смог добыть до него никто другой. Поэтому надо суметь.

На одном из ярусов, у подземной солдатской казармы, их ждала большая крытая мотодрезина.

— Понимаю, что это не «Восточный экспресс», — проворчал Штубер, входя в нее и останавливаясь рядом с облаченным в полувоенное одеяние машинистом, — поэтому прошу великодушно простить меня, господа. Особенно вас, Мастер, — обратился он к Отшельнику, молчаливо осматривавшему огромную катакомбную выработку, созданную, очевидно, на месте большой карстовой пещеры.

— Зачем вы привезли меня сюда, барон? — впервые после спуска в подземелье заговорил он, воспользовавшись тем, что первым молчание нарушил Штубер. — Неужели мало концлагерей там, наверху?

— Их множество, Отшельник, — молвил фон Штубер по-русски, хотя Орест заговорил с ним на немецком. — От нашего Эльзаса до вашей Колымы — сплошные концлагеря. Это уже какая-то особая «цивилизация концлагерей». Попомните мое слово, со временем историки так и назовут ее.

— Так почему же?..

— Из уважения к вашему таланту, Мастер. Я говорю это искренне, без какой-либо иронии. Вы же знаете, как я ценю всякий талант, если только это в самом деле истинный талант от Бога, а не грубое ремесло.

— И в чем оно должно проявиться, это ваше «уважение к таланту Мастера», в данном случае?

— Мои объяснения окажутся предметнее через пять минут пути, когда мы предстанем перед работой одного из местных ремесленников.

— Кого именно?

— Побойтесь Бога, Отшельник! Кому, как не вам, знать, что ремесленники творческих имен не имеют?! Им сие не позволено! Да-да, фельдфебель Зебольд, не позволено! И я совершенно не приемлю вашего сарказма, — явно сыграл на публику Штубер, поскольку на самом деле Вечный Фельдфебель, тоже неплохо познавший русский язык, выслушивал его словесные экзальтации совершенно безучастно.

— В этом вы правы, господин барон, — признал Орест. — Ремесленники творческих имен не имеют. Прекрасно сказано.

— Но поскольку местный комендант не догадывался о вашем существовании, — явно вдохновился его поддержкой Штубер, — то найден был некий местный полугерманец, который теперь искупает свою бесталанность на Восточном фронте. Вот и все. С нынешнего дня «Регенвурмлагерь» приобретает в вашем лице своего, настоящего Мастера. Да-да, Зебольд, настоящего Мастера.

— Я слушаю ваши высказывания, как проповеди, — подобострастно молвил Вечный Фельдфебель.

— Но признайтесь хотя бы самому себе, Отшельник, что вам нечего обижаться на меня, — продолжил барон, не обращая на него внимания. — Я не только не позволил вздернуть вас, как и положено по законам

рейха вздергивать всякого партизана, или отправить в крематорий, но и при любой возможности даю возможность раскрыть свой талант. Скажите после этого, что на войне вам не повезло!

— Так что меня ждет? Еще один конкурс мастеров на сооружение самой совершенной виселицы?

— Лучшей виселицы Второй мировой войны, — уточнил Штубер, широко и почти счастливо улыбнувшись. — После которой вы вполне заслуживаете титула «виселичных дел мастер» и достойного вас места в истории этой мрачной, бессодержательной войны. Не понимаю, чем вы недовольны. Понимаю, на любой другой офицер на моем месте не стал бы долго мудрить, а превратил в виселицу первую подходящую ветку и повесил вас на радость воронью. Вас, лично вас, такой вариант устроил бы?

— Не устроил.

— Правильно, потому что вы — древесных дел мастер! А настоящий мастер обязан позаботиться даже о том, чтобы виселица, на которой его вздернут, предстала взорам публики в виде настоящего шедевра деревянного зодчества. Поэтому я не мог оскорбить вашу смерть какой-то эшафотной поделкой ремесленника. Тем более что речь идет о смерти Мастера. И не надо ерничать по этому поводу, наш вечный фельдфебель Зебольд, для такого виселичных дел мастера, как наш Отшельник, это и в самом деле выглядело бы оскорбительным. Вспомните хотя бы слова вашего, фельдфебель, любимого английского поэта Роберта Бернса!..

— Его мы тоже вздергивали?

— Не успели, мой Вечный Фельдфебель, не успели. В случае с ним тоже работали грубые ремесленники. Хотя именно он как-то на досуге перед казнью изрек: «... Но если б знал он цену катафалка, он жил бы, чтоб

нести свой труп!». О качестве виселицы он мог бы сказать приблизительно то же самое.

Штубер все изощрялся и изощрялся в своем красноречии, но мысленно Отшельник уже был далеко от него и Зебольда, от этих подземелий, и всего того, что оставили в них ремесленники-полугерманцы. Вскоре Штубер уловил это его бегство в воспоминания и тоже умолк, чтобы оказаться в том же лагере для военнопленных и партизан, в котором пребывал сейчас этот гороподобный славянин Орест Гордаш.

* * *

...— Нужны плотники! Нам предстоит отобрать несколько по-настоящему мастеровых людей, которые бы сумели построить хорошую виселицу: с помостом, лесенкой, поперечиной, которая бы красовалась у рынка, в самом центре поселка.

Эсэсовец говорил на почти чистом русском, а обходя строй, останавливался перед каждым заключенным, внимательно всматриваясь ему в лицо. Что он «вычитывал» по их лицам: черты, по которым определялась национальность, страх, покорность, правдивость слов, которыми они будут доказывать свою причастность к плотницкому мастерскому цеху — этого они понять не могли.

Сегодня на плац вывели только их барак, который узники давно называли «барак висельников», хотя повесили из их нынешней партии пока лишь троих, остальных расстреливали. И теперь они, все семьдесят шесть человек, стояли на порывистом осеннем ветру, пронизываемые холодом, страхом и жаждой жизни, жаждой спасения. Они стояли и молча, обреченно

выслушивали этого рослого плечистого эсэсовца с хищным смугловатым лицом цыгана-конокрада, по которому и в самом деле давно плакала петля и который лишь по суровой несправедливости войны выступал сейчас в роли судьи и палача.

— Это должен быть классический европейский эшафот, фотография которого смогла бы обойти страницы многих газет и журналов, — проникновенно убеждал смертников гауптштурмфюрер фон Штубер. — Лучшая виселица, возведенная во время этой войны, самая совершенная виселица, которую когда-либо возводило человечество! Разве это не мечта всякого настоящего Мастера?

Строй угрюмо молчал. Люди решались. В этом строю стояли настоящие плотники, которых в этих краях, в лесистой Подолии, всегда было немало; и были просто люди, готовые взяться за топор только для того, чтобы испытать удачу, а там уж как-нибудь, рядом с мастером стоя, можно приноровиться.

— Надо б выйтить, — первым не выдержал бородатый мужик в гражданской рубаше навыпуск, которого в бараке называли Божьим Человеком и почитали за старосту. — Дело хоть и небожеское, — глядя себе под ноги, прогудел он густым сипловатым басом, — но мастеровое. А на всякое принудное дело кто-то должен согласиться. — И ступил два шага вперед.

— В центре этого городка должен восстать эшафот, — продолжил свою речь гауптштурмфюрер Штубер, лишь краем глаза проведя Божьего Человека, — восходя на который, обреченный любовался бы творением истинных мастеров, а не думал о какой-то там гнусной «воровской» петле да о спасении презренной жизни своей, которая и так непростительно затянулась. Сразу же обещаю, что казнь мастеров, которые будут возводить этот шедевр,

мы на несколько дней отстрочим. А может быть, даже отменим и переведем творцов виселицы в другой барак.

Когда впереди строя уже стояли восемь плотников, Штубер отыскал взглядом все еще остававшегося во втором ряду Отшельника и, мрачно ухмыльнувшись, покачал головой:

— Нехорошо, красноармеец Гордаш, скрывать от общества свой талант, не позволительно! А ведь мне сказали, что вы не только талантливый резчик по дереву, но и прекрасный плотник. Поэтому выбор у вас небольшой: или в строй плотников или сразу же на виселицу. На ту, примитивную, которую сварили, если только я правильно произношу это слово, какие-то пропойцы-ремесленники.

— И надо б выйтить! — опять пробасил Божий Человек, по-прежнему глядя себе под ноги — Мастер, он и на эшафоте — мастер.

Стать в строй висельничных дел мастеров эсэсовец Гордашу не позволил, а сразу же указал на место справа от себя. Затем поставил рядом с ним Божьего Человека. Всем остальным велел протянуть руки вперед, ладонями вверх, пытаюсь определить по ним те настоящие, мастеровые. Обладателем их стал худощавый жилистый мужичок, с лицом, щедро исеченным оспой, который назвался Феданом. Причем никто так и не уточнил, что это — имя, фамилия или деревенская кличка.

— Начнете, благословясь, завтра на рассвете, — обратился Штубер к Божьему Человеку, давая понять, что воспринимает его за старшего. — Сроку вам три дня. И петли тоже должно быть три, слабость у меня к этой цифре. Спешить не надо, но и тянуть с таким богоугодным делом тоже не стоит. Столбы и доски вам подвезут. Старую виселицу ты видел, но вот тебе снимки еще трех виселиц, — извлек он фотографии из нагрудного кармана, — которые в разные времена

верно служили палачам в разных концах света. Причем это классические, тюремные виселицы, но разных конструкций. Если ваша висельничная группа предложит свой собственный чертеж, — перевел он взгляд на Отшельника, — возражать не стану, сочту за честь присоединить его к своей коллекции фотографий и рисунков около ста виселиц: от обычных веток и фонарных столбов до вбитых в стену мясных крючьев и оскорбленных висельничными петлями благородных богемских люстр.

— Господи, прости его душу, — не удержался Божий Человек, однако на Штубера эта его реплика никакого впечатления не произвела.

— Кстати, — продолжил он, — есть в моей коллекции даже фотография повешенного на поперечине придорожного креста с распятием. Думаю, что вам, Отшельник, как специалисту по распятиям — во всяком случае, так мне представил вас один местный полицей, — этот образец будет особенно интересен.

Отшельник пренебрежительно взял у эсэсовца фотографию и, стараясь не смотреть на повешенного, внимательно, взглядом профессионального резчика, осмотрел тело распятого Христа. Работа действительно была неплохая, чувствовалось, что резец находился в руках человека, знающего толк и в приемах работы скульптора, и в строении человеческого тела, и в библейских текстах.

Услышав у себя за спиной какое-то едва уловимое движение, О'Коннел оглянулся. В ту же минуту из-за тяжелой голубой портьеры возник личный секретарь

премьера Роберт Крите. Выслушивая кровожадные наставления своего патрона, он взволнованно потирал руки и с иезуитским наслаждением ухмылялся, явно одобряя его исконно иезуитскую тактику.

Иезуитскому ордену, считал он, немыслимо повезло, что во главе английского правительства оказался человек, явно отстраненный от институций ордена, но предельно преданный его идеям. Не зря в свое время настоятель иезуитского монастыря, в котором Крите проходил «испытание философским молчанием», не раз сожалел, что в наши дни в Ордене иезуитов все меньше оказывается... самих иезуитов. И призывал вербовать истинных иезуитов «не по вере, а по складу своего характера и способу жизни».

Именно к таким «иезуитам от Бога» относился и сам Черчилль. Крите хоть сейчас готов бы мысленно «увидеть» его во главе британского отделения Ордена. И не только потому, что миру уже известно имя английского премьера, а потому что в образе «брата Уинстона» миру явился бы обновленный образ иезуита середины двадцатого столетия, которого так не хватает молодым иезуитам для достойного подражания.

— ...Если же в числе выданных вами следственной комиссии рейха, — продолжал тем временем премьер-министр, — на виселице окажутся люди, которые искренне хотели избавиться от фюрера, то будем считать, что им не повезло дважды. Первый раз — когда у них хватило тупости и бездарности допустить Гитлера к власти, а второй, — когда у них не хватило смелости и таланта избавиться от него.

— ...И заметьте, господин генерал, что это уже фраза, достойная того, чтобы остаться в анналах истории, — все же не удержался от комментариев иезуитский монах Крите, хватаясь при этом за лежавшую на столике, между портьерой и дверью,

записную книжку, в которую все подобные фразы он обычно вносил стенографической скорописью.

Черчилль и О'Коннел взглянули на него с одинаковым удивлением, однако Критса это не обескуражило.

— Если позволите, сэр, я хотел бы высказать несколько соображений по поводу задуманной вами операции.

— Мы внимательно слушаем вас, Крите.

— С одной стороны, мы должны как можно больше людей бросить в костер гитлеровской инквизиции, но, с другой стороны, мы должны показать всему миру, что значительная часть германского народа жаждет избавиться от ненавистного фюрера. Скажем, у фюрера все еще создается впечатление, что церковный клир то ли окончательно подавлен идеями нацизма, то ли остался в стороне от заговора. Так же как и ученое сообщество. Однако мы-то помним, что в мае сорок второго года уже упомянутый вами, господин премьер, пастор Дитрих Бонхеффер при поддержке доктора Ганса Шенфельда вновь попытался связаться с нашим правительством, используя в качестве посредника англиканского епископа Джорджа Беллу, с которым встретился в Стокгольме. Но дело даже не в этом, — поспешно добавил секретарь, уловив нервное движение Черчилля, которому хотелось сделать его доклад более лаконичным.

— А в чем же? — тактично, но тоже нетерпеливо спросил генерал.

— Самое важное заключается в том, что пастор Бонхеффер осчастливил Беллу довольно пространством списком наиболее влиятельных заговорщиков.

— Даже так?! — воспрял духом Черчилль, самодовольно переглядываясь с генералом О'Коннелом. — Мне приходилось слышать о «списке Бонхеффера», но...

— Припоминаю, что речь действительно шла о каком-то списке оппозиционеров, — поспешил подтвердить генерал О’Коннел. — Однако не я тогда принимал решения. К тому же никто не придавал тогда подобным спискам какого-то особого значения, — тотчас же оправдал он себя, премьера и всех, кто все же способен был «принимать в то время решения».

— Понятно, что этим внушительным списком Бонхеффер хотел убедить правительство Великобритании в реальности оппозиции, которую они представляют, — полностью реабилитировал генерала и всю военную разведку Черчилль. — Вопрос только в одном: — вновь вопросительно взглянул он на генерала, — где сейчас этот список?

— В моих руках он не побывал, — пожал тот плечами.

— В моих — тоже, — признался Черчилль. — Правда, кое-какие имена все же были названы, однако их перечень на «внушительный список» не тянет.

— Совершенно верно, сэр, — взял инициативу в свои руки Крите, — устно было названо лишь несколько имен. А сам список так и остался у епископа Беллы, потому что пастор-германец передал их епископу с жестким условием: тот ознакомит руководство Великобритании с полным перечнем имен участников заговора лишь в том случае, когда предварительно убедится, что ее правительство согласно поддержать германскую оппозицию и повести прямые переговоры с ее вдохновителями.

— Весьма предусмотрительно, — недовольно проворчал Черчилль. История со списками германцев-заговорщиков нравилась ему все меньше. Однако интереса к ней он все же не терял.

— Как вы знаете, сэр, — прямо обратился к нему секретарь, — епископу нетрудно было убедиться, что в то время в высоких правительственных кабинетах

Лондона антигитлеровской оппозиции рассчитывать было не на что.

— Он все правильно понял, — проворчал Черчилль, хотя в душе понимал, что настоящему дипломату, как и политику высокого ранга, не пристало столь категорически отвергать подобные инициативы из лагеря противника. Но что сделано, то сделано.

— ...И поскольку епископ под клятвой на Библии обещал, что в случае неудачи не обнародует этот список, то слово свое он сдержал.

— Не томите душу, Крите, — все же не удержался Черчилль. — Где сейчас этот список? В сейфе у епископа Беллы?

— Епископ уничтожил его, таковым было условие их договоренности.

Черчилль почувствовал себя так, словно над ним глупо подшутили. Лоб его побагровел, сигара в руке предательски задрожала. Еще мгновение — и он готов был взорваться грязевым гейзером негодования.

— Тогда о чем мы здесь говорим, Крите?! Что мы с генералом О'Коннелом выслушиваем, иезуитская ваша душа?!

И вот тут, склонив голову, личный секретарь премьера выдержал истинно монашескую паузу и, озарив себя иезуитской улыбкой покорной вежливости, поведал:

— Переданный германцем список епископ Белла действительно сжег. Однако, пытаясь, по понятным причинам, заручиться моей поддержкой, он вынужден был показать его. Ознакомиться со списком я мог всего лишь несколько минут, в присутствии епископа, тем не менее, запомнил, что в нем значилось тридцать семь фамилий. Двадцать шесть из них я затем сумел восстановить по памяти.

— Столько имен — по памяти?! — не мог скрыть своего удивления О'Коннел. — Жаль, что вы не связали

свою судьбу с разведкой.

— Когда мне нужна помощь какой-либо из разведок мира, сэр, мне достаточно знать имена двух-трех тайных иезуитов, которые свою судьбу по долгу службы Господу и Ордену обязаны были связать с той или иной разведкой, а иногда и с несколькими сразу. Один из таких агентов-иезуитов из ватиканской сыскной службы «Содалициум Пианум»^[21], подбросил мне еще три фамилии из того списка.

— Благородно.

— Но, как всегда в подобных случаях, услуга за услугу. Передав мне данные на троих германских генералов, он приплюсовал к ним отдельный список священников, от которых в их разведслужбе хотели бы избавиться точно так же, как и в рейхсканцелярии фюрера. Причем избавиться, используя возможности британской пропаганды и британских спецслужб, — сразу же объяснил он суть интереса ватиканской разведки.

— Это следует понимать так, господин Крите, — возмутился генерал, — что вы уже давно занимаетесь данным списком и ждали удобного случая, чтобы навязать нам решение его проблемы?

— Единственное, что меня при этом удивляло: — спокойно воспринял это обвинение Крите, — почему британская разведка до сих пор не использовала сведения о высокопоставленной оппозиции фюреру для развала всей гитлеровской правительственной верхушки.

И это уже был удар ниже пояса, причем в присутствии самого премьера.

— Он, это список, у вас? — вынужден был вмешаться Черчилль в облике рефери, да к тому же подстегиваемый умоляющими взглядами генерала.

— Естественно, — кротко подтвердил Крите и, подобно факиру, извлек откуда-то из складок своей плащ-накидки сложенный вдвое листик. — Вот он, этот список! Оглашу всего несколько имен: советник германского МИДа Адам фон Троттцу Зольц, дипломат граф фон дер Шуленбург, не раз бывавший в Москве; сам пастор Дитрих Бонхеффер, доктор Ганс Шенфельд... И несколько других имен политиков, генералов, полицейских, священников — из тех, кто до сих пор не арестован и вообще, в гестаповских списках заговорщиков не значится. Причем арест каждого из этих людей станет вызовом для определенных кругов германской общественности, в которых посеет недоверие, страх и ненависть к фюреру.

Когда Крите умолк, в Келье Одинокого Странника воцарилось долгое гнетущее молчание. Все трое понимали, что сейчас они должны решиться на информационнодиверсионную операцию, в результате которой сотни людей будут лишены жизни, а тысячи людей останутся на пепелищах своих судеб. Единственное, что их могло оправдывать в своих собственных глазах и в глазах истории, так это стремление услужить своей Великой Британии.

— Не обольщайтесь О'Коннел, не обольщайтесь, — иронично молвил наконец Черчилль, разрушая стену сомнений. — Даже если бы в этом списке значилось двести имен, все равно лично вам он послужил бы лишь основой для составления того, истинного «списка заговорщиков», который благодарно должна будет проглотить следственная комиссия имперской безопасности рейха.

— Она проглотит их, — не очень-то уверенно пообещал генерал. — Теперь это уже несомненно.

— И обратите внимание, как в данном случае сработала «секретная разведка теневого штаба

Черчилля», — указал он сигарой в сторону Критса, все еще стоявшего со слегка склоненной головой.

— Проведенная вашим «теневым штабом» операция станет классической. Ее начнут изучать в разведывательных школах и в студенческих аудиториях будущих дипломатов.

— В конечном итоге, ваш, господин генерал, то есть полный, список, за исключением нескольких «ватиканских имен» мы можем внедрить в папку следственной комиссии рейха и по каналам «Содалициума Пианума», — еще больше приободрил их обоих Крите. — Это сняло бы некоторые этические моменты.

— Нет уж, — отрубил Черчилль, — в данном случае крушить германские верхи мы будем сами.

— Ватиканская разведка попытается внедрять этот список тайно, путем всевозможных интриг и «подкопов», ибо таковы ее основные методы работы. А на самом деле внедрять их следует громогласно, в прессе, в радиопередачах, во всевозможных официальных заявлениях.

— Генерал абсолютно прав, — поставил точку в этом обсуждении Черчилль.

Крите едва заметно улыбнулся. Это была улыбка иезуита, сумевшего удачно использовать один из традиционных для иезуитских «агентов влияния» приемов. Он опасался, что в последний момент кто-то из этих двоих высокодостойных джентльменов устрашится информационного иудства составленного ими списка и предложит ему как представителю Ордена иезуитов все же выйти с ним на каналы ватиканской или какой-либо иной влиятельной разведки. И первым запустил пробный шар. Вновь сработало, хотя прием стар, как сам Орден иезуитов!

— Словом, через неделю жду вас, генерал, — молвил тем временем Черчилль, — с подробнейшим

списком тех, чьи имена гестапо с благодарностью примет из ваших досье.

— Мы подготовим такой список, сэр. Ознакомившись с ним, фюрер будет приятно удивлен перечню имен, которые никогда раньше никакого подозрения у него не вызывали. А еще фюрер будет поражен тем, как глубоко проникли нити заговора против него во все слои общества, во все эшелоны армии и дипломатического корпуса.

— Однако тщательно отработывайте каждую кандидатуру претендента на виселицу в тюрьме Плетцензее. Не из жалости к этим жертвенным счастливчикам, а из опасения, что германцы могут заподозрить вас в подыгрывании. В конечном итоге, они все равно заподозрят, но уже тогда, когда в наступлении на германскую оппозицию мы почувствуем себя союзниками.

— Это уже вопрос нашего профессионального мастерства.

— Только что вы, генерал, сами произнесли эти слова: «профессионального мастерства». Так не скупитесь же на имена, чины и титулы, О'Коннел; во имя Англии, не скупитесь!

Вернувшись после «вебельсбергского съезда» в Берлин, Гитлер тотчас же приказал собрать у него всех генералов и некоторых старших офицеров, отвечавших за строительство «Регенвурмлагеря», «Альпийской крепости» и всех прочих редутов, вплоть до особого, Берлинского укрепленного района. А также тех генералов, чиновников из «Трудового фронта» и

промышленников, которые ведали производством и поставками строительных материалов.

В этот раз сам фюрер говорил очень мало, зато выслушивал молча и терпеливо, почти не прерывая, что случалось с ним крайне редко. Просто теперь он хотел знать истинное положение дел на «инженерном фронте» и знать мнение своего инженерного корпуса о сроках создания укрепленных районов, их мощности и надежности. Однако то, что ему пришлось услышать от инженеров и промышленников, уже не порождало у фюрера ни новых надежд, ни даже успокоения.

Одни, как командующий инженерными войсками в районе «Альпийской крепости» генерал-лейтенант Пауль Кренц, беззастенчиво лгали, уверяя, что доты, которые предусмотрено в ближайшее время возвести в альпийских предгорьях, вдоль основных дорог, будут создаваться по новым проектам и окажутся совершенно неприступными для врагов; другие, как командующий такими же войсками в районе «Регенвурмлагеря» генерал-лейтенант Фрицринг, подготовили целые петиции с претензиями ко всем своим поставщикам, и буквально рвали и металл по поводу их непорядочности, непунктуальности и игнорировании нужд подземной базы СС. Причем все это, конечно же, объяснялось «предательством отдельными лицами интересов рейха и непониманием задач, поставленных перед ними верховным командованием».

Только владелец крупного металлургического концерна барон Фридрих Флик сидел неподвижно, гордо выпрямив спину и полуприкрыв глаза подергивающимися ресницами. Теперь он уже был основным поставщиком оружия для вермахта и спокойно мог почивать на лаврах, время от времени предаваясь созерцанию картин в своей немыслимо огромной коллекции полотен, собранных чуть ли не со всего мира. При этом «стальной барон» был уверен, что

не оружие, которое вскоре исчезнет вместе с его носителями на полях сражений, а именно картины, являются наиболее надежным способом вложения капиталов^[22].

После речи пятого или шестого оратора Гитлер вдруг почувствовал, что крайне устал и начал терять нить восприятия этих людей, как и смысл самого этого собрания. Но еще нескольких генералов он выслушал со всем возможным терпением, на которое только был способен.

— Вам, господа, — наконец поднялся он, жестом остановив попытку какого-то штандартенфюрера СС подарить ему еще десять монологов откровенной лжи или непозволительных в такое сложное время «рыданий», — я должен сказать то, чего обычно не говорю генералам своей действующей армии. Сейчас судьба Германии зависит уже не от наступательного порыва боевых частей, а от мощи наших оборонительных редутов на ее исторических границах, мощи и надежности наших укрепленных районов и линий, а также от подготовленности к оборонительным боям наших старинных замков и крепостей. Только сегодня утром мне на стол положили подробный отчет об обороне Брестской крепости в начале «русской кампании» гарнизоном красных. Вы все слышали об этой обороне.

— Слышали, — не удержался кто-то из генералов, хотя обычно прерывать фюрера такими ответами на его сугубо риторические вопросы было не принято.

— Из того, что мне было представлено, ясно вытекает, что сам гарнизон был плохо подготовлен к боям: не было достаточно оружия, не хватало продовольствия, не был развернут госпиталь, в крепости оставалось немало гражданских лиц, к тому же она не была охвачена заградительными полевыми

рубежами обороны. Я уж не говорю о том, что у брестского гарнизона не было зенитных орудий, и вообще, она не имела никакого прикрытия с воздуха. Тем не менее крепость держалась довольно долго и вынудила наши войска понести немалые потери. Так кто посмеет убеждать меня, что германские солдаты, особенно подразделения СС, не способны на такую же оборону, и что наши крепости менее мощны, нежели Брестская? Особенно если их инженерно подготовить к современным боям. Что скажете по этому поводу, генерал Кренц?

Прежде чем подняться, генерал-инженер вопросительно осмотрел сидевших по обе стороны от него генералов, словно ожидал, что найдется кто-то, кто решится ответить фюреру вместо него или же подскажет правильный ответ. И генералы насторожились. Все знали, что Кренц — толковый, знающий фортификатор, но точно также всем известен был грубый, вспыльчивый характер этого пятидесятипятiletнего шваба, почти всю свою жизнь проработавшего в своей Швабии инженером какой-то крупной строительной фирмы.

— В зоне создания «Регенвурмлагеря» есть только один более или менее приспособленный к обороне замок. И он уже охвачен четырьмя дотами и одной линией окопов. Понимаю, что этого мало, оборону мы усилим. Но при одном условии, что постоянный гарнизон этой крепости будет сформирован хотя бы за две недели до появления в его окрестностях русских и польских частей, дабы можно было ознакомить его с особенностями подобной фортификационной обороны, особенностями боя в условиях средневековой крепости. Кстати, напомню, — голос Кренца становился все громче и резче, — что упомянутая вами, господин фюрер, Брестская крепость обладала постоянным

гарнизонам, который отлично знал ее устройство, ее подземелья, все подступы к ней.

— Что из этого следует? — нервно проворчал Гитлер.

— Что следует? — явно заводился Кренц, забывая, с кем говорит. — Позволю себе напомнить, что, когда, еще во время подготовки плана «Вариант «Барбаросса»^[23], генерал фон Паулюс был назначен главным квартирмейстером вермахта, я предложил ему, а также одному из разработчиков «Плана Барбаросса», генералу Марксу, заняться инспекцией и укреплением всех германских крепостей. И Паулюс...

— Куда вас занесло, Кренц? — едва ощутимо толкнул его в бок сидевший рядом Фрицринг. — Только не Паулюс! — едва слышно проговорил он, зная, что после покушения слух Гитлера заметно притупился.

Подрастерявшийся Кренц взглянул на сидевшего слева от фюрера Мартина Бормана и увидел, как тот медленно повел из стороны в сторону своим квадратным подбородком, словно пытался утолить неутолимую зубную боль. Он тотчас же понял свою ошибку: упоминать сейчас, при фюрере, имя сдавшего русским свою сталинградскую группировку и сдавшегося в плен фельдмаршала Паулюса было непростительной глупостью, ударом ниже пояса. Но тут разыграли гонор Кренца и его швабское упрямство.

— Я понимаю, — еще резче произнес он, переведя взгляд теперь уже на фюрера, — что кое-кому неприятно слышать здесь имя фельдмаршала-предателя, но я констатирую факт. А он таков, что уже тогда я предлагал инженерно укреплять и по-современному фортифицировать все имеющиеся в стране замки и крепости. Считая, что нельзя идти войной против русских, не подготовив страну к оборонительным боям. Но Паулюс, генерал Маркс и,

конечно же, сам начальник генштаба Гельдер отвергли мое предложение, считая его пораженческим.

— Претензии теперь предъявляйте только Марксу и Энгельсу, — вновь вполголоса обыграл имя однофамильца основателя марксизма главный фортификатор «Альпийской крепости» Фрицринг.

С минуту Гитлер, не отводя глаз, смотрел на Кренца, как на городского сумасшедшего, пританцовывающего впереди похоронной процессии. Когда он зачем-то нервно ощупал свой боковой карман, возможно, для того, чтобы извлечь оттуда носовичок или таблетки, Кренцу в какое-то мгновение показалось, что сейчас он выхватит оттуда пистолет и пристрелит его.

— Мне, лично мне вы предлагали тогда свой план фортификации? — вдруг угрюмо, медлительно, с сонливым выражением лица, спросил Гитлер, поражая генерала от инженерии непредсказуемостью своей реакции.

— Нет, мой фюрер. Да тогда вы и не стали бы выслушивать меня.

— Правильно, не стал бы. Потому что тогда не время было выслушивать подобные проекты. Точно так же, как и сейчас — не время выслушивать ваши жалобы на Паулюса. Разве что хотите предъявить их бывшему фельдмаршалу лично? Могу походатайствовать перед Сталиным. Садитесь, Кренц. Чем чаще я выслушиваю людей, подобных вам, тем все больше убеждаюсь, что выслушивать вас не следует, поскольку вам понятен только язык приказов. Приказы вам нужны, приказы и только приказы! Поскольку ни один из вас самостоятельно мыслить не приучен, да, пожалуй, и не способен.

— Вам не кажется, что фюрер оскорбил меня? — довольно громко спросил Кренц у своего коллеги Фрицринга, когда они чуть не столкнулись в двери.

Но вместо ответа тот удостоил Кренца такого же взгляда, каким недавно «осчастливил» его сам фюрер.

Скорцени был занят чтением каких-то бумаг, и, чтобы не отрывать его от чиновничьеугодного занятия, Родль молча преодолел просторный кабинет и так же молча положил ему на стол несколько скрепленных листиков.

— Что это вы мне опять подсовываете, адъютант? — нервно подергались глубокие мясистые шрамы на левой щеке начальника отдела диверсий РСХА.

— Это не я, это Черчилль нам подсовывает, причем с каждым днем все настойчивее. Слишком уж навязчиво, должен вам доложить.

Отто пробежал взглядом две первые страницы и похмельно покачал головой.

— Еще один стенографический пересказ передачи английской радиостанции?

— Если быть точным, нескольких передач германского отдела Би-Би-Си и вещающей на рейх радиостанции «Золдатензендер Айне». Преамбулы в этих передачах разные, но в них названы десятки имен одних и тех же людей, которые, по мнению Лондона, состоят в заговоре против фюрера.

— Вы правы, Родль, почти одних и тех же, — задумчиво кивал обер-диверсант.

— Но какие это имена! Можно представить себе, как англичанам хочется, что бы фюрер лично вычеркнул из их списка живых. Лично... вычеркнул!

— Вижу, — вновь обратился Скорцени к тексту расшифровки стенограммы. — Ну, понятно: граф фон

дер Шуленбург, Адам фон Зольц, Дитрих Бонхеффер, Карл Герделер, Эрих фон Хаммерштейн-Экворд...

— Замечу, что Хаммерштейн-Экворд — это бывший главнокомандующий сухопутными силами, — напомнил ему адъютант. — Штабисты утверждают, что очень талантливый, своеобразный военачальник, которого давно пора вернуть в штаб сухопутных сил.

— Поверим им на слово, Родль. Кто тут у нас дальше? Фельдмаршал Георг фон Кюхлер...

— Командующий группой армий «Север».

— С этим я немного знаком. Прусский педант, который хорошо смотрелся бы в армии прусского короля начала девятнадцатого столетия. Кто следующий на эшафот? Генерал Отто Херфурт. А это кто такой? — поднял Скорцени глаза на добровольного комментатора списка обреченных.

— Начальник штаба Берлинского округа.

— Тоже важная птица.

— Этого заговорщики действительно могли привлечь в свои ряды, поскольку от него зависело поведение частей столичного округа в ходе путча.

— Логично. Кстати, Родль, уж не с вами ли консультируются английские разведчики, когда готовят эти списки для дикторов радиостанций?

— Увы, не со мной.

— Какая недалёковидность сотрудников «Сикрет интеллидженс сервис»!

— Но можете не сомневаться, что с командным составом вермахта, как и с дипломатическим корпусом рейха, они неплохо ознакомились и без моей помощи.

— Следует отдать им должное, — признал Скорцени.

— Кстати, обратите внимание, штурмбанфюрер, что для правдивости англичане подали несколько имен людей, которые уже арестованы, а некоторые даже казнены.

— Вы сказали «для правдивости»...

— Именно так, для правдивости.

— Значит, считаете, что в этих пространных списках...

— И заметьте, что это уже четвертые списки, которые я подаю вам. Некоторые имена, правда, повторяются, но и это тоже лишь для ложной правдивости.

— ... То есть вы считаете, что в этих списках есть немало имен людей, совершенно непричастных к покушению на фюрера.

— А также имен людей, истинно преданных фюреру. И вы не можете не понимать этого, штурмбанфюрер.

— Пришлось задуматься над этим, как только вы положили мне на стол еще ту, первую расшифровку.

Скорцени вновь уставился в список выданных англичанами своих естественных союзников, но в это время ожил телефон и в трубке проявился неприглаженный баварский акцент Генриха Мюллера.

— ... И что вы по этому поводу скажете, Скорцени? — не стал ударяться ни в какие предисловия шеф гестапо. Причем прозвучал его вопрос так, словно все то время, пока Скорцени знакомился с радиодоносами английских политиков, Мюллер терпеливо ждал, сидя вместе с ним в кабинете.

— Мне и в голову не могло прийти, группенфюрер, что у вас такая мощная агентурная сеть на английских радиостанциях.

— Понимаю, как первому диверсанту рейха вам обидно, что фюрер до сих пор не позволил доставить в Берлин сэра Черчилля.

— Только бы последовал приказ фюрера.

— Не сомневаюсь, Скорцени, не сомневаюсь. Но списочки-то действительно серьезные. Это вам не тот десяток штабистов генерал-полковника Фромма,

которых вам удалось выловить по кабинетам штаба армии резерва в день путча.

— Но следует задаться вопросом: с какой такой стати англичане столь рьяно пополняют камеры гестапо все новыми и новыми заговорщиками, выступавшими против их непримиримого врага — Гитлера?

— Хотите направить личное, гневное письмо Черчиллю, обвиняя его в непорядочности по отношению к германцам, которые искали у него поддержки? Валяйте. Только не забудьте оставить копию для гестапо, чтобы не пришлось ждать ее от самого Черчилля.

— Вы уже доложили о публикации этих имен фюреру?

— Гиммлеру, — уточнил шеф гестапо, полагая, что Скорцени известно: Гиммлер по данному вопросу докладывает фюреру немедленно, не мучаясь никакими сомнениями. — По двум предыдущим радиосообщениям англичан — уже доложил. Об этом доложу после анализа текста.

— Стоит ли торопиться? Вдруг англичане умышленно подставляют нам людей, которых сами с удовольствием убрали бы?

— Не сомневаюсь, что некоторые имена оказались в их списках несправедливо. Но претензии не ко мне, а к генералу Альберту О'Коннелу, который, как докладывает наш лондонский источник, как раз и занимается составлением этих списков.

— Вот видите, вам даже известен генерал, люди которого подсовывают нам списки заговорщиков.

— И все же доложить, — это мой долг как руководителя Особой следственной комиссии Главного управления имперской безопасности.

— Интересно, сколько еще таких списков поставят вашей Особой комиссии из канцелярии Черчилля?

— Мне, Скорцени, понятна ваша скрытая ирония, однако мои люди уже проверили сообщение, касающееся контактов с англичанами и американцами евангелического священника Дитриха Бонхеффера. И абсолютно точно установили, что в конце тридцатых годов он действительно встречался с различными политическими и религиозными деятелями в Лондоне, а затем и в Вашингтоне. Причем содействовал ему в организации этих встреч советник Министерства иностранных дел Адам фон Зольц.

— Отголоски этой истории докатились даже до меня, хотя происходили задолго до моего появления в стенах РСХА.

— Но это не все. Как выяснилось, англичане не врут: пастор Бонхеффер в самом деле передал англичанам через некоего шведского епископа довольно пространный список яростных противников фюрера, принимавших участие в заговоре. Цель его была ясна: убедить английское руководство, что заговорщики действительно владеют внушительным перечнем своих сторонников.

— Мне известно об этом списке, — молвил Скорцени.

— А значит, известно и то, что многие лица из этого списка действительно оказались во главе заговора 20 июля.

— Так оно и произошло на самом деле, — сдал и эти позиции Скорцени.

— Кстати, один из первых значившийся в этом списке, Карл Герделер, в мае сорок первого, то есть накануне «русской кампании», тоже воспользовался посредничеством шведских дипломатов. А ему что понадобилось в Лондоне? Оказывается, он просил передать Черчиллю некий «Мирный план» урегулирования всех германоанглийских вопросов. Вот только приводиться в действие этот план мог лишь в том случае, если Лондон поможет прийти к власти

«группе германских деятелей, — как было указано в его письме, — являющихся руководящими лицами во всех сферах жизни и готовых взять на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу Германии». Но самое любопытное, что в списке, переданном английской разведке самим Герделером, он уже значился «теневым канцлером» демократических сил сопротивления фашизму.

— И все же англичане не зря сотнями сдают нам врагов рейха. Представился случай истребить значительную часть германской элиты руками самих германцев.

— Среди них найдется несколько людей, мало причастных в заговору, — согласился Мюллер. — Но тех, которые бы абсолютно не знали о нем, там не окажется.

— Не уверен.

— Сталин в таких случаях говорит: «Когда лес рубят, на щепки никто внимания не обращает». Или что-то в этом смысле. Так что у англичан свой интерес, у нас свой, — заключил Мюллер, кладя трубку.

Скорцени встретился взглядом с адъютантом, и оба отвели глаза. Они прекрасно понимали, что в этой мясорубке сгинет немало совершенно невинных, преданных нацизму людей, поскольку вряд ли фюрер пощадит хотя бы одного из значащихся в «лондонских списках». Ярость и месть — вот все, чем он сейчас руководствуется. Только неумная ярость и неукротимая месть.

— Скорее всего, в этих списках действительно все из стаи заговорщиков, — пощадил самолюбие своего командира Родль. — И потом, я свидетель того, что вы ничего не могли сделать для спасения людей, которые стали жертвой интриги Черчилля.

— Пусть меня хоть что-то оправдывает в этой ситуации, — вздохнул штурмбанфюрер. — Но меня

сейчас интересует другое: почему вдруг Мюллер стал отчитываться передо мной?

— Он не отчитывался, а оправдывался.

— Тоже верно, Родль.

— Пытается заручиться вашей поддержкой на тот случай, когда обвинять станут его самого — в излишней жестокости и несправедливости.

— А еще — в неумении распознать в лондонских радиодоносах элементарную провокацию британской разведки. Однако все это уже будет происходить значительно позже, когда «лондонских заговорщиков» всех до единого казнят.

21

Отпустив участников совещания, Гитлер еще какое-то время нервно ходил вдоль стола, поглядывая при этом то на один стул, то на другой, словно там все еще сидели его «генералы от инженерии». Затем вернулся в свое кресло, уселся в него и, вцепившись дрожащими костлявыми пальцами в подбородок, до бесформенности изуродовав его, надолго впал то ли в раздумье, то ли в забытие.

Однако смотрел фюрер не на лежащую перед ним огромную карту — с лишь недавно нанесенными на нее линиями фронтов, вспоротыми стрелами наступлений и контрнаступлений; и даже не на все еще остававшегося в «ситуационной комнате» Бормана. Нет, это уже был взгляд в то отторженное от него самого, от всякой реальности, «никуда», за которым могло просматриваться разве что отчаяние; да еще страстное желание уйти не только из опостылевшей,

окончательно предавшей его реальности, но и из самого отторгнувшего его мира.

Мартин улавливал его состояние и отлично понимал, что самое время предать фюрера одиночеству. Тем более что Гитлер никого не просил остаться, а в таком случае пребывание в кабинете любого, в том числе и его, рейхслейтера НСДАП, было недопустимо: фюрер уже не раз давал понять это каждому, кто предпринимал попытку уединиться с ним, будь то фельдмаршал, министр или генерал-адъютант.

И если время от времени Борман все же позволял себе нарушать его запрет, то лишь потому, что страстно желал утвердить и себя, и прочих приближенных в мысли, что он по-прежнему «вхож» к фюреру и что тот по-прежнему рад видеть его в любой ситуации, при любом душевном состоянии. Потому что никакими просчетами, никакими фронтовыми неудачами старая дружба их разрушена быть не может.

— Ну, что, Борман, что?! — явно не выдержал его присутствия Гитлер.

Пребывая в более или менее сносном расположении духа, фюрер обычно обращался к нему по имени. Если же он говорил «Борман», а тем более — на «вы», то за этим всякий раз следовала попытка официально отмежеваться от тех «особых отношений», на которые его заместитель по партии не просто претендовал, но и за которые яростно сражался, оспаривая право на них у Гимmlера, Геринга, Кальтенбруннера, Шауба... А в последнее время — еще и у группенфюрера Отто Фегеляйна^[24], который, женившись на сестре Евы Браун, решил, что стал родственником не только Евы, но и Адольфа. В чем, конечно же, самым невиннейшим образом ошибался. Хотя пока что и не догадывался об этом.

— Я как ваш соратник по борьбе и партии... — начал было Борман.

— Соратник?!.. — возмущенно прервал его Гитлер. — Соратники вроде вас, Борман, любят только пиры победы; за поражения же приходится расплачиваться мне одному.

— Это не так, мой фюрер.

— Так, Борман, так! Пир победы — вот что привлекает вас в той борьбе, в которой германский народ сражается с обреченностью гладиатора. Причем в Германии так было всегда, со времен Священной Римской империи. Что, впрочем, и тогда уже было предательски несправедливо. Предательски несправедливо, Борман.

— У вас, мой фюрер, всегда есть товарищи по движению, готовые делить с вами все, в том числе и горечь сокрушительных поражений.

— «Сокрушительных», говорите? — приподнял голову фюрер. Теперь он смотрел на партийного босса исподлобья, недоверчиво и почти агрессивно.

Борман ощутил, что фюрер опять, уже в который раз, ищет повод взорваться вулканом ярости и тем самым облегчить свою душу. В иные времена личный секретарь готов был жертвенно подставлять себя под такие извержения. Но только не сейчас. Сейчас, когда в ходе разгрома сил заговорщиков фюрер вновь, как и во времена разгрома штурмовиков из формирований СА, познал вкус крови поверженных врагов, это становилось слишком опасно.

— Если бы они, сокрушительные поражения, случились... мой фюрер, — дрогнул рейхслейтер. — Я имел в виду только это.

И вновь воцарилась эта бесконечная, тягостная пауза...

Догадывался ли фюрер, как убийственно изводил он подобными «артистическими паузами» своих

«придворных»: и тех, кто готов разделять с ним тягости поражений, и тех, кто хоть сейчас готов был предать его, не говоря уже о тех, кто хоть сейчас готов был пристрелить его?

— Чего вы ждете, Борман?

— Как ваш личный секретарь, мой фюрер, я считал, что... после такого совещания...

— Я не об этом, Борман. Чего вы ждете от меня, от этой войны?

— Как и все, — победы. Только победы.

— Нет, чего вы все жаждете, — проигнорировал его ответ фюрер, — должностей, славы, маршальских жезлов? Все это вы уже имеете. Так почему вы и дальше носитесь за мной, подобно своре дворняг?

Рейхслейтер вновь поколебался. Фюрер ставил вопросы так, словно расставлял западни и развешивал удавки, потому что был убежден, что жертвует собой ради Германии, ради чинов и благоденствия своего окружения, лично для себя ничего не приобретая.

— Мы все желаем только одного: успеха нашего движения, победы национал-социализма и победы Германии.

— Не все, Борман, не все, — помахал перед собой ревматически искореженным пальцем Гитлер. — Знаю, что тебе навсегда хочется забыть 20 июля сорок четвертого. Вам всем хочется забыть его. Но я вам этого не позволю.

На сей раз Борман благоразумно промолчал, однако фюрер не сразу заметил это. Еще какое-то время он продолжал резко, непререкаемо высказывать наблевшее, прерывая монолог только для того, чтобы еще и еще раз прикрикнуть: «И не спорь со мной, Борман! Ты споришь, даже когда абсолютно не прав!». И лишь тогда личный секретарь фюрера осмеливался подтверждать: «Вы правы, мой фюрер! Не спорю, ибо вы абсолютно правы».

После того, как Борману удалось наладить связь с русским разведчиком и через него получить канал прямой связи с Кремлем, он старался быть предельно осторожным. Любое отторжение от фюрера воспринималось сейчас, в нервной обстановке поражений на всех фронтах, как обвинение, если не в прямом предательстве, то, по крайней мере, в «пораженчестве». А рейхслейтер опасался, что людям Шелленберга или Скорцени удастся выйти на его «московский след». Причем произойдет это раньше, чем он сумеет хоть как-то намекнуть об этом фюреру, подготовить его к своей «легенде».

— Кстати, где сейчас Геринг? — вопрос прозвучал настолько неожиданно и так некстати, что Борман растерянно оглянулся, словно бы надеялся, что он задан не ему, а кому-то из доселе томившихся под дверью адъютантов.

— Мне сообщили, что он находится на севере Германии, инспектирует расположенную там воздушную армию...

— Воздушную армию? Какую еще «воздушную армию», Борман?! У Геринга уже нет никаких «воздушных армий». Есть лишь какие-то жалкие остатки бывшего люфтваффе. Что вы скажете на это, рейхслейтер? — это «рейхслейтер» прозвучало в устах фюрера почти саркастически.

— Затрудняюсь с ответом, мой фюрер.

— Почему затрудняетесь? Не согласны с тем, что бывших военно-воздушных сил у нас уже нет? Вы принципиально не согласны с этим, Борман? Что вы опять юлите?

— Я не юлю, мой фюрер. Я осмысливаю.

— Здесь нечего осмысливать. Геринг погубил наш воздушный флот. Он погубил его, Борман, несмотря на то, что германский народ предоставил ему все:

огромное количество денег, лучших пилотов и лучшие боевые машины.

Рейхслейтер понял, на какой опасной грани подозрения оказался и, чтобы как-то потянуть время, долго сморкался в измятый несвежий носовичок. Мартин помнил, что фюрер терпеть не мог, когда кто-либо в его присутствии прочищал таким образом свой нос, и порой этой процедуры оказывалось достаточно, чтобы он прервал разговор и выпроводил собеседника из кабинета. Однако на сей раз Гитлер вынужден был терпеливо, хотя и не скрывая своей брезгливости, промолчать.

Борман, конечно же, не согласен был с утверждением фюрера. Он знал, с какими трудностями сталкиваются воздушные армады Геринга, пытаясь противостоять асам русских и англо-американцев. Но так же хорошо знал он и то, что вступать в споры с вождем бессмысленно.

— Сейчас всем нам трудно, мой фюрер, — пожитейски вздохнул рейхслейтер. Хотя даже этот сочувственный вздох вызвал у Гитлера неудовольствие, он привык, нет, он попросту требовал, чтобы его мнение, как и его власть, не подлежало никаким коррективам и сомнениям. — Однако выстоять мы можем, только сплотившись.

Фюрер отрешенно взглянул на рейхслейтера, едва заметно пожевал нижнюю губу, пытаясь погасить накипавшее в нем раздражение и гнусава, пробубнил:

— Вот я и спрашиваю, где сейчас Геринг? Почему он не здесь? Почему не с нами? Что все это значит?

— Распоряжусь, чтобы выяснили, мой фюрер.

— Почему всякий раз, когда всем нам нелегко, кто-то из тех, на кого я особо полагаюсь, обязательно исчезает? Шауб! — позвал он своего личного адъютанта.

— Я слушаю, мой фюрер.

— Вы предупредили этого «жирного борова», что он обязан явиться сюда?

Адъютанту не нужно было объяснять, что под «жирным боровом» в ставке числится только один человек — рейхсмаршал Герман Геринг.

— Так точно, мой фюрер. Час назад рейхсмаршал вылетел из Грайфсвальда, где находится штаб воздушной армии.

При упоминании о штабе воздушной армии Борман болезненно поморщился, поскольку фюрер только что пытался убедить его, что никакими армиями Геринг уже не командует, однако убеждать в этом Шауба не стал, пусть Гитлер сам разбирается со своим адъютантом. Вот только сам вождь стоял у стола и, постукивая костяшками согнутых пальцев, всматривался в ту часть ее, в которой располагалась Польша.

— И куда направляется? — как можно спокойнее спросил Борман.

— Полагаю, что с минуты на минуту должен появиться в Берлине.

— Значит, все-таки вылетел? — саркастически ухмыльнулся Адольф.

— Вылетел, мой фюрер. Штабисты не сразу сумели разыскать рейхсмаршала, кажется, он инспектировал новые авиаполки, которые должны действовать на Восточном фронте.

Услышав это «кажется», Борман заподозрил, что адъютант попросту пытается вывести «жирного борова» из-под удара. Не зря по рейхсканцелярии гуляли слухи о том, что, используя своего представителя при рейхсканцелярии, Геринг подкупает канцелярско-штабную братию, рассчитывая на ее лояльность и болтливость. Судя по всему, он и в самом деле подкупает ее, а точнее, скупает на корню.

— Геринг должен быть здесь, — вдруг совершенно иным, извиняющимся каким-то голосом заговорил

Гитлер.

— Сообщили, что его уже удалось разыскать, — напомнил ему Борман, пытаясь уберечь вождя от очередного приступа неврастенической истерии. Сродни той, которая обычно постигает разорившегося картежника.

— Мы вместе начинали все это: — не собирался выслушивать его объяснения Гитлер, — наше национал-социалистское движение, нашу войну, всю эту Богом проклятую «русскую кампанию»... И я не потерплю, чтобы сейчас, когда нам особенно трудно, кто-либо делал вид, будто лично его все это не касается. Этого я никогда не потерплю! — все-таки взорвался он, постепенно входя в раж. — Слышите, Борман, этого я никому не потерплю! Никому из вас! Особенно тем, кто стоял у истоков нашего движения, потому что заговоры зреют именно там, у застоявшихся, мутных истоков! Хотя бы вы, Борман, слышите меня в такие минуты?!

— Слышу, — мрачно молвил в ответ рейхслейтер. В последнее время он уже не раз тайно сожалел, что в свое время не поддержал «заговор генералов». И Гитлер, похоже, улавливал это его иудино раскаяние. — Я все вижу и слышу. Уверен, вы действительно не потерпите.

— Раттенхубер! Где этот чертов Раттенхубер?!

— В приемной Раттенхубера нет, мой фюрер, — откликнулся адъютант.

— Так разыщите его, Шауб!

— Разыщу, мой фюрер.

— Сейчас он тоже должен быть здесь.

— Он будет здесь, если так приказали вы, мой фюрер! — заученно отчеканил личный адъютант.

«Да фюрер попросту боится оставаться в одиночестве! — вдруг поразился своему открытию Борман. — Ему хочется, чтобы все, кем он непосредственно привык командовать, постоянно

находились рядом, игнорируя тот факт, что у каждого из них есть масса собственных обязанностей. Он постоянно нуждался в «аудитории»; ему требовалась моральная поддержка, духовная и энергетическая подпитка; но главное, чтобы чувствовать себя вожаком, ему нужна... стая! Послушная волчья стая. Фюрер теряет уверенность в себе, потому что давно потерял уверенность в своей стае. Он уже не чувствует себя вожаком».

— Чего вы дожидаетесь, рейхслейтер?

— Возможно, у вас возникнут какие-то распоряжения.

— Их не будет, Борман.

— Мне хотелось, чтобы вы знали, мой фюрер, что Борман всегда с вами. Он всегда рядом.

— Я знаю, что он... «всегда рядом», — небрежно ответил Гитлер, и личный секретарь не мог не уловить, насколько двусмысленно позвучала эта фраза. — Но это ничего не меняет.

«Фюрер не чувствует себя вожаком! — вот что открылось Борману в эти минуты. — Но самое страшное заключается в другом: все мы, кто окружает Гитлера, перестаем видеть в нем этого вожака! А ведь все наше движение создавалось под рыцарским девизом: «Вперед за вожаком!».

Три дня трудились мастера над виселицей, конструкцию которой предложил Божий Человек, и трижды, ближе к вечеру, к ним на местечковую площадь приезжал оберштурмфюрер Штубер. Несколько минут он молча осматривал все, что сумели

сделать к тому времени мастера, придирчиво ощупывал и испытывал на прочность каждую балку и каждую доску. А затем усаживал Отшельника на помост, сам садился рядом, на невысокий чурбанчик, и подолгу говорил с ним — только с ним, остальных двоих он, вроде бы, и не замечал, — о его отце и деде... О том, каким ремеслом они занимались и что строили-мастерили.

А еще он говорил о сибирских концлагерях, в которых перед войной Гордашу пришлось провести почти три года; о жизни в плену, о страхе перед смертью и предательстве. Умно так говорил. Спокойно и страшно, однако же умно. Сразу было видно, что человек он знающий и начитанный; вряд ли он искренне верил в Бога, но в истории религии и в философии веры, несомненно, смыслил. В советских концлагерях Отшельник тоже немало встречал таких и всегда относился к ним с уважением. Но то все же были свои, а это — фашист.

Прощаясь с Отшельником, эсэсовец вновь внимательно осматривал незавершенное строительство, заботясь о том, чтобы помост и сама виселица были достаточно высокими, и чтобы поперечина, на которой обязательно должно быть три петли, — он сам настоял на этом, — покоилась на двух крепких дубовых столбах. Да и подставка висельничная у каждого приговоренного была своя, и палач, стоя с тыльной стороны виселицы, на лесенке, мог выдергивать ее из-под ног с помощью пропущенных через кольца веревок.

На четвертый день, когда виселица была готова, привезли первых четверых приговоренных. Это были заключенные не из лагеря, а из городской тюрьмы. Божьего Человека и Федана в тот день тоже не трогали, к виселице доставили только Отшельника. «Висельничных дел мастер» был потрясен коварством

Штубера, когда тот приказал возвести его на эшафот вместе с первой двойкой приговоренных. С какой ненавистью он смотрел тогда на вежливо улыбающегося Штубера, стоявшего во главе небольшой группы военных и полицейских с фотоаппаратом в руках.

Однако повесили только тех двоих, что оказались справа и слева от Гордаша, а его оставили. Затем казнили еще двоих, а он по-прежнему стоял у своей петли.

— У архитекторов и инженеров-мостостроителей есть такой ритуал: когда по мосту проходит первый поезд или первая машина, они становятся под мост, чтобы в случае обвала стать первыми жертвами своей бездарности, — объяснил Штубер, когда Орест наконец сошел с эшафота на подкашивающихся от страха и усталости ногах. — Такая же честь выпала и вам, висельничных дел мастер.

— Это не честь, это садизм.

— Вся война — сплошной садизм, однако же это обстоятельство никого не останавливает. А вам не приходилось задумываться над тем, сколько садизма людского воспроизводится в библейских сказаниях? Советую полюбопытствовать.

— Но казнь — случай все же особый.

— А кто спорит? Казнь — это, можно сказать, апофеоз насилия, садизма и... — выдержал он длительную паузу, — человеческого мужества. Да-да, фельдфебель Зебольд, — как всегда в подобных случаях, обратился он к своему «подсадному из первого театрального ряда», — и мужества тоже. Напрасно вы так скептически восприняли мои слова.

— Не скептически, а внемля! — с пафосом дебютанта провинциальных подмостков ответил Вечный Фельдфебель, и, услышав его реплику, Штубер запнулся на полуслове.

Это «... а внимля!» в устах фельдфебеля Зебольда показалось ему сорванным оациями монологом Гамлета. Стоит ли удивляться, что и взглянул Штубер на Вечного Фельдфебеля, как на новоявленного театрального гения?

— Кстати, не хотите ли казнить самого себя? — обратился Штубер к Отшельнику.

— Как истинный христианин я отвергаю самоубийство как непростительный грех. Не зря же в старину самоубийц хоронили за кладбищенской оградой.

— Странно, — передернул плечами барон. — Конечно, я понимаю: традиции, каноны христианства, в конце концов, местные обычаи... Тем не менее виселицу вы смастерили отменную. Мне казалось, что сочтете за благо первым воспользоваться ее преимуществами перед кровавым расстрелом, газовой камерой или закапыванием живьем.

На следующий день Отшельника вновь привезли к виселице, на сей раз — с первой партией заключенных.

— Не хотите ли взглянуть? — показал ему Штубер фотографию виселицы, под которой, под петлей, между телами повешенных, стоял он, «висельничных дел мастер». — Завтра же прикажу сделать чертеж этой виселицы и вместе с фотографией ее разослать по всем оккупированным территориям. В виде канонического образца эшафота, как образцово-показательную рейхсвиселицу.

Когда возвели на помост первых двоих, Штубер вновь вежливо поинтересовался:

— Сами одну из петель испытать не хотите, висельничных дел мастер? Вон та, крайняя от столба, петля... Она, как видите, не тронута. Из уважения к вам.

И ждал, наблюдая, как Отшельник мучается от сознания того, что сам сотворил это проклятие человеческое. Как боится, что нервы подведут его и он

сам взойдет на помост. И в то же время с ужасом ждет, что офицер вот-вот подаст сигнал солдатам-палачам и те, ни минуты не медля, вздернут его.

Отшельника действительно подвели под третью петлю, и Штубер лично поинтересовался, согласен ли он умереть сейчас или же предпочитает отстрочить казнь. А когда тот сказал, что хотел бы отстрочить, казнил вместо него одного из доставленных обреченных. Но при этом объяснил, что если бы Отшельник принял смерть сейчас, того, третьего, помиловали бы.

...Теперь, сидя рядом со Штубером в мотодрезине, которая увозила его в глубь «Регенвурмлагеря», Орест с содроганием вспоминал об этой пытке висельничной петлей. Во время каждой казни его подводили к ритуальной третьей петле и предлагали казнить, а когда он отказывался, вешали вместо него кого-то из доставленных арестантов, чтобы затем возвести на помост вместе со следующей группой. И, грешен, он всякий раз мысленно благодарил Штубера за это варварское милосердие, за еще несколько подаренных ему дней жизни, пусть даже дней, проведенных в концлагере.

Орест проклинал себя за свой страх, за рабское желание воспользоваться этим садистским милосердием палача, за само желание жить, пусть даже вот так, не по-человечески, но жить, — и, тем не менее, благодарил.

Даже после того, как его увозили в лагерь, он мысленно все еще продолжал стоять под своей «ритуальной петлей». И не было силы, которая избавила бы его от навязчивой потребности переживать все это заново — каждую казнь, каждый разговор со Штубером, каждую его пощаду, каждое жестокое милосердие, каждый взгляд и крик человека, взошедшего на помост «образцовой рейхсвиселицы».

А знал ли Штубер, как ненавидели его, Отшельника, висельных дел мастера, заключенные? Как все они ненавидели его! Конечно же, знал! Ради этого он, собственно, и затевал весь свой садистский эксперимент.

О двух других мастерах-висельниках, Божьем Человеке и Федане, на эти дни попросту забыли. Из «барака смертников» их перевели в другой, обычный, и на время оставили в покое. Отшельника же продолжали содержать вместе со смертниками. Причем лагерное начальство, очевидно по подсказке Штубера, специально распустило слух, что Гордаш будто бы сам тайно отбирает жертвы, определяя, кого казнить со следующей партией приговоренных и кого из этой партии — в первую очередь.

Шли дни, в барак подселяли все новых и новых штрафников, партизан и подпольщиков, евреев и коммунистов. Во всей округе на какое-то время специально отменили расстрелы, заменив их повешением, чтобы «образцово-показательная рейхсвиселица» зря не пустовала. Но, кого бы из них ни казнили, вместе с группой обреченных на место казни привозили и бывшего семинариста, чтобы поставить под третью, ритуальную петлю. И само это возведение на эшафот Отшельника постепенно становилось неотъемлемым ритуалом казни на рейхсвиселице.

И лишь на тринадцатый день после сооружения виселицы Отшельника привезли к ней одного. Но когда он вышел из машины, то увидел, что на эшафоте уже стоят Божий Человек и Федан. Однако сама виселица была кем-то повреждена: отбито несколько досок на помосте, поперечина держалась на одном гвозде, изрублено несколько ступенек лестницы, ведущей к петлям.

— Кто осмелился так по-варварски относиться к шедевр висельничного искусства, мы, естественно,

выясним, — сказал Штубер, со скорбью на лице осматривая эшафот. — Наши полицаи так поработают с этими негодьями, что о дне казни на этой же виселице они будут мечтать, как о манне небесной. А пока что даю вам два часа, чтобы привести свое собственное творение в божеский вид.

— Лучше бы его сожгли, — проворчал Федан, однако на слова его никто не отреагировал.

— Зебольд, — обратился барон к своему Вечному Фельдфебелю, — реставрация этой местечковой экзотики — под вашу ответственность. Ровно через два часа мы с вами должны любоваться умиляющим взоры зрелищем — покачивающимися на ветру висельничными петлями.

* * *

Штубер уехал, а висельничных дел мастера взялись за топоры и осмотрели оцепление из немцев и полицаев с такой ненавистью, что некоторые из них тут же вскинули автоматы и винтовки, а некоторые подались назад.

«Не пробиться!», — поняли все трое и, вдоволь наматерясь, принялись за работу. Трудились молча, сосредоточенно и угрюмо, ограничивая общение между собой только словами «подай», «отрежь», «отмерь», «подгони». Это и в самом деле были настоящие мастера, которые знали цену своего труда и цену людской похвалы, на которую в этот раз рассчитывать не имели права.

Вернувшись на площадь, Штубер с грустью осмотрел виселицу и сокрушенно покачал головой, объясняя самому себе, что былого совершенства и

прежней изящности этому творению рук человеческих уже не вернуть.

— Вот вам, Отшельник, — скорбно произнес он, — еще один пример того, что шедевры воспроизведению не подлежат, возможна лишь жалкая ничтожная копия.

— Если только кому-то позволено называть шедевром виселицу.

— Только потому, что с ее помощью умерщвляют людей? — вскинул брови Штубер. — Почему же тогда как всемирные оружейные шедевры почитают некоторые образцы мечей и дамасской сабли, кольты, вальтеры и винчестеры; бомбардировщики, танки или не поддающиеся обнаружению и обезвреживанию противопехотные мины? Их для чего создают? Не для убийства? Странная какая-то у вас логика, господин недоученный семинарист!

«Да с логикой у тебя, нелюдь, все в порядке, — мысленно возразил ему Отшельник, — вот только с совестью что-то произошло, причем давно и бесповоротно!»

— Ну да что уж тут! — вздохнул Штубер, завершая наконец прием работы мастеров, выстроенных у входа на эшафот. — Что сами себе смастерили, на том и висеть придется, так что не взыщите.

Мастера мрачно переглянулись.

— Не по-людски это как-то, — попробовал усовестить эсэсовца Федан. — Как-никак мы старались. Отложили бы хоть на недельку.

— Правильно, старались, — охотно согласился с ним барон. Орест давно заметил, что он вообще очень охотно вступал в полемику с обреченными. Не знал только, что затем, возвратясь в свой кабинет или на квартиру, старательно воспроизводил эти диалоги в блокнотах, рассматривая их, как заготовки для будущей книги «по психологии человека на войне». — Благодаря вам, мы вон скольких врагов рейха перевешали. Но пора

и честь знать. Что ж, вам так до конца войны и наблюдать, как других вместо вас вешают? Извините, господа, но ни по людской, ни по божеской справедливости это уже несправедливо.

— Тогда, может, завтра, поутру? Мы бы еще с товарищами по бараку попрощались, — продолжал увещевать его Федан.

— Вы с ними уже давно попрощались, — язвительно заметил барон. — Как только построили эту рейхсвиселицу, за которую все они, и все еще живые, и уже давно мертвые, проклинали вас.

Федан порывался выдвинуть еще какой-то аргумент, однако Божий Человек рыкнул на него:

— У кого вымаливаешь?! У палача?! Лучше помолись! Хотя бы, сходя в могилу, помолись.

23

Каждого, кто попадал в этот подземный город СС, поражало огромное количество ходов, уводивших вправо и влево, вверх и вниз от автомобильного тоннеля. Да и сам тоннель вскоре вплетался в огромную паутину лабиринта.

Даже личный шофер коменданта, начинавший свою службу здесь еще два года назад водителем грузовика, и тот в некоторых участках «СС-Франконии» чувствовал себя неуверенно. Особенно в те минуты, когда приходилось оставлять машину и в качестве охранника углубляться вместе с комендантом в пешеходные лабиринты — с их искусственными тупиками, стены которых раздвигались только перед посвященными; а также со всевозможными ямами-ловушками и почти неосвещенными «ползунковыми» переходами.

— Уже чувствуя, что дни его комендантства сочтены, — нарушил молчание комендант «СС-Франконии», — штандартенфюрер Овербек упрямо ждал появления в лагере одного из коллег Скорцени, гауптштурмфюрера Штубера...

— Командира диверсионного отряда «Рыцари рейха», — подтвердил Удо Вольраб. — Но ждал он, собственно, не барона фон Штубера, а какого-то украинского скульптора по кличке «Отшельник», большого мастера по распятиям, которого барон умудрился очень расхвалить ему в телефонном разговоре.

— Да, ему срочно понадобился палач столь своеобразной... специализации?!

— Следует уточнить, что Отшельник — специалист по скульптурным распятиям, — мягко уточнил адъютант.

— ...Которого Овербек решил переквалифицировать на палача, специализирующегося на реальных распятиях?! — еще больше удивился фон Риттер.

— Возможно, возможно, — не решился в очередной раз ставить под сомнение прозорливость коменданта его адъютант. — Однако утверждают, что Отшельник, которого барон фон Штубер привез в Германию откуда-то из глубин Украины, действительно талантлив и сотворяет потрясающие шедевры из камня и дерева.

— Значит, опять статуи-«распятия»?! Не зря же мне говорили, что Овербек свихнулся именно на «распятиях». Неужели так оно и произошло на самом деле?

Заместителем коменданта «СС-Франконии» барон фон Риттер прослужил всего несколько месяцев, но бывать в самом подземелье ему приходилось редко, поскольку большую часть времени вынужден был проводить то в Берлине, то в Ганновере или в Гамбурге, в конторах фирм, которые занимались поставками в

«Лагерь дождевого червя» всевозможных строительных материалов и оборудования. Поэтому сведения о лагере и его коменданте у него были отрывочными, и во многих случаях в них не просматривалось никакой логики и никакой правдоподобности.

— Не знаю, свихнулся ли он, — деликатно прокашлялся в кулак адъютант, — не мне это решать. Но позволю себе заметить, что распятие всегда оставалось для него каким-то особым символом.

— Уж не возомнил ли, что в него вселился дух распятого Христа? — воинственно повел плечами фон Риттер и, заметив в ярко освещенной нише одно из «Распятий», созданных по приказу Овербека, приказал водителю остановить машину.

— Дух Иисуса? В Овербеке?! — гортанно рассмеялся Удо Вольраб. — В кого тогда должен был вселиться дух Сатаны?

— Только не убеждайте меня, что в него воплотился кто-то из палачей Христа? — проговорил комендант СС-ада, вместе с адъютантом выходя из «опеля».

— Если вас это по-настоящему интересует, господин бригаденфюрер, то я могу прояснить тайну Овербека. Точнее, одну из его тайн.

— Меня мало интересуют чужие тайны, но если эта — действительно связана с «распятиями»...

Несмотря на неплохое освещение, скульптура открывалась фон Риттеру лишь в общих очертаниях. Щелкнув зажигалкой, барон поднес пламя к лицу распятого Христа. Ни печати мученичества, ни христианской смиренности в выражении его комендант не нашел, и этого было достаточно, чтобы оценить работу мастера Карла Метресса, как сугубо ремесленную. И комендант был удивлен, когда дышавший ему в затылок Удо Вольраб произнес:

— Вот и Гиммлер тоже был неприятно поражен этим сходством, которое сразу же заметил и на которое

первым обратил внимание.

— Каким еще сходством?

— Так вы не обратили на это внимания?! — притворно удивился адъютант. — Странно. Имеется в виду: сходства лика распятого мастером Метрессом Христа — с лицом Овербека.

Фон Риттер вновь поднес к лицу пламя зажигалки, но в это время водитель опея достал из нагрудного кармана небольшой фонарик и осветил статую. Сомневаться не приходилось: своим невыразительным и бесчувственным ликом первохристианин действительно чем-то неуловимым напоминал лицо опального коменданта. Странно, что сам комендант этого не замечал. Или, может, замечал, однако не желал признавать?

— Кстати, известно ли вам, что в роду Овербека были так называемые «русские немцы»?

— Что вызвало вполне естественные вопросы у радетелей чистоты арийской расы во время его посвящения в члены СС, — добавил барон, убеждая адъютанта, что эта строка биографии предшественника его не интригует.

— А приходилось слышать о таком украинском бунтовщике-анархисте Несторе Махно?

— ...О том самом, что в годы Гражданской войны в России возглавлял крестьянскую анархистскую армию?

— А в двадцать первом, если мне не изменяет память, оказался в эмиграции, в Западной Европе, в частности, во Франции.

— В офицерской школе нам рассказывали о нем как о своеобразном стратеге партизанской войны, в том числе о его «стратегии и тактике войны на пулеметных тачанках». Он ставил на тачанки станковые пулеметы и превращал эти «боевые колесницы» в подвижные истребительные эскадроны. Признаюсь, что воспринимали мы эту его стратегию скептически, хотя

было немало свидетельств успешных сражений, перелом в которых возник только благодаря «тактике тачанок».

— Возможно, потому и не доверяли этой тактике степного боя, что ни вам, ни вашим коллегам-курсантам никогда не приходилось видеть, что такое «конная казачья лава» в открытой степи. Какое это зрелище и какие пространства для маневра целых кавалерийских корпусов. А еще потому, что вы не являлись сторонниками анархизма, хотя в двадцатые годы в Германии их было немало, причем одним из лидеров этого оказался и наш досточтимый Герман Овербек.

— Овербек был лидером германских анархистов?! Вы опять что-то путаете, Вольраб!

— В свое время этот факт был установлен специальной комиссией, которая затем решала, как в рейхе должны относиться и к анархизму, и к самому Овербеку.

— Хотите сказать, что его отстранение от должности коменданта — результат выводов данной комиссии?

— Не факт. Но что, отстраняя его от комендантства, учитывали и ее выводы, — несомненно. — И потом, знаете ли, напряжение, которое каждый из нас испытывает от длительного пребывания в подземельях «Регенвурмлагеря»...

— Лучше скажите, что германец, подавшийся в анархисты, — это уже серьезный аргумент для любого уважающего себя психиатра, — согласился фон Риттер.

Шаубу повезло, что в тот самый момент, когда он вырвался из кабинета, начальник личной охраны фюрера Раттенхубер как раз появился там.

— Где вы так долго отсутствовали?! — угрожающе тараща глаза, поинтересовался личный адъютант Гитлера.

— Я не знал, что могу понадобиться фюреру.

— Обязаны были знать, — не стал щадить его Штауб, хотя и не имел права давать ему какие-либо наставления.

— И потом, я отсутствовал недолго.

— Но вы же понимаете, что с того момента, когда вас потребовал к себе фюрер, даже минутное отсутствие превращается в целую вечность откровенного безделья.

— Это вы так считаете?!

— Так считает фюрер!

«А ведь Гитлера одолевает страх! — постигал тем временем тайны фюрерской души и психики фюрера его личный секретарь Мартин Борман. — Он ведет себя, как подстрекатель вдоволь побушевавшей уличной толпы, который понял, что страсти утихли, громилы разбегаются, и получается, что отвечать за все содеянное придется только ему. Впрочем, страшит его, собственно, не то, что отвечать все же придется, а что остальные могут избежать наказания... Признайся, что и ты тоже время от времени ощущаешь нечто подобное! — тут же остепенил себя рейхслейтер. — Поэтому и стараешься держаться поближе к фюреру, Гиммлеру, Герингу... В надежде, что, в конечном итоге, найдется с кем разделить свои прегрешения».

Раттенхубер вошел несмело и остановился почти у самой двери. Однако фюрер взглянул на него с таким безразличием, словно начальник личной охраны топчется там целую вечность, поэтому во взгляде

вождя прочитывался вполне естественный вопрос: «Как, вы все еще здесь?! Какого черта?!»

— Как там у нас в бункере, все готово? — вдруг ворвался в поток самоистязаний Бормана неожиданно будничным, а потому особенно коварный голос Гитлера.

— Простите, что вы сказали? — дуэтно переспросили Борман и начальник личной охраны, к которому, собственно, и относился этот вопрос.

— Я сказал, что хочу осмотреть бункер! — Гитлер поднялся и, решительно отсекая друг от друга, теперь уже плечо в плечо стоявших, личного секретаря и адъютанта, направился к двери. — И спрашиваю, готовы ли вы к тому, чтобы я мог осмотреть его.

— Насколько мне известно, — неуверенно молвил Борман, — он готов.

— Вот в этом мы сейчас и попытаемся убедиться.

Борман и Раттенхубер мельком, воровато переглянулись,

однако выразить недоумение ни тот, ни другой не решился.

— Что с ним? — вполголоса спросил Борман у Шауба, который до этого маялся в приемной, у приоткрытой двери и слышал весь их разговор с самого начала.

— Понятия не имею.

Вслед за фюрером и Шаубом они пересекли территорию, отделяющую рейхсканцелярию от входа в подземный бункер, который в связи с усилением налетов англоамериканской авиации стали усиленно готовить к приему в свои подземные клетушки высшего руководства рейха, и вновь переглянулись.

— Порой даже фюрера настигают иллюзии неверия и сомнений. Даже фюрера! Мы, его окружение, должны понимать это, — каждое слово Раттенхубер произносил отдельно и как бы само по себе, не связывая и не обуславливая его логикой мысли.

— Это предчувствие, рейхслейтер, — ни секунды не колеблясь, объяснил адъютант.

— Предчувствие чего? — они остановились в нескольких шагах от бункера, этой железобетонной «Валгаллы», и ждали, пока двое эсэсовцев из личной охраны откроют перед фюрером массивную бронированную дверь.

— Не знаю, чего, но знаю, что это не просто предчувствие, а предчувствие фюрера, — поднял вверх указательный палец Шауб. — Нам, земным, этого не дано...

— «Нам, земным»?..

— Да, рейхслейтер.

— Вы становитесь опасным, Раттенхубер.

— Никогда, рейхслейтер, я опасным быть не могу. Опасными могут быть только те, кто ненавидит фюрера и в дни его поражений, и особенно в дни его побед.

— За этими вашими намеками стоят конкретные имена? — насторожился Борман: уж не пытается ли фюрер раскрыть какой-то новый заговор.

— Имена заговорщиков всегда конкретны.

— Чьи же это имена? Что вы тяните, Раттенхубер?

— Вспомните, как повел себя фельдмаршал фон Браухич осенью 1939-го, когда Германия разгромила Польшу и пребывала в расцвете своей военной силы^[25].

Борман криво ухмыльнулся.

— Об этой жалкой попытке переворота уже никто не вспоминает, даже фюрер, — разочарованно произнес он, вытирая платочком некстати вспотевшую переносицу — всем известный признак того, что рейхслейтер взволнован.

— К сожалению, не вспоминает. Потому что добрый. Наш фюрер слишком добр — вот что я вам скажу. И многие, очень многие этим пользуются. А что касается Браухича, то жалко, что фюрер не приказал повесить

его за ноги на строевом плацу, предварительно построив на нем всех своих фельдмаршалов и генералов. Во имя устрашения!

— Вы всегда были известны своей твердостью, — поспешил заверить его Борман, подумав о том, какую казнь может придумать этот служака, если фюрера все же окончательно сумеют убедить, что он, Мартин, действительно предал его. А мысленно сказал себе: «Вот в ком умирает истинный фюрер-диктатор. И не приведи господь, чтобы когда-нибудь он действительно дорвался до власти!».

— Во всяком случае, я, как никто иной, предан фюреру.

— Именно поэтому — особенно опасны, — вдруг философски обронил Борман, вскидывая подбородок. А решительно опережая бригаденфюрера Раттенхубера в нескольких шагах от входа, давал тем самым понять, что с данной минуты общество начальника личной охраны не представляет для него никакого интереса.

— И все же мы с вами — те немногие, кому фюрер все еще по-прежнему верит, — бросил вдогонку ему начальник личной охраны.

Но даже столь смелое, жертвенное единение с ним Раттенхубера личного секретаря фюрера уже не впечатляло.

«А ведь он и в самом деле становится опасным», — с затаенной местью подумал рейхслейтер, вспоминая о том, как все больше людей вклинивается в жизненное пространство, оставленное историей и судьбой в виде промежутка между ним и фюрером Великогерманского рейха.

— Этот бункер слишком хорошо известен, — сказал он фюреру, когда тот остановился в одном из переходов, у мощной стальной двери, за которой начинался блок верховного командования. — Возможно, нам следует подготовить секретный бункер в

«Регенвурмлагере», но в той части, которая прилегает к самому Одеру?

— Одновременно создав мощные оборонные редуты на поверхности лагеря, — дополнил его Гитлер, покачивая головой. И Борман понял, что фюрер давно обдумывает этот план, однако окончательного решения так и не принял. — А почему вы считаете, Борман, что я должен быть там, а не в Альпийской крепости?

— Потому что Альпийской крепости все еще не существует.

— Вы правы, Борман, не существует. Эту оплошность следует немедленно исправлять.

— Но мы уже вряд ли успеем создать ее в том виде, в котором она могла бы соответствовать своему назначению. Там тоже должен быть мощный укрепрайон, но, получив полное преимущество в воздухе, англо-американцы и русские превратят его в сущий ад на Земле. А в «Регенвурмлагере» вы и верховное командование рейха будете оставаться недостигаемыми.

Гитлер задумчиво смотрел на бронированную дверь и при этом дрожащей рукой массажировал свой кадык. В последнее время он делал это все чаще, и Борман так и не смог понять, чем это вызвано: развившейся привычкой или какой-то обострившейся болезнью, на которую фюрер пока что никому не жаловался.

— Видите ли, Борман, — наконец решился вождь открыть дверь и войти в «ситуационный зал», в котором стоял длинный, охваченный двумя рядами стульев, дубовый стол и лежала развернутая карта Европы. А рядом, на переносном деревянном стенде, висела еще и карта мира. Здесь фюрер планировал проводить совещания в те дни, когда Берлин уже будет взят врагом в плотное кольцо блокады. — Вы первый, кто предлагает мне устроить свой бункер в «Регенвурмлагере».

— Предварительно укрепив его и создав гарнизон из нескольких дивизий СС, — поспешил уточнить рейхслейтер, испугавшись своего подозрительного первенства в этом вопросе: вдруг фюрер заподозрит в желании поскорее выманить его из столицы?

— Все остальные предлагают то ли укрыться в хорошо укрепленной «Альпийской крепости», то ли отбыть на одну из секретных баз в Юго-Западной Африке или в Латинской Америке.

* * *

Фюрер приблизился к карте мира и с минуту задумчиво блуждал взглядом по африканскому и американскому континентам, словно прямо сейчас собирался определить место своего будущего изгнания. Вот только сделать это было нелегко. Не существовало страны, в которой Гитлеру были бы теперь рады; еще меньше оставалось стран, правители которых решились бы скрывать его, даже под угрозой агрессии со стороны союзников-победителей. А сколько тысяч людей появилось сейчас во всем мире, готовых даже ценой собственной жизни отомстить ему за погубленных гитлеровцами родственников и соотечественников.

А еще Мартин представил себе, как тягостно сейчас искать такое укромное место на карте мира человеку, который еще вчера чувствовал себя властелином этого самого мира.

«А почему ты с таким сочувствием думаешь только о фюрере? — вдруг осадил себя рейхслейтер и личный секретарь фюрера. — Думаешь, искать станут только его? Тебя, думаешь, пощадят?! А подумал ли ты о том,

куда следует бежать и где скрываться тебе самому? Так не пора ли позаботиться об этом?».

— Недавно мне даже подкинули вообще странную, на первый взгляд, идею — затаиться в Антарктиде, на нашей «Базе-211»^[26], чтобы уже оттуда заниматься строительством Четвертого рейха.

От Бормана не скрылось, что фюрер произнес «странную, на первый взгляд», а значит, окончательно он ее пока что не отверг.

— Но вы, конечно же, не восприняли эту идею? — как можно мягче спросил он.

— Скажем так: я не хотел бы дожить до того дня, когда мне придется заживо похоронить себя в подземельях Антарктиды.

— Мы не позволим случиться этому, мой фюрер, — уперся в карту Европы широко расставленными руками Борман, будто собирался сгрести ее в охапку и унести, причем не карту, а саму Европу.

— Вы уже позволили случиться тому, что я вынужден искать на карте мира такое глухое место, в котором был бы недостижим для врагов рейха. Я уже делаю это, а значит, вы позволили довести рейх до такого состояния, когда его фюрер вскоре может превратиться в изгоя собственной нации, изгоя Европы.

— Понимаю, мой фюрер. Но так сложились обстоятельства. В этом, конечно, и моя вина, вина партии, но, прежде всего, здесь просматривается вина нашего армейского командования...

— Будет тебе, Борман! — поморщился фюрер, переходя на «ты». — Кто больше виновен, кто меньше, это уже никого не интересует. Очевидным и существенным остается только то, что Германия проиграла еще одну войну. Причем ту, которую проиграть не должна была, не имела права.

— Это поражение мы, германцы, уже никогда не сможем ни простить себе, ни просто забыть.

Гитлер оторвал взгляд от карты и уничижительно взглянул на своего заместителя по партии.

— Брось ты свою патетику, Борман. Чем скорее мы все забудем об этом поражении, тем скорее сумеем возродить рейх. Мы с тобой политики, а значит, профессиональные игроки, для которых уметь достойно проигрывать куда важнее, чем уметь достойно побеждать. Потому что переживать поражение намного сложнее, а ни один полководец мира поражений не избегал.

— Вы правы, мой фюрер, — сконфуженно подтвердил Борман, беспомощно оглядываясь на застывших по обе стороны от двери Шауба и Раттенхубера.

Но оба эти «рейхсканцелярских евнуха» знали, как опасно быть втянутыми в подобные разговоры, поэтому лица их оставались холодными и безучастными. Все, о чем говорят сейчас Гитлер и Борман, не имело к ним никакого отношения.

— А что касается убежища, то существует множество вариантов и возможностей, — сказал фюрер, и только теперь Борман обратил внимание, что он по-прежнему держит указательный палец левой руки на карте. Подступив чуть ближе, Мартин понял, что местность, в которую он упирался, находилась в альпийской глубинке, где-то на стыке Швейцарии, Германии и Австрии.

— Однако остановиться придется на одном, — напомнил ему заместитель по партии, не в силах скрывать своего раздражения.

— Кое-кто из дипломатов советует мне переправиться в тихую, спокойную, нейтральную Швейцарию, где в одной из горных деревушек, в доме

кого-либо из швейцарских германцев, вполне можно подготовить секретный бункер.

— И что вы решили, мой фюрер?

— Ничего я пока что не решил, — фюрер оставил карту в покое и сел во главе стола.

— Что, до сих пор нет ясности даже в отношении страны?

— Это не так просто — смириться с мыслью о том, что тебе, вождю Великогерманского рейха, придется бросать свою армию, бросать страну и спасаться бегством. Скорее всего, я попросту не решусь на такой шаг и предпочту достойно уйти из жизни здесь, на своем посту, как подобает солдату.

— Только не это, мой фюрер! — испуг, с которым Борман произнес эти слова, был почти естественным. — Только не самоубийство! Это недостойно фюрера. Вы должны спастись ради спасения Германии и германцев. Уже сейчас нужно решить, где вы остановитесь, и мы должны готовить для вас специальное убежище.

— Возможно-возможно... — как-то слишком уж легко согласился Гитлер, и сразу же весь обмяк, как человек, растративший все силы и не способный больше сопротивляться судьбе.

— Не будем же откладывать принятие этого решения. Давайте определимся прямо сейчас, хотя бы с названием страны.

— Что это вам так не терпится, Борман? — вдруг насторожился Гитлер.

И счастье Бормана, что он не видел, какими ядовитыми ухмылками озарились лица «рейхсканцелярских евнухов», как назвал однажды Шауба и Раттенхубера адмирал Канарис.

— Вы не так истолковали мои слова, мой фюрер. Я всего лишь...

— Что вы меня постоянно подгоняете с решением о бегстве? — не унимался Гитлер. — Германия еще не

проиграла, под моим командованием еще находится мощная армия, а дивизии противника все еще окапываются за сотни километров от Берлина.

— Простите, фюрер, но вы сами затронули этот очень важный государственный вопрос, — попытался было оправдаться Борман и в поисках поддержки оглянулся на личного адъютанта и начальника личной охраны Гитлера.

«Ну что, доигрался?! — вычитал он на лакейских рожах Шауба и Раттенхубера. — Увидим, как ты теперь будешь выкручиваться, партайгеноссе Борман!».

— Затронул я, но провоцируешь все время ты, — глухо, раздраженно ответил фюрер. — И почему ты, Борман, вдруг решил, что решать вопрос о моем послевоенном убежище я обязательно должен с тобой? У меня есть с кем обсуждать подобные вопросы.

— Конечно, такие вопросы следует обсуждать также и с Гиммлером, Герингом, — едва слышно промямлил личный секретарь фюрера.

— Такие вопросы я, прежде всего, предпочитаю обсуждать с теми, от кого может напрямую зависеть их решение. Например, с Кальтенбруннером, Шелленбергом или Скорцени. Поскольку лишь они способны проникать в нужные мне страны и делать то, что не может сделать для меня никто иной.

— Ни одна из этих личностей не вызывает у меня ни малейшего сомнения, — пробубнил Борман, проклиная себя за то, что позволил Гитлеру втянуть его в этот разговор. — Мы, люди узкого круга руководителей рейха, обязаны принимать подобные решения коллегиально. Однако выносить на обсуждение нужно только тот вариант, который уже будет избран нами, наиболее близкими людьми.

— С этим можно было бы и согласиться, — сделанный фюрером глубокий выдох был сродни выдоху самурая, решившего предать себя харакири. —

Тем не менее я все же выскажу то, что намеревался высказать. Обстоятельства последних дней складываются так, что, возможно, ты, Борман, будешь последним человеком из моего окружения, который узнает истинную правду о том, где именно я намерен скрываться после войны.

Борман отшатнулся так, словно его только что изо всей силы хлестнули по лицу. Как личный секретарь фюрера и его заместитель по партии он мог ожидать чего угодно, только не этого. Он, Борман, не заслужил такого оскорбления. И он — не тот человек, которого можно оскорблять подобным образом. Никому не позволено, никому, даже фюреру. «А тем более — фюреру», — уточнил для себя Борман, вспомнив, как много он сделал для того, чтобы заурядный господин Шикльгрубер, он же Гитлер, в конце концов превратился в настоящего фюрера.

Он прекрасно понимал, что после всего сказанного фюрером ни минуты не может больше оставаться рядом с ним. Но прежде чем, сохраняя достоинство, выйти из ситуационного блока, Мартин с ужасом подумал, что ведь теперь ему вновь придется увидеть лакейское ликование на рожах «рейхсканцелярских евнухов».

— Я буду в бункере, мой фюрер, — как можно вежливее произнес он, наступив на горло своей гордыне. — Если понадобится, ваши адъютанты знают, где найти меня.

Услышав, что Божий Человек назвал его палачом, Штубер недобро сверкнул глазами, однако сдержался.

— Вам как бывшему семинаристу должно быть известно, — задумчиво глядя на виселицу, объяснял Штубер, обращаясь теперь исключительно к Отшельнику, — что гильотину — есть во Франции такая адская машина для казни — испытывали на самом изобретателе. Так вот, мы с вами, висельничных дел мастера, традицию нарушать тоже не будем. Как вы относитесь к такой идее?

— Хотел бы я видеть, как бы относились к такой идее вы, когда бы вас загоняли сейчас на виселицу.

— Честно признаюсь: я похолодел бы от ужаса и вел бы себя, как последний трус. Однако существа проблемы это не решает. Согласен, благодаря мастерски сооруженной вами рейхсвиселице, мы публично и, можно сказать, показательно, во устрашение, казнили несколько десятков врагов рейха. Но я не могу пренебрегать приговором военно-полевого суда и вечно откладывать вашу собственную казнь. Кроме всего прочего, должна же существовать какая-то справедливость. Почему всякий раз мы вынуждены казнить кого-то другого?

— Тогда зачем ты все это нам рассказываешь? — у Божьего Человека сдали нервы. — Приказывай и казни.

— Ход ваших мыслей мне нравится, — пожевал нижнюю губу Штубер. — Но возникает еще одна проблема. Вас приказано казнить сегодня, однако никто не позаботился о том, чтобы доставить сюда того солдата-палача, который, как вы, Отшельник, могли заметить, так мастерски вздергивал обреченных. Да-да, Зебольд, мастерски, так что надо отдать ему должное.

— Тогда вешай сам, — сдавленным басом пробубнил Божий Человек.

— Это исключено, господа. Даже не стану объяснять, почему именно исключено. Примем другое решение: казнить мы сегодня будем только двоих, а третий выступит в роли палача. И если прекрасно

справится со своими обязанностями, получит отсрочку от казни еще на несколько дней.

— Кто ж это выступит в роли палача? — уставился на него Федан.

— Вот это нам сейчас, коллеги, и предстоит решить. Поступим таким образом: я не стану называть имя этого избранника судьбы. Хотя кое-кто из вас и решился назвать меня палачом, однако я воздержусь от подобной жестокости. Палача, други мои, вам придется избрать самим, из своего круга, хорошенько все обдумав, посоветовавшись друг с другом... Единственное, что я могу позволить себе, так это утвердить ваше решение.

Штубер умолк, а трое обреченных стояли перед ним с окаменевшими лицами и даже не решались взглянуть друг на друга.

Зебольд перевел условия, которые выдвинул барон, нескольким присутствовавшим при этом офицерам, и те одобрительно заулыбались: идея им нравилась.

— Не знаю, кто как, а я вешать не стану, — неожиданно твердым и спокойным голосом заявил Божий Человек. — На такой сатанинский грех я не решусь. Хочу предстать перед судом Господним мучеником, а не палачом.

— Вот так всегда: — апеллировал Штубер к двум остальным висельничных дел мастерам, — как только нужно взвалить на себя голгофный крест, многие тут же норовят ограничиться словесным самобичеванием. Нехорошо, приговоренный Федор Огурцов, он же Божий Человек, не правильно это.

— Как Святым Писанием велено, так и живу.

Только теперь Отшельник впервые услышал имя этого бородача. До сих пор на все попытки узнать, как его зовут, Огурцов отвечал: «Божий Человек я, так и зови». Так и ушел бы он на тот свет «Божьим

Человеком», если бы гауптштурмфюрер не огласил его настоящее имя.

— Ну да Бог вам судья, — в очередной раз напустил на себя туман благочестивости Штубер, — Бог вам судья. А что думают остальные избранники рока?

Федан и Отшельник униженно отводили взгляды и молчали.

— Видите, как все непросто, — тоном школьного учителя изрек Штубер. — А теперь поставьте себя на мое место, каково мне принимать подобные решения? Особенно, когда речь идет об истинных мастерах. Поэтому давайте поступим таким образом: я даю вам тридцать минут на размышление. Тридцать минут — как тридцать сребренников. Не торопитесь с выводами, обсудите и сами назовите имя и палача, и того, кого он должен будет вздернуть первым. Как скажете, коллеги, таким и будет наше общее решение.

— Очередной психологический эксперимент величайшего психолога войны Вилли Штубера, — объяснил Зебольд офицерам из партера суть задуманного его командиром. — Моральная казнь обреченных самими же обреченными. Гауптштурмфюрер предложил приговоренным избрать из своего круга палача и дал им тридцать минут на размышление, словно каждому из них пообещал по тридцать сребренников.

Офицеры сдержанно кивали и с любопытством посматривали на обреченных партизан. «Тридцать минут вместо тридцати сребренников?!». Гут-гут!

Отшельник и сейчас видел, как они, все трое, сгрудились, смотрели друг на друга и молчали. Все тридцать минут. Молчали и плакали. Стояли, обнявшись, и беззвучно, бессловесно рыдали. И поскольку не хотелось им быть ни жертвами, ни палачами, то сказали себе: раз три петли, все трое и

взойдем на эшафот. Божий Человек как самый старший из них так решил, а двое остальных согласились.

Но когда сам же Божий Человек огласил их общее решение, Штубер внутренне рассвирепел:

— Вам предоставлялась возможность умереть по-человечески, но вы решили затоптать меня в грязь! Непорядочно это с вашей стороны. Хотите, чтобы вас тащили к месту казни окровавленных и с перебитыми конечностями, и подвешивали на крючьях за ребра, как недорезанных баранов? Это я вам устрою. Сейчас вас отвезут в подвал гестапо и продемонстрируют все виды средневековой пытки, после которых пытки следователей-инквизиторов покажутся вам детскими шалостями. Лично вас спрашиваю, Божий Человек: хотите вы этого?!

— Туда лучше не попадать, — толкнул в бок бородача Федан. — Я провел в гестапо четыре дня, словно четыре круга ада прошел. В полицию перевели только потому, что нашли настоящего убийцу того местечкового старосты, чье убийство вешали на меня.

— Так вам понятен мой вопрос, Божий Человек?

— Хотели бы умереть по-человечески, — едва слышно проговорил тот.

Штубер хищно оскалил свои желтоватые, но все еще крепкие молодые зубы и почти победно осмотрел всех троих.

— А кто не хочет умереть по-человечески? Я или вот он, — указал Штубер на толстого сержанта СС, разгонявшего небольшую группку старушечек, прибавшихся сюда с местечкового базара, — не говоря уже о Вечном Фельдфебеле Зебольде? Все хотят умереть по-человечески. Да только на войне так не принято, на войне каждый умирает так, как ему предписано богами войны. Что теперь скажешь, Божий Человек.

— Поступай, как хочешь, — ответил мастер, проскрипев зубами от ненависти.

— Вот это уже проблески мудрости, — похвалил его Штубер. — Смерть я вам облегчить уже не могу, а вот жизнь облегчить — это еще в моих силах. Только из уважения к вашему мастерству я сделаю это и сам назначу палача.

Все трое сразу же насторожились.

Штубер проницательно взглянул сначала на Отшельника, затем на Федана и наконец перевел взгляд на Божьего Человека. Но уж его-то гауптштурмфюрер так просверлил своим презрительным взглядом, что тот отшатнулся, отступил назад, и в какое-то время Оресту показалось, что в качестве палача будет избран именно этот бородач и что тот вот-вот опустится на колени, умоляя избавить его от этой участи.

Отшельник до сих пор убежден, что первоначально Штубер все же хотел остановить свой выбор на Божьем Человеке. Причем объяснялся этот выбор только тем, что бородач как человек глубоко верующий фанатично боялся уйти на тот свет с каиновой печатью убийцы. Наверняка, эсэсовец так и поступил бы, если бы у него не созрела мысль спасти самого его, Ореста. И все дальнейшие события показали Отшельнику, для чего именно он понадобился этому «величайшему психологу войны».

Прошло немыслимо много времени, прежде чем, все еще не отводя глаз от Божьего Человека, Штубер в конце концов произнес:

— И все же свершить это богоугодное дело мы поручим сегодня приговоренному Оресту Гордашу. Характеризовать его не буду, вы все знаете его как первоклассного мастера и порядочного гражданина. К тому же он единственный из вас, кто несколько лет проучился в семинарии и почти достиг духовного сана.

Так что, вешая, он тут же будет вас и отпевать. Согласитесь, что доводы вески. Или, может быть, у вас, Божий Человек, и у вас, Федан, появились какие-то возражения против этой кандидатуры?

— Не появились, — поспешно отрубил Божий Человек и, отвернувшись от Штубера, расчувствованно перекрестился.

— Я так понимаю, что вы, Отшельник, тоже согласны? — продолжал барон стоять почти лицом к лицу с Божьим Человеком.

Отшельник растерянно смотрел на своих товарищей по эшафоту и молчал. Он был уверен, что, если согласится, они проклянут его и плюнут в лицо. Однако тот же бородач вдруг миролюбиво и почти умоляюще произнес:

— Согласись, добрый человек. На том свете тебе как бывшему семинаристу это спишется на человеколюбие да на то, что пошел ты на помост этот, как на Богом отведенную тебе Голгофу.

Отшельник признательно взглянул на Божьего Человека и тоже набожно перекрестился. Впервые за всю войну — перекрестился.

— Послушайся Божьего Человека, послушайся, — тотчас же обратился к нему и Федан. — Ты о вине перед нами не думай, все равно спасения нам уже нет. Так оно даже лучше будет: от рук своего, такого же, как и ты, обреченного, как-то легче умирать. А что отсрочка тебе вышла? За нее заплатишь тем, что смерть свою придется принять от рук фашиста.

— Да и не известно еще, будет ли тебе какая отсрочка, — как могли, успокаивали и подбадривали его приговоренные.

Станным, конечно, выдалось это «успокоение» и страшным было «подбадривание». Но таким уж случился этот судный день, и такая выпала им судная карта.

Потом он был признателен Федану, который усомнился в его отсрочке. С уверенностью, что вслед за этими двумя обреченными казнят и его, Отшельник и полез по приставленной к поперечине между двумя столбами лестнице, чтобы надеть петли на шеи своим собратьям. А когда те отмучились, спустился и стал под третью петлю.

— Заметили, Отшельник, что и к смерти человек тоже со временем привыкает? — поигрывая стеклом, подошел к нему Штубер. — Стоит немного потянуть с казнью, как приговоренный постепенно начинает свыкаться со своей обреченностью и воспринимать смерть, как некую неприятную, болезненную, но неминуемую процедуру.

— Мне сейчас о небесном всепрощении думать надо, а не о ваших земных сатанинствах.

Штубер подал какой-то едва уловимый знак Зебольду, и тот вместе со стоявшим рядом охранником метнулся к помосту и свел, буквально стащил с него Отшельника.

— Мы, естественно, казним тебя, Отшельник, — заверил его Штубер. — Но не сейчас, и даже не сегодня. Это произойдет завтра. У тебя еще будет достаточно, — мельком взглянул гауптштурмфюрер на часы, — времени, чтобы повспоминать и помолиться. Хороший ты мастер. Лучшего висельничных дел мастера нам не сыскать. Но порядок есть порядок. Или, может, хочешь, чтобы мы отстрочили казнь еще не на сколько дней? Если, конечно, для этого есть какая-то веская причина. Должен же я как-то объяснять лагерному начальству свое решение.

— Нет у меня иной причины, кроме уже хорошо известной вам: жить хочется.

Штуберу понравилось, что Отшельник признался в этом, раньше он старался всячески демонстрировать

свое презрение к смерти, хотя и не всегда ему это удавалось.

— На войне желание жить в расчет не принимается, — улыбнулся он такой улыбкой, будто сама смерть Отшельника приласкала. — Единственное, чем я могу помочь тебе сейчас, так это позволить помолиться у вашего родового «Распятія». Кстати, это и в самом деле правда, что его смастерил твой покойный отец, Мечислав Гордаш?

— Не отец, а дед.

— Неужели еще дед?! Это ж сколько людей успело помолиться, проходя мимо него! У церковников такие места ценятся, их называют «намоленными», поскольку в них концентрируется энергетика множества молитв. Значит, мастерил его еще твой дед?

— Кто в наших краях может усомниться в этом? Его резцу принадлежат десятки «распятій», разбросанных по всей Подолии. И никто лучше него не способен был вырезать из дерева образ страдающего Христа, его лик, его терновый венец. Но это «Распятіе», наверное, самое удачное, самое талантливое во всей Украине. Это признавали многие.

— Не знал я, что твой дед — столь известный в Подолии «распинатель Христа», — поползли вверх брови Штубера. А немного помолчав, он вдруг скомандовал: — Зебольд, вместе с арестованным — в машину. Едем к «Распятію»!

После совещания у фюрера прошло более двух часов. За это время Борман успел оставить бункер, пообедать в ресторанчике рядом с рейхс-канцелярией,

бездумно посидеть минут пятнадцать в своем кабинете личного секретаря фюрера и вновь приехать к бункеру.

Он и в самом деле ощущал какую-то внутреннюю потребность как можно чаще находиться рядом с фюрером, рядом с покровителем. Последние фронтовые сводки были настолько тревожными, а заявления западных политиков и военачальников настолько угрожающими, что Борман был по-настоящему встревожен и разуверен, и хоть какой-то луч надежды появлялся у него только тогда, когда поблизости возникала фигура фюрера, все еще казавшегося вечным и всемогущим.

Порой Борману действительно чудилось, что несмотря ни на какие поражения Гитлер и в самом деле обладает какой-то особой тайной, каким-то сакральным ключом, который позволит ему найти путь к победе, изменить ход истории, преломить сознание миллионов людей по обе стороны Атлантики, воспринимающих теперь Германию не иначе, как исчадие ада.

— Где сейчас фюрер? — не столько словами, сколько движением подбородка спросил Борман, встретив в одном из переходов личного адъютанта фюрера Юлиуса Шауба.

— Направо, вторая дверь, — вполголоса подсказал обергруппенфюрер СС.

— В спальном отсеке?

— В комнате отдыха фюрера, — укоризненно уточнил Шауб, словно опасался, что само пребывание в «спальном отсеке» способно каким-то образом унижить вождя.

— А вообще-то, фюрер часто спускается сюда, я имею в виду один, без официального сопровождения?

— Один он вообще не спускается.

— А мне казалось, что время от времени он все же наведывается сюда; что он доволен работой мастеров и

даже размышляет о том, как бы значительно расширить бункер.

— Видите ли, он боится подземелий.

— Что вы сказали, Шауб?!

— Он панически боится подземелий.

— Это вы о фюрере? — Борману не было необходимости изображать ужас, он вырисовался на лице сам, естественным образом.

— Поэтому время от времени спускается в бункер, чтобы проверить свою силу воли и хотя бы немного привыкнуть к этим катакомбам. О его страхе знаем только я и Раттенхубер. Теперь будете знать и вы.

Борман не принадлежал к тем людям, которые панически опасались стать хранителями хоть какой-либо из тайн вождя. Наоборот, наткнувшись на какую-нибудь из них, связанную с его происхождением, службой в армии или с отношением к женщинам, он старался упорно докапываться до корней и до истины, при этом любопытство его всегда оказывалось сильнее страха.

— Как давно, а главное, почему, при каких обстоятельствах это стало известно? Вы понимаете, о чем я, — загорелись глаза у Бормана.

— Известно стало еще в то время, когда создавался бункер в «Вольфшанце». Однажды мы с Раттенхубером пошли вслед за фюрером в подземелье, но офицер охраны отвлек нас. Получилось так, что фюрер сам вошел в один из отсеков, и в это время дверь захлопнулась. Чтобы открыть ее изнутри, достаточно было отвести небольшой рычажок, которого фюрер не заметил. Мы же не видели, куда именно вождь вошел, посчитав, что он ушел в ту сторону, где находился зал совещания. Пока все выяснилось и мы обнаружили фюрера, он уже пребывал в такой ярости, что мы не знали, что произойдет раньше: то ли перестреляет нас, то ли умрет сам от сердечного приступа. И лишь после

этого мы стали обращать внимание, что он панически боится закрытых помещений и старается не спускаться в бункер в одиночку. Правда, в последнее время, зная об этой своей слабости, фюрер всячески пытается преодолеть ее. Понимает, что когда русские ворвутся в Берлин, ему придется провести в бункере немало дней.

— И в эти минуты он как раз и занимается преодолением своего страха?

— Можно сказать и так. Хотя он предпочитает заниматься этим в бункере «Вольфшанце». И вообще, он любит «Вольфшанце», несмотря на то, что находится в Восточной Пруссии уже небезопасно.

Подошел Раттенхубер. Несколько минут они стояли втроем, под тускловатой, зарешеченной лампой освещения, ожидая, когда откроется дверь «комнаты отдыха фюрера». Но за ней царило молчание.

— Сказал, что приляжет? — спросил Борман, вновь обращаясь к Шаубу.

— По этому поводу фюрер ничего не говорил.

— О чем же он тогда говорил?

— Наверное, сейчас он думает о чем-то государственном, принимает какое-то очень важное решение, — объяснил Раттенхубер. — Это ведь голова фюрера! Она никогда не бывает беззаботной.

— А когда фюрер принимает какое-то важное решение, — поддержал его Шауб, — то предпочитает не говорить о нем до тех пор, пока не решит, что именно должен сказать по поводу своего решения.

Борман не стал убеждать, что потрясен философской многозначительностью выводов Шауба. Этот человек, который в представлении рейхслейтера всегда оставался воплощением военно-тылового лакея, в последнее время вел себя все более самоуверенно и даже заносчиво.

Но когда однажды рейхслейтер поделился этим наблюдением с Гиммлером, тот с такой же

философичной задумчивостью объяснил ему:

— Увы, партайгеноссе Борман, обергруппенфюрер Шауб имеет для этого все основания. Кто из нас получил право сообщать в своих воспоминаниях, что начинал путь вместе с фюрером, в камере Ландсбергской тюрьмы? Никто, кроме Шауба. Только он может позволить себе такое.

— Очевидно, я этого не учел, — поспешил оправдаться рейхслейтер. — Что для меня как личного секретаря фюрера и его заместителя по партии непростительно.

— Только обергруппенфюрер Шауб может позволить себе такие сладостные воспоминания, — не собиравшись принимать его объяснений Гиммлер. — И это свидетельствует о многом.

— Во всяком случае, этого нельзя сбрасывать со счетов, — вновь покаянно признал Борман.

— Поскольку фюрер никогда, слышите меня, Борман, никогда не усомнится в преданности этого ветерана движения ^[27].

Рейхслейтеру трудно было согласиться с его убежденностью, однако возражать он не стал. И потом, именно это предупреждение Гиммлера, в котором недвусмысленно просматривались его позиция и его отношение к личному адъютанту, заставило Бормана вновь водворить в партийный сейф папку с досье на члена НСДАП Юлиуса Шауба, основу которого составляли всевозможные полицейские донесения, а также показания бесчисленных любовниц обергруппенфюрера.

В принципе, подобные материалы могли кого угодно убедить в том, что пьяные, дебошные оргии Шауба, во время которых он позволял себе развлекаться групповым сексом с двумя, а то и с тремя своими почитательницами, не достойны личного адъютанта

фюрера. Поэтому-то в свое время папка и перекачивалась из сейфа в стол Бормана, он любил, чтобы «взрывные» материалы, с которыми решался предстать перед фюрером, какое-то время отлеживались у него «под рукой».

Однако на сей раз компромат почему-то не сработал. Когда фюреру все же доложили об оргиях Шауба, он, конечно, отругал адъютанта, но от себя так и не отстранил. Мало того, офицер гестапо, с благословения Бормана давший ход всей этой истории, буквально несколько дней спустя оказался в концлагере. После этого случая у Бормана как раз и появилась ни на какую оригинальность не претендующая, тем не менее весьма благоразумная поговорка: «Для того чтобы выбирать себе друзей, много мудрости не надо. Мудрость нужна, чтобы научиться выбирать врагов».

Уж кого-кого, а врагов у Бормана всегда хватало. Однако среди тех, кого выбирал он сам, имя Шауба до сих пор не появлялось. И в этом заключалась рейхсканцелярская мудрость Мартина.

«Распятие» стояло на краю местечка, на площади возле полуразрушенной церкви, буквально в квартале от лагеря военнопленных, а само церковное подворье одним концом своим примыкало к большому, старинному, поросшему древними тополями кладбищу.

На месте лагеря в начале войны располагался артиллерийский дивизион, и, чтобы уничтожить его, германские пушки, окопавшиеся на левом берегу Днестра, пристреливались по колокольне церкви. Это

был прекрасный ориентир, и возле церкви легло столько снарядов, словно артиллеристы соревновались: кто снесет одним из них колокол, который звонил после каждого удара взрывной волны.

Правда, по какой-то странности, большинство снарядов не долетало до артиллеристов-красноармейцев, а ложилось на могилы, так что вскоре по городку разошелся слух, что это, мол, духи мертвых, притягивая к себе германские и румынские снаряды, спасают от гибели живых земляков своих.

Возможно, какое-то количество живых душ кладбище и в самом деле спасло. Однако само оно — с развороченными могилами и разбросанными костями, с осколками деревянных и каменных крестов да щепками от прогнивших гробовых досок, представляло собой ужасающее зрелище, приводившее горожан в большее смятение, нежели губительные обстрелы их местечка.

Сами минометчики и батарея гаубиц расположились со своими орудиями у подножия небольшой холмистой гряды, и после каждого взрыва снаряда на его склоне колокол издавал свое задумчиво-погребальное «бам-м-м!», которое выводило из себя командира дивизиона. Поэтому ходили слухи, что разнес эту колокольную один из наводчиков красноармейской гаубицы, чтобы не служила ориентиром врагу, не нервировала командира и не «отпевала» все еще непогибших пушкарей.

Артиллерийская дуэль эта продолжалась три дня, а на четвертый жители попросили старшего офицера увезти свои орудия подальше от кладбища и храма, расположив их по ту сторону гряды, а взамен пообещали «по-людски» похоронить только что погибших его бойцов, среди которых был и офицер. На том и порешили: уцелевшие орудия увезли, и выстрелы из подножия прекратились. Однако германские снаряды еще почему-то долго попадали в могилы,

словно бы какая-то сила не позволяла им преодолеть гряды.

Распятие же находилось на перекрестке улиц, почти рядом с кладбищенской оградой. Ни один снаряд около него не разорвался, а от дальних осколков статую Христа до поры спасала деревянная, с дубовым тесовым верхом, часовенка. Говорили, что окончательно она была разрушена осколками камней, долетевшими сюда от разнесенной прямым попаданием колокольни церкви. И тогда же осколком снесло часть головы Иисуса, вместе с терновым венцом. Однако произошло это — верили в местечке — неслучайно: Христос словно бы ужаснулся тому, как повели себя люди с храмом Божьим, и решил принять мучение за них еще раз.

...Когда Отшельник и германцы вышли из машины, Иисус по-прежнему «встречал» их с разmozженной головой. Казалось, что прежде чем распять Христа, его пытались казнить через отсечение головы, вот только палач попался слишком неопытным.

— Так, кто мне скажет: можно ли молиться безголовому Христу?! — патетически воскликнул Штубер. Орест давно признал, что этот офицер является прирожденным артистом, причем артистом, талантливо превращающим в сцену саму свою жизнь. — Не кощунственно ли это выглядит?!

— Ни в коем случае нельзя, — отозвался Зебольд, видя, что недоученный семинарист угрюмо молчит.

— Нет, Отшельник, — еще патетичнее воскликнул Штубер, — это непозволительно! Я погрешил бы против Всевышнего и против вашей духовной семинарии, если бы заставил вас творить предсмертные молитвы перед безголовым Христом.

— Господу можно молиться где угодно, — молвил Отшельник. — В каком бы образном виде он перед нами ни представал. Пусть даже «обезглавленным». Главное, чтобы своя голова на плечах была.

— «Даже безголовому Христу можно молиться, главное, чтобы своя голова была на плечах!» — вы слышали это Зебольд? До чего же глубокая мысль! Теперь вы понимаете, почему я не спешу с казнью этого человека.

— Сохраняя его голову, мы с вами вскоре потеряем свои собственные.

Штубер взглянул на Зебольда с таким же уважением, с каким только что смотрел на Отшельника. «Вокруг меня — одни гении!» — вот что прочитывалось в этом нелукавом взгляде.

— А ведь вы, солдат-отшельник, уверяли, что это распятие сотворил ваш дед.

— И сейчас уверяю.

— Почему же вы, скульптор, позволяете, чтобы это распятие так и переживало войну с искалеченным Христом?! — возмутился Штубер так, словно Отшельнику давно предлагали вырезать новую головы распятого, а он упрямо отказывался.

Рядом остановилось двое полицейских. Старший из них, приземистый, рано облысевший мужик с внешностью нераскаявшегося алкоголика, подобострастно смотрел на германского офицера, ожидая, что тот обязательно обратится к нему за какими-то разъяснениями.

— Я готов взяться за эту работу, — понял Отшельник, что появилась еще одна возможность отсрочить казнь.

— И правильно, — горячо поддержал его намерение Штубер. — Негоже, чтобы на христианской земле Христос оставался безголовым. В конце концов, его ведь распинали без всяких отсрочек, правда, солдат? Так что он свое отмучился.

— Святая правда, — согласился Отшельник, — отмучился. Разве что в лагере военнопленных не побывал.

— Но и в Сибири, в коммунистических концлагерях — тоже, — улыбнулся своей иезуитской улыбкой Штубер. — О них ты, солдат, почему-то молчишь.

В обращении к Отшельнику барон фон Штубер время от времени переходил то на «ты», то на «вы», в зависимости от настроения и степени того уважения, которое то накатывалось на него, то угасало.

Он подозвал старшего полицая и приказал записать, какие инструменты и кусок какой древесины нужны мастеру, велел завтра все это доставить в отдел СД. А когда ошастливленные таким важным заданием офицера СД полицайи ушли, объяснил Отшельнику:

— Творить, солдат, начнешь послезавтра. Для этого тебе выделяют комнатку в санитарном бараке. Сроку — шесть дней, на седьмой приму работу.

— Шесть дней маловато.

— Господу шести дней хватило для создания всего сущего на Земле! — возмутился Штубер. — Святое Писание знать надо.

— Не понятно только, зачем он так торопился. Куда спешил?

— Согласен, спешка Всевышнего до сих пор сказывается на всем бытие человечества, но ведь сумел же!

— И все же, лучше бы он потрудился еще дней шесть.

— Времени у него, в общем-то, было предостаточно, поскольку никто и никоим образом его не ограничивал. Но, опять же, не нам с вами судить. Словом, шесть дней тебе, Отшельник, на все твоё творческое горение, а на седьмой — казнь. Если не уложишься в срок или голова будет изготовлена не по-христиански, разопнут тебя, солдат, на этом же распятии. В назидание другим.

— Может, сразу же возьмем да приделаем его голову вместо головы Христа? — не мог не блеснуть

изобретательностью и красноречием Вечный Фельдфебель.

Штубер удивленно взглянул на него, затем — на Отшельника, на безголового Христа и вновь — на Отшельника.

— Неэстетично получится, — принялся размышлять вслух. — К тому же исторически неправдиво. Хотя в то же время оригинально.

— До нас никто до этого не додумывался, — заверил барона Зебольд. — Увидев такое распятие, все музейщики мира содрогнутся.

— Что происходит, Зебольд? Вы одну за другой стали порождать гениальные идеи. Человека с такими задатками грешно оставлять в фельдфебелях. Во-первых, это противоестественно, а во-вторых, противно всему устройству армейской жизни.

Лицо Христа скульптор старался возродить таким, каким оно было сотворено его дедом. Само осознание того, что он восстанавливает созданное своим недалеким предком, придавало работе Отшельника какой-то особый смысл. А еще ему вдруг показалось, что дух предка, как и дух Христа, объединяются сейчас, чтобы спасти его. С первого дня работы он твердо намерился бежать. Поскольку Отшельник решил, что лик Христа должен воссоздавать тот его лик, который был порожден творческой фантазией его деда, то Оресту удалось уговорить Штубера, чтобы он разрешил вырезать сами черты лица в руинах часовенки. И гауптштурмфюрер позволил ему это, приставив для охраны одного германца и двух полицаев.

Отшельник понимал, что троих охранников многовато, чтобы рассчитывать на успешный побег, но подбадривала его вера в дух предка и свою судьбу, а также в святость той миссии, которую он сейчас выполнял.

Когда этот почти невероятный по своему замыслу и по арестантской удаче побег все же удался и Гордаш сумел прибиться к партизанскому отряду Беркута, тот долго не мог поверить в правдоподобность его рассказа. Не потому, что подозревал в нем агента гестапо, а потому что слишком уж мужественным, истинно солдатским оказался сам план побега.

— Одного понять не могу, — сказал Беркут, выслушивая его у партизанского костра, чтобы вместе с другими бойцами решить, как с ним поступать: принимать в отряд, изгонять или расстреливать, как предателя. — Как тебе удалось вырваться из сатанинской петли Штубера? Признайся честно: может, он попросту помиловал тебя или же обменял твою голову за голову Христову? Если только вся эта история с «безголовым Христом» — не твоя выдумка. Сейчас мы далеко от этого местечка и ситуация у нас в отряде такая, что посылать кого-то для выяснения истины — не с руки. Сам же я видел это распятие очень давно...

— А я — недавно, уже после побега. Отсиделся двое суток за городом, а потом не выдержал, пробрался под вечер на окраину, затем прошел кладбищем. Как ни странно, голову Христову, мною вырезанную, Штубер все-таки приказал прибить к туловищу и кресту. А свое милосердие Божье в виде удачного побега я добыл себе сам.

— Вот и расскажи, как это произошло. Только самым подробным образом. Охранников у тебя ведь было трое: немец и два полицая?

— Трое, люди могут подтвердить. Пока я сотворял лик Христа, боговерующие подходили: кто кусок хлеба

подносил, кто полкружки козьего молока, кто просто стоял и сочувственно — по отношению и ко мне, и к Христу — вздыхал. Я уже завершал работу. Оставалось приладить голову к туловищу, и мы с Христом готовы были к новым мукам, только он — к библейским, а я — к земным, что, согласись, командир, не одно и то же.

— Не одно, понятно, — неохотно отозвался Беркут, растревоживая угли догорающего костра, на котором закипал небольшой котел с партизанской кашей. — Но ты не уходи от сути. Пойми, что особой веры тебе пока что нет.

Рядом с командиром сидели два бойца, еще двое отдыхали в шалаше, и один, тот, что был на посту, засел на ведущей к этому каменистому распадку тропе. Это была группа, с которой Беркут возвращался с какого-то задания и которая вынуждена была заночевать здесь, на окраине леса, на запасной базе, не доходя до основного своего лагеря.

Отшельник и сам понимал, что особой веры ему пока что нет, поэтому старался фиксировать расположение каждого из бойцов на тот случай, если бы Беркут не поверил ему и вновь пришлось бы уходить в чернеющий рядом лес волком-одиночкой. Причем уходить с боем.

— Как только немец-ефрейтор, который командовал моей охраной, увидел, что я завершаю работу над терновым венцом, сразу же поспешил к лагерю, чтобы оттуда по телефону сообщить Штуберу, что работа сделана. Я же взобрался на тумбу и стал расчищать от осколков-щепок место для головы, а сам слежу за каждым движением полицаев. Раньше я им не позволял дотрагиваться до головы Христа, а теперь один из них взял ее в руки. И, пока ефрейтор дозванивался да пока выяснял, что со мной делать после завершения работы: вести в лагерь или сразу же к виселице — они рассматривали лик и венок Христа, передавали голову

из рук в руки, оценивали, галдели. Тут сатана и вложил мне в руки топор. Каюсь, вложил-таки...

— А может, дело не в сатане, а в отчаянии и в порожденной этим отчаянием солдатской ярости? — задумчиво молвил Беркут, явно вспоминая при этом ярость той, последней атаки гарнизона дота «Беркут», с которой он пытался прорваться ночью из заблокированного немцами и румынами дота.

— Что в ярости — то это само собой, — признал Орест. — Метнулся я к ним прямо-таки рысью. Тому конвоиру, что без головы Христовой стоял, его собственную голову я по шею рассек и за карабин его кавалерийский схватился. А другой полицай, вместо того чтобы отбросить голову Христа и свою собственную спасти, сам на распятие стал похож. Смотрим друг на друга: у него в руках голова Христова трясется, а у меня — топор, поскольку с карабином возиться было некогда. Как мне хватило тогда силы воли опомниться и прийти в себя, до сих пор не пойму. Карабин я отшвырнул, метнулся к нему, уже пятающемуся назад, захватил за плечо... А он, видя, что произошло с его напарником, голову свою головой Христа прикрывает. Вот это-то меня как раз и поразило. До сих пор вижу перед собой эту сцену: солдат с винтовкой за спиной присел и в ужасе прикрывает свою голову головой Христа.

— Да что ты заладил: «головой Христа, головой Христа»?! — упрекнул его партизан-усач, который сидел слева от Беркута и до сих пор, кажется, не проронил ни слова.

Однако в упреке этом Отшельник уже не улавливал ни тени недоверия, просто сама сцена показалась усачу слишком набожной и жутковатой.

— Не мешайте, пусть человек расскажет, как сам прочувствовал, — вступился за Отшельника другой

партизан, чуть моложе усача. — Что там случилось у вас обоих дальше?

— Да то и случилось, что должно было... Полицай этот — мальчишка совсем, лет Девятнадцать, не больше. Он и смерти-то настоящей не видел.

— Это многое значит: познать цену смерти на войне,

— согласился Беркут, видя, что Отшельник неожиданно умолк. — Но чем же все-таки закончилось это ваше собственное «восхождение на Голгофу»?

Отшельник отцепил от ремня флягу, которую захватил у полицая вместе с ремнем и патронташем, круто взболтнул ее, сделал несколько глотков и протянул Беркуту.

Из горлышка в нос командира ударил едкий запах дурно сваренного самогона, без которого, очевидно, не обходилась фляга ни одного местного полицейского, однако отказаться от двух «глотков вежливости» он уже не мог. Исключительно из уважения к Отшельнику, с которым познакомился еще в тот день, когда Орест пришел к ним в дот, чтобы вручить вырезанную им статуэтку «Святой Девы Марии Подольской» медсестре дота Марии Кристич.

Для Андрея появление этого верзилы было полной и неприятной неожиданностью. Тем более что, как оказалось, за Кристич этот парень пытался ухаживать, еще будучи подростком, — медсестра потом сама признавалась в этом.

Правда, разошлись они в тот день мирно, и в какое-то время Андрей даже пожалел, что этот здоровяк не попал в его дот, такие парни ему тогда нужны были.

Да, Мария Кристич... Медсестра дота «Беркут». Никто из пяти партизан, которые были в тот вечер с Андреем, не знал, что этих двух людей, которые случайно встретились на узкой тропинке, среди каменистых подольских холмов, объединяет не только мимолетное знакомство, состоявшееся летом сорок

первого. Но что между ними стояла еще и память о прекрасной женщине, настоящей, смуглолицей подольской красавице, которая для Отшельника была увлечением юности и романтической музой, а для коменданта «дота смертников» Андрея Громова — нравственной спасительницей, помогавшей ему мужественно держаться в самые страшные и безнадежные дни блокады дота «Беркута». Да разве только ему? Всему гарнизону, трем десяткам бойцов, помогавшая сохранять выдержку и мужество, чтобы, душой ощущая ее присутствие, и сражаться, и умирать они могли, как подобает солдатам.

— Парень тот, полицай, явно был необстрелянным. Да только не до сочувствия мне тогда было. Какое, к черту, сочувствие, если вся земля вокруг в крови, а сам ты — смертник?! Сто раз обреченный, много раз чудом из могилы выкарабкивающийся — смертник?! — оправдывался перед самим собой и Всевышним бывший семинарист.

— Обстрелянный — необстрелянный, — в рукопашной это в расчет не принимается, — проворчал усач. — По себе знаю, потому что первую же атаку немцев в рукопашной отбивать пришлось. Ох, и рубились же мы тогда саперными лопатками! Впрочем, ты, Отшельник, продолжай-продолжай, это я так, к слову.

— Что тут уже рассказывать? И так все ясно. Я тогда топором ему прямо под сердце врубился, чтоб, значит, голову Христа не повредить. И ведь что странно? Когда я этого, второго, с Христом в руках, зарубил, со мной что-то вдруг произошло. Ни страха не чувствовал, ни времени. На часового, что на лагерной вышке мурыжился и всю эту схватку мог видеть, я даже не взглянул. Вернулся к тому, первому мною убиенному, снял с него ремень с патронташем и флягой, на себя надел, взял в одну руку карабин, в другую топор и

пошел к кладбищу. Только там я вдруг пришел в себя, ужаснулся тому, как медлю, и что есть силы побежал по старым могилам к лесу. Бабка, что могилку подправляла, когда увидела меня с карабином и окровавленным топором в руках, очевидно, так и решила, что лешего черт принес. Села на холмик могильный и как заорет.

— Конечно, лучше бы там солдатка молоденькая оказалась, — мечтательно проворчал усач. — Было бы кого успокаивать.

— Но именно этот крик, — стал отвлекаться на упреки Орест, — окончательно вывел меня из какого-то странного полузабытья. Преодолею я кладбище, перемахнул через каменную ограду, а там дорога. И как раз возле меня, из-за угла кладбищенской ограды, обозник-румын на подводе выкатывается. Я к нему, но топором не достал, он каким-то чудом чуть раньше на дорогу вывалился, а ружье на подводе осталось. Вот этой подводой Христос меня, видно, и отблагодарил за свой новый терновый венец.

— Прямо-таки новозаветный сюжет, — командир только сейчас передал флягу Отшельнику.

— Как я гнал лошадей через пригородное село, и почему подвода не разлетелась в щепки — это только он, Господь, и знает. Затем еще и по лесу гарцевал, по такой дороге, что подвода действительно начала рассыпаться. Гнал, пока на склоне какого-то лесного оврага кони не попадали. Хотя никто за мной не гнался — это я видел точно. Наверное, от страха своего убегал, от смерти, от судьбы.

Беркут тогда поверил ему и оставил в отряде. Отшельник нужен был партизанам еще и потому, что хорошо знал лагерь и систему его охраны, а Беркут как раз готовил нападение на него. И было что-то чернокнижно-закономерное в том, что после неудачного предрассветного налета на лагерь, из которого Орест

когда-то с таким трудом вырвался, во время боя на кладбище, его, раненного в плечо и с пустым карабинным магазином, вновь взяли в плен.

Операция не удалась, освободить пленных партизаны так и не сумели. Не их это был день, явно не их. И готовиться к подобной операции следовало основательнее, и людей у Беркута было слишком мало. А главное, лагерь оказался совершенно неподготовленным к восстанию, на которое партизаны очень рассчитывали.

Единственное, что им посчастливилось сделать, так это, по просьбе Отшельника, напасть на часового у сооруженной им виселицы, а саму виселицу сжечь. Вот только платой за сожжение стала потеря отрядом самого Отшельника, вновь оказавшегося в руках офицеров СД.

29

То, что Борман увидел в комнате отдыха, почему-то заставило его содрогнуться. Фюрер лежал на узкой, застеленной серым солдатским одеялом кровати, положив ноги на прямую, без какой-либо вычурности, массивную спинку. Он не спал, однако на вошедших не обратил никакого внимания, и продолжал лежать, уставившись взглядом то ли в серость влажноватой, отдающей затвердевшим бетоном стены, то ли в висевший над дверью портрет Фридриха Барбароссы.

Казалось бы, обычная житейская ситуация: человек лежит на кровати, мало ли что — устал, прихворнул, захотелось поразмышлять «наедине» с императором Барбароссой или же просто побыть наедине с самим собой. Но именно то, что, едва оказавшись в бункере,

фюрер сразу же, словно новобранец в недоотрытый окоп, залег в еще не приготовленную для него постель, как раз и показалось Борману неким тревожным предзнаменованием. На которое, судя по всему, и намекал бригаденфюрер Раттенхубер.

«А ведь, может быть, сейчас фюрер мысленно видит себя в окруженном врагами бункере, в последние часы существования этого рейхспристаннища. В такой вот позе безучастности, в таком душевно-нравственном состоянии отрешенности и прострации он и проведет последние часы перед пленением или самоубийством... — вновь с содроганием вспоминал рейхслейтер о догадке Раттенхубера: «Фюрер предчувствует!» — Вдруг он и в самом деле предчувствует?! Уже теперь, задолго до...»

— Нас осталось очень мало, Борман, — трудно было предположить, что голос принадлежит фюреру. К тому же казалось, что произнесенные Гитлером слова зарождались из мрачной тишины бункера, из толщи стен, из духа подземелья, из витающего подземной рейхс-канцелярией предчувствия гибели.

И Борману даже не верилось, что этот лежащий на кровати, исхудавший, тщедушный человек имеет к ним хоть какое-то отношение.

— Вы правы, мой фюрер, нас мало, — с дрожью в голосе произнес Борман.

— Нас уже слишком мало, и мы — последние. Наша гибель — и есть гибель рейха.

— Когда мы начинали, нас тоже было мало, мой фюрер, ничтожно мало. И никто не верил, что мы поднимемся к вершинам власти.

— Никто... не верил, — сокрушенно покачал головой фюрер.

— Однако же мы поднялись.

Фюрер закрыл глаза и замер, как-будто прислушивался к внутреннему чутью.

— Мне самому порой не верится в это, Борман.

— Точно так же с трудом будет вериться и нашим потомкам, не говоря уже об историках рейха.

— Пока мы шли к вершине власти, мы были едины и убеждены в своих силах и своем предназначении. Так почему же сейчас, когда в наших руках вся Германия, половина Европы, в наших рядах столько подлости и предательства, столько неправды и неверия?! Предательства, предательства, вокруг одни предательства! Мириться с этим дальше нельзя. Может, все это время я был слишком мягок со своими врагами? Кто это из великих римлян сказал: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»? Ведь сказал же кто-то.

— Кто-то сказал, из великих... — невнятно и растерянно пробормотал рейхслейтер.

— Так, может, я и в самом деле слишком поздно начинаю проявлять свою твердость? Если не так, то почему меня все ненавидят, но никто не боится?

— Это неправда, мой фюрер. Большинство германцев верит вам как фюреру и искренне уважает вас. Ненавидят лишь отдельные людишки, которым ненавистен порядок в стране, и которые все еще заражены иудейством или коммунизмом. Вы сами не раз говорили, мой фюрер, что в нашей борьбе «следует постоянно учитывать слабости и звериные черты человеческой натуры». Возможно, мы не всегда учитываем «звериную натуру» людей, которые окружают нас, особенно звериное нутро некоторых наших генералов.

— Это хорошо, что ты пришел сюда, Борман, а то мне уже становилось страшно находиться одному в этом каменном гробу, — Гитлер подхватился и нервно прошелся по отсеку. — Мне трудно находиться в этом склепе, Мартин. На меня давит вся та масса земли, что отделяет нас от неба.

— Знаю, мой фюрер. У вас характер Бонапарта, вы привыкли к открытому бою, к прямому вызову врагу, а вас постоянно загоняют в подземелья: здесь, в «Вольфшанце», в «Вервольфе» и во всех прочих ваших полевых ставках и резиденциях.

Фюрер выслушал его очень внимательно, и не скрывая своего подозрения. Он искренне был убежден, что его страх перед подземельем остается для Бормана тайной. Однако выяснять ничего не стал. Они молча осмотрели отсек, которому предназначено было стать подземной спальней фюрера. Здесь все было просто, как в солдатской казарме: кровать, с бронзовым «Распятием» у изголовья, столик, тумбочка, два грубовато сколоченных стула... Воистину, «умилительная, никого не сбивающая с толку простота», как иронично охарактеризовал ее недавно «гестаповский Мюллер».

— Однако я обязан привыкать, — проворчал Адольф и вновь улегся в постель.

— Нам с вами надо быть готовыми ко всему, мой фюрер.

Гитлер не ответил. Он лежал с закрытыми глазами, и

можно было подумать, что неожиданно уснул. Борман уже решил было тихо, крадучись, выйти из отсека, однако в ту же минуту фюрер пошевелился.

— Я снова слышу разрывы... — неожиданно произнес он.

Борман повел головой, словно бы принюхиваясь к происходящему вокруг, однако так ничего и не расслышал: в подземелье было тихо и неуютно, как в разграбленной гробнице.

— Да нет, пока что, вроде бы, вокруг нас тихо, — неуверенно как-то произнес он, словно бы, подпадая под гипнотическое воздействие голоса фюрера, терял возможность реально воспринимать происходящее.

— Ты не понимаешь, Борман: я уже слышу. Снаряды ложатся все ближе...

— Это верно, мой фюрер: снаряды ложатся все ближе. Для каждого из нас снаряды ложатся все ближе.

— Слава Богу, он пока еще не бредит! — облегченно вздохнул личный секретарь фюрера.

— Там, на поверхности, прямо над нами, уже враги. Они над нами, вокруг, среди нас... Везде враги!

— Они везде, — едва слышно пробормотал Борман, уже не рассчитывая на то, что будет услышан.

— Пали последние города, — погружался фюрер в бездну своих провидческих видений. — Погибли последние солдаты. В двери бункера громят прикладами. Ты слышишь их, Борман?

После каждой фразы Гитлера, рейхслейтер встревоженно вертел головой, и хотя никаких посторонних звуков до него не долетало, на вопрос фюрера с явным отчаянием в голосе ответил:

— Слышу! Отчетливо слышу, мой фюрер! — и был на грани того, чтобы и в самом деле услышать громохание сапог, русскую брань и удары прикладами в дверь.

— Они уже идут!.. Они победили, а потому жестоки и беспощадны, как жестоки и беспощадны были бы мы сами. — Фюрер произносил все это медленно, безинтонационно, словно видел то, чего не мог видеть сам Борман, и устало, обреченно комментировал являвшиеся ему апокалипсические видения. — А ведь я всегда считал, что там, где есть мы, национал-социалисты, никому другому места уже нет.

Борман помнил это высказывание Гитлера, которое в тридцатые годы стало боевым девизом молодых германцев: «Там, где есть мы, нет места никому другому!».

— Враги всегда жестоки и беспощадны, — молвил он вслух, стараясь сохранять мужество. — А потому, главное заключается не в том, чтобы научиться

выбирать врагов, а чтобы научиться беспощадно их истреблять.

Гитлер что-то пробормотал в ответ, и только теперь повернул голову так, чтобы видеть Бормана. До сих пор Мартину казалось, что он так и не удостоит его больше взгляда, а все то, что он сейчас произносит, — это размышления вслух, разговор с самим собой. «Впрочем, кто его знает, может, он видит меня даже с плотно закрытыми глазами, как видит в эти минуты все то, что открывает ему предчувствие?!».

— Мы и так уже достаточно наплодили себе врагов, Борман, неумолимых и беспощадных врагов, — укоризненно молвил Гитлер. — Возможно, в этом кроется самая большая наша ошибка: мы сотворяем себе врагов как раз тогда, когда нам очень нужны друзья.

— Однако еще не поздно, мы еще могли бы договориться с русскими, мой фюрер.

— С русскими — нет. Только не с русскими!

— Следует хотя бы попытаться. Еще не поздно начать переговоры. Ведь тогда, в 1943-ем, они почти согласились! Теперь, когда наши войска оставили пределы России...

— Поздновато, Борман. — Ответ был категоричным, и все же он немного успокоил рейхслейтера. Было время, когда Гитлер и слышать не желал о переговорах. Особенно с русскими. — Они опьянены кровью жертвы. Они уже видят себя на колесницах триумфаторов. Все: русские, англичане, американцы, даже всеми презираемые румыны, — и те видят себя в тогах триумфаторов.

— Еще и эти трусливые, продажные румыны! — сокрушенно покачал головой Борман.

— Бедная, растерзанная Германия! Это так обидно, что арийское государство погибает, в то время как рядом с ним выживают целые страны тех, кто вообще

не достоин этой планеты, не достоин нашей священной Европы. Государство, которое в век загрязнения рас уделяет внимание уходу за своими лучшими расовыми элементами, однажды должно стать властелином Земли^[28]. Значит, мы недостаточно усиливали наш расовый арийский элемент в рейхе. Недостаточно, недостаточно, Борман! И пусть никто не смеет уверять меня в обратном! — истерично барабанил он истощенными жилистыми кулаками в коленки.

— Однако все еще есть возможность начать переговоры. — Услышав это, Гитлер повертел головой, словно метался в бреду или пытался утолить зубную боль. Однако рейхслейтера это не остановило. — По-моему, такая возможность представляется. В крайнем случае, можно попытаться выиграть время.

— Тогда, в «Вервольфе», под Винницей, ты тоже настаивал на переговорах с русскими, на перемирии с ними...

— Предлагал, мой фюрер, — деликатно уточнил Мартин.

Сейчас, после покушения на Гитлера, вслух вспоминать о приверженности к перемирию с кем бы то ни было из противников, а тем более — с русскими, стало небезопасно даже для него, рейхслейтера и личного секретаря фюрера.

— Вас много было таких, кто готов был добиваться мира любой ценой.

— Я к ним не принадлежал, — непростительно резко отреагировал Борман, — потому что знал цену победы наших солдат. Мир, но не любой ценой. Если бы нам удалось достичь его, когда наши войска еще находились между Днестром и Волгой, то наш «Восточный вал»^[29] пролегал бы сейчас по Дону, или, в крайнем случае, по правому берегу Днестра. Теперь же

его придется сотворять, в лучшем случае, на старых границах Германии. И это — в лучшем случае.

— «Восточный вал»? — неожиданно ухватился за эту мысль Гитлер, совершенно забыв о намеке относительно переговоров с русскими. — Да, Борман, да, кажется, мы совершенно упустили это: «Восточный вал»! Мы должны быть готовыми стоять на нем, как на последней позиции — на рубеже смерти, рубеже чести германской нации.

Спустив ноги на пол и растирая руками лицо, фюрер с минуту согбенно сидел в позе человека, приходящего в себя после ночного запоя.

— Думает ли теперь кто-либо в рейхе о сооружении вала, который способен окончательно остановить русские орды?

— Никто, мой фюрер.

— Почему? — с трудом поднял Гитлер слишком тяжелую для его тщедушного тела голову. — Почему так происходит, Борман?

— Опасаются, как бы это не было истолковано в духе пораженческих настроений, — мстительно напомнил ему рейхслейтер определение, которым клеймил когда-то Гитлер в ставке под Винницей его самого. — Возможное обвинение в пораженчестве и предательстве — вот что постоянно сковывает всякого, кто действительно пытается думать о завтрашнем тяжком дне нашей обороны и политики.

— Значит, они все-таки боятся меня, — без особой радости констатировал фюрер.

— Но это тот случай, когда они должны не бояться, а верить.

— Где карта? — решительно поднялся, почти подхватился Гитлер, осматривая стены и стоявший рядом стол. — Где здесь, черт возьми, карта?!

— Карту, — тотчас же толкнул дверь Борман. — Фюреру — карту Восточного фронта!

— Она в кабинете! Рядом с комнатой отдыха, — отозвался адъютант фюрера Шауб. — Однако передвижение войск противника в результате последних наступлений на нее еще не нанесено.

— А передвижение германских войск в результате последних наступлений вы на эту карту уже вообще не наносите?! — патетически воскликнул Борман.

— Не в ту сторону они передвигаются, господин рейхслейтер, — вызывающе объяснил адъютант фюрера.

— А русские, по-вашему, передвигаются в «ту» сторону?

— За русскими мы едва поспеваем даже по той, главной, карте, — простодушно объяснил Шауб.

И впервые Борман позавидовал ему. Пребывая в ипостаси личного адъютанта фюрера, обергруппенфюрер, пройдя через компромат, касающийся его сексуальных оргий, и через прочие доносы многочисленных недругов, сумел отвоевать для себя бесценное право: оставаться беспредельно простодушным, доходя при этом до немыслимой для своего положения откровенности.

— Господин бригаденфюрер, — в ту же минуту доложил начальнику личной охраны один из эсэсовских офицеров, оставшихся наверху, у входа. — Прибыл рейхсмаршал Геринг.

— Где он?! — встрепенулся Борман. Вот уж с кем бы ему не хотелось встречаться сейчас в кабинете фюрера, так это с рейхсмаршалом.

— Уже в рейхсканцелярии.

Это сообщение застало Гитлера в проеме двери кабинета. Он оглянулся и, немного помедлив, приказал Раттенхуберу:

— Сюда его. А еще — пригласите ко мне Гиммлера и Шелленберга. Нет, лучше Скорцени, если только он в

Берлине. И принесите карту, находящуюся в рейхсканцелярии.

— Господин гауптштурмфюрер, он уже доставлен сюда.

— Кто? — удивленно уставился барон фон Штубер на фельдфебеля.

— Ну, он, пленный этот.

Штубер сидел за небольшим письменным столом, в уютной угловой комнате на втором этаже особняка, в который только недавно перебазировался из крепости его отряд «рыцарей рейха», и чувствовал себя при этом довольно неуютно.

После комнатки-кельи в башне крепости, после всего того грубого неуютта средневековой цитадели, к которому он успел приучить себя, находясь в крепости с ранней весны до декабрьских Морозов, этот кабинет, как и весь небольшой двухэтажный особняк, вызывал в нем чувство неуверенности и собственной ненужности. Словно его, профессионального военного, вдруг усадили за бухгалтерские книги, всучив вместо армейской карты и пистолета конторские счета.

— Так кого все-таки доставили, мой фельдфебель? — с ленивой усталостью переспросил Штубер, изображая улыбку на располневшем, с печатью тылового безделья, лице.

— Ну, того, бывшего пленного, схваченного на кладбище, — объяснил Зебольд, но, еще раз встретившись с непонимающим взглядом гауптштурмфюрера, пробормотал: — Извините, я считал, что вам уже сообщили по телефону. Речь идет о

пленном, который когда-то соорудил виселицу возле лагеря в Сауличах. К сожалению, забыл его фамилию.

— Хотите сказать, что речь идет о скульпторе Гордаше, Отшельнике?! Его что, схватили?! Где и как это произошло?

— Детали позвольте упустить, скажу лишь, что он поджег виселицу и...

— Поджег виселицу, которую сам же и построил?! — удивился Штубер. — И ведь соорудил он ее мастерски, великолепный, оказывается, плотник.

Теперь уже Зебольд удивленно посмотрел на Штубера. Даже его, давно привыкшего к неординарным причудам гауптштурмфюрера, это замечание заставило запнуться. Он не понимал: шутит Штубер или же поступок Отшельника действительно поражает его.

— Этот вояка поджег виселицу и потом огнем из пулемета не подпускал к ней солдат охранного батальона лагеря. Схватить его удалось уже на кладбище, когда он расстрелял все патроны.

— Не оставив одного для себя? Непростительная оплошность. Впрочем, хорошие мастера всегда оказываются плохими солдатами. Его допросили? Он сказал, где базируются партизаны, кто командир?

— Сейчас Лансберг, по кличке «Магистр», допрашивает его. В подвале. У Магистра он заговорит.

— Тогда еще несколько минут подождем. Свяжитесь с канцелярией лагеря и попросите от моего имени, чтобы они подыскали среди пленных троих плотников. А Магистру скажите, чтобы допрашивал Отшельника вежливо, насколько это, конечно, возможно. Во всяком случае, руки скульптора нам еще понадобятся. Через час, независимо от того, заговорит Отшельник или же будет молчать, везите его в Сауличи. К четырнадцати ноль-ноль я буду там.

— Слушаюсь, господин гауптштурмфюрер. Но если плотники нужны для строительства виселицы, то

осмелюсь доложить, что она уже возводится. Об этом распорядился сам начальник управления СД оберштурмбаннфюрер Роттенберг. Трудится целый взвод пленных. Приступили еще на рассвете. Завтра утром там должны казнить троих подпольщиков во главе с руководителем местного подполья.

— Вот как чудесно все складывается. Знаете что, передайте Магистру, пусть прекратит пытки Отшельника. Зная, что он в наших руках, партизаны все равно сменят базу, уйдут на одну из запасных, так что все эти допросы с пристрастием бессмысленны. Хотя бессмысленных пыток в принципе не бывает.

... В Сауличах все выглядело так, как докладывал Вечный Фельдфебель. Сгоревший эшафот был разбросан, а все, что от него осталось, увезено. На его месте более двадцати пленных возводили новый, трудясь над этим несуразностранным сооружением, словно рой термитов над своим термитником.

Подвели Отшельника. Длинные, склеенные запекшейся кровью, словно сургучными печатями, волосы его представляли совершенно неестественным дополнением к изорванной гимнастерке, которая, казалось, вот-вот готова расползтись, поскольку не в состоянии была охватить могучее тело. В то же время крупное смугловатое лицо Гордаша оставалось сурово безучастным, поэтому кровоподтеки не делали его ни скорбным, ни жалким.

Штубер вспомнил, что начальник лагеря умышленно разрешил Отшельнику не стричься, и даже не допускал, чтобы лагерный парикмахер подстригал его. Очевидно, виделось ему в этом украинце нечто демоническое, которым как раз и можно было объяснить многое из того непонятного, что происходило на этой славянской земле со всеми ими, пришедшими в эти края под знаменами фюрера.

Этот страшный с виду, но довольно смирный по характеру своему богатырь слыл своеобразной достопримечательностью лагеря. Его неизменно выставляли на показ каждому случившемуся в этих краях журналисту; офицеры и солдаты охраны охотно позировали в его обществе, фантазируя при этом по поводу реакции родственников и друзей, которую вызовет снимок, дойдя до далекой Германии.

— Что ж ты так неразумно повел себя, солдат? — подошел к нему Штубер. Он спросил это, дотронувшись пальцами до гимнастерки Отшельника, словно заботливый сержант, желающий привести в порядок обмундирование новобранца.

— Как солдат — я и повел себя, — спокойно ответил Отшельник, глядя ему прямо в глаза.

— А ведь это была прекрасная работа, — кивнул эсэсовец в сторону вновь появившегося помоста. — Редкая. В тебе, и в твоих коллегах-плотниках словно бы возродился талант средневековых германских мастеров-эшафотников, а уж они толк в своем деле знали. Одного не могу понять: как ты, мастер, мог уничтожить творение рук своих? — без пафоса, без ситуационной фальши, руководимый лишь совершенно естественным недоумением, вопрошал Штубер, вращаясь вокруг Отшельника, словно вокруг заморского великана.

— Сжечь его надо было сразу же, — мрачно отвечал Орест. — С опозданием, но, как видишь, сжег.

— Может, не давало покоя, что это твое произведение искусства служит не жизни, а смерти? Так ведь гильотина тоже мало напоминает колыбель младенца, однако же до сих пор носит имя своего создателя, увековечив его для потомков. Правда, под ее ножом сложил голову и сам мастер Гильот, но это уже банальные превратности судьбы. В конце концов, ты тоже мог бы быть повешенным на сооруженной тобой

виселице. Мог даже сам попросить меня об этом. Тогда твой «грех мастера», грех, который томил твою душу, был бы искуплен. А виселица осталась бы такой же достопримечательностью этих мест, как и сотворенное твоим дедом и отреставрированное тобой распятие.

Отшельник обреченно молчал. Магистр — невысокого роста, коренастый мужик с открыто-наивным лицом пастора — подступил поближе к нему и вопросительно взглянул на Штубера. Барон сделал вид, что не замечает его, и Магистр отступил. Его всегда неприятно поражала склонность гауптштурмфюрера к философствованию, особенно в тех случаях, когда требовалось всего-навсего спустить с очередного русского шкуру или подвесить его за ноги. Вот почему во время подобных словесных «эзекуций» Магистр смотрел на Штубера с искренним сожалением, не понимая ни смысла его занятия, ни причин, которые понуждают к нему.

— Или, может, меня неверно информировали? Фельдфебель, вы слышите меня?

— Слышу, господин гауптштурмфюрер, — учтиво отозвался Зебольд, с интересом наблюдавший за тем. Как мастеровые копошатся, устанавливая центральный столб виселицы, вытесанной из ствола прекрасной корабельной сосны.

— Может, это все-таки не он поджег свое творение?

— Все там верно: я поджигал, — отозвался Отшельник, и гортанный бас его, по сравнению с тихим, вкрадчивым голосом Штубера, показался громоподобным. — И не танцуй вокруг меня, как юродивый вокруг распятия. Если вы еще не успели соорудить эту свою «вздергивалку», то какого хрена привезли меня сюда?

Стоявший рядом лейтенант из лагерной охраны, который командовал возведением «вздергивалки», понял его и рассмеялся. Но Штубер так взглянул на

него, что тот сразу же проглотил свое хихиканье, робко извинился перед эсэсовцем и отошел, от греха подальше.

— Кстати, о распятии, — почесал подбородок Штубер. В эту минуту Отшельник и не подозревал, что подсказал ему новую идею казни. — О том самом, которое сооружал наш мастер. Оно сохранилось, а, мой фельдфебель?

— Возле этого распятия он и отстреливался из ручного пулемета... Трех наших убил, еще двоих ранил. Распятие сохранилось, но есть следы от пуль.

— Безбожный ты человек, Отшельник, — покачал головой Штубер, и пленный с удивлением отметил, что немецкий офицер произнес это как-то по-особому искренне. — Завязывать бой возле распятия, поставленного твоим предком и покровительствовавшего твоему роду и твоему селу!

— Очевидно, и на сей раз надеялся на его покровительство, — внес и свою лепту в философствование гауптштурмфюрера Магистр. — Но, как видно, распятие отреклось.

— Не богохульствуйте, Лансберг, — поморщился Штубер, отчаянно качая головой. — Не будем приписывать Господу то, чего не ведаем. Впрочем, вам, Магистр, виднее. Вы ведь, насколько мне помнится, специалист по распятиям, правда, не по скульптурным, а по вполне библейским. Так вот, сегодня вам представится возможность подтвердить эту репутацию. Фельдфебель, переведите лейтенанту, что на висельничный столб решено водрузить крест, для распятия. Чтобы живой кровью мученика освятить и само место, и убиение всех обреченных. Разве это не гениальная мысль?

Произнося эту свою речь и прислушиваясь к тому, как фельдфебель медленно, словно учитель на уроке, объясняет лейтенанту его задачу, Штубер незлобно, но

и без оскорбительного сочувствия смотрел на Отшельника. Ему важно было уловить реакцию обреченного. Поэтому-то он и отдал приказ лейтенанту на русском.

— Яволь, — козырнул лейтенант. — Я, правда, понятия не имею, как его сооружать, но русские плотники разберутся.

Вот именно: приучайте, приучайте их сооружать «распятия». Теперь это пригодится им куда больше, нежели умение писать коммунистические здравницы. А может, сам хочешь смастерить крест для «распятия», а, солдат? — обратился он к Отшельнику. — Ты же видишь, что это за мастера! Топорная работа, того и гляди, в самый ответственный момент все рухнет.

— Сволочь ты, эсэс, — потупил глаза Орест и зло сплюнул. Он все понял: теперь его уже не повесят. Этому эсэсовцу показалось, что повесить — наказание слишком мягкое. Но не живьем же его будут распинать!

«Господи, не живьем же!» — вычитал Штубер в его глазах, когда, осознав весь ужас своего положения, Отшельник посмотрел на него с какой-то чисто человеческой надеждой.

В эту минуту гауптштурмфюреру вдруг показалось, что теперь Отшельник готов на все, только бы получить возможность спасти свою жизнь. Например, предложи он Оресту выдать базу партизанского отряда, стать полицаем или собственноручно повесить всех, кто мастерит сейчас виселицу, он, несомненно, воспользовался бы ею. Но ему не хотелось давать этому человеку никакого шанса, никакой надежды. Полное отчаяние, при осознании всего ужаса того, что его ожидает, — вот условие эксперимента, который он сможет потом описать и психологически исследовать, основываясь на данном документальном факте.

Свое появление на украинской земле Штубер отметил сотворением удивительного памятника —

замурованным вместе с остатками гарнизона дотом на берегу Днестра, А свой окончательный отъезд отметит сооружением виселицы с распятием. Причем «Христа местного значения» на этом распятии можно время от времени менять, он уже подумал над этим. Да, он хотел поставить Отшельника на черту, за которой уже нет ничего, кроме страха, боли и нравственного падения личности. К своему несчастью, Отшельник до сих пор не впал в прострацию. У него слишком крепкие нервы, чтобы эта «божья благодать» затмила ему разум, чувства и эмоции.

В последнее время Штубер все больше задумывался над тем, что ему стоит заняться не только научными статьями, но и взяться за писательское перо. В конце концов, своим пристрастием к психологическим экспериментам он уже сумел создать столько неординарных жизненных ситуаций, сотворить столько «трагедий личности», смоделировать столько нравственных конфликтов и коллизий, что этого материала вполне хватило бы для создания, по крайней мере, десяти томов приключенческой прозы. Правда, он готовился к другой карьере, с которой может сравниться лишь карьера фюрера. Но кто подскажет ему, где находится та страна, в которой согласны смириться с его появлением в этой роли?

Впрочем, если Германия проиграет войну, — а к этому все идет, — вряд ли найдется и такая страна, в которой он будет цениться и как сочинитель романов о доблестных офицерах СС.

— Тебе никогда не приходилось играть роль монаха-отшельника? Ну, хотя бы в кружке художественной самодеятельности?

Гордаш смотрел на него, как на сумасшедшего. Он не понимал Штубера. Не потому, что наконец-то впал в прострацию. Просто Орест не мог уловить хода мыслей этого офицера. Не мог ни тогда, когда тот заговорил с

ним впервые, здесь же, у недостроенной виселицы, ни теперь.

— Какого еще монаха?

— Не играл, значит.

— Может, ты сыграешь? — въедливо поинтересовался Орест. — Я тебя очень быстро и профессионально приколочу к этому кресту.

Штубер задумчиво посмотрел на виселицу, словно прикидывал: «Может, и в самом деле?..», но все-таки безнадежно покачал головой.

— Не получится у меня. Фактурой не вышел. И потом, посуди сам: какой из меня, «палача-эсэсовца», как вы все утверждаете, монах? Да и ты, солдат, в роли режиссера не очень смотришься.

Выпады Отшельника его не раздражали. Проводя свои эксперименты, Штубер вообще редко впадал в раздражение или предавался обидам, это было бы непрофессионально. Чего бы стоили тогда эти эксперименты, и чего бы стоил как «психолог войны» он сам?

— Слушай, чего ты хочешь от меня, мразь в мундире? — угрюмо и тоже почти добродушно поинтересовался Отшельник. — Привез меня сюда, так кончай уже: вешай, распинай, сжигай, только перед этим уберись с глаз!

— Это я к тому, — невозмутимо продолжал Штубер, не затаивая зла на обреченного, — что через два часа тебе придется сыграть роль, которая не доставалась ни одному, даже самому великому, артисту, — роль распинаемого Иисуса Христа. Тебе известно, за что именно он пострадал, и ты не отрицаешь его существования, правда? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Вот и прекрасно. Даже не представляешь, как тебе будут завидовать. Какой еще артист и на какой такой сцене или перед кинокамерой

способен воспроизвести муки Иисуса так натурально, как это предоставляется сегодняшним распятием тебе?

— У тебя тоже неплохо получилось бы.

— Не смею соперничать, и никогда не посмею. Тем более что партер будет занят людьми, которым надлежит восходить на эшафот мимо твоего распятия. Да, не будет оваций, не будет криков «Браво!», и вряд ли тебя станут вызывать на «бис». Но зато своими муками ты будешь благословлять их, вдохновляя на мужественную, достойную смерть. О галерке тоже позаботимся. Там будет несколько тысяч обитателей лагеря. Вопрос упирается только в одно — в качество судного креста. Хотелось бы, чтобы он выполнен был мастерски. Посмотри на этих, с позволения сказать, плотников. Им бы только дрова рубить, а не голгофные кресты ставить.

— Прикажи, чтобы развязали руки, — неожиданно прорычал Отшельник. — Руки скажи, чтоб развязали! Да не бойся, морду бить не буду.

— Желание кого бы то ни было избить меня, всегда связано с определенным риском. А вот то, что ты решился смастерить для себя крест, на котором будешь распят... Такого в библейских сюжетах не встретишь. Смастеришь, поднимешься с ним на эшафот, как на Голгофу, приколотишь к столбу, под петлей... Я чего-то не предусмотрел во всем этом представлении?

— Когда мы развяжем ему руки, он потребует топор, — вмешался Зебольд. — А в прошлый раз он убежал, зарубив часового топором.

— Ну, зарубил. Что было, то было, — артистично вздохнул Штубер. На то и война, так ведь, Отшельник? И не станет он опять бросаться с топором на часовых, поскольку в его репертуаре нечто подобное уже было. Так зачем повторяться? Правда, имена для новоявленного Христа — Орест, Гордаш, Отшельник... — не совсем подходящие. Да только вряд ли за

оставшееся время мы сумеем придумать что-нибудь получше. Словом, руки рядовому Гордашу развяжите, выдайте древесины, топор, пилу и гвозди да выделите двух помощников, и пусть трудится.

— ...А то ведь и впрямь сварганят. Не то, что висеть, смотреть на него будет стыдно, — погасшим голосом произнес Гордаш, разминая окоченевшие под веревками руки. — Раз вытерпел Христос, значит, и мы вытерпим.

— Оч-чень правильная мысль! — возбужденно поддержал Штубер.

Не ожидая его дальнейших указаний, Орест подошел к пленным, отобрал у одного из них топор и начал осматривать валявшиеся на земле, уже очищенные от веток и коры, стволы деревьев.

— Этот, вот, возьмите, — скомандовал Отшельник мастерам. Отпилите здесь и здесь, — наметил ударами топора, — на основную балку, на стояк пойдет. А из этого сделаем поперечину, чтобы все, как полагается, по-христиански.

— Оставить троих пленных! — скомандовал Штубер.

— Остальных расстрелять? — оживился Вечный Фельдфебель.

— Остальных — в лагерь! Охрану отвести подальше. Всем быть начеку. Ни в коем случае не стрелять!

Едва гауптштурмфюрер произнес эту фразу, как появился унтер-офицер и сказал, что его срочно просят подойти к рации, расположенной в коляске одного из мотоциклов. Как выяснилось, на связи был начальник службы СД.

— Послушайте, Штубер, мне сказали, что вы, вроде бы, еще не казнили этого скульптора с ликом новоявленного Христа? — спросил он.

— Пока что нет. Но готовится целое театральное представление с распятием. Милости прошу в ложу для почетных гостей.

— Что за инквизиторская страсть у вас к подобным представлениям, барон? Нет, чтобы просто поставить человека на краю ямы и расстрелять. Столетиями проверено и надежно.

— Нельзя так примитивно лишать человека жизни. Особенно если речь идет о жизни талантливого мастера. А почему это вас так тревожит, оберштурмбаннфюрер?

— Теперь это уже тревожит не меня, а Кальтенбруннера.

— Кого?! Кальтенбруннера?! Послушайте, Роттенберг...

— Нет, это вы меня послушайте: немедленно отмените казнь и готовьтесь к тому, что этого скульптора, специалиста по распятиям, нужно будет отвезти в Германию, а оттуда — на один очень важный объект, где срочно понадобились скульпторы, умеющие сотворять распятого Христа.

— Но кто там, в Берлине, мог знать?.. — начал было высказывать свое удивление Штубер, однако Роттенберг нетерпеливо прервал его:

— Скорцени, вот кто мог. Вы ведь похвастались ему, что в руки к вам попал редкий экземпляр талантливого скульптора-семинариста небывалой физической силы? Разве не так?

— Был такой грех, — признал Штубер.

— Вот и отмаливайте его вместе со своим Отшельником, или как вы его там называете, — самодовольно произнес Роттенберг. — И не советую портить отношения с Кальтенбруннером, если не хотите оказаться на передовой Восточного фронта.

Как только рация умолкла, Штубер тотчас же подозвал Зебольда и сказал:

— Распятие имитировать до последней стадии.

— Сам Христос позавидует его мукам, — клятвенно пообещал Вечный Фельдфебель.

— Вы опять не поняли меня, Зебольд. Если с головы Отшельника упадет хоть волосок, на завершающей стадии этого спектакля вынужден буду выпускать дублера. Актер вы, конечно, бесталанный, но придется очень постараться.

— А что могло произойти такого, чтобы... понадобился дублер?

— Об этом вам лучше спросить у Кальтенбруннера, мой Вечный Фельдфебель. Мне же приказано доставить Отшельника в Берлин.

— Чтобы показательно распять на кресте посреди Александерплац? — расплылся в улыбке Зебольд.

— Понимаю, что в качестве дублера вам обязательно хочется выступить во время распятия Отшельника у здания рейхсканцелярии или в скверике неподалеку от Главного управления имперской безопасности. Но мой вам совет: будьте чуточку скромнее, Зебольд. Соответствуйте своему таланту и призванию фельдфебеля.

— Вот так всегда: ты подаешь прекрасную идею, а тебе напоминают о том, что ты всего лишь фельдфебель!

— Вечный Фельдфебель, — уточнил Штубер.

— И я должен этим гордиться?

— Вы, мой вечный фельдфебель, — нет, не должны.

— Что-то я не пойму вас, барон.

— Это вами, своим вечным фельдфебелем, должен гордиться наш вермахт.

— Как же неоспоримо вы умеете убеждать, господин гауптштурмфюрер, — иронично признал его правоту Зебольд.

— У каждого свой талант, мой Вечный Фельдфебель. Все, я появлюсь здесь через полтора часа. Распятием руководите вы, мой римский легионер. И помните приказ, касающийся Отшельника.

Штаб «Регенвурмлагеря» располагался в глубине возвышенности и представлял собой мощную гранитную цитадель, обрамленную гроздьями дотов. Все три подхода к нему вели через узкие пешеходные тоннели, простреливаемые пулеметами из обеих стен, на двух уровнях. Такой же кинжальный огонь «изрыгали» и доты, возле которых эти ходы раздваивались, — один вводил в основательно заминированный тупик-ловушку, другой — к штабу.

Прорваться через такие заслоны способен был разве что дьявол. И барон фон Риттер был уверен, что взять его логово можно будет только измором. Вот почему он приказал начать прокладку двух эвакуационных ходов, один из которых вводил на поверхность, в хорошо замаскированную пещеру, притаившуюся посреди горного соснового леса; другой — в глубь материка, в карстовые пещеры, по которым можно было уходить еще километра три, чтобы в конце концов оказаться на берегу Одера.

Главный ход, по которому немногочисленные штабисты попадали в цитадель «СС-Франконии», представал в виде извилистого тоннеля, мрачность коего не развеивали даже щедро развешанные по изгибам электрические светильники. Но прежде чем войти в него, бригаденфюрер, уже в который раз наткнулся на высеченный из камня крест, с распятым на нем Иисусом Христом. На первое из тех сорока пяти распятий, которых его предшественник штандартенфюрер Овербек приказал «изваять» по всему периметру огромного «Регенвурмлагеря».

Правда, «изваяно» было только пять, однако комендант уже знал, что в лагере появился какой-то

талантливый скульптор-славянин из недоучившихся семинаристов, который, вместе со своими подмастерьями, способен создать еще с десяток подобных скульптур.

— Так что будем делать со всеми этими распятиями? — почти машинально поинтересовался адъютант Удо Вольраб, помня, что, еще будучи заместителем коменданта, барон фон Риттер не мог спокойно проходить мимо ни одного из этих распятных крестов.

— То же, что и с самим штандартенфюрером СС Овербеком.

Вольраб непонимающе уставился на бригаденфюрера.

— То есть расстрелять?!

— А что вас так удивляет? Да, расстрелять. Как только настанет время. Ибо такова воля Германии.

— Но пока что действует приказ, согласно которому в нашем лагере должно быть установлено сорок пять распятий. Сорок пять, — возмущенно повторил он, — цифра названа в приказе. Пожелаете отменить?

— Зачем? — задумчиво спросил барон фон Риттер, и адъютант впервые заметил, что комендант осматривает распятие не с ненавистью, как это обычно делал, а с интересом. — Чтобы потом долго гадали, кого считать более безумным: того сумасшедшего, по чьему приказу эти распятия высекали из камня, или того, по чьему их уничтожали?

— Ну, так ставить вопрос никто не осмелится.

— А вы все же поставьте его.

— Для отмены приказа бывшего коменданта достаточно констатации того, что распятия эти появились по приказу... сумасшедшего.

— Неужели кто-то мог бы предположить, что в этом подземелье подобные изваяния могли появиться по приказу кого-то, все еще не сошедшего с ума?

Вопрос оказался настолько сложным и философски запутанным, что Вольраб даже не пытался осмыслить его.

— Не мог бы, — машинально ответил он.

— Кстати, почему Овербек решил, что распятий должно быть сорок пять?

— Вот именно, почему? — все так же машинально поддержал Гитлера его адъютант.

— Ни с одной датой, ни с одним числом, связанным с Иисусом, Девой Марией и вообще с Библией это, по моему, не совпадает.

— Очевидно, потому мой фюрер, что твердо решил для себя: в сорок пятом году Германия погибнет!

Фон Риттер взглянул на него, как инквизитор на чернокнижника, и мысленно содрогнулся. Ему и в голову не приходило, что число подземных распятий может быть привязано к предполагаемой дате окончания войны.

— Вы... тоже в этом уверены, Вольраб?

— Сейчас мы говорим о штандартенфюрере Овербеке и затеянной им игре в нумерологию.

— Следовательно, он был окончательно уверен?..

— Что Германия уже не просто проиграет нынешнюю войну, как не раз проигрывала до этого, а погибнет как страна, как рейх.

Бригаденфюрер снова внимательно взглянул на адъютанта, словно заподозрил, что тот сам придумал такое объяснение, и вновь перевел взгляд на распятие.

Крест был выдолблен в нише, очень напоминающей гробницу, как если бы ее, «стоя», вмуровали в стену. Волосы и венец на голове Христа были сделаны мастером таким образом, что очень напоминали каску с начертанными на ней буквами «СС». Именно так «Христос в каске воина СС», и воспринималось это изваяние, которое солдаты гарнизона уже называли между собой «СС-Распятием».

— Странно, почему Овербек решил, что крах наступит в сорок пятом?

— Теперь для этого уже не нужно быть пророком.

— Однако Овербек отдавал свой приказ еще в сорок первом, кто тогда способен был назвать дату краха рейха, кто вообще способен был предположить, что мы потерпим крах?

— Такой человек был. Исходя из предсказания лагерного пророка — Фризского Чудовища, — мы должны потерпеть полное поражение весной сорок пятого. А еще точнее — в начале мая. Теперь в это уже нетрудно поверить даже нам с вами, самым убежденным сторонникам победы вермахта, — на всякий случай подстраховался адъютант. — Однако Фризское Чудовище произнес это слово еще в сорок первом.

— Вот что значит невовремя повешенный пророк, адъютант Вольраб! — поучительно изрек комендант.

— Что совершенно непростительно.

— Любое святое дело в этом мире следует начинать с избиения пророков, а сотворение империи — с сотворения напрогноченных пророками эшафотов.

— Так, может, вместо очередного «СС-распятия» в одной из ниш следует высечь ваши слова?!

— Следует, — кивнул фон Риттер. — Есть слова, которые человечество просто обязано увековечивать в граните, — объяснил он и, воинственно ухватившись руками за кобуру, направился в свои апартаменты.

Сегодня он впервые входил в цитадель как комендант «Регенвурмлагеря». И хотя письменный приказ о своем назначении барон получил еще три дня тому назад, пребывая в Берлине, только сейчас, в эти вот минуты, он по-настоящему осознал, что теперь-то он наконец действительно является комендантом секретной подземной базы СС, комендантом «Лагеря дождевого червя». И не собирался умалчивать о том,

что восхождение на данный пост является достойной платой за время, уже проведенное им в подземных лабиринтах, а точнее, в потустороннем мире обвалов-погребений, крематориев, подземных электростанций, пещерных казарм почти обезумевшего гарнизона и таинственных камер «Центра по формированию гарнизона зомби», именуемого еще «Лабораторией призраков».

Предсказания лагерного пророка, Фризского Чудовища?! Еще бы! Овербек шага не мог ступить, чтобы не освятить себя очередными видениями этого новоявленного «Кассандра»! Не исключено, что и само его сумасшествие — плод видений и предсказаний Фриза.

32

— Господин бригаденфюрер, унтерштурмфюрер Крайз прибыл! — доложил адъютант, вежливо, почти чинно пропуская мимо себя колдуна и предсказателя.

Вольраб всегда опасался этого чудовища, поэтому Крайз оставался единственным человеком в «Регенвурмлагере», с которым всесильный адъютант коменданта пытался не портить отношений и от которого всегда держался подальше.

Что ж до бригаденфюрера, то он даже чуть-чуть приподнялся, чтобы получше разглядеть это гигантское бесформенное существо, которое не то чтобы несмело, но как-то странно, боком входившее в его кабинет, словно протискиваясь при этом между каменными завалами подземной «СС-Франконии».

За то недолгое время, которое барон пробыл заместителем Овербека, он видел Фризское Чудовище

всего дважды, да и то мельком. Поскольку Овербек всегда считал Фридриха Крайза своим личным предсказателем, то первое время содержал его здесь же, в цитадели, под охраной, в отдельной, обшитой досками выработке, никого и ни под каким предлогом не подпуская к нему. И порой фон Риттеру казалось, что штандартенфюрер оберегал своего изуродованного огнем и судьбой фриза^[30] не только как хранителя своей судьбы, но и как святыню, как некий одушевленный талисман «Регенвурмлагеря».

— Садитесь, унтерштурмфюрер, — предложил барон и, сморщившись, проследил, как Фризское Чудовище, не спеша, какой-то особой, разгильдяйской развалочкой, приближается к креслу у его стола.

Риттер уже знал, что Крайз всегда держится с той вызывающей самоуверенностью, которая любого общающегося с ним старшего офицера приводила в гневный трепет. Однако ему все же не верилось, что точно так же Крайз решится вести себя и с ним, комендантом лагеря. Тем более что он помнил, с какой покорностью воспринимало это чудовище любое распоряжение штандартенфюрера Овербека.

Может, лишь из благодарности за эту покорность, в последние дни своего пребывания в должности коменданта «СС-Франконии» Овербек так упорно добивался, чтобы Крайза возвели в чин лейтенанта СС. Хотя в штабе Гиммлера многие этому противились.

Впрочем, о том, что он уже является офицером СС, Фризское Чудовище пока еще не знал. Вот и сейчас обмундирован был Крайз в небрежно пошитый зеленоватый френч, на котором не просматривалось никаких знаков различия, и накладные карманы которого находились на разной высоте и были разных размеров. Но когда этот человек представал перед кем-

то, мало кому приходило в голову рассматривать его обмундирование; не до этого было.

Стоило взглянуть на этого огромного, более чем двухметрового роста, увальня, на его непомерной ширины безформные плечи, напоминающие два взваленных на плечи нормального человека полупустых мешка; чтобы уже при этом зрелище поразиться внешности Крайза.

Но главным раздражителем чувств человеческих все же выступало лицо Крайза, точнее, то, что у остальных людей обычно называлось лицом. Дело в том, что еще в школьные годы лицо и значительная часть тела этого человека были сильно обожжены. Причем получилось так, что со временем подбородок Крайза почти сросся с грудью, являя миру поистине жуткую маску из затвердевших кусков изуродованной ткани, мясисто-пепельных шрамов и уродливых фурункулов, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы ужаснуться и возненавидеть, раз и навсегда возненавидеть это «Фризское Чудовище».

— Почему меня называют унтерштурмфюрером? — губы Фризского Чудовища были ужасающе искорежены, поэтому общался он с миром каким-то странным шепеляво-сюсюкающим басом. И почти после каждого слова с таким рыком прочищал свою гортань, что заставлял вздрагивать даже тех, кто, казалось бы, давно должен был бы привыкнуть к его манере и говорить, и шумно, хотя и полууторбно, дышать.

— Есть приказ обергруппенфюрера Кальтенбруннера о назначении вас начальником особой, секретной «Лаборатории призраков».

— «Лаборатории призраков»?! — Гримасу, которая вырисовалась на чудовищно изуродованном лице Крайза, трудно было назвать улыбкой, даже если за эталон красоты ее принимать улыбку Квазимодо.

Но все же, это, в самом деле, была улыбка. Крайз мог чувствовать себя счастливым, если только он догадывался о существовании такого чувства. Как бы там ни было, а именно фельдфебель Крайз являлся настоящим основателем этой секретной лаборатории: под его руководством она строилась, под его командованием охранялась, и под его идеи проводилось в ней немало таинственных экспериментов.

— Так вот, в этом приказе начальника Главного управления имперской безопасности вы названы унтерштурмфюрером, то есть младшим лейтенантом войск СС, а в таких делах шеф РСХА ошибаться не способен.

— Неужели начальником лаборатории? — это уточнил не Фризское Чудовище, а адъютант Вольраб. О возведении Крайза в офицерский чин он как раз слышал, а вот о назначении на должность — впервые. И был удивлен, что бригаденфюрер почему-то не информировал его об этом событии еще там, на поверхности.

«А ведь, скорее всего, бригаденфюрер опасался, что проболтаюсь в разговоре с кем-то из знакомых офицеров, понятия не имеющих не только о новой лаборатории, но и о самом «Регенвурмлагере», — довольно быстро нашел объяснение этому умолчанию гауптштурмфюрер. — Тоже мне, великий таинственник!»

Словно уловив неуважительное отношение к себе, комендант приказал Вольрабу выйти и предупредить часового, чтобы в течение ближайшего часа никого к нему не пропускал. Уходя, адъютант взглянул на коменданта с явным сожалением, не понимая, как тот решается оставаться с Фризским Чудовищем один на один.

— Прежде всего, вы, Крайз, должны знать, что на самом деле это приказ не столько Кальтенбруннера, сколько Отто Скорцени, — молвил барон, как только за адъютантом закрылась стальная дверь его бункера.

— Я это знаю.

— От кого?! — опешил фон Риттер. — Приказ является совершенно секретным.

— Молитвами всех святых, господин барон.

— Вы не поняли меня, унтерштурмфюрер.

— Понял, — безмятежно возразил Крайз.

— Я спрашиваю: от кого вам стало известно о причастности первого диверсанта рейха к вашему продвижению по службе?

— Скорцени интересовался мною еще в бытность комендантом штандартенфюрера Овербека. Впрочем, я догадывался, что его интерес ко мне возник еще раньше.

— Предвидение?

В этот раз Фризское Чудовище прочищал свою осевшую гортань особенно долго и угрожающе громко, словно предупреждая: «Не вторгайся туда, куда вторгаться, кому бы то ни было, запрещено самим сатаной!»

— Молитвами всех святых, господин барон. Иногда я знаю то, что мне позволяют знать Высшие Силы. Даже если знать этого решительно не желаю.

— И все же... Когда именно Скорцени заинтересовался вами, унтерштурмфюрер? — попытался сдержать свои эмоции комендант. Он терпеть не мог каких бы то ни было неясностей в отношениях с подчиненными и бесился от осознания того, что существует некая тайна, в которую его то ли не желают посвящать, то ли обещают посвятить чуть позже.

Поскольку речь шла об обер-диверсанте рейха, фон Риттер продолжал обращаться к Фризскому Чудовищу с

предельной вежливостью. Иное дело, что всю эту затею с возведением Крайза в чин лейтенанта бригаденфюрер считал такой же безумной, как и стремление своего предшественника «облагородить и освятить» все участки «Регенвурмлагеря» каменными распятиями.

— Скорцени заинтересовался мною еще тогда, когда мне стало известно, что моей личностью впервые заинтересовался фюрер.

Фон Риттер достал из кармана брюк необъятных размеров платочек и долго, почти с ритуальной медлительностью, протирал свою шлемоподобную лысину. Он поступал так всегда, когда требовалась пауза для раздумий.

Появление пота на азиатской черепнине коменданта лагеря служило своеобразным признаком удивления чем-либо или же его крайнего расстройства. И платочком своим фон Риттер пользовался, то как белым флагом парламентаря, то как красной тканью тореадора. В зависимости от ситуации.

— Разве было и такое? Чтобы сам фюрер?..

— Молитвами всех святых, барон.

Фон Риттер знал, что все попытки Овербека приучить Фризское Чудовище обращаться к кому бы то ни было с надлежащим чинопочтанием оказывались безуспешными. Основательно одичавший за три года своих скитаний по двум архипелагам Фризских островов, Крайз вел себя теперь, как ему заблагорассудится. Вот почему бригаденфюрер решил не повторять ошибок своего предшественника и не портить себе нервы.

— Его интерес к вам был вызван интересом к Высшим Силам? Я спрашиваю: фюрера заинтересовала ваша связь с Высшими Силами?

— Наоборот, связь Высших Сил — со мной, — нагло уточнил Фризское Чудовище.

Фон Риттер вновь старательно промокнул платком свой черепной шлем, а затем, забывшись, еще долго возил влажным платком по краешку огромного письменного стола.

Дверь открылась, и появился адъютант. Он сделал вид, будто хочет что-то сообщить бригаденфюреру, но, решив, что тот не обратил внимания на него, тихонько присел у двери. И фон Риттер не стал выставлять его во второй раз, он понимал, насколько Вольрабу интересно услышать то, о чем они между собой говорят.

— Так-так, любопытно. Значит, это не вы стремитесь наладить связь с высшими посвященными, это они стремятся установить связь с вами? Понятно. Но все же впредь выражайтесь яснее и конкретнее.

— В этом-то и заключается ясность: что не я ищу этих самых, — указал он пальцем в пространство над собой, — Высших Посвященных или, как их еще называют, Учителей, а они меня. Причем очень давно.

— Ради познания этой тайны фюрер, очевидно, и приезжал однажды в «Регенвурмлагерь»? — грудью налег на стол комендант. — Причем визит тоже был тайным.

В это время глаза барона уже азартно загорелись. Только очень близкие к фон Риттеру люди знали, что барон буквально помешан на всевозможных таинствах, пророчествах и сказаниях о космических пришельцах, о Чаше Грааля, Шамбале, подземных гномах, горных и лесных духах и прочей чертовщине.

Он жил этими мифами и легендами, сотворяя свой собственный мир, в котором очень мало места оставалось для явлений реального бытия.

— Конечно же, ради познания, — поддержал его Крайз. — Только не сюда, а в Черный Каньон.

— Это где-то там, в горном распадке, в провалье? — поморщился барон.

— Это особое, сакральное место, — объяснил Фризское Чудовище. — Именно там должен находиться духовный центр всего того, что мы здесь создаем. Оттуда легче всего осуществлять астральную связь с Учителями.

— Может, есть смысл поставить там часовню, — вмешался в их разговор Удо Вольраб, — или же устроить кирху прямо под каньоном.

— С этим торопиться не нужно. И не в каньоне, — резко отреагировал Фризское Чудовище. — Вы должны понимать, что к христианскому учению, к христианскому мировосприятию наша астральная связь с Учителями, с Высшими Посвященными, никакого отношения не имеет. Все придуманные и навязанные нам евреями мифы об иудее, сыне Божьем Христе вызывают у них, в лучшем случае, снисходительную ухмылку.

— Я так и предполагал, — проворчал барон, однако неясно было, одобряет ли он подобные познания изувеченного жизнью фриза или же осуждает их.

— Они вообще не понимают, как иудеи умудрились сотворить полубога из человека такого образа жизни и таких деяний, какими отмечался реальный прототип иудея Иисуса. А главное, как произошло, что этому полумифическому иудею стали молиться миллионы арийцев.

— Это действительно загадка, — согласился Удо Вольраб.

— Однако вернемся к тайному посещению фюрером «Регенвурмлагеря», — попытался увести он фриза от религиозных философствований.

— Кстати, фюрер тоже весьма скептически относится к Христу и христианству.

— Только, в отличие от вас, унтерштурмфюрер Крайз, никогда громогласно не афиширует этого, помня, что управлять ему все же приходится

христианской страной и командовать христианской армией.

Крайз понял, что слишком увлекся и, чтобы замять ситуацию, помолчал, прокашлялся, вновь помолчал.

— Возможно, сюда, в катакомбы, фюрер тоже спускался, не знаю. Но со мной он встречался в каньоне.

— Хотите сказать, что в каньон он прибыл только для того, чтобы встретиться лично с вами?

— Если учесть, что беседовал исключительно со мной и большую часть времени мы провели только вдвоем. Даже без присутствия Шауба.

Ссылка на Шауба выглядела убедительной, барон помнил, насколько близок был к Гитлеру этот его адъютант по особым поручениям.

— Охотно верю, — слишком уж как-то неохотно признал фон Риттер. Похвастаться таким особым вниманием к себе фюрера он, понятное дело, не мог.

— Я никогда не забуду этой встречи и всегда буду признателен фюреру, что он решился на такую встречу со мной, именно со мной. Вы понимаете, что я имею в виду.

И фон Риттер увидел, как изуродованные, вывернутые наизнанку губы-наросты Фризского Чудовища начали расплываться в химерной улыбке, способной потрясти своим видом самого дьявола. Эта улыбка была не только отблеском его воспоминаний. Крайз был доволен, что отныне комендант вынужден будет считаться не только с покровительством Скорцени, но и с его личным знакомством с фюрером.

Однако главное, что он почувствовал в новом коменданте родственную душу «чернокнижника» всевозможных тайн. И это радовало новоиспеченного начальника «Лаборатории призраков», который прекрасно понимал, что по-настоящему прижиться в «СС-Франконии» могут люди только такого склада

характера и восприятия внешнего мира, какими обладали барон фон Риттер и он сам, Фридрих Крайз.

Овербек как-то вскользь пожаловался фон Риттеру, что Фризское Чудовище начинает вести себя так, словно ему самим Господом предписано чувствовать себя властелином «СС-Франконии». Причем с каждым днем эта его «провидческая наглость» проявляется все вызывающе.

— Так истребите его! — посоветовал тогда фон Риттер, — истребите, черт возьми!

И был поражен, когда, услышав этот совет, комендант испуганно заслонился от него рукой, словно прикрывался от яркой вспышки молнии.

— Что вы, что вы, барон?! Не пытайтесь делать этого, не пытайтесь враждовать с Фризским Чудовищем. Человек он, в общем-то, неконфликтный, с ним нетрудно ладить, но лишь до тех пор, пока он не почувствует, что вы брезгуете общаться с ним, слишком внимательно рассматриваете его или же пытаетесь выжить из подземелий «СС-Франконии». Это мы с вами здесь люди временные, а он избрал подземелья «дождевого червя» навсегда.

Одна из загадок «Регенвурмлагеря» в том и заключалась, что всесильный комендант Овербек боялся Фризского Чудовища каким-то совершенно неестественным, мистическим страхом. Это проявлялось буквально во всем: как штандартенфюрер общался с Фридрихом Крайзом, как всячески избегал его, с каким трепетом произносил его имя...

Однако самая большая тайна отношений этих двух людей заключалась в другом. Несмотря на прорывавшееся кое-когда из его уст брюзжание, Овербек все же считал, что Фризское Чудовище является милостиво послушным и преданным ему. Это ж как нужно было бояться Крайза и как заискивать перед ним, чтобы это, никакому влиянию и никакому

устрашению не поддающееся, чудовище считать образцом покорности и послушания! И при этом упорно добиваться возведения его в чин унтерштурмфюрера СС.

— О чем же фюрер говорил с вами там, в Черном Каньоне?

Фриз смотрел куда-то мимо коменданта, словно не слышал его вопроса. Барон даже интуитивно оглянулся, пытаясь понять, что там, за его спиной, так заинтересовало фризского шамана.

— Вы что, не слышите меня Крайз?

— Слышу.

— Тогда почему вы позволяете себе не отвечать? — почувствовал фон Риттер, как в душе его накапливается раздражение. — Почему вы, унтерштурмфюрер, позволяете себе игнорировать вопросы, которые вам задает генерал-майор войск СС?

— На какой именно вопрос вы хотели бы услышать мой ответ? — слишком спокойно для данной ситуации, даже флегматично, поинтересовался Крайз.

— Хочу знать, о чем, провались вы в преисподнюю, фюрер говорил с вами — вот что я хочу знать! — все же не сдержался фон Риттер и попытался изо всей силы ударить кулаком по столу.

Каково же было потрясение барона, когда он вдруг ощутил, что пальцы почти не слушаются его. Какое-то время фон Риттер все еще силился сжать их в кулак, но силы покинули его, и рука стала какой-то ватной. В конце концов кулак как бы завис в двух-трех сантиметрах от поверхности стола.

Осознав всю опасность происходящего, бригаденфюрер затравленно взглянул на Крайза. Гигант-фриз сидел напротив него, упираясь кулаками в колени, и насмешливо глядел прямо в глаза, словно спрашивал: «Ну, и что ты теперь намерен делать? И вообще, на кого ты кулак поднимаешь, ничтожество?!»

— Не знал я, что вы и таким вот образом способны повелевать, — удивленно повел подбородком генерал СС.

— Кажется, способен, — пожал плечами, словно двумя валунами качнул, Фридрих Крайз.

— Но этим ваша власть над миром не ограничивается. Правильно я понимаю?

— Это не власть над миром. Это характеризуется иначе. К власти над миром я не стремлюсь.

— Неважно, как вы это склонны называть, — поспешил комендант прервать его признания, словно опасался хоть в какой-то степени разочароваться в таинственных связях Крайза с Учителями, дарящими власть над всяким, кто с ним соприкасается. — Но замечу, что, обладая такой силой над людьми, какой обладаете вы, Крайз, грешно не попытаться стать диктатором.

— Та сила и та власть, которую вы только что ощутили, дается нам не для того, чтобы узурпировать мир. Если же такие люди находятся, Высшие Посвященные сразу же охлаждают их, лишают поддержки, а то и доводят до краха.

Услышав это, бригаденфюрер удивленно и в то же время вопросительно взглянул на Крайза. Лицо фриза уже не казалось ему таким уродливым, каким явилось в начале встречи. Он даже подумал, что, возможно, со временем будет выведена специальная порода людей с такими устрашающими лицами. Это могут быть зомби-уроды, сам вид которых приводил бы врага в ужас. Зомби-полицейские с такими рожами шокировали бы любое уличное сборище. Нужно бы как-нибудь поделикатнее навязать эту идею самому Крайзу как начальнику «Лаборатории призраков».

Заметив все еще сидевшего у двери адъютанта, фон Риттер движением головы потребовал, чтобы тот вышел. А когда остался наедине с Крайзом, прямо, не прибегая ни к какой дипломатии, спросил:

— Фюрера эти ваши «посвященные» тоже лишили своей поддержки?

— Лишили, — так же просто, без обиняков, ответил Крайз. — И фюрер начинает понимать это. Однако мы никогда не будем возвращаться к этому разговору.

— Никогда, — клятвенно заверил его бригаденфюрер, понимая, насколько подобные разговоры опасны. Кто и каким бы образом ни лишал фюрера его астральной силы, он все еще остается фюрером, а значит, у него всегда будет хватать власти, чтобы расправиться с любым неугодным ему генералом.

— Так будет порядочно по отношению к фюреру.

— Полностью с вами согласен. С одним условием: как-нибудь мы сядем вместе, и вы посвятите меня во все свои возможности. С гарантией, что сведения эти я никому не передам.

— Молитвами всех святых, барон, — по-своему увел бригаденфюрера от этой темы Фризское Чудовище. — Кажется, вы хотели выйти вместе со мной на поверхность и пройти по Черному Каньону?

— Именно эта мысль и посетила меня только что, — признался комендант. — Другое дело, что он не был уверен — его ли это мысль или же она навеяна была самим Крайзом.

— Фюреру захотелось того же, — воинственно рассмеялся-прокашлялся новообращенный эсэсовец, форму для которого еще не подыскали, поэтому он продолжал оставаться в каком-то странном френче,

слегка напоминающем русскую гимнастерку. Очевидно, потому, что и сшита она была здесь, в «Регенвурмлагере» одним из бездарных портных-остарбайтеров.

— И все же, почему Гитлер заинтересовался этим Черным Каньоном? Кто посоветовал ему побывать там?

— Все просто: что это я нашел его для фюрера.

— Вы?!

— Точно так же, как нашел ему место под Смоленском, для ставки «Беренхалле», и на франко-бельгийской границе, у городка Прюэ-де-Пеш, для ставки «Вольфсшлюхт»^[31]. Ну и, конечно же, место для главной фронтовой ставки фюрера — «Вервольф», что в Украине, под Винницей.

— Неужели и для «Вервольфа» — тоже?!

— Когда меня провезли по Украине, я обнаружил три таких места. Но «Вервольф» показался наиболее... «сатанинским» что ли. Во всяком случае, там фюрер мог вступать в связь с Высшими Силами, не выходя из своего бункера. Вторую ставку, названную «Тоннель» («Рере») фюрер приказал расположить в горах западноукраинской Галиции.

Фон Риттер застыл, неотрывно глядя на Крайза. Просматривались в этом взгляде и в этом молчании его — и первозданный, суеверный страх, и столь же первозданное, суеверное преклонение.

— Так это вас следует считать истинным творцом, или, по крайней мере, крестным отцом, «Вервольфа» и нескольких других ставок фюрера?!

— До меня подобные места пыталась определять небольшая группа прорицателей из известного вам института «Аненербе». Однако у них что-то не получалось, и тогда обратились ко мне. В том числе я должен был оценить пригодность и тех мест, которые в свое время были избраны без меня.

— А вам не грустно оттого, что Германия так никогда и не узнает о вашей роли в этом выборе и в сотворении «Вервольфа»?

— Весь порожденный человечеством мир — это всего лишь мир непогребенного природой скотомогильника.

— Смелое предположение, хотя и ничего в этом «скотомогильнике» не объясняющее.

— Истинными творцами «Вервольфа» являются те, кто является истинными владельцами нашей планеты.

— То есть фюрер и СС... — бездумно, как школьник зазубренный урок, пробубнил разочарованный комендант «Регенвурмлагеря».

— Что вы, барон! — покачал головой Фризское Чудовище. — Никакого отношения к фюреру это не имеет.

— В таком случае, яснее, яснее, унтерштурмфюрер! История во все времена требовала от воинов мужества и ясности. Почему вы отказываете себе в этих достоинствах даже в разговоре со мной?

— Мы — в мундиры и власть облаченные — всего лишь юродивые на паперти величественного, не нами возведенного и не нами освященного храма, именуемого в греховном простолудин Землей.

— Вот как?! — решительно, словно бы подражая дуче Муссолини, поджал нижнюю губу барон фон Риттер. — «Юродивые на паперти», говорите?!

Определение решительно не нравилось ему, уже хотя бы потому, что претило его взглядам на свою собственную роль в обществе, как, впрочем, и его родовым аристократическим амбициям.

— Всего лишь юродивые на паперти — и не более того! Истинные святители и настоятели его являются пока еще только «посвященными» и живут среди нас всего лишь мудрыми, но беспомощными «Учителями», или «Великими Слепыми», надеющимися когда-то

богоизбранно прозреть и по-настоящему овладеть миром.

— Но пока что миром воинственно и беспощадно овладевает только одна сила, и силой этой являемся мы, германо-арийцы!

34

Когда основная балка была готова, Отшельник взял ножовку, сделал нарезки и, готовя борозду для поперечины, топором вырубил то, что оставалось между ними. Штубер с удивлением заметил, что делает он все это быстро, как человек, который торопится поскорее управиться с неожиданно свалившейся на него работой, чтобы получить возможность заняться делом поважнее.

Гауптштурмфюрер многозначительно посмотрел на Зебольда и Магистра. Обратили ли они на это внимание? Да, обратили. Смотрят, словно замороженные.

«Но все же, почему он торопится, этот семинарист? — мучительно размышлял Штубер, наблюдая за действиями Ореста. — Господи, да если бы мне приказали смастерить крест, на котором я через час буду распят, то от страха я, наверное, не сумел бы забить ни одного гвоздя!» — вдруг признался он себе и нервно взглянул на стоявшего рядом Зебольда, словно тот мог прочесть его мысли. А, не доведи Господь, прочел бы!

И тут Штубер впервые пришел к мысли, что, может быть, это его собственная трусость как раз и заставляет так вот экспериментировать над душами и психикой обреченных людей; что ему любой ценой хочется морально сломить свои жертвы, чтобы оправдать свою

собственную трусость, чтобы заглушить и замолить свой собственный страх.

Придя к этому омерзительному выводу, Штубер извлек из кармана флягу с коньяком и сделал несколько затяжных глотков. В душе каждого человека существуют такие тайные помыслы и ощущения, понял он, которые стоит скрывать даже от самого себя. Поэтому единственное, что ему остается, это молиться, чтобы война поскорее закончилась и чтобы в стане врага не нашлось такого же, как он, «психолога войны», который бы решил устраивать ему нечто подобное сооружения образцово-показательной виселицы или персонального голгофного креста.

...И вот он сколочен, этот большой дубовый крест. Штубер видит, как трое пленных еле поднимают его и взваливают на плечи Отшельника. Нести недалеко, десять-двенадцать шагов, но Отшельник несет его тяжело, мученически, как на картинах, изображающих восхождение Христа на Голгофу.

«Он еще и бодрится, сволочь!» — вдруг свирепеет гауптштурмфюрер, которого бесит невозмутимость обреченного и его огромная физическая сила.

А ведь раньше, в начале войны, барон фон Штубер по-рыцарски ценил любое проявление русскими храбрости, солдатской доблести и верности присяге. Что-то с ним произошло за это время. Да, что-то произошло. Он уже по-другому воспринимает и эту, чертовски затянувшуюся войну, и беспощадность, и фанатизм красных. Все меньше в этом восприятии остается места рыцарству, все больше война начинает представлять перед ним в нескончаемом потоке каких-то страшных, не поддающихся оценке, кошмарных видений, превращаясь в ничем не оправданную мясорубку.

Однако к дьяволу все эти размышления. На нем — форма офицера СС. Он принадлежит Германии и

пришел сюда, как ее солдат. Он принял правила игры, предложенные ему, как и миллионам других немцев, «личной гвардией фюрера», и будет придерживаться их.

Вот и первый гвоздь. Какие точные и сильные удары. Забыв об осторожности, барон незаметно, шаг за шагом, подходит все ближе и ближе, словно пытается разглядеть в движениях обреченного какое-то таинство. Возможно, оно действительно существует. Сохранить себя как личность, без таинства в подобной ситуации невозможно.

Отшельник поднимается по лестнице все выше и выше. Приколачивает крест огромными гвоздями, затем еще прихватывает его к столбу несколькими скобами, для надежности. Оно и понятно: висеть распятым, не кому-то, а ему самому.

Иногда Штубер ловил себя на том, что хочется закрыть глаза и потрясти головой. Возможно, после этого, открыв глаза, он обнаружил бы, что все это происходит во сне.

Крест готов. Жертва распятия — тоже. Штубер посылает Зебольда на машине в лагерь, чтобы тот приказал немедленно выстроить на плацу всех пленных, которые еще способны стоять на ногах. Оттуда, с плаца, они смогут наблюдать за казнью «убийцы солдат фюрера».

Лейтенант ожидающе смотрит на Штубера. Что дальше? Кто возьмется распинать этого человека? И вообще, как все это будет происходить? Уж не придет ли гауптштурмфюреру на ум, определить в палачи его, боевого лейтенанта? Только не это, он откажется и опротестует...

— На самом деле, распинать будете вон того коренастого красноармейца, очень смахивающего то ли на цыгана, то ли на еврея, — указал ему Штубер на пленного, который присел передохнуть на ступеньках,

ведущих на помост. — Но пока не трогайте его, пусть все идет своим чередом. Ждите моего сигнала.

Лейтенант непонимающе ухмыляется, он давно понял, что этот барон-эсэсовец с явной придурью. Но приказ получен, и его следует выполнять. Вот появляется машина, из которой выходят Зебольд и агент СД Толкунов, известный под кличкой «Стрелок-Инквизитор», который обычно занимался допросами в лагере, и все обращают внимание на них. Расслабились и двое стоявших у ворот забора, которым была обнесена виселица, часовых. Опомнились они лишь тогда, когда Отшельник выхватил из рук одного из пленных, относивших лестницу, топор и метнул его в лейтенанта, а со своим топором в руке бросился между ним и Штубером к воротам. Второй топор предназначался для часового, но тот успел пригнуться, и он врубился в доску забора.

Воспользовавшись замешательством, Орест все же сумел подскочить к другому часовому, рвануть с его шеи автомат, сбить с ног и развернуться, чтобы скосить очередью Штубера, Магистра и стоявшего рядом с ними Зебольда. Но вышколенный диверсант-фельдфебель прошел его плечо автоматной очередью на несколько мгновений раньше, когда Штубер уже лежал на земле.

— Не стрелять! — заорал барон, все еще валяясь в площадной пыли, однако Ореста это не касалось.

Оседая, он все-таки сумел нажать на спусковой крючок своего автомата, чтобы выпустить всю длинную очередь в небо. Это была последняя, военная «молитва» человека, которого палачи пытались перевоплотить в новоявленного Христа; в мученика, искупающего вину всех тех, кто немыслимо сурово нагрешил в этой войне.

Штубер поднялся, с ненавистью взглянул на раненного двумя пулями в плечо Отшельника и только затем приблизился к лейтенанту. Топор, впившийся ему в грудь возле самой шеи, еще судорожно вздрагивал и,

казалось, продолжал погружаться в тело, все больше обагрясь кровью.

— Санитаров сюда! Врача! — крикнул Штубер часовому, уже поднявшемуся с земли и теперь тщетно пытавшемуся вырвать свой автомат из судорожно сжатых рук Ореста.

Врача здесь, конечно же, не оказалось, а вот что касается санитаров, то об их присутствии во время казни Зебольд позаботился.

— Такой спектакль испортить!.. — проворчал Штубер, вновь со злостью глядя на Отшельника.

«Впрочем, почему ты считаешь его испорченным? — тот час же возразил он самому себе. — Спектакль как раз удался и он все еще продолжается».

И решив, что делать ему здесь больше нечего, фон Штубер направился к своей машине.

— А что делать с крестом, с пленным? — подался вслед за ним Магистр.

— Разве я отменял свой приказ? Распятие Христа, прошитого автоматной очередью! Ни одному режиссеру, ни одной киностудии мира, ничего подобного и в голову прийти не могло! Фельдфебель Зебольд, при распятии вы — старший. Стрелок-Инквизитор в вашем распоряжении.

— Ну, что там еще, инквизитор? Как прошло распятие? Второго пришествия Христа после него не предвидится?

— Простите, гауптштурмфюрер, вы, очевидно, ждали агента Толкунова, Стрелка-Инквизитора. А я — Лансберг, шарфюрер Лансберг, он же Магистр.

— Так кто непосредственно распиная этого украинца-отшельника, вы или Стрелок-Инквизитор? Если вы, тогда я ждал вас, — ответил Штубер, все еще стоя спиной к Лансбергу. В последнее время он все чаще встречал своих подчиненных вот так, у окна, спиной к ним. Штубер неожиданно открыл для себя, что с любым из них куда проще общаться, не видя лица, не реагируя на его поведение. Тем более что при этом нет необходимости выражать какие бы то ни было эмоции, которые барон уже давно приучал себя глушить в самом зародыше, считая это одной из форм самосовершенствования диверсанта. — Отныне я решил всех вас называть только так — «инквизиторами». Почему бы не создать новый рыцарский орден — «кресто-инквизиторов»? Неплохая мысль, а?

— Командовал исполнением приговора я, — сдержанно ответил Лансберг. Его неприятно резануло, что командир группы «рыцарей рейха» приравнял его к этому Стрелку-Инквизитору, из пленных русских.

— Он уже пришел в себя?

— Пришел, — солгал Лансберг, понимая, что Штубер ждет от него именно такого ответа. На самом деле Отшельник лишь несколько раз простонал.

— Успел что-нибудь сказать? Понял, что с ним происходит? Молил пощады? — зачастил Штубер с вопросами так, словно начинал перекрестный допрос.

— Трудно сказать, осознавал ли он после ранения все, что с ним происходит, — не решился плодить подробности Лансберг, поскольку на фантазию свою никогда особо не полагался, — но что он был в сознании — это точно. Правда, очень некстати потерял его, и это несколько смяло всю сцену. Тем не менее, публика осталась довольной, особенно лагерная «галерка». На нее это произвело впечатление.

— Уезжая от виселицы, я вдруг подумал: «А может, это уже и лишнее? Возможно, нам и не следует

применять такие методы устрашения?». Иногда мне кажется, что истреблять втихомолку, не афишируя, не зверствуя, — давайте употребим и это слово, — еще страшнее, чем устраивать публичные казни.

— Но мы-то начинали именно с них, с публичных. Была разработана целая стратегия устрашения. Если сейчас отказаться от нее, начать маскироваться, русским это покажется подозрительным.

— Поймут, что начинаем побаиваться улик, трусили, оглядываемся на завтрашний день?

— Истинно так, господин гауптштурмфюрер. Ведь если бы...

— Но вы, лично вы, Лансберг, никакого угрызения совести не ощущаете, так ведь?

Услышав это, Лансберг запнулся на полуслове. Он понял, что весь этот разговор Штубер затеял именно ради того, чтобы подвести его к вопросу об угрызении совести. Зачем гауптштурмфюреру понадобилось задавать его? Лансберг давно ощущал, что ему трудно работать с таким шефом и служить под командованием такого офицера.

Да, со своими «подопечными» Лансберг привык работать, как он сам любил выражаться, «на философско-интеллигентских регистрах». Поэтому и прижилась за ним кличка «Магистр», вместо первой, курсантской, — «Меченый». Однако Лансберга до зубной боли коробило, когда точно на таких же регистрах пытались работать с ним самим. Вот почему этому унтер-фельдфебелю СС больше импонировал заместитель Штубера фельдфебель Зебольд. По крайней мере, с ним все просто и ясно: получи приказ, выполни и доложи. При этом вполне допускается и собственная инициатива, в пределах плана операции, ясное дело.

— Относительно угрызения совести, никаких приказов я не получал, господин гауптштурмфюрер. Не

считите это за дерзость.

Штубер не мог знать, о чем думал сейчас Магистр, не мог знать, какие чувства вызывал у него вопрос, не удивительно поэтому, что ответ показался ему дурацким. Однако это не помешало барону мило улыбнуться своей неповторимой, садистской улыбкой.

— Именно такого ответа я от вас и ожидал. Хотя, честно признаюсь, в подобных ситуациях я не люблю получать ответы, которые заранее предвижу. Вы — хороший солдат, Лансберг, и отличный агент. Ответ ваш по-солдатски прямой и недвусмысленный. Ситуация на фронте складывается таким образом, что некоторые из наших людей начинают сомневаться в эффективности наших с вами методов борьбы. У них проявляется чувство определенной вины за все то, что мы видим и что сами творим на оккупированных территориях. Однако вы всему этому не подвержены, Магистр, поэтому я вами доволен.

Лансберг молча вытянулся, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти, всем своим видом демонстрируя готовность выполнить любой приказ. Но ждал он не приказа. От Зебольда, по большому секрету, он узнал, что Штубер получил директиву прибыть с несколькими своими диверсантами в Берлин, в распоряжение Главного управления имперской безопасности.

Магистру не нужно было объяснять, почему командир небольшой группы отряда спецназначения, базирующейся в далеком украинском Подольске, на Днестре, вдруг понадобился Главному управлению имперской безопасности. Наверняка, за этой директивой скрывалось желание Отто Скорцени видеть Штубера возле себя. Несмотря на то, что особыми успехами в борьбе с партизанами их группа не блистала, все же Штубер прошел надлежащее испытание и зарекомендовал себя человеком, который

вполне может быть зачислен в команду героя нации Скорцени.

«Я вами доволен, Лансберг». Штубер заявил, что не любит получать ответы, которые он предвидел. Это его личное дело. Но от самого гауптштурмфюрера Магистр надеялся услышать именно эти слова: «Я вами доволен...». Лишь бы гауптштурмфюрер перетащил его в Германию, а там будет видно. Все равно Штуберу понадобятся «свои» люди. Не такой он человек, чтобы коленопреклонно составлять команду кому бы то ни было, пусть даже самому Скорцени. Он обязательно начнет создавать свою собственную группу. Тем более что у этого аристократа свои, особые взгляды и на будущее Германии, и на свое собственное будущее.

— Ладно, Магистр, заговорились мы тут с вами, — вдруг заторопился фон Штубер. — Отправляйтесь на эту вашу Подольскую Голгофу, но помните, что Отшельник мне нужен живым. Вскоре я тоже буду там, как только переговорю с Берлином.

36

— Прошу прощения, мой фюрер... опоздал. Слишком поздно доложили. И потом, нужно было проинспектировать...

— Вам всем теперь слишком поздно докладывают. Но когда я, рейхсмаршал Геринг, вызываю вас, когда я приказываю... вы немедленно должны являться. И еще я хочу, чтобы присутствующие здесь, чтобы весь народ понимал, что мне, как и Черчиллю, тоже нечего предложить своей стране и своему народу, кроме крови, забот, слез и пота^[32]. Да еще разве что права умереть за великую Германию, за вечный рейх.

Только что фюреру принесли карту Европы с нанесенными на нее линиями фронтов, и теперь он говорил, не поднимая головы — зажав руки коленками и уставившись в какую-то картографическую точку, где-то в районе между Познанью и Одером. Даже высказывая все это Герингу, Гитлер, судя по всему, оставался погруженным в какие-то свои мысли, во всяком случае, пребывал где-то за пределами бункера, за пределами сиюминутной реальности.

— Я прибыл из штаба воздушной армии, мой фюрер, — явно задел Геринга за живое неудобоваримый намек вождя. — В последнее время воздушный флот оказался в крайне сложном положении: не хватает пилотов, не хватает машин.

— Знаю, рейхсмаршал, знаю! — резко хлопнул ладонью по столу Гитлер. — Вы что, явились сюда, чтобы рассказывать мне, в каком положении оказались люфтваффе, вермахт и вся Германия? В таком случае вы прекрасно знаете мой ответ: «Если кто-то мертв, то сопротивляться уже не может»^[33]. Если кто-то из вас уже считает себя мертвецом, то вам прекрасно известно, как должны поступать в таких случаях мужчины, а тем более — офицеры.

Геринг стоял, плотно сжав зубы и опустив глаза. Он понимал, что не имеет права хоть в какой-то форме словесно отреагировать на упрек фюрера. Как понимал рейхсмаршал и то, что поступать, «как поступают мужчины и офицеры», он не собирается.

— И потом, — продолжил тем временем фюрер, — я ведь приказал развернуть производство реактивного самолета «Me-262», на появлении которого вы, Геринг, так настаивали. Почему же их появление в люфтваффе никак не отразилось на соотношении сил в воздухе?

Вместо того, чтобы возразить или попытаться как-то объяснить неудачи своих воздушных армий, Геринг и на

сей раз унизительно промолчал, глядя при этом на Бормана, словно ожидал, что тот вступится за него или хотя бы отвлечет фюрера каким-то более или менее уместным замечанием.

По опыту совещаний рейхсмаршал знал, что Гитлер и в самом деле легко поддается на подобные отвлечения, чем нередко пользовались некоторые генералы, спасая друг друга от его гнева. Эта тактика была выработана ими после лавины наказаний в декабре 1942 года, когда были смещены или же вынуждены были подать в отставку фельдмаршалы фон Браухич, фон Рундштедт, фон Лееб и генерал Хёпнер, а генерал фон Шпонек даже был предан суду и приговорен к смертной казни.

Но Борман, как и Геббельс, предательски молчали. Тактика генералов их не вдохновляла. Здесь, в ближайшем окружении фюрера, где передовой служила утонченная придворно-политическая интрига, существовали свои правила и своя этика. К тому же Мартин знал, что падение Геринга неминуемо: слишком уж пал его престиж и в глазах фюрера, и в глазах командующих сухопутными армиями и фронтами.

Ситуацию разрядило появление Гиммлера. Борман заметил, что в его присутствии Гитлер всегда вел себя сдержаннее, даже когда был сильно раздражен. Возможно, при этом сказывались авторитет «Черного ордена» и то мужество, с которым несмотря ни на что сражались на фронтах дивизии СС. Во всяком случае, фюрер никогда не позволил бы себе выразиться в отношении офицеров СС так, как в свое время выразился в отношении офицерского корпуса вермахта, назвав его «тщеславным трусливым сбродом, который своими постоянными замечаниями и своим постоянным непослушанием полностью опошлил и загубил весь план кампании на Востоке»^[34].

— То, о чем мы будем говорить сейчас с вами, — Гитлер поднялся и, упершись дрожащими руками о края карты, потянулся всем телом туда, на восток, словно стремился прикрыть Германию, всю Западную Европу, своим тщедушным телом и своим воинственным духом, — представляет собой особую тайну. Распространяться об услышанном не следует ни в коем случае, поскольку это может породить ненужные домыслы.

Присутствующие подступили поближе к столу и молча уставились на карту. В эти минуты Борман, как и все остальные, считал, что речь пойдет о только что спланированном фюрером новом наступлении на Востоке, что в принципе не могло вызывать у кого бы то ни было энтузиазма.

Геринг стоял, ухватившись обеими руками за ремень, и голова его медленно пошатывалась: казалось, он вот-вот уснет, рухнув прямо на стол. Гиммлер же оказался ближе всех к фюреру, по ту сторону стола, почти напротив рейхслейтера. И хотя Гиммлер упорно молчал, потускневшие свинцовые стекла его очков воинственно опустились почти на кончик носа, как два магических кристалла, в которых зарождались и могущество тайного ордена, и тайна его могущества.

Кто из приближенных Гиммлера не знал, что сползшие к кончику носа очки рейхсфюрера — самая гиблая примета?

— Вы помните, что в свое время мы планировали возвести «Восточный вал»^[35], который должен был проходить по Волге и который позволил бы нам держаться на просторах России хоть двести лет. — Фюрер исподлобья осмотрел своих соратников, презрительно ухмыльнулся, давая понять, что планы эти не осуществились лишь в силу бездарности каждого из них, и неожиданно резко, хрипло прокричал: —

Однако мы не будем сейчас анализировать причины провала этого плана! Уверен, что всем вам они прекрасно известны!

— Известны, мой фюрер, — покаянно, от имени всех присутствующих, признал Геринг, продолжая покачиваться взад-вперед. — Но мужество пилотов люфтваффе общеизвестно. Они сражаются и гибнут, как герои. Даже во время Сталинградской битвы...

Гитлер поморщился и резким жестом остановил рейхсмаршала. Единственное, чего ему сейчас не хватало, так это «сталинградских» воспоминаний.

— Ситуация на Восточном фронте складывается таким образом, что настало время определить тот, последний рубеж, переступить который не должен ни один русский солдат. Только мужественно сдерживая наступление советов, мы сумеем продемонстрировать и Москве, и всему миру наше стремление сражаться против большевистской угрозы до конца. Вот тогда-то наши западные противники поймут, что настало время объединить усилия европейцев в борьбе против русско-азиатских орд.

— Хотите убедить меня, что этот новоявленный Христос все еще жив?! — спросил Штубер таким тоном, словно уличал в этом всех присутствующих, как в немыслимом грехе.

— Пока еще — да, — ответил Зебольд. — Как это ни странно.

— Почему так произошло?

— Не по-божески мы его...

— А вы и должны были отнестись к нему не по-божески. Поэтому потрудитесь уточнить.

— Не гвоздями мы его распинали, а всего лишь проволокой.

— И ноги, как видите, на подставке. Аккуратность! — вальяжно объяснял стоявший рядом с фельдфебелем Магистр, античным жестом патриция указывая на распятого на кресте Отшельника, словно на древнюю статую, чудом уцелевшую на площади разрушенного города, посреди военного лагеря варваров.

— Почему вдруг такая «вежливость» и аккуратность, мой Вечный Фельдфебель?

— Насколько мне помнится, вы сказали, что этот гунн еще может понадобиться, — пожал плечами Зебольд.

— Да, я так сказал? В таком случае, считайте, что он уже понадобился, — усиленно жевал нижнюю губу гауптштурмфюрер фон Штубер.

Распятый великан в изорванном красноармейском мундире, с растрепанной на ветру буйной седовласой гривой, был так же мало похож на Иисуса, как орангутанг — на Венеру Милосскую, однако «величайшего психолога войны» это ничуть не смущало.

И сама война как общественное явление, и все, что на ней происходило, уже давно представляли перед бароном фон Штубером совершенно не в том виде, в каком они представляли перед всеми остальными. Не зря и в штабе группы армий «Центр», и в Главном управлении имперской безопасности его называли теоретиком и «величайшим психологом» войны. Барон не раз подтверждал это свое реноме не только необычными военно-психологическими исследованиями, с которыми выступал на страницах газет и армейского военно-политического журнала «Вермахт»; но и

всевозможными экспериментами во время допросов и вербовки русских агентов и партизан.

Вот и сейчас у Штубера проявлялось свое, особое «видение», свое восприятие этого израненного автоматной очередью и распятого «гунна»; как впрочем, и свое понимание всего того «библейского спектакля», который здесь разыгрывался.

— Если Отшельник и впрямь так нужен, — воспрял духом Магистр, — значит, я был предусмотрителен, когда осторожничал с ним. Так что вот он, извольте получить под расписку. Кстати, на будущее: распятие мы производим любым способом и в любом виде, исходя из фантазии заказчика.

— А хватит ли вашей собственной фантазии, Магистр, и вашей, Зебольд, чтобы столь же аккуратно стащить этого дезертира-великомученика с креста и привести в чувство?

— Превратить обреченного партизана в полусвятого великомученика?!

— Только не говорите, что вам это не под силу.

«— По-моему, этот азиат всю жизнь должен быть признателен нам за такое нравственное вознесение. Впрочем, чего дожدهшься от аборигенов, кроме черной неблагодарности?

Штубер проследил, как по распоряжению Зебольда двое полицейских и двое германцев из охранной роты взошли на помост, не очень-то церемонясь, отвязали Отшельника и понесли к стоявшему неподалеку крытому грузовику.

Уже у заднего борта Штубер настиг процессию и взглянул на мученика-славянина. Следы от пуль были обозначены на гимнастерке комками запекшейся крови. Крупное скуластое лицо уже покрылось смертельной бледностью, но именно в то мгновение, когда гауптштурмфюреру показалось, что пленник умер, ресницы его раскрылись и сквозь пелену

полуобморочности на эсэсовца взглянули голубовато-белесые, с толстыми оранжевыми узелками капилляров, глаза.

Это был взгляд из потустороннего бытия и принадлежал он человеку, который все еще так и не понял, в каком из миров извергается сейчас его сознание.

— Да, Отшельник, война дает нам такое, освященное Богом право: не только лишать человека жизни, но и возвращать в нее, — произнес Штубер, загадочно улыбаясь. — Право, на которое сам Господь, увы, претендовать уже не осмеливается.

— Разве меня распяли? — едва слышно спросил Отшельник.

— И кровь твою, как в свое время кровь Иисуса, собрали в новоявленную «чашу Грааля», чтобы вечно хранить, как еще одно сокровище «Приората Сиона»^[36].

— Так меня что, действительно распяли? — казалось, ничуть не ужаснулся этому известию Отшельник.

— ...О чем, признайся, ты мечтал еще в духовной семинарии. Всякий истинно верующий христианин в тайне надеется завершить свой богоугодный путь на Голгофе. Или, может, я чего-то недопонял и во всей этой истории с «библейским распятием», и в самой Библии?

— Уж не хотите ли вы сказать, что возвели меня на Голгофу? — молвил страдалец с непосредственностью снизошедшего на землю ангела.

Прежде чем ответить, Штубер, с тоской так и не удостоившегося быть распятым стражника, осмотрел помост и его окрестности. Только сейчас он обратил внимание, что местность была выбрана неудачно: ограда лагеря, базарные навесы, несколько чахлах, обтертых лишайными чревами лошадей, деревьев. Как

мало напоминало все это воспетую молящимися и страждущими христианами Голгофу!

Конечно, здесь не было недостатка в зрителях. Да и сам процесс распятия напоминал сцену из постановки бродячего театра. Но этого мало. Не хватало курганоподобного холма, хоть какой-нибудь возвышенности. А вместе с ней, как представлялось Штуберу, напрочь отсутствовали ореол святости и мистика непостижимости.

— Христу завидуешь, раб божий?! — осуждающе пристыдил он бывшего семинариста и вечного Отшельника. — Будто не знаешь, как гневно противоречит это канонам христианской морали! Твоя Голгофа еще дождетя тебя, это я обещаю. Здесь, на этом лагерном помосте, состоялось всего лишь первое причастие, первое посвящение великого грешника в великомученики. «Распятие на Лагерном помосте», — так это отныне будет именоваться.

— Пить, — простонал пленник. — Хотя бы глоток воды.

— Ну вот, пожалуйста: я тут распинаюсь перед ним, посвящая в таинства голгофного распятия, а он даже в эти минуты не способен подняться выше своего чревоугоднического «пить»! — почти в отчаянии развел руками Штубер. — Нет, чтобы произнести какое-нибудь приличествующее случаю изречение из Нового Завета. Или самому изречь нечто достойное пророка Исайи! С каким «материалом» приходится иметь дело, святая дева Мария; с каким «отработанным» недочеловеческим материалом!

— Им не дано постичь!.. — назидательно напомнил ему Магистр.

— Что именно? Хотя нет, — тотчас же спохватился Штубер. — Никакого окончания мысли эта вещая фраза не предполагает. — Вы — гений, Магистр! Этой фразой сказано все, что только способно изречь человечество.

«Им не дано постичь!» — вот в чем глубинная мудрость трагедии всех тех, кто видит в происходящем на войне нечто большее, нежели захват территории, стратегию обмундированных бездарей и высшую волю пулеметных очередей.

— «Им не дано постичь!», — как можно глубокомысленнее повторил Магистр, запрокинув голову и прислушиваясь не столько к звучанию слов, но и к их тайному смыслу. Даже самому себе он боялся признаться, что не закладывал в эти слова и сотой доли того глубокомыслия, которое умудрился узреть в нем «величайший психолог войны», ее истинный профессионал.

— Один из разделов моей книги так и будет называться: «Им не дано... постичь!», — поведал Штубер. — Даже на фронте мы стараемся говорить, как все смертные. В то время как война не терпит этого. Война — есть таинство воли божьей. Это священнодействие белых и черных сил. Колоссальный психологический эксперимент Высшего Разума, в результате которого осуществляется отбор в Высшие Посвященные. Вот почему она заслуживает того, чтобы на ее полях мы не говорили, но изрекали. Как сеятель, стоящий посреди раскрывшей ему весеннюю душу нивы. Как жнец, растворяющийся в благодарности перед Господом за плоды своего труда. — Штубер хотел добавить еще что-то, но в это время вновь ожил Отшельник.

— Беркут, — едва слышно молвил он.

— Кто?! — встрепенулся «величайший психолог войны». — Беркут? Ты сказал: «Беркут»?! Что ты имел в виду?

— Божественно.

— Что «божественно»? Ты способен ответить более внятно?

— Божественно... — повторил пленник, он попытался приподнять голову, но именно это усилие повергло его в беспамятство.

Поняв, что Отшельник потерял сознание, охранники, все еще державшие его за руки — за ноги, вопросительно взглянули на гауптштурмфюрера.

— Магистр, — обратился Штубер к своему подручному. — Под вашу ответственность. Лично проследите. Если врачи не спасут его, распорядитесь распять их на этом же лагерном помосте.

— Я сделаю это, независимо от исхода, — кротко пообещал диверсант. — И даже прежде, чем они приступят к лечению.

— Он не мне нужен, Магистр. Он нужен истории. Легенде о второй мировой, которую мы с вами сейчас творим.

— Им не дано постичь, — уже более глубокомысленно произнес Магистр, восхищаясь собственной мудростью. Все тем же вальяжным движением руки он повелел солдатам погрузить обмякшее и отяжелевшее тело Отшельника в кузов грузовика, и задумчиво проследил, как они закрывают борт. — Все, что вы приказали, будет выполнено, мой командир. Но только им всем... так и не дано постичь.

— Кстати, как вам этот Отшельник?

— Можно ли сотворить из него диверсанта?

— За невозможностью сотворить что-либо богоугодное, — потупив взор, объяснил-признался Штубер.

— Сомневаюсь, — решительно покачал головой Магистр. — Единственная роль, которую он вполне достойно способен сыграть, это роль голгофного мученика.

— Что тоже чего-то да стоит.

— Когда Господь отбирал на эту роль некоего иудея Иисуса, то ошибся дважды: во-первых, потому, что

остановил свой выбор на еврее...

— Для истинного арийца, — напомнил ему гауптштурмфюрер СС, — уже одного этого аргумента вполне достаточно, чтобы навсегда отречься от Библии.

— А во-вторых, потому, что в образе этого еврея мир увидел недостойного подражания безвольного страдальца, вместо того, чтобы восхищаться достойным подражания мужеством воистину сильного, волевого человека. Но, им не дано было постичь.

Магистр сел в кабину, и водитель с такой прытью рванул; грузовик с места, словно слышал выстрел стартового пистолета.

«Божественно», — вдруг вспомнилось Штуберу. — А ведь это любимое словцо Беркута, — только сейчас постиг истинный смысл молвленного Отшельником. — Он сказал «Беркут», и тут же произнес: «Божественно». Что это: угроза? Напоминание о возмездии, которое неминуемо последует от Беркута? Вряд ли. Скорее, попытка воодушевить себя мужеством одного из тех апостолов войны, храбрость и величие которых постичь нам действительно не дано».

Часть вторая

1

Фюрер все еще стоял, упираясь руками в карту, как марафонец на старте, и говорил, ни к кому конкретно не обращаясь, ни на кого не глядя. Однако речь его становилась все более зажигательной, постепенно он вводил себя и окружающих в то полугипнотическое состояние транса, при котором его слово, его воля, становились доминирующими, и все вокруг начинали проявлять готовность во всем соглашаться, все признавать и безропотно выполнять любое его приказание.

Первым этому воздействию поддался Гиммлер. Лицо его превратилось в маску: вскинутый подбородок застыл на наивысшей точке, тонкие губы соединились в едва приметную прорезь, сквозь которую вряд ли сумело бы пройти даже лезвие ножа. Борман, Геринг и, пришедший вместе с ним, Кейтель, тоже оцепенели. И лишь державшийся чуть отстраненно от генеральской компании, рядом с размякшим Геббельсом, Скорцени сохранял полное спокойствие. Даже в его вытянутой по стойке «смирно» фигуре не ощущалось ни особого напряжения, ни покорности, ничего, кроме обычной армейской вежливости.

Но когда фюрер все же окончательно поднял голову и оторвал руки от карты, он, прежде всего, отыскал взглядом именно его. Туда же обратили свои взоры и все остальные.

Ни для кого уже не было секретом, что само присутствие на любом из совещаний первого диверсанта рейха вдохновляло фюрера, вселяло веру в

своих солдат, озаряло слишком преувеличенной надеждой на то, что в Германии всегда найдутся люди, способные совершить нечто такое, чего никто кроме них совершить уже не в состоянии.

— Вот он — последний «Восточный вал» рейха, — уже не глядя на карту, но, тем не менее, безошибочно ткнул Гитлер пальцем в правый берег Одера, между Шведтом и Старгардом-Щециньским. — Вы видите его, Скорцени?

— Вижу, — твердо ответил обер-диверсант рейха, даже не пытаясь при этом дотянуться взглядом до того места на карте, по которому нервно ударял пальцем его кумир.

— Он формируется по линии: Одер — Морава — Дунай и румынские Восточные Карпаты, до границ Австрии, — с неприступными укреплениями в Восточных Альпах, в виде второго эшелона... Однако главные опорные пункты и главные силы мы должны сосредоточить именно здесь, на Одере, мощно укрепив оба его берега и сосредоточив на них наиболее боеспособные части резерва. Здесь, на берлинском направлении, на участке между Шведтом и Франкфуртом-на-Одере, следует ожидать главного удара русских, ни один солдат которых не должен ступить на левый берег Одера. Ни один солдат! Вы слышите меня, Кейтель, Геринг, Гиммлер? Ни один русский солдат!

— Здесь части СС будут стоять насмерть, — решился подать голос только Гиммлер.

Однако фюрер и не ожидал услышать от своих полководцев что-либо достойное внимания. Он уже давно разочаровался в них, точно так же, как они разочаровались в нем.

— В то же время ни один германский воин не имеет права оставить свои позиции до тех пор, пока он жив. Ни один, пока... жив!

— Части СС, — вновь пытался заверить его в чем-то рейхсфюрер СС, однако Гитлер нервно прервал его:

— Речь идет не только об СС, Гиммлер, не только об СС, — решительно помахал он перед своим лицом дрожащим указательным пальцем.

— Это будет доведено до всех солдат рейха, мой фюрер, — благоразумно заверил его Кейтель.

Скрестив руки на подбрюшье, фюрер с погребальной тоской осмотрел собравшихся. Вопрос о том, может ли он рассчитывать на их достойное отношение к идее «Восточного вала», представал во всей своей занудной риторичности: конечно же, не может! Эти люди давно потеряли веру в стойкость своих солдат, а значит, и в победу. Но что он мог предпринять?!

Оракул — в толпе глухих; мудрец — перед сборищем юродивых, мессия — посреди пустыни, усталанной телами павших телом и духом, он, фюрер, видел теперь свое призвание не столько в том, чтобы вновь поднять народ, вывести его из погибельной пустыни и спасти; сколько в том, чтобы до конца оставаться верным своему призванию и провидению, до конца оставаться пророком и мессией.

Непонятый, преданный и превратно истолкованный, он оставался теперь в духовном одиночестве вождя-изгоя, окруженного последней горсткой приближенных, жмущихся к нему и прозябающих у его ног. И не было у него выбора, и не было надежды. Единственное, что у него оставалось, так это только ему открывающийся, только его видению и пониманию доступный идеал «истинного германца» истинной Великой Германии.

— Послушайте, Гиммлер!

— Да, мой фюрер, — откликнулся один из этих, «прозябающих у ног его».

— Где-то вот здесь, — постучал он костяшками пальцев по карте в районе Одера, — мы уже давно

создаем особый оборонительный район СС.

— Вы правы, мой фюрер: подземную «СС-Франконию». На правом берегу Одера. Она уже возникла вот здесь, — указал точку на карте несостоявшийся король обеих, наземной и подземной, Франконий, — в районе Мезерица, как дополнение к уже существующему «Мезерицкому укрепрайону».

— В свое время я уже бывал там, но очень давно. Объясните-ка мне, во что в конечном итоге превратится этот подземный город СС? — с неподдельной заинтригованностью спросил Гитлер, только теперь усаживаясь в кресло и, величественным движением руки усаживая всех остальных.

— Все мои соображения были изложены в обстоятельном докладе, который...

— Чуть поподробнее, Генрих, поподробнее, — умиротворенно подбодрил его фюрер таким голосом, словно бормотал эти слова уже в полусне.

2

Бригаденфюрер медленно поднялся и, стараясь не отводить взгляда от Фризского Чудовища, прошелся по старательно обшитому деревянными брусками кабинету. Вся мебель здесь была грубо сколоченной, не обтянутой ни кожей, ни тканью; и попадавший сюда впервые чувствовал себя так, словно оказался в старинном пивном погребе.

Вышагивая, фон Риттер гулко отстукивал подковами по дощатому настилу, и каждый шаг его эхом отзывался в куполообразном, оснащенном тщательно замаскированным воздухопроводом потолке.

Узнав, что выбором места для своей главной полевой ставки Гитлер обязан Фризскому Чудовищу, бригаденфюрер сразу же начал воспринимать его с куда большим уважением. Он вдруг понял, что совершенно не знает, что за человек перед ним. Раньше фон Риттеру казалось, что фриз «возник» только здесь, в «Лагере дождевого червя». Ему и в голову не приходило, что фюрер, — а значит, и Гиммлер, Кальтенбруннер, Мюллер, Шелленберг, — знали о существовании Крайза задолго до его появления в этом подземелье.

— Что ж, такова воля Германии, — проговорил он, останавливаясь за спиной у Фризского Чудовища. — Вы сообщили мне немало важного и интересного, унтерштурмфюрер. Но самое интересное, как я понимаю, ожидает меня впереди. Сейчас мы поднимаемся в Черный Каньон, о котором отныне я должен знать все.

— Молитвами всех святых, — опустил Крайз кулаки, словно две гири, на стол. И трудно было понять, что скрывается за этим его словом: то ли отказ, то ли согласие.

— Отныне я должен знать все, — еще решительнее подтвердил фон Риттер. — Значительно больше, нежели знал мой предшественник. На это получено согласие Гиммлера и, естественно, Скорцени, — добавил на всякий случай, зная, что к обер-диверсанту у Фризского Чудовища особое отношение. — Война приближается к своему завершающему этапу.

— Это верно, бригаденфюрер, войну мы проиграли.

— И может случиться так, что военно-административный штаб Германии, главная ее ставка, окажется здесь, в «СС-Франконии». Вот почему впредь я обязан знать о вас, унтерштурмфюрер Крайз, все, решительно все: о ваших связях с Высшими

Посвященными; о том, кто вы на самом деле и каким образом попали в это чертово подземелье.

— Всего не может знать никто, — невозмутимо возразил Крайз, однако генерал не пожелал выслушивать его.

— И не вздумайте впредь предпринимать против меня нечто подобное тому, что вы недавно пытались предпринять, сковывая мою волю. Ибо для того, чтобы пристрелить вас или живьем швырнуть в крематорий, моей воли всегда хватит.

— Некоторых так и швыряют, — мрачно признал Крайз. — Немало людей погибло именно так.

За этими словами уже просматривалось пламя бунта. Фризское Чудовище бросал обвинение в лицо не только бригаденфюреру, но и всему режиму, всей системе власти.

Поднимаясь со стула, Крайз так замедленно разгибался, что казалось, будто прорастает из-под земли. Когда же он наконец выпрямился и даже расправил плечи, фон Риттер почувствовал себя рядом с ним карликом. Запрокинув голову, комендант обошел вокруг Фризского Чудовища, как вокруг языческого истукана.

— Утверждают, что однажды вы даже пытались силой воли погасить пламя крематория. Неужели действительно пытались?

— Но не смог. Хотя казалось, что даже этот адский огонь будет подвластен мне.

Бригаденфюрер покровительственно рассмеялся. Бессилие Крайза явно вдохновляло его. Только он, барон фон Риттер способен решать, когда ему зажигать печи крематория и когда гасить их.

— И запомните, Крайз, что погасить пламя крематориев «Регенвурмлагеря» никому и никогда не удастся, ибо оно священо. Жертвенно предать свое брэнное тело его огню — да, на это способен каждый,

но погасить этот огонь!.. Извините. Кстати, вскоре мы возведем еще одну, третью по счету печь крематория...

— Пойдемте в Черный Каньон, господин комендант, — резко прервал его Фризское Чудовище. И генерал понял его состояние. Как человек, который уже однажды чуть было не погиб в огне и которому огненный смерч обжег не только все тело, но и всю душу, Крайз с содроганием воспринимал любое упоминание о пламени, а тем более — о печах крематория! Только поэтому он и пытался силой воли, а точнее, силой своей ненависти, погасить огни его «погребальных костров».

— Это далеко отсюда? — «СС-Франкония» охватывала своими подземельями огромную территорию, включающую густые леса, болота, озера две обширные гранитные гряды.

И понятно, что фон Риттер не знаком был и с третьей этой территории, тем более что углубленное знакомство с разветвленной системой подземных галерей, как и с системой наземных объектов, а также с наземными пейзажами, здесь решительно не поощрялась.

Каждый, кто был посвящен в тайну существования «СС-Франконии», должен был знать как можно меньше, даже из того немногого, что ему все же позволено было знать. Однако, поднимаясь на поверхность, он должен был стереть из своей памяти, словно с ленты магнитофона, даже эти скупые сведения.

— Прикажите охраннику открыть ход, ведущий на поверхность прямо отсюда, из тайной комнаты, расположенной за стеной вашего кабинета.

— Здесь существует тайная комната?! — растерянно осмотрелся фон Риттер.

— Если существует Черный Каньон, о котором не положено было знать даже вам, человеку, исполнявшему в течение какого-то времени

обязанности заместителя коменданта, то почему не должно существовать тайной комнаты за простенком кабинета самого коменданта?

Барон угрюмо уставился на ужасающее лицо Фризского Чудовища.

— Мне известно было, что Овербек поднимался туда по секретному ходу, ведущему на поверхность из корпуса, который принадлежит теперь вашей лаборатории. Неужели от меня скрывали, что существует еще и ход из кабинета коменданта?

— От вас здесь скрывали не только это, господин комендант, — мстительно молвил Крайз, не прощая ему нотации по поводу крематория. — Скоро вы в этом убедитесь. А что касается тайного хода... Отсюда, из кабинета, до каньона значительно дальше, нежели из Лаборатории Призраков. Но ведь и лаборатория отсюда далековато.

— Стоп, унтерштурмфюрер Крайз, не стоит семенить. Назревает очень обстоятельный разговор. Вы слишком многозначительно указали на то, что от меня многое здесь скрывали. Считайте, что все, что вы скажете сейчас, останется сугубо между нами. Для меня важно знать: кто и почему скрывал? От кого это исходило?

— От коменданта, естественно.

— От него или от кого-то из Берлина? Вы способны ответить на этот очень принципиальный для меня вопрос?

— Понимаю, хотите выяснить, насколько высоко проникло недоверие к вам.

— Только это. Как говорится, самую малость.

— Все исходило от штандартенфюрера Овербека!

— От Овербека?! — нервно передернул плечами барон, отказываясь верить этому предположению. — Неужели от него? Я не давал ему никакого повода для недоверия. Как, впрочем, и сам штандартенфюрер не

давал никаких оснований заподозрить его в неискренности.

— Если бы эта предвзятость к вам исходила от кого-то из Берлина, комендантом вас не назначили бы. Тем более, после того, что вы уже служили под началом «фюрероненавистника» Овербека.

Бригаденфюрер нервно прошелся по кабинету. Причем Крайз заметил, что от нервного напряжения правая нога его слегка подергивается и коменданту приходится ее тянуть. Может быть, поэтому, создавалось впечатление, что ходит он как-то вприпрыжку.

— С этим доводом стоит согласиться, — наконец остановился он, упираясь локтем о массивный сейф.

— Штандартенфюрер решительно не доверял вам. Много раз он с трудом гасил в себе желание швырнуть вас в то самое «бессмертное» пламя одного из крематориев «Регенвурмлагеря», в которое вам не терпится швырнуть меня.

— Он что... говорил вам об этом?

— И даже не желал скрывать своего намерения.

Бригаденфюрер ощутил, как на бритой шлемоподобной

голове его вновь выступил пот, однако на сей раз, это был холодный пот предчувствия, пот всепоглощающего страха.

— Что же, по-вашему, удержало его? — улыбка, которой фон Риттер пытался облагородить свое лицо, мало чем отличалась теперь от привычной улыбки Фризского Чудовища.

— Жесточайший запрет из Берлина.

— То есть он доложил в Берлин, что собирается избавиться от меня.

— «Что желает избавить от вас фюрера и Германию» — так это было сформулировано в донесениях фюреру и Гиммлеру.

«Какие же факты, аргументы и предположения нужно было приводить, чтобы иметь право на подобные предложения?! — поиграл желваками генерал. — И кем же должен быть человек, который бы не дал ходу этому мерзкому доносу?!».

— Чем он объяснял свое намерение?

— Это мне не известно. Зато известно, что Овербеку попросту не разрешили расправиться с вами.

— Кто же остановил его?

— Первый диверсант рейха. Отто Скорцени.

— Неправда! Скорцени не был знаком со мной. Он вообще не знал о моем существовании.

— Не знал. До тех пор, пока однажды ему не понадобился мой совет, или, скажем так, попытка предсказания. Хотя Скорцени не верит оракулам и крайне редко прибегает к их услугам, однако на сей раз... Вот тогда-то я и попросил первого диверсанта рейха шепнуть на ухо Кальтенбруннеру, что над заместителем коменданта «СС-Франконии» нависла угроза. Поскольку к тому времени у Кальтенбруннера уже собралось целое досье на Овербека, то он очень быстро разобрался в том, что здесь происходит, и приказал арестовать Овербека. Кстати, вспомните, что разбираться в этом прибывшему сюда из штаба РСХА офицеру помогали лично вы.

Понадобилось несколько мгновений полного изумления, прежде чем комендант пришел в себя и вновь обрел дар речи. Оттолкнувшись от стенки сейфа, к которому на какое-то время словно бы прирос, барон несколько раз прошелся туда-сюда, за спиной у Крайза, будто решал, что ему делать с этим человеком, как вести себя с ним, какие силы призвать для его устрашения.

И все же, в конце концов, лицо фон Риттера прояснилось. Такой офицер действительно приезжал и выслушивал он почему-то в основном его, заместителя

коменданта. Иное дело, что ни сам инспектор, ни кто-либо другой даже не намекнули ему, на какую-то связь между этим поездом, Фризским Чудовищем и Скорцени. Но инспектор и в самом деле приезжал, и упоминание о нем стало тем главным аргументом, благодаря которому фон Риттер наконец сумел убедиться, что Крайз не лжет. Теперь все логически сходилось.

— Почему же вы до сих пор молчали, унтерштурмфюрер Крайз?

— Воистину справедливо сказано, что «только тогда правдиво молвлено, когда молвлено устами Господа!»

— А если не впутывать в эту историю Господа и Святое Писание?

— Верил, что молчание мое рано или поздно заговорит. Если хочешь, чтобы тебя услышал весь мир, — помолчи. Мужественно и мудро помолчи. Только тогда мир действительно услышит тебя.

— Уже видите себя богоизбранно прозревшим Высшим Посвященным? — проворчал фон Риттер, осознавая при этом, что власть его, бригаденфюрера СС, коменданта «СС-Франконии», по существу совершенно бессильна перед этим уродливым чудовищем. Бессильна и убога.

— Если бы я попытался восстать против коменданта здесь, в подземелье, это было бы истолковано им как заговор, как бунт, а учитывая характер этой подземной базы СС, подобные мятежи предписано подавлять в «Регенвурмлагере» немедленно и с особой жестокостью. Так что, как видите, я не молчал, но вместо того чтобы, объединяясь с вами, создавать оппозицию коменданту, я попросту шепнул кому надо. Как оказалось, я очень правильно избрал того человека в Берлине, кто способен был свергнуть Овербека и возвысить вас, господин бригаденфюрер.

В особую палату хирургического отделения Штубер вошел как раз в ту минуту, когда хирург и его ассистент завершали осмотр Отшельника.

Пленный лежал на перевязочном столе обнаженным, уставившись глазами в серый, заменяющий лазурную святость поднебесья, потолок и безвольно разбросав руки, словно бы вновь готовился к распятию. Однако гауптштурмфюрер сразу же заметил, скорее даже почувствовал, как напряжено тело Ореста Гордаша, готовое не только к библейским мукам, но и к адскому взрыву ярости, к бунту, к тайфунному порыву истребления.

«Странно, — подумалось ему, — что этот громила до сих пор не разбросал всю эту почтенную публику и не высадил зарешеченное окно вместе со значительной частью стены».

— Вы изучаете его, словно ученые мужи из Французской академии — вновь приобретенное полотно Рембрандта, — язвительно заметил Штубер, останавливаясь рядом с хирургом. — Понимаю: авторитет эксперта... К тому же мните себя хранителями Лувра, причем из тех, кого не успели испытать на еще более совершенный вид искусства — газовые камеры...

— Тем не менее, пациент готов.

— К чему?

Хирург по-гусиному повел шеей, сквозь запотевшие стекла очков еще раз взглянул на раны Отшельника, затем, уже увереннее — на гауптштурмфюрера.

— К чему прикажете, господин гауптштурмфюрер: к расстрелу, виселице, все к той же газовой камере, наконец.

«Величайший психолог войны» тоже, хотя и куда более скептически, осмотрел едва затянувшиеся раны Отшельника, множество мелких ран и следов от побоев на его теле, и воинственно оскалился.

— В ваше распоряжение предоставили идеальный человеческий материал, господин хирург. А вы даже не способны по достоинству оценить это.

— Экземпляр редкостный, согласен, — почесал лейтенант-медик натертую оправой переносицу. — Но есть в нем что-то от вымирающего племени демонов. Оставьте его нам еще на несколько дней или же прикажете «завернуть»?

— Прикажу.

— Немедленно? Следовало бы еще раз наложить повязку. Этот увалень почти не контролирует свои движения и поражающе нечувствителен к боли.

— Ну, знаете... я мог бы предоставить вам и куда убедительнее свидетельства исключительной исключительности сего экземпляра. Вот только свидетелей, способных подтвердить мои доводы, он постарался убрать.

— Обычно я стараюсь не вникать в мирские грехи и забавы моих пациентов, — произнес хирург тоном смиренного перед Богом и судьбой пастыря.

— В священники бы вам, а не в медики.

— Перевяжите его, — обратился хирург к ассистенту, присутствовавшему здесь скорее из соображений безопасности, нежели из необходимости выполнять свои профессиональные обязанности. — И через десять минут доставьте в ординаторскую. Часовой, сюда!

Штубер проигнорировал жест, которым хирург предложил следовать за ним, и, отойдя к окну, принялся с интересом наблюдать, как, даже в присутствии часового и офицера, худощавый фельдшер с некоторой опаской подступает к Отшельнику.

Два дня назад гауптштурмфюрер получил приказ вместе с двумя своими людьми явиться в «Регенвурмлагерь», чтобы вступить в должность начальника местного отдела службы безопасности СС (то есть отдела СД). Однако он решил, что ослаблять его антипартизанскую группу только для того, чтобы заполнить безобидную вакансию в «СС-Франконии», в Берлине не стали бы.

Командир группы «Рыцарей рейха»^[37] прекрасно понимал, что в таинственное подземное логово СС его загоняют ненадолго и только для того, чтобы ознакомился с ним, обжил и советами своими подготовил офицерский корпус гарнизона к действиям в условиях огромного подземелья, до выходов из которого русские, судя по всему, рано или поздно доберутся. То есть к действиям уже в условиях вражеского тыла, с применением партизанских методов войны.

Штубер признавал такое решение логичным. Если уж и готовить для «СС-Франконии» какую-то особую диверсионную группу, то, конечно же, его.

— Вам была предоставлена возможность сотворить скульптурную «голову Христа» и лучшую виселицу второй мировой, — когда Штубер заговорил по-русски, фельдшер и часовой вздрогнули и застыли, словно в ожидании выстрела в спину. — Не цените, Отшельник. Кому еще из мастеров было позволено создать лучшую виселицу рейха? Кому еще было даровано право возвести самую величественную |И виселиц Второй мировой?

— У тебя бы это получилось лучше, эсэс, — неожиданно Зычным басом отозвался Орест. — Ты уже сотворил из меня «живое распятие».

— Каюсь, от лестных слов уши мои не вянут. Но самокритично замечу, что «вознестись» после распятия

вам, господин Гордаш, как это ни странно, так и не посчастливилось. Но тут уж претензии не ко мне, а к Господу. Хотя, даже не имея его позволения, мы вас воскресили.

— Ради чего? — Восседавший на перевязочном столе Отшельник казался каким-то устрашающе гороподобным.

Услышав его вопрос, фельдшер, очевидно, немного сведущий в русском, прекратил перевязку и тоже вопросительно уставился на Штубера, словно и его этот вопрос мучил |ак же, как и Гордаша.

— Я ждал, когда вы зададите подобный вопрос, Отшельник. Я ждал его. — Штубер уселся на подоконник, и, расстегнув кобуру, как бы невзначай оперся ладонью о рукоять Вальтера. Он знал повадки сего блудного сына Славянин, Знал силу его ярости и решил не рисковать. — А ведь действительно: ради чего мы вас воскрешали? Самое время порассуждать.

В ту же минуту на местечко обрушился ливень. Под порывами ветра мощные косые струи били в окна короткими очередями, угрожая разнести и без того потрескавшиеся под ударами бомб и артобстрелами стекла. Штубер понимал, что в эти минуты природа пытается излагать каноны своей собственной философии, и этим тоже вдохновляла его.

— Одни ввязываются в войну только ради того, чтобы Истребить как можно больше врагов, другие — чтобы утвердиться в образе сверхчеловека. Третьи — в надежде добыть чины и трофеи, завоевать «жизненное пространство», просто излить собственную ненависть к роду человеческому...

— Но больше, куда больше тех, кто вообще не желал ввязываться в нее, — сквозь едва слышимый стон проговорил Отшельник.

— Об этих мы говорить не будем, господин бывший семинарист. Они не достойны настоящей, великой

войны. Они слишком жалки для нее.

— «Слишком жалки» для войны? — удивленно повел подбородком Отшельник. Определение ему явно понравилось.

— Высшая несправедливость вечно воюющего мира в Том и заключается, что чаще всего в войне выживают именно те люди, которые, по мнению полководцев, недостойны войны, ибо слишком жалки для нее. Однако отвлечемся от сострадания к жертвам войны. Вернемся к тем истинным профессионалам войны, которые творят ее, как великое искусство, как ритуал жертвенности человеческой цивилизации, как богоугодное священнодействие ее героев.

Война — и есть то неминуемое, богами завещанное нам жертвоприношение, которое человечество во все века и на всех этапах своего развития подобоострастно возлагало на жертвенник своего физического, духовного и наудотехнического самоусовершенствования. В моем представлении, рядовой Гордаш, вы — один из ее творцов. Ее уникалов.

— Вы не правы. Солдат из меня никакой.

— Просто какое-то время вы видели себя в иной ипостаси — в ипостаси Отшельника. Война — величайшее из искусств, в котором находят себя далеко не все; и даже те, кто искренне стремится найти себя в нем, — достигают этого не сразу.

— Долгое время я вообще отказывался воевать.

— Что лишь подтверждает мою мысль. Какое «воевать», если вы лихо уединились в пещере, в святых местах, в которых некогда располагался монастырь и которые до сих пор осеняются идолом Черного Монаха, так, кажется, именуют скалу, восстающую над этим безлюдным плато и избранную вами в качестве местной «горы Афон»?

— Кто из партизан рассказал вам об этом?

— Предадим забвению имена агентов и иуд. Они презренны во все времена и эпохи. Сейчас для меня важен только один факт: вы — звероподобный, яростный в своей храбрости, не знающий ни жалости, ни смирения... вы, словно он специально созданный для войны, вдруг предались монашеской страсти душеспасения.

— Вместо того чтобы губить души других, — напомнил ему Гордаш.

— Но война это не должно останавливать! Воина, рядовой Гордаш, нечто подобное останавливать не должно! К слову, все равно вы, так или иначе, губили их. Вспомните, сколько уже на вашем счету. Сейчас вы будете утверждать, что губили души врагов. Но это они для вас — враги, а для Господа все они — души людей, вами убиенных христиан.

Закончив перевязку, фельдшер хотел было поправить бинт, подобно пулеметной ленте, опоясывающей грудь Отшельника, но пленник отшвырнул его руку и поднялся. Когда он, словно изваяние оголенного командора, предстал перед Штубером, тот тоже поневоле поднялся. В то время как фельдшер благоразумно отступил поближе к часовому, выхватил пистолет.

— Так мы философствуем или стреляем? — как можно спокойнее поинтересовался Штубер.

— Вы остановились на том, что я, не знающий ни жалости, ни смирения... И слово бы специально сотворенный для войны, — напомнил ему Отшельник слогом молитвенного напева, — единственный на этой войне убийца.

— Не единственный. Нам, убийцам, несть числа. Вы — лишь один из очень многих душегубов христианских, — «успокоил» Штубер недоученного семинариста.

— Что дальше? В какой ипостаси я понадобился теперь СС?

— Вы правы, вернуться следует именно к той поре, — сдержанно согласился Штубер, холодно оценивая шансы Гордаша на успех, в случае, если ему взбредет в голову напасть на него, — когда вы вдруг презрели войну, чтобы очень скоро вновь оказаться в ее пекле.

— Это не ответ, — буквально взревел Отшельник. — Зачем я вам понадобился? Хотите превратить меня в полиция, карателя, подсадного агента?

— Зачем так банально, Гордаш?

— Что тогда?

— Лично для меня вы представляете ценность сами по себе, как порождение войны, как одно из ее непостижимых явлений. Вот в чем мой интерес, Отшельник. Теперь вы это знаете. Психология солдата. Психология и философия войны. Восприятие смерти. Необычные человеческие судьбы на войне — вот то, что интересует меня как психолога. Я понятно изъясняюсь, господин бывший семинарист?

— Почти элементарно. До примитивности.

— Рад, что наконец-то мы поняли друг друга.

— Тогда, может, все-таки скажете, что меня ждет?

— Наивнейший вопрос, Отшельник. Гибель, конечно.

— Как скоро и каким образом?

— Какое-то время вы нам еще понадобитесь.

— А что будет происходить сегодня? Опять допросы? Никакими интересующими вас сведениями я не обладаю.

— Людей, не обладающих абсолютно никакими нужными сведениями, на войне обычно тут же пристреливают. Но это я так, для общей информированности. Что же касается персонально вас, то вам опять повезло: сегодня мы отправимся в преисподнюю.

Отшельник непонимающе, но с абсолютным хладнокровием смотрел на Штубера и ждал разъяснений. Он уже понемногу переставал удивляться всему тому, что происходило с ним и вокруг него. Не перестал удивляться разве что одному: почему, по каким законам войны, по какой такой ее философии, каким прихотям судьбы он все еще до сих пор жив?

— В могилу, что ли? — спросил наконец, так и не дождавшись разъяснений.

— В подземный город СС. В подземную страну, которую мы именуем «СС-Франконией». Человека, который в свое время решил всю оставшуюся жизнь провести отшельником в пещере, путешествие в таинственную подземную страну должно заинтриговать.

— Но ведь меня не станут спрашивать, интригует это меня или нет.

— Спрашивать не будут. Предполагать — да, — загадочно улыбнулся Штубер. — Словом, воспряньте духом, Отшельник, вы нам еще понадобятся. А там, кто знает... надеюсь, вы еще не разучились держать в руке резец?

— А причем здесь резец?

— Да притом, что в ближайшее время вы вновь представите перед миром в облике скульптора. Возможно, даже в ипостаси величайшего скульптора Второй мировой войны.

— «Величайшего» среди тех, кого вы успели загнать в свою «СС— преисподнюю»?

— Увы, Отшельник, для нас с вами именно там, в преисподней, все и завершается. Апофеоз восхождения истинного солдата всегда проявляется в его гибели.

Когда, позволив ему еще три дня подлечиться в госпитале, Штубер ушел, Отшельник резко откинулся на кровать и торжествующе покачал головой. Это еще

не гибель! У него еще есть несколько дней — для надежды, для побега, просто для жизни

* * *

...Попав в подвал гестапо, Отшельник решил, что его тут же повесят или досмерти забьют. Однако его не трогали до тех пор, пока откуда-то не появился гауптштурмфюрер Штубер.

— Хотя Зебольд и пытался выискать в вырезанной тобой голове Христа какие-то изъяны, — сказал он, устало усаживаясь на нары рядом с Отшельником, — однако лично мне работа понравилась. Понимаю, шесть дней действительно маловато, но туда, куда мы с тобой завтра отправимся, будет много распятий и много времени. Если ты, солдат, решишь, что у каждого распятого тобой Христа должен быть свой неповторимый лик и столь же неповторимое туловище, — никто возражать не станет. У тебя появится возможность создать целую галерею «распятый», сотворив таким образом второй Лувр, только уже Подземный.

Пораженный его предложением и, вообще, его спокойствием, Орест как-то не обратил тогда внимания на слово «подземный», как, впрочем, и на прозвучавшее название всемирного хранилища искусства. Смысл этих слов по-настоящему начал открываться ему только сейчас, когда Орест оказался в подземельях «Регенвурмлагеря». Но тогда в висках его пульсировала только одна мысль: «Неужели не казнят? И на этот раз — не казнят?!».

— А ведь начальник полиции обвиняет его в убийстве двух своих полицейских, — неожиданно

напомнил Штуберу Вечный Фельдфебель. — А как быть с погубленными им германскими солдатами?

— С германскими солдатами вопрос уже закрыт: они погибли во время карательной экспедиции. А что касается полицейских... Если бы эти разгильдяи выжили, их бы судили за ненадлежащее несение службы, но поскольку им посчастливилось погибнуть, то похоронили их, как героев, павших в борьбе с партизанами во имя Великой Германии. Чего еще может желать человек, который пошел служить полицаем, поддерживая оккупационный режим? После возвращения сюда коммунистов их бы все равно расстреляли. Кстати, как и тебя, Отшельник. Ты никак не сможешь объяснить русской контрразведке, почему фашисты так долго не казнили тебя и почему в гестапо и СД тебе все прощали. Тем более что до войны ты уже успел посидеть в советском концлагере.

— Посидел. И доказать действительно будет трудно, — согласился Отшельник.

— А умирать от рук своих, но уже с клеймом предателя, которое в Советском Союзе никогда не сумеете смыть ни ты, ни твои потомки, — значительно труднее, чем от рук врагов. Это уж ты поверь мне, солдат. Поэтому дальше твой жизненный расклад таков: в наказание за все содеянное тебе, солдат, все же придется посидеть пару месяцев в лагере, но уже не здесь, а в Германии. Если там замечаний по поводу твоего поведения не будет, я попытаюсь вырвать тебя и пристроить на одну из секретных германских баз в качестве скульптора, мастера по «распятиям». Предварительный разговор с командованием этого лагеря у меня уже состоялся.

— Ладно, в Германию, так в Германию. Все равно я уже причислил себя к погибшим.

— К погибшим? — ухватился за это сообщение Штубер. — Что ты имеешь в виду?

— Только то, что однажды утром я сказал себе: «Все, тебя уже казнили, ты погиб. С этого часа живи так, словно тебе представилась возможность начать ее заново».

Гауптштурмфюрер разочарованно пожал плечами, он ожидал услышать что-нибудь более оригинальное.

— Но если ты и в самом деле твердо решишь во что бы то ни стало выжить в этой войне и сохранить свой талант уже для послевоенной европейской цивилизации, то согласишься сменить лагерь на диверсионные курсы, которые опекает сам Отто Скорцени. Силы у тебя немеряно, и если бы ты прошел специальную подготовку на этих «курсах особого назначения», то был бы идеально готов к выживанию в любой стране и в любых условиях.

— Но я не собираюсь становиться диверсантом, а тем более — германским.

— Это ты сейчас так говоришь, а в диверсионной школе тебя быстро ввели бы во вкус. Тебе на роду написано быть диверсантом.

— Однако это профессия только на время войны.

— Но после войны, учитывая твои заслуги перед рейхом, и братство по оружию, обещаю оставить тебя здесь, на Западе, чтобы ты мог заниматься рисованием и скульптурой. Возможно, даже помогу открыть свою собственную мастерскую, для начала прямо в моем родовом имении, в замке Штуберов. Если, конечно, нам удастся уцелеть в этой войне.

На курсы диверсантов Отшельник так и не пошел. В лагере военнопленных, в бараке для штрафников, куда Ореста перевели из подвалов гестапо, ему порой казалось, что после этого разговора Штубер попросту забыл о его существовании, а то и сам сгинул где-то в трясине войны. Но ошибался. И вот теперь он, вместе со Штубером, здесь, в «Регенвурмлагере»...

Интерес, неожиданно проявленный фюрером к сотворению подземной «СС-Франконии», как-то сразу приободрил Гиммлера. Ощувив свою востребованность, рейхсфюрер победно осмотрел присутствующих:

— «Регенвурмлагерь» спроектирован и строится с таким расчетом, что он способен будет выдержать длительную наземную блокаду. Это целый подземный город, с собственными источниками электроэнергии, фильтрами химической защиты в казармах и бараках, с источниками воды и складами продовольствия.

Гитлер слушал его, словно околдованный. Скорцени, осознавший свое непосредственное отношение к «Лагерю дождевого червя», сразу же понял, что происходит: издерганный неудачами на фронтах, загнанный в лабиринт военно-политической безысходности, фюрер вдруг нашел ту спасительную жемчугородную раковину, в которую можно было хоть на какое-то время заползти, утешая себя иллюзией ее прочности и собственной отрешенности.

«Не хватало только, чтобы он ухватился за это подземелье, как за последнюю надежду Германии, его последнее пристанище, — проскрипел зубами первый диверсант рейха. — Сколько поистине неотложных государственных дел окажутся похороненными под руинами этого увлечения, пусть даже вызывающе неординарного и заманчивого. А Гиммлер явно ведет вождя к этому».

— Сосредоточенные в «Регенвурмлагере» части, преимущественно СС, — расставлял тем временем сети рейхсфюрер, — в состоянии будут наносить значительный урон русским, даже оказавшись на занятой ими территории. Система подземных

коммуникаций и тщательно замаскированных выходов позволит нам незаметно перебрасывать диверсионные подразделения из одной местности в другую и нападать в самых неожиданных местах.

— Наконец-то хоть на одном участке мы готовимся к обороне так, как следует готовиться, заботясь о тысячелетнем рейхе, — оживился Гитлер.

— Да, это так.

— Соответствуют ли темпы подземных работ тем... новым, — с трудом нашел он нужное слово, — условиям, в которых мы можем оказаться?

— Мне пока что трудно судить об этом, мой фюрер, — начал юлить рейхсфюрер СС, вместо того чтобы сразу же заверить, а значит, успокоить фюрера. — Прежде всего, следует увеличить контингент рабочих, в основном военнопленных, а также значительно усилить имеющийся там гарнизон СС.

— Так увеличивайте, Гиммлер, увеличивайте! Разве у нас мало лагерей или в рейхе уже не осталось пленных и остарбайтеров? Так наберите рабочих, укрепите гарнизон. Когда речь идет о судьбе рейха, мы и должны действовать так, как следует действовать, заботясь о судьбе рейха.

— Вы правы, мой фюрер, — подобострастно признал Гиммлер.

«Теперь понятно, откуда проистекает неистощимый родник философской мудрости Шауба», — ухмыльнулся про себя Борман.

Положение с «Регенвурмлагерем» рейхслейтера Бормана совершенно не интересовало. Если уж говорить о последнем бастионе рейха, то он предпочитал видеть его в австрийских Альпах, а не в подземелье, в котором русские очень быстро закроют гарнизон, как в медвежьей яме. А вот что его действительно смущало, то что разговор с фюрером о

возможных контактах с русскими довести до конца так и не удалось.

Правда, кое-какая оговорка у Бормана теперь появилась. В случае, если кто-либо — Шелленберг, Мюллер или Скорцени — выйдет на его «русский след», он всегда может сослаться на то, что фюрер был предупрежден, и что он, Борман, всего лишь пытался выяснить настроения Кремля, в попытке хоть как-то выиграть время.

— Скорцени, — вырвал его из тревожного глубокомыслия голос фюрера, — вы лично должны ознакомиться с этим лагерем.

— Я сделаю это, мой фюрер.

— Знакомство это следует начать уже в ближайшее время. Когда настанет ваш час, в «Регенвурмлагере» должен находиться особый диверсионный отряд СС, способный совершить нечто большее, нежели обычные подразделения этих войск.

— Я немедленно отправлюсь туда, мой фюрер, — заверил его обер-диверсант рейха, окончательно отвлекая внимание от Бормана.

— Вы, и специальный отряд ваших командос, выпускников «Фридентальских курсов», должны настолько хорошо освоиться в «Регенвурмлагере», чтобы эта база СС стала еще одним секретным оружием рейха. И чтобы сражение ее гарнизона стало одной из величайших легенд германского воинского духа.

И Скорцени вновь убедился в том, что подземный лагерь СС стал для Гитлера спасительным миражом; и что, как всегда, когда фюрер непомерно увлекается какой-либо, порой совершенно незначительной, идеей, он начинает слишком преувеличивать, почти идеализировать ее значение.

И все же Отто не склонен был сомневаться в искренности и мудрости фюрера, а тем более — в способности превратить «Регенвурмлагерь» в

неприступную подземную цитадель СС. Вопрос заключался лишь в том, успеет ли Гиммлер превратить ее в нечто жизнеспособное, и сумеет ли сам фюрер сохранить к ней интерес до тех пор, когда гарнизону «Регенвурмлагеря» и в самом деле придет пора вступать в бой.

— Мы устоим, мой фюрер, дьявол меня расстреляй.

— Мы будем рассчитывать на вас, Скорцени.

— Кстати, именно здесь, в подземельях «СС-Франконии», на передовой линии «Восточного вала», следовало бы ввести в бой части русских добровольцев. Отборные части белых русских офицеров, а также власовцев, давая им при этом понять, что это их последний рубеж, при оставлении которого их не станут щадить ни мы, ни большевики.

Молвив это, Скорцени вдруг вспомнил о русском диверсante Беркуте, о котором лишь совершенно недавно, в телефонном разговоре, напомнил ему Штубер. Опыт коменданта большого дота смертников пришелся бы ему здесь как нельзя кстати.

— Части русских? — по-крысиному повел усиками фюрер. — На ударных позициях «Восточного вала»? Чтобы они открыли породненным славянским ордам путь на Берлин?

— Речь идет об отборных подразделениях, мой фюрер. Уже сейчас мы используем многих русских и в боях, и в проведении диверсий. Есть решение создать полноценную русскую армию генерала Власова. Среди прочего уже сейчас следует сформировать отдельный диверсионно-разведывательный полк. Подразделения его вначале вступили бы в бой при подходе русских и польских войск к Одру, а затем ушли в подземелье, чтобы вместе с моими командос развернуть там диверсионно-партизанскую борьбу. Такие смешанные германско-русские отряды уже прекрасно зарекомендовали себя, в частности, в Украине. Один из

них сражался под командованием известного вам гауптштурмфюрера барона фон Штубера.

Если фюрер и не стал возражать, то, очевидно, потому, что это говорил Скорцени, возражать которому фюрер то ли не решался, то ли попросту не привык. Он лишь молча, вопросительно обвел взглядом присутствующих.

— Могу сказать о русских летчиках, мой фюрер, — неожиданно поддержал обер-диверсанта Геринг. — Среди них немало великолепных асов, как, например, Герой Советского Союза капитан Антилевский^[38].

— Герой Советского Союза? — иронично переспросил Гитлер. — Героем Великогерманского рейха он еще не стал?

— Но уже отмечен железным крестом, — к чести рейхсмаршала, замечания Гитлера, порой даже самые острые, редко сбивали его с толку. — Напомню, что он, как и многие другие русские пилоты, прекрасно зарекомендовал себя в боях на Западном фронте, прикрывая с воздуха позиции «Атлантического вала».

— На которых, как известно, сражалось также немало русских рот и батарей, — подтвердил Гиммлер, и это уже похоже было на очередной «штабной заговор» генералов. Ведь присутствовавшим было прекрасно известно, что до сих пор фюрер решительно выступал против создания отдельных русских частей, не говоря уже о самостоятельной Русской освободительной армии. А если и соглашался на службу отдельных русских добровольцев в германских частях, то лишь в виде исключения и в основном во вспомогательных подразделениях. Но точно так же всем, в том числе и самому Гитлеру, уже было ясно, что отношение к присутствию в Германии десятков тысяч русских — различной судьбы и политической ориентации — пора менять.

— В частности, можно было бы создать несколько сугубо русских эскадрилий, — вновь заговорил Геринг, поняв, что поддержка Гиммлера, не говоря уже о Кейтеле, который давно готов был использовать «русский материал» для латания кадровых дыр вермахта, ему обеспечена. — Я мог бы передать Власову часть рабочих и технического персонала, занятых ныне на аэродромах и во вспомогательных частях люфтваффе^[39].

Вторую эскадрилью, бомбардировочную, возглавил еще один бывший советский ас, Герой Советского Союза капитан Сергей Бычков.

— Они вам больше не нужны? — въедливо поинтересовался Гитлер, удивленный подобной щедростью.

— Но еще нужнее — русские эскадрильи. Пусть, в конце концов, русские сражаются против русских. Пусть радиоэфир всего Восточного фронта покроется сплошным русским матом. Сплошным... русским. Я хочу дождаться этого дня, зная, что отныне не буду терять своих парней. Или, по крайней мере, буду терять их значительно меньше.

— Убедившись, что в русском вопросе генералитет буквально восстал против него уже давно сформировавшимся за его спиной заговорщицким «Восточным валом», Гитлер устало перевел взгляд на Геббельса.

— О «комиссарах» в этих русских частях добровольцев мы тоже позаботимся, — по-своему воспринял тот свою историческую миссию в деле формирования власовской армии. — Русские довольно легко поддаются идеологической обработке, поскольку, в отличие от представителей многих других народов, приучены слепо верить своим руководителям и безоговорочно подчиняться им.

— Вот именно, — с усталой безнадежностью махнул рукой фюрер, убедившийся не столько в правоте генералитета, сколько в собственном бессилии.

— Если позволите, мой фюрер, я готов встретиться с Власовым и еще раз обсудить принципы, на которых формирование его армии становится приемлемым для руководства рейха и самой германской идеи, — вырвал Гиммлер инициативу из рук Геббельса

— В общем-то, таких принципов в природе не существует, — отрубил Гитлер. — Но вы все же встретьтесь.

«А ведь, — подумал Гиммлер, — изменив отношение к русским в Германии, он со временем может изменить его и по отношению к переговорам с русскими, остающимися по ту сторону линии фронта».

5

Крайз оказался прав: рядом с кабинетом коменданта, в толще скального грунта, действительно располагалась комнатка, существование которой барон фон Риттер даже не предполагал. Для барона так и осталось загадкой, когда его предшественник умудрился выдолбить ее, незаметно отрывая для этого рабочих и скрывая их труды даже от своего заместителя.

Наверх тянулась винтовая каменная лестница, затем следовал почти километровый тоннель, завершавшийся металлическими секциями, выходящими на поверхность, как из водопроводного люка. Вот только крышка этого люка была каменной, сверху похожей на обычный валун. Именно он надежно маскировал этот вход.

Сам каньон, в который приводила эта «дорога в небытие», напоминал слегка удлинённый кратер вулкана. Это было огромное провалье, образовавшееся много тысячелетий назад, посреди возвышенности, верхние края которой не расширялись, как это обычно наблюдается в подобных местностях, а резко сужались кверху, скрывая этот затерянный мир не только от людских взоров, но и от взоров небесных.

Заметить его шрамовидную пустоту можно было разве что с самолета, но летчики тоже обычно не замечали ее, поскольку она была замаскирована густыми кронами древних сосен. К тому же склоны горловины были довольно крутыми, и всякому забредшему сюда, даже если он оказывался в десяти шагах от кратера Черного Каньона, чудилось, будто впереди вырисовывается обычная вершина невысокого лесного хребта.

Впрочем, желающих забредать сюда тоже было не много, поскольку вся эта каменистая падь располагалась на островке тверди земной, окруженной пространными болотами. Заветная тропа к острову, конечно, существовала, но ее нужно было знать, а почти всех местных знатоков гестапо уже убрало. Предварительно, конечно, проложив эту тропу на карте да, по особым ориентирам, на местности. Крайз стал одним из немногих германцев, которые решились испытать по ним свою судьбу.

— Интересно, догадываются ли об этой преисподней жители окрестных сел? — спросил барон, едва успев прийти в себя от удивления.

Он знал, что из центральной, штабной, части цитадели «Регенвурмлагеря» на поверхность ведут два эвакуационных хода, но оба они завершались в лесу, к северу и югу от возвышенности.

— Догадывались. Но только жители ближайшего хутора, которые считали это место проклятым. Понятно,

что такие свидетели были нежелательны, поэтому с помощью гестапо Овербек позаботился, чтобы хуторок вовремя опустел, как Я два небольших близлежащих села. Война есть война, мало ли теперь опустевших, разрушенных сел и хуторов по всей Европе?

Говорят, Мюллер лично занимался жителями этих населенных пунктов. Верится, конечно, с трудом.

— Занимался, — заверил его Крайз, — но не в связи с их ликвидацией.

— Для экзекуций у него хватает подчиненных, — согласился фон Риттер.

— Мюллера интересовало все, что было известно жителям этих селений — факты, легенды, предположения. Шеф гестапо докапывался до всего, что могло быть известно о Чёрном Каньоне польским властям. В частности, пытался выяснить, создавали ли польские спецслужбы какие-то комиссии по изучению этого шрама Земли.

— Но я так понимаю, что «гестаповский Мюллер» интересовался каньоном не из невинного любопытства.

— В определенных условиях южное, еще недостроенное, крыло «СС-Франконии» может стать подземным секретным штабом Главного управления имперской службы безопасности. В частности, штабом его Отдела диверсий. Ну и, конечно же, секретной базой диверсантов. Разведывательно-диверсионная школа, казармы диверсионных отрядов, госпиталь, подземных диверсионный полигон и все такое прочее...

Фон Риттер многозначительно помолчал. Наконец-то он услышал более или менее приемлемое объяснение того, как предполагается использовать «Лагерь дождевого червя». Подземный секретный штаб диверсионной службы и база диверсантов — вот то, что вполне оправдывает существование «СС-Франконии» в условиях, когда ожидать полной и решительной победы над русскими уже не приходится.

— Хотите сказать, что очень скоро здесь могут появиться кабинеты Кальтенбруннера, Скорцени, Шелленберга, а возможно, и Гиммлера? — Недоверчиво, хотя и полушутя, спросил барон фон Риттер.

— Если только Гиммлера не привлекут бункеры «Альпийской крепости», — вполне серьезно объяснил ему унтерштурмфюрер Крайз.

«Самая большая ошибка создателей «Лагерь дождевого червя», — подумал бригаденфюрер, — в том и заключается, что у них не хватило фантазии соединить этот лагерь с «Альпийской крепостью», превратив его в подземные редуты. Вот тогда уж рейх-крепость и в самом деле оказалась бы неприступной».

— Вы не правы, фюрер предвидел это, — неожиданно возразил Крайз, хотя вслух фон Риттер не произнес ни слова.

— Что именно он предвидел? — неуверенно спросил барон, понимая, что ему все же придется привыкать к тому, что какие-то мысли Фризское Чудовище прочитывает, предугадывает или, черт его знает каким образом, извлекает из его черепной коробки.

— Необходимость соединить штольнями «Регенвурмлагерь» с «Альпийской крепостью» или, как он еще называет ее, с «Альпийской Франконией», в систему которой тоже включено немало подземелий, шахт, пещер и горных бункеров.

— Почему же не соединяет?

— А вы уверены, что не соединяет?

Комендант остановился так резко, словно наткнулся на стену.

— Что вы имеете в виду, Крайз?

— А то, что в одном из ответвлений центральной штольни, в той далекой части ее, которая приближается к Одру, создан мощный блок-пост, гарнизон которого вам не подчинен. И если вы, рассчитывая на свои полномочия, попытаетесь пройти

мимо него к массивной двери, вас пристрелят, так и не разобравшись, что вы за комендант и о каком таком «Регенвурмлагере» толкуете. Им это название попросту ни о чем не говорит.

Фон Риттер подошел к сосенке, которая произрастала прямо из скального склона. Как она умудрилась прижиться здесь и откуда брала жизненные соки — возможно, было самой большой загадкой этого каньона. Однако барону было сейчас не до изысков ботаники. Он чувствовал себя человеком, которого используют втемную, и, не смотря на первенствующую должность, держат на вторых ролях. Причем самым обидным для него было то, что тайну это открывал для него Фризское Чудовище.

— Считаете, — почти с нежностью проводил барон рукой по жиденькой кроне сосенки, — что за тем блоком-постом начинается другая база, от которой ведут тоннель в сторону «Альпийской крепости»?

— Однако осуществить этот замысел вряд ли удастся, — это уже был не первый случай, когда на прямой и ясный вопрос Крайз предпочитал отвечать как-то уклончиво. — Слишком далеко расположены друг от друга эти две «Франконии».

— Уверен, что если бы фюрер сейчас принимал решение строить «Регенвурмлагерь», он наверняка расположил бы его не на правобережье Одера, а где-нибудь в районе Альп.

— Но вам известно, что начало этому строительству было положено еще в двадцатые годы, и решение в данном случае принимал не фюрер...

Фон Риттер загадочно ухмыльнулся.

— Кое-какие факты истории этой базы мне уже известны. И вообще, в данную минуту меня больше интересует совсем не это, — остановился комендант у подножия огромного столообразного возвышения, чернеющего посреди каньона.

— Понимаю, что не это.

— По поводу моих размышлений об «ошибке создателей «Лагеря дождевого червя» вы умудрились возразить мне раньше, чем я не успел высказать свое мнение вслух.

— Молитвы всех святых, бригаденфюрер!

— Что, «молитвы»?.. — не понял фон Риттер.

— Со мной такое случается. Иногда не успеваю сообразить, что следует дождаться, когда мой собеседник выскажется по тому или иному поводу вслух, поэтому слишком рано, упреждающе, реагирую на то, что ангелы или сатана, нашептали ему на ухо. Делать этого, ясное дело, не следует; люди болезненно реагируют на подобное прочтение мыслей.

— Теперь мне понятно, почему Овербек старался держать вас подальше от себя. Да и все прочие — тоже.

— В этом-то и заключалась ошибка штандартенфюрера. Всегда выигрывает тот, кто умело использует мои возможности, а не пытается превратить меня в своего врага.

— Над этими словами стоит задуматься, — произнес фон Риттер, поднимая валявшуюся у его ног сосновую веточку.

Комендант прекрасно понимал, что по существу Фризское Чудовище недвусмысленно предупредил его, пытаясь предостеречь от ошибок предшественников.

— Меня можно воспринимать с отвращением, это вполне объяснимо, и к подобной реакции я вполне привык. Однако бояться меня стоит лишь в том случае, когда сам настраиваешься ко мне враждебно. Я достаточно понятно объяснил свою позицию?

— В пределах восприимчивости, — задумчиво ответил фон Риттер. — Тем более что, как мне говорили, вы умеете хранить тайны, не склонны к скандалам и цените дружбу.

Высказав это, комендант оперся рукой о подвернувшийся под руку гранитный валун, возможно, венчающий собой еще один секретный выход на поверхность из диверсионной базы СС, и выжидающе умолк.

— Мне нелегко уживаться с людьми, не подверженными испытанию огнем, поэтому я прошел нелегкую школу выживания.

— Извините, Крайз, но, глядя на вас, в этом действительно трудно усомниться.

— А никто и не имеет права усомниться, — жестко отреагировал Фризское Чудовище. — Моя судьба не дает для этого абсолютно никаких оснований.

— В то же время ваше увлечение чернокнижием и ваша склонность к угадыванию и предсказыванию... Согласитесь, что возникает много вопросов.

— Но тут не мешало бы выяснить: чего все знающие меня опасаются — моих предсказаний или своей собственной судьбы? Люди, решившие создать «Регенвурмлагерь», должны потерять страх перед этим миром, поскольку сами давно стали его страхом.

6

Поднявшись вслед за Крайзом на возвышение, барон с удивлением обнаружил, что на самом деле перед ними — гладкая, словно бы отполированная, гранитная плита, высеченная в форме четырехугольной звезды, слегка напоминающей то ли сильно утолщенную стрелку компаса, то ли очередную скульптурную вариацию «розы ветров».

«Представляю себе, как, оказавшись у этой плиты, был заинтригован склонный ко всяческой мистике

Адольф Гитлер! — подумалось Фон Риттеру. — И «стол» этот, скорее всего, похож на жертвенник».

— Вы правы, барон, — вновь прочел Крайз мысли коменданта. — Взойдя сюда, фюрер сразу же потребовал, чтобы ему дали компас. Хотя и без компаса нетрудно было догадаться, что лучи этой странноватой «звезды» сориентированы строго по сторонам света.

— Однако проверить эту версию все же нужно было, — вступился фон Риттер за фюрера. Он уже начал привыкать к тому, что Крайз каким-то образом умудряется читать его мысли, во всяком случае способность Фризского Чудовища к «мыслеугадыванию» уже не шокировала его.

— Когда смотришь отсюда на звездное небо, то кажется, что планета Земля уже не в состоянии удерживать тебя, ибо ты летишь во Вселенной вместе с этим похожим на ладью древних германцев жертвенником.

— Так это и в самом деле жертвенник?!

— Трудно подыскать для него какое-либо иное предназначение, — ответил Крайз.

И барон вдруг вспомнил рассказ своего брата Людвиг фон Риттера, одного из организаторов экспедиции судна «Швабенланд» в Антарктиду, а также одного из основателей секретной базы «Рейх-Атлантида» где-то в глубинах Ледового континента. Так вот, среди прочих святынь обосновавшихся в Антарктиде атлантов он называл Плаху Повелителя, которая являлась жертвенником повелителя Страны Атлантов.

Судя по описанию, которое предоставил ему Людвиг, эта Плаха Повелителя была очень похожа на «плаху» Чёрного Каньона^[40]. Неужто между Чёрным Каньоном и скрытой от внешнего мира долиной у входа

во Внутренний Мир Антарктиды существует какая-то связь?!

— Вам что-либо известно о Внутреннем Мире Антарктиды и антарктической Стране Атлантов, унтерштурмфюрер Крайз?

— Это абсолютно секретная информация, — нервно отреагировал Фризское Чудовище. — Об этой стране и ее повелителе Этлэне Великом я кое-что слышал в институте Аненербе. Там на Страну Атлантов возлагают большие надежды, как на связующее звено между Великогерманским рейхом и Высшими Посвященными. Кроме того, у меня было две встречи с Посланником Шамбалы.

— Заставьте меня поверить в это, Крайз.

— Во что именно?

— В то, что вам удалось встретиться с Посланником Шамбалы^[41]. Многие ученые считают, что такой страны — Шамбалы, вообще не существует.

— В нашем, традиционном понимании — действительно не существует. Но сейчас мы не будем касаться этого вопроса. Скажу лишь, что именно там, в институте Аненербе, и собрана вся информация, касающаяся Шамбалы, Страны Атлантов, Рейх-Атлантиды и всего прочего.

— И Рейх-Атлантиды, в этом можно не сомневаться, — поддержал его фон Риттер, понимая, что тем самым поддерживает разговор, который и так уже позволил ему узнать очень много ценного.

— Что же касается вас, барон, то кое-какая информация

о Рейх-Атлантиде могла просочиться к вам от брата, барона Людвига фон Риттера. Собственно, от этого источника она и просочилась.

— Опасный же вы человек, унтерштурмфюрер Крайз! — качнул головой комендант «СС-Франконии».

— Вы правы: опасный, — спокойно, как нечто само собой разумеющееся, признал Фризское Чудовище. — Однако вы, лично вы, бригаденфюрер, старайтесь меня не опасаться, — тотчас же подстраховался он, понимая, что отныне его судьба в огромной степени зависит от отношений с новым комендантом.

— Это важное уточнение.

— А что касается Плахи Повелителя, которой кое-кто из германцев получил возможность полюбоваться на космодроме атлантов, то она и в самом деле похожа на Жертвенник, который мы видим сейчас перед собой.

— Значит, между ними существует какая-то высшая, астральная связь?

— Не сомневаюсь.

— В чем же ее глубинный смысл? Какую пользу это может принести нашему движению, всему рейху?

— Об этом мне проще будет судить, когда побываю в Стране Атлантов или хотя бы в германской Рейх-Атлантиде.

И вновь, уже в который раз, барон фон Риттер взглянул на Крайза с нескрываемым любопытством. Причем на сей раз тоже никакого особого отвращения «сатанинский лик» Фризского Чудовища у него не вызвал.

— Все же рассчитываете когда-нибудь попасть в подземелья Рейх-Атлантиды?

— И не только я один.

— А если чуточку конкретнее?

— Вы очень настойчиво провоцируете меня на откровенность. Причем ведете себя, как потерявший чувство самосохранения разведчик.

— Очень похоже, — признал фон Риттер. — Но как человек достаточно проницательный вы понимаете, что работаю я на рейх.

— По всем предсказаниям, — не стал излагать Крайз ни подозрения свои, ни заверения, — эту нашу

подземную «СС-Франконию» вскоре придется оставить.

— Считаете, что ее захватят русские?

— В военном плане — да, однако находиться она все же будет под юрисдикцией Польши.

— И вы верите в это предсказание? — провел рукой по краю плиты барон фон Риттер. Даже сквозь кожаную перчатку он ощутил, насколько она влажная и позимнему холодная.

Чтобы развеять сомнения, комендант сорвал перчатку и провел по плите теперь уже оголенными кончиками пальцев. Тот леденящий, колющий холод, который пронзил его руку, будто элетроразряд, до самого предплечья, обычным земным холодом породиться не мог.

Еще большее удивление вызвала температура этого жертвенника после того, как фон Риттер взволнованно ощупал поверхность двух соседних валунов. Они тоже были прохладными и влажными, какими и должны быть после ливня, однако холодность их ни в какое сравнение не могла идти с холодом Жертвенника.

Боковым зрением проследив за тем, как фон Риттер горячечно пытается докопаться до истины, Фризское Чудовище снисходительно улыбнулся. Он знал нечто такое об этой странной, с какими-то лазурно-серебристыми вкраплениями плите, чего не мог знать и уже вряд ли когда-либо узнает комендант этой секретной базы СС.

— Я просто вынужден верить в это предсказание, поскольку являюсь одним из его носителей, — молвил тем временем Крайз.

— Зачем же мы в таком случае продолжаем строительство этого «Лагеря дождевого червя»? Чтобы оставить мощную подземную базу для поляков?

— Во-первых, фюрер и несколько других высших руководителей рейха предсказаниям нашим не верят,

приписывая их пораженческим настроениям некоторых сотрудников Аненербе.

— Представать с такими настроениями перед фюрером сейчас крайне опасно, — согласился с ним барон.

— Во-вторых, ни русские, ни поляки не сумеют по-настоящему воспользоваться подземным городом СС; предпочтут законсервировать его и делать вид, будто его никогда не существовало.

— Не вижу мотивов такого отношения.

— С одной стороны, поляки не захотят демонстрировать всей Европе научно-техническую мощь рейха, проявившуюся во время строительства «СС-Франконии», с другой — они будут опасаться, как бы это подземный город не стал Меккой возрождающегося фашизма. К тому же у поляков не будет карт и технической документации подземного города, и они не сумеют найти ему достойное применение, которое помогло бы окупать расходы на содержание и охрану «СС-Франконии» и не позволяло ей служить пропагандой достижений Германии времен Гитлера.

Сорвав вторую перчатку, фон Риттер положил на край плиты обе руки, но спустя несколько мгновений резко отдернул их, словно и в самом деле получил удар электрического заряда. Барон удивленно взглянул на Крайза, но тот сделал вид, что ничего не замечает.

— И все же, хотелось бы знать, каковой будет судьба «СС-Франконии» в ближайшие месяцы.

— Скорее всего, наш «Регенвурмлагерь» решено будет превратить в своеобразный полигон, на котором будут готовить кадры и отрабатывать всевозможные технологии для полноценного создания антарктической «Рейх-Атлантиды». В том числе здесь шлифуются и приемы психологической обработки людей, которые

панически боятся подземелья и вообще, замкнутого пространства.

— То есть постепенно «Регенвурмлагерь» превращается в научно-исследовательский центр?

— Во всяком случае, самая секретная часть его. Кстати, замечу, что вскоре доступ к «зомби-центру», то есть к «Лаборатории призраков», лицам, не имеющим особого пропуска, будет закрыт. А круг лиц, имеющих право на «зомби-пропуск», крайне ограничен.

— Будем считать, что подобные предосторожности оправданы. И потом, надеюсь, что лично меня туда станут пропускать, не требуя никаких специальных пропусков.

— Я об этом позабочусь. Однако сосредоточиться вам все же следует на строительстве «Регенвурмлагеря», его обустройстве и обороне.

— Мне пытаются указать на отведенное мне место? — как бы полушутя поинтересовался комендант базы.

— Всем остальным позвольте заниматься мне, — не стал Крайз смягчать наносимый ему удар. — Поскольку именно мне и предписано заниматься этим «всем остальным».

— Ладно, отнесемся к этому философски. Строить и охранять. Это даже упрощает мою задачу.

— В Берлине вам, собственно, говорили о том же. Вот только функции следовало бы сформулировать четче.

— Так что вы там собирались поведать мне о психологической обработке солдат, которые панически боятся подземелья? — ушел от еще одной скользкой темы фон Риттер.

— Нам специально подобрали целую группу подобных трусов, с которыми придется возиться в специальной лаборатории. Проще говоря, большая часть нашего гарнизона со временем будет

переброшена в Антарктиду в виде готового «материала» для Рейх-Атлантиды, в том числе и значительную часть работающих здесь военнопленных. Кстати, эта акция, как и уничтожение «материала», не сумевшего достойно пройти испытание подземельями «СС-Франконии», максимально уменьшит количество людей, знакомых с планом ее подземных ходов и всевозможными секретами.

— Это многое проясняет, — проворчал комендант подземной базы СС, все это время внимательно осматривавший Жертвенник, монолитно покоящийся на уходящем глубоко под землю базальтовом основании. — Странно, что, благословляя на должность коменданта, ни фюрер, ни Гиммлер не стали посвящать меня в тайны этой базы.

— Фюрер, возможно, и сам уже многого не знает, — заметил Крайз.

— Нельзя ли поговорить об этом более основательно?

— Он давно не интересуется «СС-Франконией» и очень давно не был здесь. Ну а Гиммлер решил, что многое вам уже известно, остальное узнаете в ходе работы. И потом, вы должны знать, что практически эта база подчинена не фюреру, не Гиммлеру и уж, тем более, — не Герингу, который стоял у истоков «Регенвурмлагеря» так же, как и у истоков «Базы-211» в Антарктиде.

— Кто же в таком случае является истинным руководителем этой базы.

— Институт Аненербе, то есть Общество по изучению наследственности. Его имперский директор оберштурмбаннфюрер Вольфрам Зиверс. Во всяком случае, все секретные лаборатории и все программы этих лабораторий подчинены оберштурмбаннфюреру Зиверсу. Впрочем...

— Что «впрочем»?..

— Порой мне кажется, что и он — всего лишь исполнитель, а то и просто подставное лицо.

— Чья же тогда фигура вырисовывается за его спиной?

С ответом Крайз не торопился. Чувствовалось, что и ему

самому не давал покоя этот же вопрос.

— Чья-то мощная, но невыразительная, не поддающаяся идентификации тень, — вот что там вырисовывается. Поначалу мне казалось, что владелец этой тени пребывает в стенах Имперского университета в Страсбурге, откуда исходят и куда в одну из секретных лабораторий поступают результаты наших исследований. Но в последнее время усомнился и в этом. Слишком много неясного.

— Странно слышать нечто подобное от вас, Крайз. Давно успели убедить меня, что вы — всезнающий. По крайней мере, во всем, что касается «СС-Франконии».

— Я ведь сказал: слишком много неясного там, наверху, в Берлине и Страсбурге.

— К чему же все-таки приводят ваши сомнения? — попытался хоть что-нибудь выудить у него фон Риттер.

— К еще более опасным сомнениям.

— Вы не оговорились, назвав эти сомнения «еще более опасными»?

— Судя по тому предупреждению, которое последовало в ответ на мое непозволительное любопытство.

— И последовало это предупреждение из Страсбурга или Берлина?

— Как мне было сказано, передал его лама, известный в высших кругах Берлина под кличкой «Человек в зеленых перчатках».

Они оба помолчали. Лама с таким прозвищем — «Человек в зеленых перчатках»^[42] — был одним из самых «мрачных» представителей Востока в рейхе, о котором ходило слишком много правдоподобных легенд, иллюзорная правдивость которых запугивала своей невероятностью.

В свое время фон Риттер хотел встретиться с ним с помощью своего брата. Однако вскоре Людвиг решительно отказался от этой затеи, заявив: «Лама встретится с тобой только тогда, когда решит, что это ему крайне необходимо».

— И что это может означать?

— Обычно это означает «никогда!».

В то время фон Риттер тоже решил, что лама подразумевал под этими словами «никогда!». Но теперь, после назначения его комендантом «СС-Франконии» уже не был уверен в этом. Вдруг «Человек в зеленых перчатках» знал о его предстоящем назначении каким-то образом вычислил, предсказал его, хиромант чертов?!

— Наверное, вы слишком серьезно восприняли намеки этого человека, — молвил он сейчас, обращаясь к Крайзу.

— Скорее, наоборот, недооцениваю их.

— Ладно, время покажет. И потом, попытаемся разобраться вместе, — слишком уж как-то беззаботно пообещал ему фон Риттер.

И в ответ услышал то, чего никак не ожидал услышать от Крайза, по крайней мере, сегодня:

— Стоит ли разбираться, господин бригаденфюрер? Убирая вашего предшественника, штандартенфюрера Овербека, высшее руководство рейха и, в частности,

Могучая Тень, о которой мы только что говорили, как раз на то и рассчитывали, что вас, человека сугубо военного, никакие таинства «СС-Франконии» интересовать не станут.

И встретившись взглядом с Фризским Чудовищем, генерал СС вдруг почувствовал в его глазах такой же пронизывающий, наэлектризованный холод, какой недавно ощущал, прикасаясь к Жертвеннику.

— Хорошо, в коридоры власти углубляться не будем, — примирительно произнес он. — Достаточно того, что нам известно: где-то в глубинах Аненербе существует Могучая Тень.

— Как известно и то, что уточнять имя этой Тени не имеет никакого смысла.

— Об этой плахе дьявола, — постучал барон по базальтовой «розе ветров», — как я уже понял, вы тоже ничего существенного рассказать не сможете.

— Прекрасное определение: «Плаха Дьявола», предлагаю именно так и называть ее.

— И что твердят по поводу этой Плахи местные предания?

— По легенде, которую рассказал местный девяностолетний священник, в этом каньоне прятались от римских завоевателей остатки какого-то древнегерманского племени, пытавшегося сохранить языческую веру и обычаи предков. Когда же римляне обнаружили это племя, оно ушло под землю, а землетрясение на глазах у изумленных легионеров завалило ход, в котором скрылись германцы.

— И племя превратилось в духов, — иронично предположил комендант.

Однако молвленное вслух совершенно не соответствовало тому, что зарождалось в его мыслях. Спасаясь от римлян, племя германских арийцев ушло здесь под землю. А за тысячи километров отсюда, в Антарктиде, появляется точно такая же базальтовая

«плаха» арий-атлантов, их древний Жертвенник. Существует ли между этим какая-то связь? И что произошло с племенем, ушедшим во Внутренний Мир здесь, неподалеку от Одера?

— Без мистики, конечно, не обошлось, — донеслись до него слова Крайза. — Но правдивость легенды заключается в том, что из каньона это племя спокойно могло попасть в карстовые пустоты, использующиеся теперь строителями «Регенвурмлагеря».

— И что происходило дальше? Что следует из «карстового рейда» этого германского племени?

Фризское Чудовище пожал плечами и многозначительно умолк. Бригаденфюрер воспринял это, как призыв сменить тему, но как ее поделикатнее сменить — этого он не знал.

— ...Честно говоря, Крайз, я терпеть не могу легенд, — поморщился фон Риттер. — В конце концов, меня совершенно не интересует, что здесь было раньше. Зато я знаю, что будет теперь. На этом жертвеннике я прикажу установить зенитный пулемет, — он осмотрел площадку, прикидывая, хватит ли для него места.

— Весь этот подземный лагерь интересует меня лишь как военный объект. Поэтому по краям плиты я прикажу выложить каменную стену с бойницами, в которых будут установлены четыре пулемета. Существует тропа, которая выводила бы из каньона на поверхность?

— На нее указывает южный «луч». Собственно, тропы как таковой нет, но выбраться можно.

— Блокируем его дотом. Еще два зенитных орудия установим по краям этого сатанинского провалья. Всякий появляющийся здесь самолет противника должен быть сбит. Да-да, унтерштурмфюрер, мы должны заботиться не о сохранении легенд, а о защите «Регенвурмлагеря» от врага.

— Дотом и зенитками мы лишь обнаружим себя, обнаружим этот издревле охраняемый блудом разлом.

— Чем... охраняемый?! — напрягся фон Риттер. — Повторите, я то ли прослушал, то ли не понял.

— Вы не ослышались, я сказал: «...охраняемый блудом».

— Блудом, значит?! — снисходительно улыбнулся фон Риттер.

— Очень часто люди, оказавшиеся в окрестностях Черного Каньона, начинают блуждать вокруг да около и в конечном итоге уходят от него. Или даже взбираются по его внешним скалам, чтобы сорваться в разлом и погибнуть. Причем таких, погибающих, очевидно, было большинство.

— Хотите сказать, что этот каньон пребывает под защитой Высших Сил?

— Точнее было бы сказать: «Темных Сил».

— А нельзя ли сделать так, чтобы под защитой этих сил оказалась вся наша «СС-Франкония»? Чтобы на земле и в небе вокруг нее блуждали самолеты, танки, разведывательные группы противника, и даже артиллерийские снаряды?

Крайз уловил иронию его слов, однако ответил вполне серьезно.

— Над этим как раз и работает сейчас специальная группа сотрудников Аненербе.

— Уже похвально. Не забывайте время от времени информировать меня, хотя бы в общих чертах, о том, над чем они там в своем Обществе по исследованию наследственности, или как оно в действительности называется, мудрят. А главное, появляются ли какие-то практические результаты их мудрствований.

— Кстати, в свое время Овербек приказал собрать скелеты всех «погибших во блуде» и захоронить в пещере, в северной оконечности этой божьей дыры. Теперь ее так и называют «Погребальной пещерой».

— И много их обнаружено, этих скелетов? — как бы между прочим, поинтересовался комендант.

— Около сотни.

— В таких местах могло оказаться значительно больше, — пренебрежительно обронил фон Риттер.

— Медики внимательно изучали их: на многих вообще никаких признаков насильственной смерти не оказывалось, остальные погибали, срываясь со скал. Причем самое любопытное, что некоторые скелеты были относительно свежими, их обладатели погибли незадолго до войны или уже в начале войны.

— Скорее всего, они принадлежали местным дезертирам, пытавшимся спасти свои шкуры на шаманском жертвеннике.

— Вряд ли, поскольку... — попытался возразить Фризское Чудовище, однако барон решительно прервал его:

— А я сказал: ничтожным дезертирам! — и никакие аргументы здравого смысла его уже не интересовали. Он попросту устал от всего увиденного и услышанного здесь, морально и физически устал.

Барон решительно прошелся взглядом по полоске неба, которое в этом месте казалось бездонно высоким и отсвечивало голубоватым ледяным холодом; по стремительно уходящим ввысь склонам ущелья и, прорывав еще что-то, но уже нечленораздельное, начал спускаться с возвышенности.

Крайз внимательно следил за тем, как бригаденфюрер фон Риттер медленно, осторожно спускается в глубину ущелья, однако следовать за ним

не торопился. Он словно бы ждал, что бригаденфюрер тоже вот-вот «впадет в блуд» и скелет его, самый свежий из всех доселе известных, тоже окажется в погребальной пещере.

Вот только «впадать в блуд» фон Риттер почему-то не торопился, а Крайз понятия не имел, что должно было произойти такого и с самим человеком, и с окружающим миром, чтобы блуд этот все же наступил. Нет, он не желал зла коменданту базы, и вообще, дело было не в нем. Для Фризского Чудовища важно было понять механизм, те тайные пружины, которые способны приводить сознание человека в состояние блуда. Но пока он мысленно стремился к этому, с ним самим начало происходить что-то странное.

Началось с того, что Крайз вдруг замялся у выложенных из каменных плит ступеней, затем отошел от края Плахи Дьявола и начал нервно переминаться с ноги на ногу, по-медвежьи неуклюже оглядываясь, словно опасался чьего-то нападения.

В эти мгновения ему чудилось, что у подножия жертвенника собралось племя древних германцев. Одетые в медвежьи шкуры, воины его выглядели рассвирепевшими. Сотрясая копьями и факелами, они подступали все ближе и ближе к площадке, словно бы требовали, чтобы Крайз сошел с нее, иначе они совершат над ним ритуал жертвоприношения.

Видение становилось все более отчетливым и контрастным. Теперь он уже различал бронзово-серые лица близстоящих германцев. И вздрогнул от страха, заметив в конце каньона, на широком уступе, могучего седобородого, облаченного в кольчугу старца, на голове которого отливал медью рогатый шлем, а на поясе висел короткий, с широченным лезвием, меч.

«А ведь он — не вождь этого племени, — подсказал Крайзу внутренний голос. — Он — из иного века. Племя, которое требует изгнать тебя, чужеземца, с

жертвенника и предать казни за осквернение святыни, не видит его и даже не догадывается о его существовании. Они явились перед тобой, оставаясь в параллельных мирах...».

«Так уйми же их! — обратился к нему Фризское Чудовище, не внемля мудрости этого голоса. — Уйми, иначе они растерзают меня!».

Но старик оставался безучастным ко всему, что здесь происходило. Он стоял с гордо запрокинутой головой и всматривался то ли в небо, то ли в какое-то призрачное видение. Возможно, в это время и сам он впадал в точно такой же блуд, в каком оказался Фризское Чудовище.

— Дьявольщина какая-то! — люто прорычал Крайз, но так и не понял, произнес ли он это вслух или же слова прозвучали мысленно. И где именно, в каком из временных миров и пространств он в эти минуты пребывал. — Со мной этого не должно происходить! — взбунтовалось все его естество, вся его психика. — С кем угодно, только не со мной!

— кричал он, чувствуя, что теряет ту сакральную силу, которая до сих пор охраняла его в естественном, земном мире, из которого он происходил; и которая выделала его из массы других землян двадцатого столетия.

Тем временем древнегерманские воины уже начали карабкаться на жертвенник, и у головы Крайза просвистело несколько копей. И просвистели они не во сне или в бреду, нет, все выглядело слишком реалистично, чтобы не вызывать в нем страха. Оружие! Его, Крайза оружие! Но какое, к чертям собачьим, оружие?! Откуда ему взяться в пустой кобуре?

Крайз терпеть не мог оружия. Он опасался своего пистолета, как сатанист — осинового кола. Многие он отдал бы сейчас, чтобы послать в этих воинов несколько пуль. Уже хотя бы для того, чтобы убедиться,

что эти аборигены смертны в такой же степени, как и он сам.

Вот меч одного из древних германцев — у его ног. Еще одно движение... Почему он медлит?

«Но способен ли я, человек из XX века, погибнуть на этом временном эшафоте?! — Вопрос показался настолько же сложным, насколько и наивным. — Враги — вот они. Оружие их остро, как и ненависть, с которой они стремятся дотянуться до пришельца из будущего. Что им может помешать? Ведь они же видят тебя, они тебя воспринимают!».

Крайзу так и не дано было познать, чем могла бы завершиться эта стычка разных миров. Как раз тогда, когда первые аборигены взобрались на жертвенник, неожиданно прогремел мощный раскат грома, небо над каньоном растерзала мощная багряная молния, и все исчезло так же мгновенно и беззвучно, как и появилось. Словно кто-то повернул выключатель кинопроектора. И только тогда Крайз вновь увидел бригаденфюрера; тот метался по каменистой равнине между жертвенником и склоном каньона, словно один из воинов племени, не сумевший исчезнуть вместе с наваждением.

Попав в западню времени, барон очумело бросался из одного конца окаймленной валунами площадки в другой, ощупывал руками каменистые стены, словно пытался обнаружить в них выход. Рычание, которое он при этом издавал, не имело ничего общего ни с человеческим голосом, ни с человеческой яростью. Причем похоже было, что фон Риттер не сумел вернуться в ту реальность, в которую время вышвырнуло самого Крайза, он все еще пребывал где-то там, в прошлом, посреди древних германцев.

— Остановитесь же, барон! — громоподобно прокричал Фризское Чудовище. — Если вы ищете свою гибель, то она еще не пришла!

Слова Крайза подействовали на бригаденфюрера точно так же, как несколько минут назад вспышка молнии и раскаты грома — на самое Фризское Чудовище. Он остановился, по-медвежьи пригибаясь, помотал головой и, прорывав что-то еще более яростное, нежели до сих пор, замер, уставившись на своего спасителя.

— Что это?! — раскинул он руки, чтобы пойти на возвышавшееся над ним Фризское Чудовище, подобно тому, как еще недавно шли на него, угрожая растерзать, воины древнегерманского племени.

— Обычно это называют видением. — Крайз старался говорить как можно спокойнее, однако это ему не удавалось. Он все еще пребывал под впечатлением от ярости, которая овладевала древними германцами.

— Знаю, что называют «видением», но что-то слишком уж оно реалистично выглядело, — обессилено опустил он на ближайший валун.

— Согласен, видение очень странное, сам не ожидал, что может открыться такое.

— Лучше признайтесь, что это и есть ваши сатанинские игрища, Островной Дьявол?! — назвал так, как еще там, на одном из островков Восточно-фризского архипелага (фон Риттер узнал об этом из досье Крайза), называли его суеверные фризские рыбаки.

— Я был бы счастлив, если бы мог обладать подобной властью над миром и его временами. Но, увы, такое пока еще не в моей воле, комендант. Только что я сам с трудом вырвался из такого же «блуда», из смертельного круга древних германцев.

— Уверены, что германцев?

— Здесь трудно быть в чем-либо уверенным.

— Может, это вообще иной мир, иная планета?

— Здесь, в этом каньоне, может происходить все что угодно.

— И хотите убедить меня, что вы к этому не причастны?

— Вы слышали, что я сам чуть было не погиб от рук этих варваров. Не требуйте от меня клятв, а главное, не требуйте невозможного.

— Тогда кто же все это наслал на нас? — воинственно осмотрелся барон. Сейчас он напоминал последнего, чудом уцелевшего зубра, только что вырвавшегося из западни.

— С фюрером здесь происходило то же самое. Выйдя из этого сатанинского блуда, он чуть было не пристрелил меня из «вальтера».

— И поступил бы очень мудро.

— Умерьте свой пыл, господин бригаденфюрер. Как я уже сказал, из трясины видения мне удалось вырваться лишь на две-три минуты раньше вас. Но дело в том, что во время визита сюда фюрера в этот блуд впал только он. Мне же предоставлена была возможность наблюдать за его поведением со стороны. Так, кто мне может ответить, почему тогда я устоял против этой блудной силы, а сегодня нет. Что произошло? И со мной, и с этим каньоном?

Фон Риттер вновь набыченно повертел головой, словно собирался свернуть себе шею, врезавшись в подножие Плахи Дьявола. В рычании его прослушивались и неумная сила, и столь же неумное бессилие.

— У кого вы хотите узнать, что произошло, Крайз?! — вновь отреагировал барон на унтерштурмфюрера, как бык на красный лоскут. — Вы ведь у нас Фризское Чудовище, колдун, поэтому должны знать.

— Сегодня я могу ответить так: вырываясь из блуда, я прихожу в себя чуть раньше любого из вас. В этом и есть все сомнительное преимущество. Не скрою, что меня это огорчает, я не желаю терять свою силу.

— Врете вы все, унтерштурмфюрер, — незло, с непроницаемой маской усталости на лице, проговорил фон Риттер. — Может, вы не так уж и сильны, как бы вам этого хотелось, но все же у вас существует некая особая связь с Нечистым, обитающим в этой преисподней.

— Какая-то сила здесь, конечно, витает, — мрачно согласился Фризское Чудовище. — Но под влияние ее подпадает всякий, кто решается войти сюда. Однажды Овербек решил остаться здесь в одиночестве. В полночь. Отослав меня на винтовую лестницу, где мы коротали время с часовым и адъютантом.

— Звучит, как алиби.

— Правильно, как алиби, — огрызнулся Крайз. — По моему, все то, что происходило здесь с Овербеком, интересует вас куда больше, нежели меня.

— Спишите на обычное любопытство.

8

Барон и Крайз с трудом нашли неплохо замаскированный вход в тоннель и, тщательно закрыв за собой люк, спустились по винтовой лестнице к оборонительной площадке, рядом с которой в бронеколпаке отсиживался один из охранников лагеря. Даже увидев рядом со своим «гнездом» коменданта, охранник не вышел из укрытия, поскольку делать это ему запрещено было инструкцией.

Фризское Чудовище эсэсовец знал в лицо, но, лишь выслушав названный им пароль, потянул на себя металлическое ограждение, открывая генералу и лейтенанту СС путь в глубь лагеря. Вот только уходить

они не торопились. Свет лампочки и присутствие невозмутимого часового заметно успокаивали их.

— Вы начали рассказывать о блуде штандартенфюрера Овербека, — напомнил ему фон Риттер.

— Стоит ли его продолжать?

— День сегодня такой выдался, когда говорить надо откровенно, ничего не утаивая, как на Страшном суде.

Они взглянули на часового, прошли мимо него, свернули в ближайшее ответвление и оказались в маленьком оазисе из двух кустов, небольшой сосенки и родничка, вода из которого дотягивалась до своего миниатюрного водопада по обрамленному травой руслу. Это был настоящий оазис посреди каменной пустыни. По тому сквозняку, который ощущался рядом с родником, можно было определить, что где-то неподалеку находится естественный выход на поверхность из тех, которые на жаргоне местных проходчиков назывались «лисьими лазами».

Бригаденфюрер сразу же уселся на скамейку, в которую была превращена обычная дубовая колода, а Крайз, присвечивая себе карманным фонариком, прошел еще метров двадцать, протиснулся сквозь узкий проход и действительно оказался перед одним из «лисьих лазов», которые во время блокады «Регенвурмлагеря» могли спасительно служить его гарнизону.

Находился этот лаз в естественной пещере, стен которого рука камнетесов не касалась. Мало того, рядом со входом в пещеру явственно просматривалась довольно большая трещина, уводившая куда-то в сторону. Пригнувшись, по нему можно было пройти метров десять, а вот что там происходило дальше — еще только предстояло выяснить.

«Надо бы завалить вход в эту пещеру, — подумал Фризское Чудовище, — да изучить этот естественный

подход к ней. Все обитатели этого лагеря должны забыть об этом «лисьем лазе», а тебе он еще может пригодиться».

— Трудно сказать, какие видения являлись тогда Овербеку, и в каких наваждениях он пребывал, — продолжил свой рассказ унтерштурмфюрер Крайз, вернувшись из этой разведки. — Но когда приблизительно через час я вновь появился в кратере каньона, чтобы выяснить, как он себя чувствует, то нашел его у подножия той самой возвышенности, на которой только что стоял вождь древних...

— Какой еще «вождь древних»?

— Ну, тот, бородатый, в доспехах.

— Что-то не видел я такого — бородатого, в доспехах.

— Ах да, вам-то являлись совершенно иные наваждения. Словом, я нашел его в северной оконечности плато. При этом выглядел он совершенно изможденным, — обезумевшее лицо, красные, навывкате, глаза, ватные ноги и дрожащие руки. Такое впечатление, что его только что стащили с Плахи Дьявола, из-под занесенной секиры палача.

— Так, может, так оно на самом деле и было?

— Не исключено. Мне пришлось взвалить его на плечи, а адъютант освещал дорогу фонариком, и оба мы бежали так, словно нас преследовало стадо динозавров. Хорошо еще, что у входа нас встретил адъютант коменданта, так и не понявший, что с нами, собственно, происходит.

— Не после этого ли похода к Плахе Дьявола штандартенфюрер Овербек рехнулся?

— Я не психиатр, но уверен: когда мы его выносили, он уже был в том состоянии, о котором вы, господин бригаденфюрер, только что изволили упомянуть.

Фон Риттер достал портсигар, дрожащей рукой извлек из него сигарету, однако, вложив ее в рот, так и

не потянулся за зажигалкой. Сейчас он вел себя, как человек, очень близко подступивший к заветной тайне.

— А еще можно утверждать, что именно после этого похода к Плахе Дьявола комендант «СС-Франконии» приказал, чтобы по всему лагерю устанавливали распятия?

— Можно.

— Почему вы сразу же не сказали мне об этом? Почему подобные сведения приходится вырывать у вас, как на допросе?

— Каждому повествованию — свое время. Кстати, была одна существенная деталь. Оправдывая появление своего приказа о «распятиях», штандартенфюрер, в свою очередь, ссылаясь на то, что тоже получил соответствующий приказ.

— Так-так, любопытно, — только сейчас прикурил комендант. — И кто же отдал ему такой приказ? Оберштурмбаннфюрер Вольфрам Зиверс?

— Высшие Силы, в облике то ли некоего Учителя, то ли духа этого каньона.

— Это ваши личные предположения, Крайз, — строго поинтересовался фон Риттер, подходя к очередному блокпосту, — или же предположения коменданта Овербека?

«Интересно, какие наваждения и блуды нападают на дежурящих здесь солдат? — подумал барон, стараясь разглядеть лицо прильнувшего к окошечку солдата. Не так уж и часто приходилось ему видеть в своей жизни генерала войск СС. — И не поставляют ли служащие роты, которая занимает этот участок лагеря, психически больных лагерному госпиталю? Впрочем, так отсюда, наверное, сразу же увозят. Надо бы поинтересоваться».

— Это предположения Овербека, — с некоторым запозданием подтвердил Крайз. — Но только предположения. Никакого вразумительного ответа

добиться от него не удалось. Во всяком случае, тогда — не удалось.

— Что значит «тогда не удалось»?

— Это значит, что можно попытаться еще раз поговорить с ним.

Барон взглянул на Фризское Чудовище с явной опаской.

— Хотите сказать, что получили доступ к его духу?

— Пока лишь к телу, — вежливо, но с откровенной снисходительностью улыбнулся унтерштурмфюрер.

— Я понимаю, что после того, что с нами только что произошло, мы оба напоминаем друг другу черт знает кого, но все же...

— Выражайтесь проще, господин бригаденфюрер.

— Штандартенфюрер Овербек расстрелян, — внушающе напомнил Крайзу комендант лагеря. — Я достаточно ясно выражаюсь? Он расстрелян.

По узкому, слабо освещенному тоннелю они отошли подальше от бронеколпака охранника, и только тогда Фризское Чудовище решился негромко произнести:

— Извините, господин бригаденфюрер за откровенность и, даже в какой-то степени, наглость, но смею напомнить вам, что штандартенфюрер Овербек все еще жив.

— Что значит «жив»? Почему вы так решили? — долго затягивался сигаретным дымом барон.

— Мои умовыводы в данном случае значения не имеют. Важно одно: вы, бригаденфюрер, так и не решились расстрелять Овербека, позволив себе при этом пойти на обман высшего командования.

От неожиданности фон Риттер присвистнул. Такого всезнайства от Фризского Чудовища он не ожидал.

— Давно вам об этом известно, Крайз?

— С того самого дня, когда вы решили отложить казнь и надежно, как вам казалось, спрятать Овербека от всех нас. Но не здесь, в центральном секторе базы, а

в далеком от центра «Регенвурмлагеря» подземном концлагере «Зет-4», созданном в районе Погребального острова специально для того, чтобы заниматься там отбором и дальнейшей фильтрацией кандидатов в зомби, а также их первичной подготовкой. Не случайно с того дня, когда Овербек под другим именем оказался там, в изоляционном штрафном блоке, я потерял доступ к лагерю. И знакомлюсь с зомби-кандидатами уже здесь, в своем зомби-лагере «Гладиатор». Только не спрашивайтесь, каким образом я об этом узнал.

Молчание коменданта напоминало Крайзу молчание кадета, пытавшегося скрыть свои похождения от училищного унтер-офицера. Выяснять источник информации он, понятное дело, не стал, но выглядел угрюмым и раздраженным.

9

Они сели в машину, которая поджидала их на подземной стоянке, и отправились к штабу «СС-Франконии». Навстречу им одна за другой прошли три роты рабочих Трудовой армии. Люди не выглядели ни угнетенными, ни изможденными. Крайз знал, что многие из них даже довольны тем, что вместо гибели на Восточном фронте или в концлагере им представилась возможность дождаться конца войны в этих странных подземельях. Среди них было немало иностранцев, в основном из скандинавских стран, которые выступали в качестве наемных рабочих.

Были здесь и военнопленные, а также «предавшие фюрера и дуче» итальянцы, но их использовали в основном на подсобных работах. Ставка в

«Регенвурмлагере» делалась все же на квалифицированный труд и добросовестность.

— Уверен, что это мое решение — о помиловании Овербека, командование мне простит, — упавшим и совершенно неубедительным голосом заверил Крайза комендант лагеря, когда они оказались в его кабинете, и на столе появилась бутылка венгерского коньяка.

— Интересно, чем все-таки были вызваны ваши просьбы

об отмене расстрела? — спросил Крайз таким тоном, словно приговор относительно самого фон Риттера тоже был делом решенным, и он интересуется у барона лишь некоторыми деталями, так, ради любопытства. — Понадеялись, что штандартенфюрер еще может пригодиться вам? Что когда-нибудь его все же реабилитируют, и он Сам протянет вам руку помощи?

— На этот вопрос не так-то просто ответить.

— Понимаю. Хотя в принципе именно он должен быть сформулирован вами со всей возможной объективностью и убедительностью.

— То, что вам уже известно о сохранении жизни Овербеку, — для меня полнейшая неожиданность, — признался бригаденфюрер.

— Все, что мне известно, остается между нами, господин комендант. Это могильно. Но хочу предупредить, что впредь обманывать меня бессмысленно.

— Предупредите об этом Скорцени, — огрызнулся фон Риттер. — Хотя за реакцию его не ручаюсь, поскольку он поверил, что, кроме меня, местонахождение Овербека никому не известно.

— Его реакция мне известна, поскольку он был первым, кого я предупредил о том, чтобы со мной «играли в открытую». Это произошло еще тогда, когда меня направляли в «Регенвурмлагерь». Причем делали это по совету Скорцени. Он буквально вырвал меня из

сетей института Аненербе, где так толком и не поняли, каким образом можно использовать меня.

— Так, значит, вы протезе Скорцени?!

— Вы последний в рейхе, кто не догадывался об этом, — процедил Фризское Чудовище.

— Но даже столь надежное покровительство не дает вам права ставить меня перед обер-диверсантом рейха в идиотское положение. Повторяю, я убеждал его, что, кроме меня, никто в «СС-Франконии» о спасении Овербека не знает.

— Меня в расчет можете не принимать, — изобразил Фризское Чудовище некое подобие улыбки. — Начальник лагеря «Зет-4» оберштурмбаннфюрер Карл Неринг знает Овербека лишь под фамилией Померански.

— Которая тоже засекречена. В употреблении — только его лагерный номер и кличка «Центурион», под которой до недавнего времени он возглавлял лагерную похоронную команду.

— Мне известно, что лагерь «Зет-4» давно стал секретным филиалом «Фридентальских курсов» Скорцени.

— В том, что вам доступна эта информация, я уже убедился, иначе не откровенничал бы с вами. Судя по всему, лично вы не одобряете спасения Овербека?

— Исключено. Я не могу не одобрять.

— Дают авторитет Скорцени и страх перед ним?

— Скорцени подключился к этой операции уже после того, как вы обратились к нему за содействием, — напомнил Крайз коменданту, и тот молча глотал воздух, словно только что вырвался из погибельного речного водоворота. — Обер-диверсант рейха сразу сообразил, что штандартенфюрер Овербек может стать ключевой фигурой в операции «Зомби-легион».

— Какой-какой операции?! Что-то я о такой не слышал.

— Если бы о ней слышали многие, она уже не была бы секретной.

— Не забывайте, Крайз, не забывайте, — добродушно проворчал фон Риттер, понимая, что обострять отношения с фризом бессмысленно.

Коньяк оказался приятным на вкус, и Крайз с удовольствием осушил свою рюмку, хотя обычно воздерживался от спиртного. Похвалив напиток, — он знал фон Риттера как коньячного гурмана, — Фризское Чудовище вновь благодарно подставил свою рюмку, чтобы барон мог наполнить ее. Фридрих помнил, что не много находилось теперь людей, готовых посидеть за одним столом с такой уродиной.

— Тогда позвольте вопрос, господин комендант. А как вы вообще истолковали желание Скорцени участвовать в спасении Овербека? Наверное, решили, что расчувствовали его своими рассказами о достоинствах штандартенфюрера, о его заслугах в создании «Регенвурмлагеря»?

— У нас, конечно, состоялся разговор. И я был удивлен, что Скорцени очень живо заинтересовался судьбой Овербека.

— А мотивация его поступка вас незаинтриговала?

— Мне она не известна. Возможно, он раньше знал этого человека, возможно, просто...

— «Просто» — к Скорцени не относится. И заинтересовался он не судьбой Овербека, на которого ему, по большому счету, наплевать, а судьбой... вот именно, коменданта «Регенвурмлагеря». А теперь вспомните, кто вам посоветовал обратиться за помощью к Скорцени?

— Гауптштурмфюрер Родль. Мы случайно встретились с ним в штабе Гиммлера.

— То есть посоветовал вам поговорить со Скорцени его адъютант, гауптштурмфюрер Родль? Я все верно понял?

— Не превращайте нашу беседу в допрос, Крайз.

— И все же могу вам сказать, что совет этот был неслучайным. Родль — не адъютант в обычном понимании этого термина. Он является одним из опытейших диверсантов и лично принимал участие в разработке операции «Зомби-легион».

— В ваших устах, Крайз, каким-то непостижимым образом логически сходится все то, что не должно было бы сходиться, поскольку не имеет никакой видимой связи.

— На первый взгляд, не имеет. А теперь обратимся к самой операции «Зомби-легион». Она предусматривает действия особого гарнизона солдат-зомби уже после того, как «Регенвурмлагерь» оставит основной гарнизон, состоящий из подразделений войск СС и вермахта. И вот тогда в лагере вновь появится комендант Овербек. Но уже в качестве начальника подземного гарнизона обреченных.

Фон Риттер замер с недонесенной ко рту рюмкой. Он был потрясен услышанным.

— Так, значит, Скорцени сразу же принял решение превратить беднягу Овербека в зомби, чтобы затем назначить его командиром зомби-отряда?!

— Он превратит его в полужомби. Группа африканцев-зомбистов, которые работают сейчас в «Зет-4», обещают, исходя из какой-то своей особой методики и особых рецептов, убить или, по крайней мере, приглушить в его сознании страх перед смертью, память о своем происхождении и чувство жалости. Если им это удастся, Скорцени получит идеального, с большим опытом, коменданта «Регенвурмлагеря», а значит, и идеального начальника подземного зомби-гарнизона.

— Постойте, Крайз, я так понимаю, что вы тоже принимаете участие в этой операции?

— Принимаю. И, насколько мне известно, за день до вашего прибытия сюда в качестве коменданта, Скорцени уже провел испытание первого взвода из двадцати семи зомби-солдат на полигоне диверсионной школы в замке Фриденталь, в которой обучаются его супердиверсанты, «фридентальские коршуны».

— И что, как они вели себя на военных учениях, эти... зомби?

— На учениях я не был. Попросил Скорцени, чтобы пригласил меня, когда начнется испытание первой роты нашего зомби-легиона. Возможно, что испытания пройдут в виде реальной карательной операции против польских партизан. Но, в общем, как мне сказали, действиями своего зомби-взвода Скорцени остался доволен. Еще немного тренировки — и мы получим солдат нового поколения и нового образца. Кстати, знаете, кто командовал этим взводом?

— Полагаю, что сам Скорцени?

— О нет. Он выступал в роли наблюдателя, инструктора, судьи и заказчика. А взводом командовал уже известный вам офицер СС Центурион.

Штандартенфюрер Овербек?! — почти шепотом уточнил фон Риттер.

— Который уже дал письменное согласие стать зомби-комендантом «Регенвурмлагеря» в плату за то, что его не расстреляют и что родственники даже не узнают, что он был приговорен к расстрелу.

— И это после всех его усилий вырваться из подземелий «лагеря червя»! После его подземельного бунта.

— Теперь он будет вести себя спокойнее. Колдуны-зомбисты научились убивать в своих подопечных страх перед подземельями, закрытыми помещениями и высотой.

— Да благословит его Господь на новые мучения, — не склонен был полагаться на всемогущество зомбистов

преемственник Овербека.

— И наконец теперь пришла пора сказать самое важное для вашего понимания сути происходящего. Видите ли, господин барон, в дальнейшем вы должны учитывать, что всю эту историю с приговором Овербеку Кальтенбруннер и Мюллер устроили по... требованию Отто Скорцени.

— «Устроили»?! — вновь изумился фон Риттер. — По требованию Скорцени?! Не морочьте мне голову, Крайз. Я только-только научился верить вам, так что не разочаровывайте меня.

— Они специально устроили это свержение Овербека, — невозмутимо продолжил Фриз свой рассказ, — морально надавить на Овербека, сбить с него спесь и преподнести содержание в лагере «Зет-4», как благодеяние спасителей.

— Уму не постижимо! — воскликнул комендант. — Получается, что с самого начала вся эта возня вокруг Овербека была затеяна по замыслу Скорцени как операция «Зомби-легион»?!

— И только лишь.

— Но в какой-то момент произошла осечка?

— Она произошла из-за того, что Овербек начал штурмовать канцелярии Гиммлера и фюрера с просьбами назначить его командиром какой-либо наземной эсэсовской части или комендантом лагеря. А когда ему предложили участвовать в операции «Зомби-легион», категорически отказался, заявив, что не намерен оставаться в этом проклятом подземелье, а если его оставят насильно, пустит себе пулю в лоб. Вот тогда и вступил в силу запасной вариант его вербовки, тоже именуемый «Зет-4», с помещением его в особо секретный лагерь неподалеку от Одера.

И все это было известно вам?! — возмутился фон Риттер, наполняя коньяком рюмку Крайза. — Могу представить себе, каким идиотом я выглядел в ваших

глазах, преподнося вам образ Овербека в виде свихнувшегося и расстрелянного.

— Не скрою, отдельные ваши наскоки на штандартенфюрера вызывали у меня желание расхохотаться.

— Самое время и мне воспользоваться своим личным оружием. Для выстрела чести.

— Берлинский лама, он же «Человек в зеленых перчатках», в подобных случаях любит повторять: «Взирайте на жизнь с радостным спокойствием». Следуя этому мудрому совету, будем считать, что обо всех наших недоразумениях забыто. С условием, что об Овербеке вы пока тоже забудете, стараясь не употреблять его имени всуе. Как-никак полковник СС. Чина Гиммлер его не лишил. Наоборот, пообещал присвоить ему бригаденфюрера. Если, конечно, тот проявит себя в качестве командира «Зомби-легиона».

Барон откинулся на спинку кресла, решительно повертел головой и расхохотался.

— Вы настолько опасный человек, Крайз, что самое мудрое — это как можно скорее избавиться от вас.

— Изгнать из «Регенвурмлагеря»?

— Зачем все так усложнять? Просто взять и отправить в крематорий.

— Это тоже связано с определенным риском, — произнес Крайз, четко произнося каждое слово, каждый слог.

— Ну-ну, шутка, — барон сразу же приподнялся, налег на стол и примирительно потрепал Крайза по предплечью.

— Никаких избавлений. У нас и так много врагов. Общих врагов. Поэтому никаких избавлений. Мы нужны друг другу — вот что нас должно объединять, для того чтобы мы действительно могли позволить себе «взирать на жизнь с радостным спокойствием».

— Если впредь, — спокойно воспринял его условия Крайз, — захотите что-либо скрыть от гарнизона, высшего руководства или даже от самого Господа Бога, — предупредите, что это наша с вами тайна, и я всегда найду в себе мужество хранить ее.

— Договорились.

— А что касается подробностей похода Овербека к Плахе Дьявола, то когда-нибудь мы еще вернемся к разговору о нем.

— Раньше я действительно не знал об этом рейде Германа Овербека к древнегерманскому Жертвеннику, а потому понятия не имел, с чего у него все это начиналось — его галлюцинации и его сумасшествие. Впрочем, как теперь выяснилось, сумасшествие Овербека здесь ни при чем. Кто бы мог подумать, что судьба его развернется таким вот образом?!

10

Замок Вольфбург встретил Гиммлера угрюмым величием башен, неприступностью позеленевших от времени стен и таинственным молчанием крепостного двора, красноватый булыжник которого источал отблески всех тех кровавых драм, которые время от времени разыгрывались в этом мрачном сотворении рук человеческих.

— Господин рейхсфюрер СС, гарнизон замка...

— Сколько вас здесь? — резко прервал оберштурмфюрера главнокомандующий войсками СС.

— Взвод.

— Целый взвод?!

— Мы охраняем несколько объектов, которые...

— Каких еще объектов?!

— Видите ли, господин рейхсфюрер, нам было приказано... — попытался просветить его комендант, однако Гиммлер вновь, и теперь уже с тоскливым раздражением, прервал его:

— Всем покинуть замок. Немедленно. Брандт, — обратился Гиммлер к своему адъютанту, — проследите, чтобы приказ был выполнен.

— На какое-то время здесь не должно оставаться даже привидений, — по-своему разъяснил приказ рейхсфюрера приземистый карликообразный штандартенфюрер Брандт. — Иначе уже завтра по замку будет бродить ваше собственное привидение, оберштурмфюрер.

— Яволь! Мы будем стоять в оцеплении, — с заметной дрожью в голосе заверил его комендант.

— Даже когда замок рухнет под ударами вражеской авиации, вы по-прежнему должны стоять в оцеплении, Вильке. Все как один, — наставлял его Брандт.

— Но в замке находится унтерштурмфюрер Зомбарт.

— Он же — Имперская Тень, — уточнил адъютант. — Как мы могли забыть о таком человеке?!

И оба офицера уставились в спину отдалявшегося от них Гиммлера.

Услышав о Зомбарте, рейхсфюрер и в самом деле остановился.

— Пусть пока остается в отведенной ему комнате, — суховато обронил Гиммлер. — Возможно, понадобится.

— Вы все поняли из того, что касается Имперской Тени, оберштурмфюрер? — поинтересовался Брандт, как только шеф ступил под своды небольшой крепостной ротонды. — И помните: все вы, находящиеся здесь, тоже по существу тени. Но пока еще не имперские.

Полковник войск СС Брандт никогда не скрывал, что и сам является некоей «имперской тенью», способной порождать и вселять ужас. Любое замечание

всемогущего шефа он умудрялся преподнести, вроде бы, и не зло, не мстительно, но с такой подоплекой, с таким подтекстом, что это повергало жертву в трепетную дрожь.

Оказавшись в небольшом, увешанном старинным оружием зале, Гиммлер долго стоял посреди него, уставившись в скрещение двух огромных мечей, словно никак не мог решить, каким из них вооружиться.

Он любил замки. Сам вид любого из бургов^[43], зубцы стен, мощь башен привораживали Гиммлера. Он по-черному завидовал всякому аристократу, умудрившемуся родиться в старинном графском или баронском поместье, и мечтал о том дне, когда обзаведется собственным бургом. Но чем дольше затягивалась эта война, тем надежды его становились призрачнее, все больше напоминая мечтательные видения скулящей дворняги.

— Приволоките-ка его сюда, Брандт, — проговорил рейхсфюрер, не отводя взгляда от оружия.

— Какой из них?

— Я не о мече, Брандт.

— Странно, мне известно, как вы любите старинное оружие, рейхсфюрер.

Это была ложь, Гиммлер никогда не увлекался никаким оружием, в том числе и старинным. Замками — да, замки он любил, но что касается оружия...

Однако Брандта это не сдерживало. Как не сдерживало и то, что шеф уже не раз ловил его, своего адъютанта, на том, что тот приписывал ему такие качества характера и такие увлечения, которых за Гиммлером никогда не числились. На беду Брандту, рейхсфюрер никогда не стеснялся опровергать его домыслы, причем делал это в довольно резкой форме, порой прилюдно. Вот и сейчас он прямо заявил:

— Не выдумывайте, Зомбарт, к оружию я всегда был безразличен. Представляю себе, что пришлось бы читать будущим поколениям обо мне, если бы вы как мой многолетний адъютант решились написать мемуары о нашей совместной службе.

— Вы представляли бы со страниц моих мемуаров истинным героем, сравнимым разве что с рыцарями Круглого Стола короля Артура.

— Не дай мне, Господи, возможности видеть эти ваши опусы. А приволочь ко мне я просил Зомбарта. Известного вам унтерштурмфюрера Зомбарта.

Брандт несколько раз качнулся на носках, будто решал для себя, стоит ли выполнять эту прихоть рейхсфюрера. Затем лениво позвал коменданта и приказал немедленно доставить унтерштурмфюрера.

— Что вы замялись, Вильке? — поинтересовался он, видя, что комендант замка не очень-то торопится выполнять его распоряжение.

— Да-да, я сейчас же приглашу господина Зомбарта.

— Что значит «приглашу»?

— Нам приказано обращаться к нему с той же учтивостью, как если бы мы имели дело с фюрером. То есть мы должны делать вид, будто принимаем его за фюрера.

Гиммлер и Брандт ошарашенно уставились друг на друга.

— Кто приказал? — презрительно осклабился Гиммлер.

— Штурмбанфюрер Скорцени.

На сей раз Гиммлер предпочел не встречаться даже со взглядом адъютанта.

— Вы что, не понимаете, кто перед вами? — уставился Брандт на Вильке. — При чем здесь штурмбанфюрер Скорцени?!

— Но Скорцени исходил из личного приказа фюрера. И вообще, это ведь... Скорцени.

— В таком случае пригласите сюда Зомбарта как фюрера, — язвительно предложил Гиммлер. — Только поторопитесь, у нас мало времени.

— Как и у вас, Вильке, — добавил адъютант с угрожающей многозначительностью.

Комната, которую приготовили для Гиммлера, оказалась довольно уютной: ковры, камин, несколько потемневших от времени, совершенно потерявших свои цвета полотен старинных мастеров.

Усевшись в глубокое кресло, рейхсфюрер налил себе немного вина и, процеживая его сквозь зубы, посматривал на часы. Кальтенбруннер и Скорцени должны были явиться с минуты на минуту. Они, очевидно, были не мало удивлены, получив его приглашение провести совещание здесь, в «Вольфбурге». Но рейхсфюрер был уверен, что сам выбор места подсказывал обоим эсэсовцам, насколько их встреча важна для рейха.

«Да уж, пришла пора думать не только о том, как лишний день продержаться на каком-то участке фронта, но и как начинать жизнь после того, как все поля сражения окажутся перепаханными крестьянами. А ведь еще не известно, какие дни покажутся страшнее.

— Лжефюрер прибыл, — появился в дверях адъютант. — Ждет в прихожей.

Главнокомандующий войск СС с трудом вырвался из потока своих философско-отстраненных размышлений и с нескрываемым ужасом взглянул на штандартенфюрера Брандта.

— Чего он ждет, штандартенфюрер?

Брандт давно привык к тому, что шеф позволяет себе задавать вопросы, которые следовало бы адресовать кому угодно, кроме адъютантов. Поэтому без какой-либо паузы на осмысление ответил:

— Своего часа.

— У лжефюреров не бывает «своего часа», Брандт.

— Как же тогда быть со «временами лжефюреров», наступающими всякий раз, когда народ перестает свято верить в могущество и непогрешимость своего истинного вождя? А ведь о них провидчески говорил сам Гитлер.

— Господи, избавь нас от лжефюреров!

— Но пока что мы сами усиленно сотворяем их, господин рейхсфюрер, — с особым ударением произнес он это свое «рейхсфюрер», как будто в определении «рейхе» уже заключалось нечто такое, что способно было указывать на «лживость» данного «фюрера». — Причем делаем это, не ведая, что творим.

— Вот именно, Брандт, сотворяем. И, тем не менее, Боже, избавь нас от лжепророков, а значит, и от лжефюреров!

11

Кальтенбруннер и Скорцени появились именно в ту минуту, когда Зомбарт внутренне уже готов был предстать перед рейхсфюрером. Проходя через приемную, Кальтенбруннер увлекся разговором с обер-диверсантом рейха, но, завидев «фюрера», остановился, вытянулся по стойке смирно, и лишь мгновенная реакция Скорцени, сумевшего перехватить его руку, спасла шефа Главного управления имперской безопасности от непростительного конфуза:

— Увы, это еще не фюрер, — сказал он, однако Кальтенбруннер не уловил двусмысленности молвленного им.

— Не... фюрер? Кто же это?! Кто имеет право?..

— Перед вами, обергруппенфюрер, всего лишь унтерштурмфюрер Зомбарт. Всего лишь...

«Дело ведь не в том, — поиграл желваками Скорцени, — что он признал бы в Зомбарте фюрера, а в том, что, возглавляя службу имперской безопасности, не сумел распознать... лжефюрера! А этого простить ему в «Вольфшанце» уже не смогли бы. Поскольку для Кальтенбруннера это уже непростительно».

— Какого дьявола вы торчите здесь, унтерштурмфюрер?! — возмутился Кальтенбруннер, нервно хватаясь за кобуру пистолета.

Скорцени заметил, как побагровело его лицо, и понял: шеф РСХА воспринял эту встречу, как опасную шутку. Следовало как-то выходить из неловкого положения, однако обер-диверсант не знал, как именно это следует сделать.

— Меня вызвал господин рейхсфюрер, — слегка побледнело лицо Зомбарта.

— Но, очевидно, он вызвал вас как унтерштурмфюрера Зомбарта?

— Никак нет, господин обергруппенфюрер, он вызвал меня как фюрера.

— Как кого?! — взревел Кальтенбруннер.

— Точнее, как лжефюрера, — ответил Зомбарт.

— О чем он говорит?! — ужаснулся этот, почти двухметрового роста верзила, по-бычьей напрягая шею и покачивая головой. При этом обращался он уже к Скорцени. — Вы слышали, что он позволяет себе говорить в моем присутствии?!

— Это действительно двойник фюрера, — вполголоса объяснил обер-диверсант, чувствуя, что ситуация становится настолько же опасной, насколько и комической. — Гиммлер им очень заинтересовался. Впрочем, существование такого двойника — в наших общих интересах, в том числе, как считает Гиммлер, и в ваших.

— Господин Скорцени прав, меня вызвали как двойника фюрера, — поспешил уточнить Зомбар'т, но, почувствовав, что окончательно запутался, умоляюще спросил: — Прикажете уйти?

И при этом с надеждой взглянул не столько на Кальтенбруннера, сколько на Скорцени.

С того дня, когда «первый диверсант рейха» впервые встретился с Зомбартом, тот полагался только на его заступничество. Чудилось в этом громиле что-то располагающе-надежное. Во всяком случае, Зомбарту казалось, что, если в трудную минуту кто-то и решится постоять за него, так это Скорцени. Только он, больше никому. Каждый норовит отомстить ему за то, что клюнул на его «лжефюрера». Хотя, казалось бы, должны восхищаться его талантом перевоплощения. Актерским талантом...перевплощения.

— Нет, почему же... Если вы снизошли до того, что решили сегодня же принять и рейхсфюрера СС Гиммлера, и нас, с Кальтенбруннером, — и в самом деле попытался свести все к шутке Скорцени, — что само по себе является для нас с обергруппенфюрером СС большой честью...

Кальтенбруннер негромко, но все равно довольно нахраписто рассмеялся и тотчас же презрительно отмахнулся от лицедея, словно крошки со стола сметал:

— Подите-ка вон, Зомбарт.

Великий Зомби ответил не сразу. Сначала он смерил Кальтенбруннера холодным, оценивающим взглядом, затем поиграл желваками и только потом процедил:

— Как прикажете, господин обергруппенфюрер.

И Скорцени понял: когда-нибудь, если только представится случай, лжефюрер обязательно отомстит Кальтенбруннеру. Как это может произойти, сказать трудно. Но сделает все возможное, чтобы отомстить по-фюрерски.

— Я уже приказал.

— В таком случае, — обратился двойник фюрера к Скорцени, — я иду на встречу с Гиммлером?

— Встреча с Гиммлером не отменяется. В этом можете не сомневаться.

— Я уже настроился на нее, — молвил Зомбарт, пытаюсь сохранять остатки достоинства. Все-таки роль фюрера, в которую он входит уже многие месяцы, начала постепенно накладываться на его поведение и характер.

«Эти кретины — комендант замка и адъютант Гиммлера, опять испортили весь спектакль! — возмутился про себя штурмбанфюрер Скорцени, подзадержавшись и пропуская Кальтенбруннера вперед. — Не способные понять истинности замысла, они постоянно выбивают Зомбарта, а заодно и меня из роли. Что в корне недопустимо. В корне!».

— Идите в комнату ожидания, мой фюрер, — обратился он к Зомбарту, без какой-либо иронии произнеся это «мой фюрер».

— Вы объясните мне, пожалуйста, что я должен делать.

— Ждать, — как можно терпеливее и вежливее, объяснил обер-диверсант. — Придет время, и вас пригласят, мой фюрер.

— Но как я должен вести себя при этом?

— Никогда впредь не задавайте мне подобных вопросов, дьявол меня расстреляй. Мало того, сами никогда не задавайтесь подобными вопросами. Вы всегда и везде должны вести себя, как подобает фюреру, — привел его Скорцени в изумление своим ответом. — Только, как подобает фюреру.

— Но ведь вы же видели, как отреагировал на мою внешность Кальтенбруннер.

— Потому что вы не вели себя, как подобает фюреру, вы попросту растерялись.

— Передо мной стоял сам Кальтенбруннер.

— Это Кальтенбруннер стоял перед вами, мой фюрер, а не вы перед Кальтенбруннером, что имеет принципиальное значение.

— Но не тогда, когда он начал хвататься за кобуру.

— Напомню, что хвататься за кобуру он начал только тогда, когда понял, что перед ним человек, выдающий себя за фюрера. Только тогда. И потом, это ведь... Кальтенбруннер. В рейхсканцелярии нет такого человека, который бы не видел, как Кальтенбруннер хватается за кобуру, но и нет человека, который бы когда-нибудь стал свидетелем того, что он когда-либо стрелял. Хотя бы в мишень.

— Вы правы, Скорцени, я основательно растерялся, и даже струсил.

— Я тоже растерялся, — признал Скорцени, — и вмешался слишком поспешно. Не дал вам возможности поставить этого обергруппенфюрера на место. Так что в этом срыве «спектакля» просматривается и моя ошибка, признаю.

— Вы не должны признавать своих ошибок, Скорцени. Вы — герой нации, самый талантливый диверсант мира.

— К тому же я совершил еще одну ошибку, — не обращал внимания на его подобострастие Скорцени. — Дело в том, что я поставил в известность о появлении лжефюрера только Гимmlера, но забыл при этом о Кальтенбруннере.

— Вы признаете свои ошибки, Скорцени?! — вдруг резко изменил свое восприятие Имперская Тень. — Это так необычно и так мужественно! Я тронут этим вашим признанием.

Выслушивая это, Скорцени недовольно морщился.

— А вот мне ваши слюни, Зомбарт, ни к чему, — сухо осадил он лжефюрера. — Абсолютно ни к чему, слюни эти ваши. Впредь ни перед кем не тушуйтесь и ведите

себя только так, как обязан вести себя Гитлер. Вам все ясно, мой фюрер?

— Я всегда буду предан вам, господин штурмбанфюрер, — не сбил Зомбарта с толку суховатый, резкий тон Скорцени.

— В этом вы можете не сомневаться.

— Если же вы нарушите данный мне только что «обет верности», я не стану артистично хвататься за кобуру, как это делает Кальтенбруннер. Я сначала пристрелю вас, а уж затем схвачусь за кобуру, чтобы припугнуть.

— Вам не придется пугать меня. Я никогда не нарушу данный мною обет, Скорцени.

— Не представляю себе человека, который бы решился на такую глупость.

12

Увидев перед собой чудовище с изуродованным лицом, Штубер поневоле вздрогнул и отшатнулся.

— Не вы первый реагируете на мое появление таким вот образом, господин гауптштурмфюрер, — молвило чудовище.

— Стоит ли удивляться, — непроизвольно как-то пробормотал барон, до этого часа считавший себя человеком с железными нервами, которого уже невозможно чем-либо поразить.

— Вынужден разочаровать: перед вами вовсе не привидение подземной «СС-Франконии», а всего лишь унтерштурмфюрер СС Фридрих Крайз, начальник «Лаборатории призраков».

— То есть не привидение, а начальник привидений, — не мог Штубер отвести взгляда от

мясистых пепельнокровавых шрамов Фризского Чудовища.

— Остроумно, — сдержанно признал Крайз.

— А я — заместитель коменданта «Регенвурмлагеря». И интересует меня, прежде всего, ваша лаборатория.

С высоты своего громадного роста Крайз придирчиво осмотрел Штубера, словно пытался выяснить, насколько тот подготовлен к зрелищу, которое может открыться ему.

— Слышал, что вас называют «величайшим психологом войны» и собирателем коллекции «неповторимых воителей XX века».

— Такие слухи достигли даже «СС-Франконии»?!

— Поудивляйтесь, гауптштурмфюрер.

— Мне о вас тоже кое-что известно, Крайз. Однако «Лаборатория призраков» все же представляет для меня куда больший интерес.

— Имеете в виду технологию сотворения зомби, являющуюся высшей тайной лаборатории, а теперь уже и рейха?

— Вы ведь сами изволили назвать меня «психологом войны». Так оставайтесь же логичным. Для меня важно познать сущность уникумов, которых вы дарите «СС-Франконии». Кстати, я тоже доставил сюда одного из подобных уникумов, бывшего семинариста, скульптора-христосотворителя. Думаю, вам будет интересно пообщаться с ним.

— Действительно, мы об этом почему-то не подумали, — вдруг оживился фон Риттер. — Ну-ка, позовите сюда этого вашего гиганта.

Когда Фризское Чудовище и Отшельник предстали друг Перед другом, все присутствующие при этой встрече интуитивно вжали головы в плечи и попятились от них в разные стороны. Однако сами гиганты не обращали на них внимания. Они встретились, как два

динозавра или два неандертальца, каждый из которых с волнением открывал для себя, что, оказывается, он не одинок на этой планете, не последний из вида, из рода-племени своего; что существует еще Некто, ему подобный.

Отшельник представал еще могущественнее, нежели Крайз, однако тот все же выглядел более устрашающе и казался никому не подвластным и неукротимым чудищем. Вместе же они каким-то странным образом дополняли друг друга, как бы сливаясь в одно непостижимое в силе и призванию своему создание разбушевавшейся природы. Штубер поражался их странной породненности с тем же мистическим страхом, с каким американские аборигены Поражались в свое время видом испанских конкистадоров, принимая восседавшего в седле закованного в доспехи воина и его лошадь, как одно существо.

— Вас хотят перевести в «Лабораторию призраков»? — Фризское Чудовище молвил это по-германски, однако, к удивлению Штубера, скульптор-отшельник понял его. А ведь до сих пор командир группы «Рыцарей рейха» был уверен, что на языке Гете этот украинец не понимает ни слова.

— Наверное, — неохотно ответил Отшельник. Уродство Крайза абсолютно никакого впечатления на него не производило.

— Что вы умеете?

— Вырезать из дерева голову Христа в терновом венце, на кресте Голгофы, — с трудом сумел скомпоновать эту фразу на германском Орест Гордаш.

Услышав ее, Крайз удивленно взглянул на Штубера.

— У каждого свой путь к Господу, — пожал тот плечами.

Поняв, что Отшельник не шутит, Крайз тотчас же заказал ему распятие для своей «Лаборатории

призраков».

— В «СС-Франконии» мы соберем единственную в мире коллекцию распятий, — со свойственной ему безапелляционностью заявил гауптштурмфюрер, — и это будет музей, который затмит собой Лувр и все прочие музеи мира. Мало того, в этом же музее будет Зал Христопродавцев, в котором мы будем распинать только коммунистов-христопродавцев, в основном из числа пленных комиссаров. И казнь эта станет ритуальной.

Увлечшись собственными фантазиями, Штубер не обратил внимания, что не только оба гиганта, но и комендант лагеря смотрит на него так, словно перед ним как раз и стоит тот первый, кому выпало открыть галерею христопродавцев-великомучеников XX века.

— Вы слышали когда-нибудь раньше о полумертвецах зомби? — чуть отвел в сторону Отшельника Крайз, воспользовавшись тем, что для зафантазировавшегося Штубера наступила пауза творческого отрезвления.

— В семинарии. Когда речь шла об истинной смерти и смерти ложной.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы вы оказались в числе германских зомби, одним из «дождевых червей» этого лагеря.

— Разве я все еще не в их числе?! — искренне удивился Отшельник.

Фризское Чудовище скептически взглянул на коменданта лагеря. «Кого вы мне подсовываете?! — прочитывалось в его взгляде. — Совершенно не подготовив его при этом к встрече, к восприятию «Регенвурмлагеря».

— Очевидно, вы все еще не понимаете, с чем вы сталкиваетесь в лаборатории зомби, — усталым голосом и с нотками разочарования констатировал Фризское Чудовище. — Все это вам еще только предстоит.

В ту же минуту бригаденфюрер велел им обоим выйти из комнаты, в которой они все находились, и вопросительно взглянул на Штубера.

— И что вы на это скажете? — победно спросил гауптштурмфюрер, обращаясь к бригаденфюреру. В эти минуты он вел себя так, словно только что с успехом представил на всеобщее обозрение некий гибрид гомо сапиенса собственного сотворения.

— Нам следует хорошо подумать, как бы рационально использовать силу и возможности этих двух уродов, — предостерег его фон Риттер. — Похоже, что сами они способны очень быстро найти общий язык, и это должно настораживать.

13

Кабинет Фризского Чудовища напоминал то ли запасник антропологического музея, то ли склад археологической экспедиции, только что раскопавшей огромный погребальный курган.

На столе, на полках и даже на платяном шкафу — везде лежали черепа: европейские, азиатские, африканские, и вообще, какие-то допотопно-неандертальские. Причем Штубер сразу же определил, что это не муляжи, и что некоторые из них настолько свежи, что, возможно, были соскоблены недели две назад, специально для хозяина этого рейх-жертвенника.

— Только не пытайтесь убедить меня, что появление всей этой поминальной коллекции вызвано только вашими профессиональными интересами, — озадаченно молвил Штубер.

— И не пытаюсь.

Пока заместитель коменданта переходил от одного экспоната к другому, Крайз неотступно следовал за ним, внимательно следя при этом за реакцией гостя, за выражением его лица и степенью заинтересованности. Сейчас он напоминал музейного работника, который, сотворив некое подобие «черепо-Лувра», страстно желает, чтобы его творение понравилось меценату.

— Но тогда в чем суть?

— Ответить на этот вопрос не так-то просто.

— Однако на него придется отвечать.

— Понимаю, общество потребует мотиваций. Особенно будут настаивать религиозные общины.

— Так что все-таки просматривается за этим вашим «замогильным» увлечением: ощущение власти над смертью, граничащей с ощущением собственного бессмертия? Чернокнижные ритуалы? Реквизиты масонских таинств?

— Обычное желание заглянуть за роковой занавес. Можете воспринимать это так.

— Философия смерти, возведенная в абсолют жизни, — уточнил штурмбанфюрер, явно не довольствуясь скупым объяснением Крайза. Его фантазия постоянно требовала полета мысли.

— И в основе этой фантазии — постулат, гласящий: «Человеческий мир — это всего лишь непогребенный скотомогильник».

Штубер коротко, зло хохотнул.

— Там, на фронте, в партизанских лесах Славянин, моим смертоутверждающим и жизнепрезирающим выводам не хватало именно этой поднебесной мудрости, унтерштурмфюрер. Кстати, как я понимаю, музей «СС-Франконии» будет состоять из двух отделов: коллекции «распятый» и коллекции черепов.

— И заметьте, эти коллекции обещают очень удачно дополнять друг друга!

— Но теперь, когда между нами уже не осталось никаких тайн, пора посвятить себя главному таинству «Лаборатории призраков» — сотворению зомби.

Пройдя через узкую — двоим не разминуться — выработку, Крайз и Штубер оказались в просторном, ярко освещенном помещении главной лаборатории.

Из соседней комнаты исходили жар печи и приторнотопшнотворный запах какого-то зелья. А здесь, на возвышенности, за высоким белым столом, в троподобном кресле, восседал тощий, шелудиво, словно пес после весенней линьки, облысевший негр, неказистый череп которого украшали жалкие клочья седых курчавых волос, и который так и просился в коллекцию Крайза.

У подножия его ритуального трона сидели еще два негра — точно так же отощавшие, но пока еще не успевшие облысеть.

— Доктор Мартье, — представил своего неудачно облысевшего сотрудника Фризское Чудовище. При этом сам Мартье даже бровью не повел, могло показаться, что он попросту не заметил появления в своей лаборатории посторонних.

— Главный идеолог зомби-цивилизации?

— Скорее, полноправный творец всей этой цивилизации.

— У него свой рецепт зелья и своя система зомбирования?

— Достаточно того, что доктор Мартье является одним из немногих в Европе хранителей секретов древних мастеров зомбирования, точнее, секретов африканских мастеров учения «вуду».

— У меня появится возможность ознакомиться с этими секретами хотя бы в общих чертах?

— Только в самых общих. Учитывая при этом, что ни я, ни комендант всего процесса тоже не знаем. Вам будет предоставлена секретная инструкция по

подготовке зомби-воинов. Она немногословна и достаточно доступна.

— Каким образом вам удалось заполучить этого доктора Мартье?

— Это история, достойная пера Александра Дюма. Для нас же главное, что теперь он служит рейху и что рецепты древних мастеров совершенствуются новейшими открытиями и находками института Аненербе и нашей лаборатории.

— Надеюсь, в этой вашей «инструкции по зомбированию» найдутся и какие-то сведения, связанные с новейшими разработками аненербистов.

— Лишь самые общие, поскольку рецепты засекречены настолько, что и доктор Мартье не способен понять, из каких материалов и каким способом изготовлено то или иное зелье аненербистов.

— Понимаю, конкуренция. В институте Аненербе она слишком хорошо развита.

— Постараемся, чтобы в «Регенвурмлагере» конкуренция была изжита. Здесь все должно быть нацелено только на создание гарнизона зомби-воинов. Кстати, эти двое, — он указал пальцем на сидевших у подножия ритуального трона чернокожих, — помощники и ученики.

На белых столах помощников лежали стопки каких-то измельченных стебельков и цветов, которые они старательно сортировали, а все отобранное передавали Мартье. Тот, в свою очередь, придирчиво осматривал и обнюхивал все это зелье и то, что находил приемлемым, сыпал в небольшие, подвешенные к его столу мешочки, на каждом из которых красовалась бирка с надписью.

Доктор Мартье был максимально сосредоточен. Появление своего шефа в обществе штурмбанфюрера Штубера он, и в самом деле словно бы не заметил или же демонстративно проигнорировал их. Он знал себе

цену и знал, что владеет такими секретами, за которыми германцы готовы отправиться вслед за ним в могилу.

— На наркотическое зелье это не похоже, — поморщился Штубер, стараясь не вдыхать исходящие из соседней комнаты испарения.

— Все зависит от способа определения, — ответил Крайз. — Это зелье можно было бы назвать и наркотическим, если бы оно не было настолько ядовитым.

— Им умерщвляют претендентов на зомби?

— Умерщвляют их с помощью специально приготовленного из подгнившей рыбы зомби-яда, именуемого «дио-дон хистрикс», который действует приблизительно так же, как и боевой нервно-паралитический газ. При этом химики пытаются убедить нас, что он в несколько сотен раз мощнее цианистого калия^[44].

— Тем не менее, чародеи из числа жрецов «вуду», к которым принадлежит и доктор Мартье, умудряются оживлять их, превращая в живых полумертвецов-зомби.

— Умудряются, как видите, — заверил барон Фризское Чудовище.

— Но физически-то они оказываются полноценными?

— До тех пор, пока сознание их одурманено зельем, которое приготавливается здесь, они остаются идеальными рабами, не подверженными ни тоске по родным краям, ни тяготам своего положения. Их запросы сводятся к еде, сну и, время от времени, — к сексу.

— Время от времени? — не терял чувства юмора Штубер. — Всего лишь?! Какие они счастливцы!

— Не спешите завидовать: Мартье угрожает окончательно подавить этот инстинкт. Если только он

не понадобится нам для размножения зомби.

— Но размножаться-то будут не в виде зомби?

Прежде чем ответить, Крайз нервно прошелся по кабинету, взмахивая руками, словно лебедь — подбитыми крыльями.

— Очевидно, нет. Меня этот вопрос очень волнует. Если бы мы могли создать семейные пары зомби, это и в самом деле помогло бы решить проблему сотворения целой популяции этих существ. Но сумеет ли «зомби-яд» пересилить законы природы?

— Насколько я понял, твердого ответа пока что не существует?

— Вообще, никакого вразумительного ответа на этот вопрос мы пока что не получили, — признал унтерштурмфюрер Крайз.

— То есть может случиться так, что детей зомби опять придется превращать в полумертвецов? — сразу же оживился Штубер, и Фризское Чудовище почувствовал, что проблема эта основательно заинтересовала штурмбанфюрера.

— Вы правы. Вернее, можете оказаться правы. Доктор Мартье, вам приходилось когда-либо встречаться с прямыми потомками зомби, с их детьми, внуками?

— Нет.

— Но в принципе у них могут быть дети? — попытался уточнить Крайз.

— Не должны.

Фризское Чудовище оглянулся на Штубера и беспомощно развел руками, давая понять, что его возможности исчерпаны.

— Так все-таки: у них не может быть детей или же они не должны у них появляться из-за ваших принципов? — вмешался Штубер. — Это разные понятия.

— Да, это разные понятия, — согласился Мартье и вновь умолк.

— Вы не ответили на мой прямой вопрос, — напомнил ему Штубер. — Я к этому не привык, — угрожающе уточнил он.

— У них не должно быть детей, это претит законам высших жрецов «вуду».

— Почему претит? — Штубер взглянул на Крайза, но тот безмятежно пожал плечами, давая понять, что добиться сколько-нибудь внятного ответа от доктора Мартье так и не удалось.

— Претит, — еще увереннее подтвердил доктор.

— Что же случится, если этот запрет будет нарушен? Вы ведь и женщин тоже превращаете в зомби?

— Превращаем.

— И что, не было случая, чтобы Эти женщины рожали?

— Нельзя нарушать законы жрецов «вуду».

Штубер по-лошадиному помотал головой, пытаясь добраться до сути того, что он только что услышал.

— Вам, унтерштурмфюрер Крайз, не кажется, что этих жрецов время от времени следует подвешивать за ноги и основательно встряхивать, чтобы они приходили в себя?

— Придерживаюсь того же мнения, — невозмутимо подтвердил Фризское Чудовище. — И подвешивал бы и встряхивал... Если бы это не претило законам жрецов «вуду».

— Чувствую, мы сработаемся, унтерштурмфюрер. А что касается плодовитости зомби... Придется прибегнуть к экспериментам.

— С подвешиванием.

— С оплодотворением. Даже если дети станут рождаться совершенно полноценными, то воспитывать-то их станут зомби. Которые не помнят своего

происхождения, не знают Истории своего народа, не преисполнены национальных и прочих предрассудков.

— Проблемы воспитания, — задумчиво проговорил Крайз. — Мы пока еще даже не подступались к ним.

— Рабы, они сами начнут воспитывать послушных, исполнительных, ничего не помнящих и ни о чем не заботящихся идеальных рабов. Что скажете на это, унтерштурмфюрер?

— Слишком длительный процесс. Проще отбирать готовых, физически сильных взрослых особей и в течение двух недель превращать их в «зомби».

Штубер взглянул на начальника лаборатории с явным сожалением. «Никакой фантазии, — говорил этот его взгляд. — Ни-ка-кой!»

— И все же, важно проследить, что получится, если зомби воспитывать в семье зомби. Ибо только воспитанный таким образом будет истинным зомби.

Фризское Чудовище помедлил с ответом, и еще несколько секунд оба офицера молча наблюдали за тем, как отрешенно трудятся за своими столиками доктор Мартье и его подручные, которые и сами уже напоминали зомби.

— В вашем замысле, конечно, кое-что есть, — наконец решил признаться начальник лаборатории. — Ведь, не смотря на умерщвление, зомби все же сохраняют способность возродить свое «я». Причем некоторые из них, как утверждают исследователи, успевшие кое-что сочинить по поводу зомби, обладают такой способностью довольно долго. И даже стремятся к этому. Вот почему время от времени их приходится подпаивать зельем, которое приготавливает все тот же доктор Мартье.

— И что это за коктейль?

— Своеобразный наркотик, позволяющий ввергать зомби в пленительную реку неосознанности. Но если зомби станут таковыми в результате воспитания...

— Из них получатся идеальные коммунисты, — подсказал Штубер, похлопывая фриза по плечу, — отказавшиеся от всего национального, интернационально служащие только «делу партии, делу рабочего класса» и зазубривающие цитаты Маркса и Ленина. Поверьте моему российскому опыту.

В ту же минуту Крайз расхохотался.

— Все сходится! — отчаянно проревел он. — В конечном итоге, все сходится, поскольку в зомби мы превращаем в основном только русских и, конечно же, отъявленных коммунистов!

— Что совершенно не претит законам жрецов «вуду», — невозмутимо добавил доктор Мартье, окончательно добивая Штубера.

* * *

Пройдя по небольшому, обшитому бревнами коридору, они оказались на «кухне дьявола», как называл эту часть своей лаборатории сам Крайз. У четырех котлов здесь, под присмотром двух часовых, колдовали четыре военнопленных серба.

— Нет, эти пока что не зомбированы, — упредил унтерштурмфюрер вопрос Штубера. — Пока нецелесообразно. С зомби мы познакомим вас в выработке, где они трудятся в качестве шахтеров-проходчиков — без страха, устали и тоски.

— Это очень важно, чтобы без страха и тоски.

— Точно так же они могут трудиться и на других участках производства. В том числе и зомби-женщины.

— Стоит тщательно продумать, на каких именно участках использовать их наиболее выгодно. Кстати, почему эти котлы стоят на обычных печах? Почему бы

не установить их на печах крематория? Сжигая одних зомби, будете готовить зелье для других. Кухня, если уж она адская, должна оставаться адской.

— Котлы на печах крематория? — на мгновение задумался Крайз, пока Штубер заинтригованно осматривал содержимое одного из бурлящих котлов. — Но это довольно сложный проект.

— У вас никакой фантазии, унтерштурмфюрер, — легкомысленно ухмыльнулся Штубер. Начальник лаборатории еще не уяснил, что для «величайшего психолога войны» главное — не воплощение той или иной его идеи, а сама абсурдность идеи как таковой. Ее необычность, умопомрачительность. — Хотя... вы и сами не заметили, что подали гениальную мысль.

— Какую именно?

Штубер вышел за пределы лаборатории и только тогда объяснил:

— Создать небольшой офицерский бордель из женщин-зомби.

— Такого мне и в голову не приходило, — решительно покачал головой Фризское Чудовище.

— Не скромничайте, Крайз. Именно эта гениальная идея не раз посещала вашу обожженную пламенем нерастраченной любви голову. Не говоря уже о сердце. Представьте себе: мы собираем здесь, в своем зомби-борделе, самых красивых и самых непорочных девиц, каких только удастся нахватать по концлагерям и во время облав. И кого мы в результате подобной селекции получим? Объясняю: святых в своей непорочности монашек, превращенных в зомби-проституток, не ведающих ни стыда, ни брезгливости, ни угрызений совести, ни даже самой любви.

— Ибо такова воля Германии, — неожиданно поддержал его комендант «СС-Франконии», доселе благоразумно отмалчивавшийся.

— Кстати, господин бригаденфюрер, я даже знаю, на ком мы будем испытывать этих зомби-проституток на предмет отсутствия какой-либо брезгливости, — красноречиво взглянул Штубер на Фризское Чудовище, давая понять, что лучшего подопытного им попросту не найти. — А, как вам такой подход?

— Его стоит хорошенько осмыслить, — загадочно ухмыльнулся фон Риттер, явно завидуя при этом Крайзу-борделеиспытателю.

— Насколько я помню, эту мысль подали вы, а не я, — проворчал Крайз, почему-то не желая смириться с таким авторством.

— Да не в этом дело, унтерштурмфюрер! — рассмеялся Штубер. — Вы представляете себе, кого мы с вами взрастим в этих зомби-борделях?!

— Не представляю, — брезгливо поморщился Крайз, очевидно, все еще сохранявший свои собственные представления о чистоте и непорочности женщин.

— Потому что это пока что трудно представить себе, — согласился с ним Штубер. — Непорочные девы — превращенные в зомби-проституток, избавленных от всех женских и вообще человеческих предрассудков. Разве уже хотя бы для того, чтобы познать такое существо в постели, не стоит создавать подобные «СС-Франкнии»?

...И не обратил внимания на то, что Фризское Чудовище взглянул на него с нескрываемым ужасом: «А ведь кто знает, — прочитывалось в его глазах, — что придет в голову этому экспериментатору завтра, нет, уже через час?!».

— Позвольте, — вновь неожиданно вмешался в их, уже по существу угасающий, разговор комендант лагеря «дождевых червей». — Увлечшись спором, вы почему-то забыли о необходимости сотворять не просто зомби, а зомби-арийцев. Поэтому нам нужны женщины-арийки, чтобы хоть частица крови была германской.

— Не знаю, имеет ли это какое-то значение, когда речь идет о зомби, — пожал плечами Крайз.

— Имеет, — убежденно молвил фон Риттер.

— ...И не сочтут ли наши борцы за чистоту арийской крови кощунственной саму попытку производить зомби под «маркой» арийцев? — стоял на своем Фризское Чудовище.

— У нас будут свои аргументы. Зачем нам плодить зомби, не имеющих арийской крови?

— А вы какого мнения об этом, барон? — обратился комендант к Штуберу.

— У нас существуют специальные бордели ариек, которые именуются «Святымищами арийцев».

— Пребывая в которых, женщины-доброволки призваны рожать от истинных арийцев «детей рейха», — согласно кивнул фон Риттер.

— Если эту идею подкинуть Скорцени, ничто не помешает руководству одного из таких «Святыищ арийцев» сформировать специальную группу любовниц зомби.

— Уверен, что вскоре Скорцени побывает у нас, — сказал Крайз, — так что у вас, господа, будет возможность убедить его. Правда, не уверен, что попытка увенчается успехом.

14

В комнату, где погруженный в заунывное бессмыслие восседал с бокалом вина в руке Гиммлер, обер-диверсант рейха вошел, как оскорбленный в своих лучших чувствах режиссер — в уборную взбунтовавшегося второразрядного актера. Нет, так работать нельзя. Это уже не театр, а черт знает что!

— Имперская Тень понадобился нам уже сегодня? — спросил он, едва заметно приподнимая в приветствии руку. В последнее время он вообще избегал «фюрерского приветствия», предпочитая — да и то в редких случаях — прикладывать пальцы к козырьку фуражки.

— Понимаю, — проворчал Гиммлер, — что это ваш человек, причем один из ваших учеников.

— Из талантливых учеников, — заметил Скорцени, вопросительно поглядывая на вошедшего чуть раньше него Кальтенбруннера. Однако тот высокомерно отвернулся.

— Тем более, пора решать его судьбу, — молвил Гиммлер. — Или вы так не считаете?

— Так считают все, кому известно о существовании Великого Зомби.

— Это его так называют — «Великий Зомби»?

— Он этого заслуживает. А что касается его судьбы, то проблема в том, что решение ее каждому видится по-своему.

— И все же, нельзя слишком долго оставлять наедине со своими мыслями человека, способного ввести в блуд фюреропочитания кого угодно, вплоть до руководства службы безопасности.

Скорцени и Кальтенбруннер едва заметно переглянулись. «Могли Гиммлер каким-то образом узнать о конфузе, который только что произошел в коридоре замка? — прочитывалось во взгляде каждого из них. — Или же рейхсфюрер имеет в виду себя?».

— Такого человека вообще нельзя слишком долго оставлять без присмотра, — сказал Кальтенбруннер. — Никто не знает, что он, в конце концов, возомнит о себе. И чем это кончится.

— Обычно такое кончается виселицей, — напомнил ему Скорцени. — Однако не хотелось бы, чтобы история

Великого Зомби, именуемого еще Имперской Тенью, закончилась столь плачевно.

Адъютант Гиммлера наполнил бокалы всех троих и вопросительно взглянул на шефа.

— Сомневаюсь, что Зомбарт действительно способен сколько-нибудь долго пребывать в роли фюрера, — проговорил Кальтенбруннер в бокал, словно в рупор.

«Видно, Кальтенбруннер решил нанести удар первым, — понял Скорцени. — С его стороны это, конечно, непорядочно, но что поделаешь?». Но вслух произнес:

— Именно это мне и хотелось бы выяснить, господин обергруппенфюрер.

— И сделать это можно уже сейчас, — добавил Гиммлер. — для этого мы, собственно, и собрались.

— Хотя для того, чтобы талант лжефюрера раскрылся по-настоящему, следовало бы сделать вид, что мы воспринимаем его как фюрера.

— Это недопустимо, — проворчал шеф РСХА. — А по отношению к фюреру еще и непорядочно. И вообще, проще было бы его убрать. Стоит ли рисковать, имея под рукой человека, способного выдавать себя за фюрера, вводя при этом в заблуждение тысячи людей?

— Считаете, что пора вообще избавляться от всех двойников фюрера, дабы исключить появление одного из них в качестве оригинала? — прямо спросил его Скорцени, хотя делать этого не следовало. Зачем провоцировать Кальтенбруннера на категоричность?

При всей той независимости, с которой держался Скорцени как руководитель имперской диверсионной службы и личный агент фюрера по особым поручениям, он все же не забывал, что прямым его начальником является Кальтенбруннер, и с этим следовало считаться.

— Я уже высказал свое мнение. Считаю, что теперь, под занавес войны, Зомбарт представляет реальную опасность. Впрочем, понимаю, что на создание образа лжефюрера было затрачено много сил и найти еще одного такого трудно.

— Он искренне предан фюреру и Германии. Такой на измену не пойдет.

— А ведь посудите сами, — вдруг пустился в рассуждения Гиммлер, что было бы, если бы заговорщики, возглавляемые Беком и Ольбрихтом, учли преданность германцев своему фюреру. Тогда в приказах, издаваемых 20 июля, они не стали бы слишком уж нажимать на то, что Гитлер погиб. Наоборот, обзавелись бы настоящим двойником, который поддерживал бы их, сковывая действия всех, кто в тот день оставался в «Вольфшанце», и, вводя в заблуждение тех, кто еще только мечтал о личном кабинете в бункере.

— Но существует опасность, что могут найтись несколько генералов, способных учсть ошибки предшественников? — едко заметил Кальтенбруннер.

— Об этом я должен спросить вас, Кальтенбруннер, — мягко парировал Гиммлер, напоминая, кто есть кто. — Существует ли такая опасность?

— По-моему, — ответил начальник Главного управления имперской безопасности, — мы перевешали всех, кто способен был не то что помышлять о заговоре, хотя бы усомниться в святости фюрера.

Гиммлер взглянул на Скорцени так, словно развешиванием генералов по виселицам занимался исключительно он, однако обер-диверсант брезгливо промолчал. Заговорил он лишь тогда, когда забытый присутствующими адъютант рейхсфюрера вновь напомнил о себе, поинтересовавшись, не пора ли приглашать в кабинет самого Великого Зомби.

Теперь уже все трое посмотрели на адъютанта, как на безумного уличного просителя, неосторожно вклинившегося в деловой разговор трех важных персон.

— Не проявляйте инициативу в тех случаях, когда она явно наказуема, — посоветовал ему Гиммлер.

— Я понял: когда Зомбарт понадобится, его позовут.

Никто из руководителей СД не отреагировал ни на его слова, ни на его уход.

— А ведь лжефюрера могут использовать не только враги Гитлера, но и его соратники, — первым нарушил воцарившееся молчание Отто Скорцени.

— И соратники? — насторожился Гиммлер. Он, возможно, как никто иной в рейхе, знал о маниакальной подозрительности Гитлера и понимал, как болезненно тот мог бы отреагировать, если бы слова Скорцени дошли до его слуха.

— Особенно много иллюзий в этой связи может возникнуть в дни, когда враги ворвутся в рейх и для многих из нас придет время уходить в подполье.

Услышав это, Гиммлер и Кальтенбруннер замерли от удивления, однако «первый диверсант рейха» сделал вид, что не заметил их замешательства. Мысль о том, что может настать день, когда верхушке рейха придется уходить в подполье, до сих пор в открытую высказывать никто не решался. По крайней мере, вслух, а тем более — в присутствии Гиммлера. Такая возможность лишь иносказательно подразумевалась.

И каким в таком случае видится вам развитие событий? — поинтересовался Гиммлер.

— К тому времени Зомбарт уже мог бы укорениться в одном из убежищ, сплотить круг надежных соратников и с одинаковым успехом сбивать с толку и людей, праведно верных нашей идее, и, что особенно приятно, наших непримиримых врагов.

— За вашим предположением уже просматриваются конкретные лица? — попытался уточнить

рейхсфюрер. — Я имею в виду «круг надежных соратников» лжефюрера.

— Пока что — нет. Однако испытать лжефюрера в конкретной обстановке стоило бы уже сейчас. Воспринимая при этом лжефюрера всего лишь, как лжефюрера.

Гиммлер и Кальтенбруннер облегченно вздохнули. Им явно не хотелось затевать новую волну репрессий.

— Где именно вы предложили бы использовать Зомбарта? — заинтригованно спросил Гиммлер.

— Для начала — в «Регенвурмлагере», дьявол меня расстреляй. Под землей, и подальше от Берлина. Если он там и собьет с толку коменданта или какого-нибудь офицера охраны, ему это простится

Рейхсфюрер и обергруппенфюрер СС взволнованно переглянулись.

— Интересная мысль, — неожиданно быстро поддержал Скорцени начальник РСХА. — Главное, чтобы он был подальше от рейхсканцелярии и Берлина, и боже упаси его путаться у меня под ногами.

— Так вот, «Регенвурмлагерь» как раз и решает проблему ставки лжефюрера. А что, далекий от Берлина подземный город СС. Ограниченный, мало контактирующий с наземными войсками и гражданскими лицами, гарнизон. Свой, оригинальный уклад жизни.

— Логично, — без особого энтузиазма признал и рейхсфюрер СС. Он прекрасно понимал, что в конечном итоге решать этот вопрос придется ему. И объясняться с фюрером по поводу этой акции — тоже выпадает ему. Как, впрочем, и отвечать за ее последствия. — Но пока что мы даже предположить не можем, как к этой затее отнесется сам фюрер.

— В свое время он сам дал добро на подготовку нескольких двойников.

— Если бы мне сообщили, что в «Регенвурмлагере» должен появиться Лжегиммлер, — задумчиво произнес рейхсфюрер СС, — я долго думал бы, прежде чем согласился бы на его явление миру.

— Но в конечном итоге, исходя из интересов Германии, согласился бы, — заверил его Скорцени.

— Не уверен. И потом, как вы собираетесь преподнести офицерам гарнизона появление в «СС-Франконии» фюрера. Они послушают радио или прочтут газету и узнают, что на самом деле в тот день, когда фюрер якобы появлялся в их подземелье, на самом деле он встречался в Берлине с каким-то иностранным дипломатом или провел полтора часа в новом батальоне гитлерюгенда. И что дальше, как вы будете объяснять явление им фюрера в подземелье?

— Нужно в пропагандистском плане преподнести эту операцию как создание в лагере секретной штаб-квартиры фюрера, в которой он якобы время от времени появляется, в лице Имперской Тени, естественно. Очень скоро это породит у обитателей «Регенвурмлагеря» уверенность: Гитлер действительно рассматривает «СС-Франконию» в качестве своей новой ставки. При этом важно, — излагал свою точку зрения Скорцени, — чтобы в первое общение с гарнизоном вступил истинный фюрер, а уж затем импровизировал Имперская Тень.

— А вы уверены, что фюрер согласится на такой шаг? — усомнился Кальтенбруннер.

— Убежден: фюрер поймет суть нашего замысла, согласится уделить городу СС несколько часов своего бесценного времени и смирится с ролью своего двойника в подземном городе СС.

Скорцени ждал, что свою речь Кальтенбруннер вновь завершит словами: «Только бы лжефюрер находился подальше от рейхсканцелярии и Берлина, и боже упаси его путаться у меня под ногами». Однако на сей раз шеф РСХА воздержался от этого условия, и

обер-диверсант почувствовал, как из противника взращивания лжефюрера Кальтенбруннер превращается в его сторонника. Обер-диверсанта это умиляло.

— Насколько мне известно, фюрер уже встречался с Зомбартом, — теперь в голосе Гиммлера тоже слышались нотки сомнения: стоит ли возражать против столь необычной операции в «СС-Франконии»?

— Правильнее будет сказать, наблюдал за ним, — уточнил Скорцени.

— И каковой была реакция фюрера?

— Остался так же доволен поведением своего двойника, как и своим собственным.

Гиммлер скептически ухмыльнулся.

— Самим собой фюрер теперь остается доволен крайне редко. Что скажете по этому поводу, Кальтенбруннер? — попытался он вывести из сомнамбулического молчания шефа РСХА.

— ...Если только жестко контролировать каждый шаг Великого Зомби, — как называет его наш друг Скорцени.

— К нему будут приставлены надежные люди, — заверил его обер-диверсант. — Я возьму это на себя. Но мы сразу же должны уяснить: свита Зомбарта обязана «играть короля» по всем канонам режиссерского искусства. То есть вести себя так, словно все они имеют дело с настоящим фюрером.

— Намекаете на то, что мы должны будем подняться и приветствовать его «Хайль, мой фюрер!»?! —

— Что, несомненно, помогло бы Зомбарту войти в образ, — невозмутимо подтвердил Скорцени, наблюдая, как Кальтенбруннер, всегда остававшийся крайне равнодушным к Спиртному, напористо завладевает бутылкой вина.

— Идите вы к дьяволу, Скорцени, — благодушно проворчал Гиммлер, стараясь не замечать пристрастия

шефа РСХА.

— И знайте, что я присоединяюсь к этому пожеланию, — добавил Кальтенбруннер.

— В таком случае мне придется сделать это за вас. Помня, что сам господин Шикльгрубер признал в нем «своего фюрера» совершенно безоговорочно.

Гиммлер и Кальтенбруннер удивленно переглянулись. Рейхсфюрер СС повертел головой и многозначительно промолчал, в то время как Кальтенбруннер застыл с бокалом у рта, словно ждал разрешения или вдруг усомнился: стоит ли его вообще осушать.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта немая сцена, если бы в проеме двери не возник штандартенфюрер СС Брандт.

— Господа, — проговорил он в явном замешательстве, — прибыл фюрер.

— Что?! — в один голос переспросили Гиммлер и Кальтенбруннер.

— Позвольте доложить, господин рейхсфюрер СС: в замок прибыл Адольф Гитлер.

— Он не мог прибыть сюда, — неуверенно произнес Гиммлер.

— Вообще-то, фюрер может позволить себе что угодно, — неуверенно поправил шефа Кальтенбруннер.

— Вы что-то путаете, Брандт, — еще неувереннее молвил Скорцени.

— Так все-таки прибыл сам фюрер или же под дверью суетится его «имперская тень» — Зомбарт? — поддержал его начальник Главного управления имперской безопасности.

— Речь идет о фюрере, а не о его двойнике, господа, — как можно тверже заверил их адъютант. — Можете убедиться в этом, господин Скорцени.

— В таком случае, — тотчас поспешил присоединиться к его мнению обер-диверсант рейха, —

мы должны принять к сведению, что в замок прибыл сам фюрер.

— Черт знает, что происходит в этом замке призраков! — сипло проворчал Кальтенбруннер.

— ...и двойников, господа, — уточнил Скорцени, — и двойников.

15

— И что, Гитлер действительно беседовал с Зомбартом так, словно бы видел перед собой... фюрера? — успел спросить Кальтенбруннер, прежде чем Брандт исчез и в комнате появился двойник Гитлера.

— Как с собственной тенью, — заверил его Скорцени.

— Мне говорили, что появление этого двойника всегда настораживает фюрера.

Ни Гиммлер, ни, тем более, Скорцени не стали уточнять, от кого Кальтенбруннер услышал это. Обоим было ясно, что поведать нечто подобное начальнику Главного управления имперской безопасности мог только Борман. При всей сложности отношений, установившихся между заместителем фюрера по партии и шефом безопасности СС, время от времени Борман все же снисходил до того, что делился с Кальтенбруннером своими страхами и предположениями, как, впрочем, и наблюдениями — тоже. Он словно бы готовил почву для того, чтобы в нужное время объявить о своем праве избавляться не только от двойников фюрера, но и от самого оригинала.

— По-моему, оно больше настораживает кое-кого из окружения фюрера, дьявол меня расстреляй, —

деликатно возразил Скорцени. — Там появились люди, которые опасаются уже не столько фюрера, сколько его «имперской тени». Теперь они уже легко определяют, как в той или иной ситуации способен повести себя фюрер, и знают, как на него следует воздействовать. А вот как, придя к власти, поведет себя Имперская Тень, и кому он в реальности будет подчинен — этого они не знают.

— Считаете, что все может зайти настолько далеко? — удрученно пробормотал Гиммлер, который чувствовал себя так, словно оказался во главе группы заговорщиков.

— Достаточно вспомнить, насколько близко мы находились к такому решению во время организации нашими врагами покушения на фюрера. Когда Штауффенберг и Бек готовили свой июльский заговор против фюрера, больше всего они опасались, как бы вместо погибшего вождя не восстал из пепла его двойник. И сейчас мы сможем понять, почему разрушители рейха так опасались этого. Будьте добры, штандартенфюрер Брандт, пригласите сюда Имперскую Тень...

Зомбарт вошел не спеша, той особой, полустроевой-полушаркающей походкой, которую трудно было скопировать, но которая сразу же бросалась в глаза и запоминалась — то есть походкой Гитлера.

Сидя в кресле, за высоким — в венецианском стиле, с витыми ножками — столом, Скорцени краем глаза наблюдал за Гиммлером и Кальтенбруннером. Если рейхсфюрер еще нашел в себе силу воли подавить удивление и инстинктивное желание тотчас же подхватиться, то обергруппенфюрер все же подался вперед, и даже приподнялся, одновременно отодвигая подальше от себя, туда, к камину, бутылку вина. И, лишь встретившись взглядом со Скорцени и как бы спросив его: «Так все же: это фюрер или его двойник?»,

Кальтенбруннер замялся, нервно прочистил охрипшее горло и вновь опустился в кресло.

— Прекрасно выглядите, господин Зомбарт, — заговорил Гиммлер, явно пытаюсь взять инициативу в свои руки. Очевидно, опасался, как бы на присутствующих не начал воздействовать магнетизм внешности фюрера.

Зомбарт молча кивнул и уселся в кресло по ту сторону стола. Теперь все выглядело так, как если бы они, все трое, действительно оказались в кабинете фюрера, в одной из его ставок. Несколько минут Гиммлер и Кальтенбруннер придиричливо, и в то же время с некоторой опаской, рассматривали Имперскую Тень.

— Известно ли вам что-либо об особом лагере СС, именуемом «Регенвурмлагерем», мой... унтерштурмфюрер Зомбарт, — вовремя спохватился Гиммлер.

— Мне удобнее будет вести себя, как подобает Адольфу Гитлеру? — жестко поинтересовался Зомбарт. — Или же согласимся с некоторыми условностями поведения двойника?

— С «некоторыми условностями двойника», — как-то слишком уж поспешно подтвердил Гиммлер.

— В таком случае вы, господин Скорцени, должны учитывать, что от меня требуется соблюдать некоторые условности двойника.

— Извините, мой фюрер: наши зрители пока что не готовы к восприятию вашего шокирующего таланта, — артистично улыбнулся Скорцени.

— Вот именно: публика не готова, — ехидно ухмыльнулся Гиммлер. Принимать предложенные обер-диверсантом рейха правила игры явно мешало само его присутствие здесь, его ироническая настроенность. Точно так же, как Имперской Тени мешало присутствие здесь рейхсфюрера СС. — Тем не менее, занавес уже

поднят. Итак, речь идет о «Регенвурмлагере», именуемом еще «СС-Франконией».

— Кое-что о базе «СС-Франкония» мне уже действительно известно. Но лишь в общих чертах.

— В каких именно?

— Огромный подземный лагерь. Собственно, город, способный вместить около дивизии СС, со всеми службами обеспечения; десятки тысяч военнопленных, а также несколько тысяч вольнонаемных строительных рабочих и обслуживающего персонала.

— Вам уже приходилось бывать там?

— Приходилось. Мы совершали секретную инспекционную поездку вместе с Герингом и Борманом. Это было в тридцать седьмом году.

— В тридцать седьмом? Вы не перепутали даты.

— Не перепутал, я прекрасно помню эту поездку.

— Вы летали туда на самолете?

Скорцени сразу же уловил, что это уже не экзаменационный вопрос. Гиммлер не знал или уже не помнил, о такой поездке, поэтому сведения Великого Зомби его заинтересовали.

— Секретность этой поездки в том и заключалась, что мы доехали до «Регенвурмлагеря» по подземной железной дороге, о существовании которой знают теперь всего лишь несколько человек^[45]. Да и на Библии готовы поклясться, что понятия не имеют ни о какой подземной дороге от берлинского метро до «Регенвурмлагеря», поскольку таковой вообще не существует. Как не существует и самого «Регенвурмлагеря». Сейчас дорога эта строжайше засекречена, а подступы к ней тщательно замаскированы и заминированы.

«Начало неплохое», — подумал Скорцени, наблюдая за поведением, жестами и манерой речи Зомбарта.

Перед ними сидел истинный фюрер. Да, лицо у нынешнего, издерганного неудачами на фронтах и болезнями, Гитлера чуть худощавее, морщинистее и нервнее, однако заметить это способен разве что человек, ежедневно общающийся с фюрером и очень близко знающий его. Тем более что Гитлер принадлежал к тем холерическим натурам, которые способны поразительно изменить свой облик, в зависимости от настроения и состояния духа.

Впрочем, после нескольких дней пребывания в подземелье, лицо Имперской Тени обретет тот же пепельно-серый оттенок полумертвеца, которым уже сейчас поражает многих сам Гитлер.

— И как вы оцениваете появление подобного лагеря? — Задавая этот вопрос, Гиммлер явно решил чуть пошире взглянуть на интеллектуальные возможности лжефюрера, его умение входить в роль.

— Считаю, что он ровным счетом ничего не стоит, — нервно взорвался Имперская Тень, с явным отвращением помахав перед собой дрожащими руками с широко растопыренными пальцами. — Уже хотя бы потому, что кому-то пришлось в голову начать его строительство в Польше.

— В Силезии, — уточнил Кальтенбруннер, но слишком уж невнятно, как бы про себя.

— Что одно и то же, господин Кальтенбруннер. Все равно так или иначе основная часть «Регенвурмлагеря» вскоре останется не только по ту сторону Одера и Нейсе, но и по ту сторону фронта, по ту сторону границы. Так для чего мы его строим? Чтобы при новой попытке выбить поляков из этих земель, нам пришлось бы выкуривать их из наших собственных подземелий?

Рейхсфюрер СС лениво взглянул на Скорцени: дескать, пораженческие настроения Имперской Тени — твоя работа?

— Нам придется уважать собственное мнение унтерштурмфюрера Зомбарта, — пожал плечами штурмбанфюрер.

— Даже так? — удивился Гиммлер.

— Тем более что в наши дни оно мало чем будет отличаться от мнения фюрера. Если, конечно, исходить не из гипотетических предположений, а из реальной ситуации на Восточном фронте.

— Боюсь, что именно на этом фронте вам и придется показать все, на что вы способны, — неожиданно рубанул ладонями по краю стола Кальтенбруннер. — Как только фюрер узнает, чем вы здесь занимаетесь.

Обер-диверсанту рейха хорошо был знаком этот жест крайнего нетерпения. Начальнику Главного управления имперской безопасности надоело играть «окружение фюрера», ему элементарно хотелось выпить, а делать это в присутствии своего шефа, Гиммлера, а также в присутствии двойника фюрера представлялось неудобным.

Скорцени понимал, что Кальтенбруннер нарушил этику поведения; он не должен был говорить этих слов в присутствии Зомбарта. Но что сделано, то сделано.

— А что касается вас, унтерштурмфюрер Зомбарт, то какое-то время вам придется изображать фюрера, пребывая в «Регенвурмлагере». Возможно, придется, — уточнил Скорцени. — А что, Великий Зомби — во главе гарнизона зомби-солдат. По-моему, это неплохо звучит. «Зомби-фюрер прибывает в лагерь «Зомби-Франконии» — так это будет сообщено в колонке официальной хроники рейха, которая, по цензурным соображениям, так и не появится на страницах германских газет.

— У вас разыгралась фантазия, Скорцени, — предупредил его Кальтенбруннер. — Слишком разыгралась.

— Прошу прощения, господа, — склонил голову обер-диверсант. И вновь обратился в Зомбарту. — Вначале вы будете появляться там наездами. Причем каждое ваше появление в подземном городе СС будет обставляться, как событие, о котором все должны будут знать. Затем, вполне возможно, вам придется задержаться в подземелье, но уже в режиме секретности. И пусть враги рейха гадают, где же на самом деле находится настоящий фюрер: в Берлине или в «СС-Франконии».

— Это действительно будет загадка для многих, — едва заметно кивнул Зомбарт, — в том числе и для англоамериканской разведки.

— Я все изложил именно так, как следовало? — завершил свой монолог Скорцени, обращаясь к Гиммлеру.

— Сейчас нас интересует: готовы ли вы к этому заданию, Зомбарт, — молвил рейхсфюрер.

— Когда поляки захватят меня в плен и объявят всему миру, что в руки им попался фюрер, мне придется жестоко разочаровать их, — по-своему истолковал это предложение унтерштурмфюрер.

Гиммлер, Кальтенбруннер и Скорцени удивленно переглянулись. На губах всех троих заиграли улыбки. Сцена, которую каждый из них представил себе в эти минуты, была одинаковой — лица советских энкаведистов в тот момент, когда они откроют для себя, что на самом деле перед ними всего лишь двойник фюрера.

«А ведь версия, к которой Зомбарт свел толкование своего появления на свет в качестве Имперской Тени, получилась довольно любопытной», — заметил обер-диверсант, что, однако, не помешало ему резко осадить двойника:

— Никто не собирается отдавать полякам и русским ни подземный лагерь, ни двойника фюрера, — сказал

Скорцени. — Это вопрос престижа Германии. И боже вас упаси, демонстрировать впредь перед кем бы то ни было свои пораженческие настроения.

Зомбарт вздрогнул от неожиданности, выпрямился и настороженно всмотрелся в лицо «самого страшного человека Европы». До сих пор ему казалось, что он играет по правилам. Что именно так, «против шерсти», и должен был бы пройти по Гиммлеру и Кальтенбруннеру тот, настоящий фюрер. И они обязаны были бы оценить это. Теперь же Имперская Тень понял, что слегка зарвался.

«Скорцени никогда не угрожает пристрелить. Он вначале пристреливает и только потом угрожает», — это поговорка, родившаяся то ли в подвалах гестапо, то ли в кабинетах Службы диверсий, уже достаточно хорошо была знакома Зомбарту, чтобы он понял: пора сникнуть и не рисковать.

— Я готов отправиться в «Регенвурмлагерь», как только фюрер сочтет это необходимым. Но все же хотел бы знать, что ждет меня потом.

— Этого не знает никто, — хрипло прорычал Скорцени, до белизны в суставах сжимая подлокотники кресла. — Ни Господь, ни даже... фюрер.

— Но хотя бы в общих чертах, — теперь Зомбарт смотрел уже на Гиммлера и ждал ответа только от него. — То есть я должен знать, к чему готовиться. Каков тот, самый худший, вариант ситуации, которая может возникнуть для меня в конце войны.

— Всякая война обычно заканчивается тем, что восхваляют вождя того народа, который победил, предают поруганию вождя того народа, который потерпел поражение, и в обоих лагерях в обязательном порядке вешают своих предателей, заговорщиков и всевозможных «двойников», — популярно объяснил ему Скорцени, вызвав при этом воинственную ухмылку Кальтенбруннера.

Гиммлер протер очки, вновь водрузил их на нос и нацелился на Зомбарта свинцовыми кругляшками стекол, как двумя автоматными стволами. Несколько секунд он «расстреливал» ими Имперскую Тень, барабанил пальцами по столу и тоже злорадно ухмыляясь.

— Во всяком случае, правдиво, — пробубнил Великий Зомби. Однако его реакция никак не отразилась на поведении рейхсфюрера СС. В какое-то мгновение Скорцени даже показалось, что Гиммлер не сдержится, тут же прикажет вывести этого наглеца Зомбарта во двор и пристрелить. В лучшем случае — отправить в концлагерь.

«То-то обитатели лагеря были бы потрясены, увидев в одном из барачков фюрера! — ухмыльнулся Скорцени не менее злорадно, чем это демонстрировал перед Имперской Тенью сам Гиммлер. — А что, почему бы и не испытать воздействие личности фюрера на смертников одного из концлагерей? Потрясающее было бы зрелище».

— Все может кончиться тем, унтерштурмфюрер Зомбарт, — снизошел наконец Гиммлер до каких-либо разъяснений, — что ставка фюрера окажется в одной из весьма отдаленных от рейха экзотических стран. Скажем, где-то в Африке или в Латинской Америке. И не совсем ясно, кто именно там окажется: фюрер или его двойник. Но вы, лично вы, Зомбарт, должны быть готовы к любому развитию событий.

Скорцени мысленно потер руки: это хорошо, что Гиммлер отреагировал именно так. Таким образом он благословил его дальнейшую работу с двойником фюрера, а главное, подтвердил ту концепцию «послевоенного использования лжефюрера», к которой давно склонялся и Скорцени.

— Я буду готов к такому развитию событий, — оживился и Зомбарт.

— Принципиальное заявление, — проворчал Гиммлер.

— Во всяком случае, отныне я смогу хотя бы приблизительно ориентироваться в том, как будут развиваться события и к чему мне готовиться. Для меня это важно, господин рейхсфюрер.

Скорцени почему-то показалось, что, услышав это, Гиммлер облегченно вздохнул. То ли потому, что «фюрер» учтиво обратился к нему, назвав его по чину, то ли потому, что их краткий и не совсем внятный разговор наконец-то, завершился.

— Вам еще ко многому придется готовиться, Зомбарт, — процедил рейхсфюрер. — Такова ваша участь. И помните, что подготовить достойного двойника фюрера так же сложно, как и...самого фюрера. Отсюда — уровень отношения к вам. Вас будут ценить и оберегать, независимо от того, нравитесь вы нам или нет.

— Вот именно, — прохрипел Кальтенбруннер.

Великий Зомби порывался выразить благодарность Гиммлеру, однако тот не позволил ему изливать свои чувства.

— Брандт, — приказал он своему адъютанту, — проведите унтерштурмфюрера.

Штандартенфюрер, который все это время стоял у двери навтыжку, словно гвардеец у входа в королевский дворец, ответил «яволь», однако сам Зомбарт удаляться не спешил.

Он поднялся, обвел присутствующих мутноватым взором, таким похожим на те, которыми обычно обводил уставший от присутствия подчиненных сам Гитлер, и, скрестив руки на подбрюшье, вдруг вскинул голову и величественно повел подбородком.

— ...Но как бы вы ни прогнозировали события, лично я остаюсь уверенным, что мы еще понадобится рейху здесь, на территории Германии, — трюсил он

указательным пальцем доску стола. — Ибо когда германский народ увидит врага на своих исконных землях, только тогда он по-настоящему поймет, почему мы начали эту войну против русских в сорок первом. Только тогда осознает, какая опасность для нас исходила все эти годы с Востока и Запада. И мы, германцы, еще раз докажем всему миру, насколько священно для нас величие национального духа. Как отчаянно и мужественно мы способны мобилизовываться и отражать натиск врага уже тогда, когда для любого иного народа становится очевидным, что война окончательно проиграна. Отчаянно и мужественно. Именно так, господа. Ибо мы... — германцы!

На этом, самом высоком регистре пропагандистского пафоса, лжефюрер неожиданно оборвал свою речь, еще раз, теперь уже осуждающе, обвел взглядом присутствующих и, забросив руки за спину, усталой походкой низвергнутого с небес мессии направился к двери.

16

Они проходили мимо Штубера — рослые, молчаливые, с серыми, ничего не выражающими лицами, на каждом из которых лежала печать смертельной, неземной отчужденности и замогильного безразличия.

Появление на их пути офицеров-эсэсовцев не вызывало у зомби никакой реакции. Они безмолвно, словно тени, обходили их, устремляя бездумный взгляд куда-то вперед, в пустоту; при этом движения их отличались сомнамбулической расчетливостью и той

непогрешимой размеренностью, за которой живое существо превращается в механического болванчика.

Камни, которые они несли в руках, казалось, не имели веса, во всяком случае, в движениях этих полуживых существ ни особых усилий, ни усталости не ощущалось. Сильные и безропотные, они жили своей странной жизнью человекоподобных существ — еще не умерших, но уже распрощавшихся с бренностью осмысленного цивилизованного бытия.

— Вот они — идеальные рабочие наших штолен! — не без гордости молвил бригаденфюрер фон Риттер. — Мне бы две-три сотни таких проходчиков, и можно устремляться на соединение с подземкой берлинского метро. От Одера это не так уж и далеко.

— Однако рейху сейчас нужны не идеальные камнетесы, а идеальные солдаты, — проворчал Штубер, ради которого и был устроен этот смотр колонны зомби-камнеломщиков.

— Такой задачи перед нами фюрер пока не ставил.

— Странно.

— Мы, конечно, предвидим, что с приближением русских зомби должны будут принимать участие в обороне «СС-Франконии», однако эта программа еще требует своего совершенствования.

— Странно, — еще загадочнее молвил Штубер, и было ясно, что в эти минуты он уже уносился своими фантазиями куда-то далеко от шествия шахтеров.

«А ведь еще не известно, как они поведут себя на поле боя, — и в самом деле осенило гауптштурмфюрера манией экспериментаторства. — В атаке, в штыковом бою, во время бомбежек...».

— Вы когда-нибудь пробовали расстреливать зомби? — обратился он к Крайзу.

— С какой стати?! — изумился тот. — Они законопослушны. И потом, вряд ли они способны

отдавать себе отчет в том, что с ними пытаются сделать: казнить или помиловать.

— Вы в этом уверены? Или все еще пытаетесь потчевать меня своими предположениями?

Фризское Чудовище отчужденно задумался. При этом Штубер пытался не замечать, как безоглядно раздирает он давно не стриженными ногтями ожоговые шрамы и наросты на своем лице и на шее.

— Вообще-то, доктор Мартье, наш главный зомби-творец, утверждает, что существуют разные стадии и методики зомбирования. Из всякого мертвеца ему приходится «лепить» зомби, подобно тому, как Господь лепил из глины Адама.

— Значит, вы даже не пытались имитировать расстрел?

— Не приходило в голову.

— Напрасно.

— Это легко исправить. Особенно если речь идет всего лишь об имитации расстрела.

— Важно знать, как они будут вести себя во время допросов в контрразведке противника, как станут вести себя во время заседания военно-полевого суда, а главное, каковой будет их реакция на сугубо солдатскую казнь — расстрел.

— Если верить доктору Мартье, реакция будет разной, как разной она бывает у обычных людей.

— Это было бы прискорбно. Мне бы хотелось, чтобы зомби обладали своими, особыми качествами характера.

— Понимаю, что для вас как «величайшего психолога войны» здесь открывается необъятное поле деятельности,

— произнес комендант, подчеркивая, что не следует требовать от него и Крайза того, чего требовать от них бессмысленно. — С нашей стороны содействие вам обеспечено.

— И, конечно же, никогда не испытывали их в бою... — пессимистично подытожил Штубер, определяя тем самым задачи уже для самого себя.

— Мне понятен ход ваших мыслей, гауптштурмфюрер, — на сей раз довольно бойко отреагировал комендант «СС-Франконии». — Мало сотворить зомби, нужно еще испытать их всеми ужасами войны, постепенно превращая в настоящих солдат рейха. Мы над этим подумаем. Замечу, однако, что, по слухам, Скорцени уже провел тактические учения взвода зомби, но созданных в секретной лаборатории института Аненербе, расположенной где-то на севере, на тайной базе подводного флота.

— И каковы результаты? — поинтересовался гауптштурмфюрер.

— Пока не известно, они держатся в тайне. Возможно, с вами Скорцени захочет поделиться своими впечатлениями, так что попытайтесь.

— Считаете, что методика сотворения зомби на секретной морской лаборатории «Аненербе» отличается от вашей? — обратился Вилли к начальнику «Лаборатории призраков», предпочитавшему отмалчиваться.

— Многое бы я отдал, чтобы знать, в чем именно эти методики отличаются. Еще больше отдал бы за такую информацию доктор Мартье, поскольку главным зомбистом «аненербийцев» является его давний соперник.

— Но ведь ваша «Лаборатория призраков» тоже находится под патронатом «Аненербе», почему же его руководство утаивает от вас методику подготовки зомби на базе Кригсмарине и не желает ознакамливать вас с результатами своих достижений?

— Хотят, чтобы две лаборатории работали в одном направлении, не зная о методиках и рецептах друг друга. Потом можно будет взять все лучшее, что

появилось в достижениях каждой из них, чтобы создать качественно новый тип зомби. В принципе, подход правильный. Иное дело, что придерживаться его в конце войны — слишком расточительно. Это сдерживает поиск обеих лабораторий.

Штубер согласно кивнул и промолчал, давая понять, что эту страницу знакомства с подземным бытием он уже перевернул.

— Только что вам были представлены первые два десятка зомби, произведенных в «Лаборатории призраков СС-Франконии», — не без гордости объявил через несколько минут молчания унтерштурмфюрер Крайз, дав перед этим Штуберу возможность вдоволь насмотреться на работу этих рослых тридцатилетних парней.

Теперь он уложил всю бригаду лицом вниз на пыльный каменный пол выработки, и они лежали там — безмолвные, безропотные и стоически терпеливые.

— Согласен, поведение их впечатляет, — признал Штубер.

— Неутомимые, ничего не помнящие и ни к чему не стремящиеся... — вдохновенно продолжил свой рассказ Фризское Чудовище, — они представляют собой совершенно новую популяцию гомо сапиенс, на плечи которой со временем ляжет основное бремя всех тяжелых физических работ, обслуживание крематориев, а там, кто знает, возможно, и охрана «Регенвурмлагеря».

— Батальон зомби-охраны?

— Под опеку которого, для начала, будет отдан один из районов «СС-Франконии». Под командованием, естественно, обычных офицеров.

Он приказал офицеру охраны поднять бригаду, заставить ее взять только что принесенные из ближайшей выработки камни и отнести обратно.

— Взбунтоваться они не способны? — поинтересовался Штубер.

— Во имя чего? Свобода им не нужна — они попросту не знают, что это такое. Мир воспринимается ими таким, каким они его видят после своего возвращения из загробия.

— А сны?

Рослый широкоплечий парень споткнулся, и камень, выпавший из его рук, чуть не лишил Штубера пальцев ноги. Тут же откуда-то появился охранник и несколькими ударами плети заставил зомби поднять свою ношу и двигаться дальше.

Штуберу понял, что боль от ударов плеткой зомби, несомненно, ощутил, однако покорность, с которой он вновь поднимал камень и пошел дальше, превосходила всю мыслимую допустимость. Такие чувства, как обида, гордость, оскорбленное достоинство, тоже, очевидно, были неведомы ему.

— Кажется, вы что-то там сказали по поводу снов, — нарушил молчание Крайз.

— О снах свободы, переносящих зомби в их прошлую жизнь. Не могло же умерщвление избавить их от ночных грез, в которых всегда отражается частица жизни.

— Странно, над этим мы до сих пор не задумывались. Сны! — удивленно смотрел на Штубера Крайз. — Сны... А ведь и в самом деле... Нужно будет изучить. Хотя... сны — всего лишь сны...

— Кажется, вы собирались превратить в зомби этого своего пленного скульптора? — совершенно некстати напомнил ему бригаденфюрер фон Риттер.

— Отшельника? Замысел такого перевоплощения действительно существует. Видите ли, в его лице мы видим одного из самых странных воителей нынешнего столетия.

— Жалко стало отдавать его в руки доктора Мартье? — въедливо ухмыльнулся бригаденфюрер.

— Видите ли, речь в данном случае идет не о пленном солдате. Речь идет о... таланте! — назидательно молвил барон. — Я верно понял, господин Крайз: со временем зомби могут возвращать себе память и хотя бы часть сознания?

— Судя по всему, могут... Если долго не подпаивать их снадобьем доктора Мартье. Но каким образом это способно отразиться на таланте вашего Отшельника — этого я не знаю.

— А доктор Мартье?

— Мартье этим тоже не занимался, — поспешно объявил Крайз.

Штубер задумчиво почесал подбородок. Отдавать Отшельника на растерзание сатанистам из «Лаборатории призраков» ему уже не хотелось. Да и Крайзу, судя по всему, тоже не хотелось терять талант, благодаря которому он собирался создавать свой «Лувр Распятый».

В то же время важен был эксперимент. А действительно, что произойдет с талантливым, хорошо известным ему, Штуберу, скульптором, после превращения его в зомби? Будут ли и тогда проявляться его талант и бунтарская воинственность? Как он воспользуется уже приобретенными навыками резчика по дереву, и будет ли восприниматься им Христос, распятия которого придется ставить во всех районах «Регенвурмлагеря», как символ Всевышней Силы?

— Ладно, Крайз, — сказал Штубер после минутного колебания, — с Отшельником пока торопиться не будем. Пусть еще какое-то время поработает в подземелье, освоится...

— Ваш патронат можно было бы оправдать желанием позволить вашему Отшельнику

усовершенствовать свой талант.

— Спасибо за подсказку, дорогой Крайз.

— На самом же деле вами руководит какое-то иное стремление.

— Стоит ли в этом сомневаться?

— Этот человек почему-то очень дорог вам...

— Как одна из тайн войны. Из величайших ее тайн, унтерштурмфюрер Крайз.

— Отшельник — одна из величайших тайн войны?! — изувечил ухмылкой и без того изувеченное лицо свое Фризское Чудовище.

— Тайной, Крайз, тайной. Именно так и станут со временем воспринимать его все, кому окажется доступной биография Отшельника.

«Каковой являешься и ты, величайший из ее уродов, — добавил Штубер уже про себя. — И счастье твое, что ты этого не осознаешь».

— Он уже приступил к работе?

— Пока что с его помощью определены три места для установки распятий, три «кельи». Этот недоученный священник считает, что устанавливать лики Христа можно далеко не в каждом месте. Должно существовать какое-то знамение или хотя бы внутреннее озарение. Подсказка внутреннего голоса.

— Со знаменами и озарениями у нас сложновато, — согласился Крайз. — Но если они уже трижды посетили Отшельника...

— В любом случае, — проигнорировал его иронию Штубер, — завтра этот христопродавец начнет священнодействовать.

К удивлению барона, после этих слов Крайз набожно перекрестился.

— Будет ли когда-нибудь оценено все то, — вздохнул он, по-монашески потупив взор, — что мы с вами, ежедневно, стоя между жизнью и смертью, делаем для всемирной науки?

— Будет... Причем достойнейшим образом.
— Неужели верите в это?
— Верю, наши труды будут оценены. Но лишь в том случае, если нас обоих повесят на виселице, которую соорудит прямо здесь, в «Регенвурмлагере», мой Отшельник. Величайший, должен вам сообщить, висельничных дел мастер!
— Мрачный юмор у вас, барон фон Штубер.
— Могу даже уточнить: погибельный и виселичный. Но таков мой жизненный принцип: видеть и воспринимать все в самых мрачных философских тонах.
— Но все же в философских...
— Естественно. Вам приходилось когда-либо встречать человека, в котором талант великого скульптора поступался лишь таланту великого мастера сотворения виселиц, автора лучшей виселицы Второй мировой войны?! То-то же, — не стал Штубер дожидаться ответа Крайза, — и мне тоже не приходилось.
— Только теперь я начинаю понимать, сколь высоко вы оцениваете своего подопечного. Но станут ли точно так же оценивать его остальные знатоки войны?
— Не станут, — сразу же объявил Штубер. — И знаете почему? Да потому что «им не дано постичь!», — как возвещает мир в подобных случаях один из лучших моих диверсантов — агент Магистр.

По мере того, как лжефюрер удалялся, Гиммлер и Кальтенбруннер медленно поднимались и все напряженнее смотрели ему вслед. Казалось, еще мгновение-другое, и оба вершителя судеб рейха

взорвутся, пусть запоздалым, но достойным последователей фюрера «Хайль!».

Что удержало их, почему они так и не смогли ответить на этот взрыв патриотических эмоций «фюрерским приветствием», этого они объяснить не смогли бы. Как не смогли бы объяснить и то, какая сила, какое внутреннее побуждение заставило их в конце концов подняться. Тем более что и сам Скорцени размышлял над этим, уже обнаружив себя стоящим.

— Теперь вы понимаете, господин рейхсфюрер, почему столь много времени мне придется уделять этому «Великому Зомби», этой «имперской тени», — решительно взял он на себя управление ситуацией, как только Брандт вежливо, с поклоном, закрыл вслед за Зомбартом и собой дверь.

— Понимаю, — вдохновенно как-то ответил Гиммлер.

— Мы исходим из того, что подготовка именно этого двойника прямо отвечает интересам безопасности не только фюрера, но и самой Германии. Отныне мы всегда должны иметь в виду, что существует личность, способная при определенных обстоятельствах заменить фюрера. Я имею в виду только те ситуации, когда сам фюрер Германии уже не в состоянии будет соответствовать своему великому предназначению — служить символом единения нации, символом нерушимости Третьего рейха.

Гиммлер и Кальтенбруннер, все еще стоя навытяжку, слушали его так, словно он продолжал вещать голосом удалившегося в небытие фюрера.

— В этом-то и опасность, Скорцени, — задумчиво и несколько рассеянно возразил Гиммлер.

— Опасность заключается только в том, что Имперская Тень может оказаться в руках другой группы людей, которые настроены иначе, чем мы с вами.

— Не исключено, что такая группа людей уже существует. Почему вы исключаете такую возможность, Скорцени?

— Вовсе не исключаю. Такая группа генералов и высших чиновников рейха, возможно, и нашлась бы, но не нашлось бы для нее Имперской Тени, поскольку Зомбарт будет предан только нам с вами. При любых обстоятельствах — только нам с вами.

— Вы в этом уверены?

— Вы, господа, тоже будете уверены в этом, если все мы изменим свое отношение к Зомбарту. Это мы навязали ему роль лжефюрера. Мы ежедневно готовим его к этому тяжкому голгофному кресту. Поэтому должны относиться к нему с пониманием, не отвергая и не демонстрируя пренебрежения.

Гиммлер вновь нервно побарабанил пальцами по столу и, глядя, как Кальтенбруннер вождественно ухватился за бутылку с вином.

— Он прав. Вы слышите меня, Кальтенбруннер? Скорцени прав.

— Скорцени всегда прав, — решительно повертел головой шеф Главного управления имперской безопасности, не оставляя бутылки. — Я в этом давно убедился.

— Я хочу сказать, что в самом появлении такой личности, как Зомбарт, есть и свои достоинства, — молвил Гиммлер, решив, что Кальтенбруннер всего лишь отмахнулся от него своим комплиментом в адрес Скорцени. И был удивлен, когда обергруппенфюрер вдруг начал излагать свое видение проблемы лжефюрера.

— В тот день, — грубым басом произнес он, — когда стало известно о состоявшемся покушении на фюрера, мы, в принципе, уже готовы были к тому, чтобы не допустить хаоса в стране; не допустить ликования наших врагов по поводу утраты, которую понес бы наш

рейх, окажись это покушение удачным. Представив народу сию Имперскую Тень, мы в любом случае сумели бы дезорганизовать врагов рейха, внести в их ряды смуту и выиграть те несколько дней, которые понадобились бы высшему руководству страны, чтобы окончательно овладеть ситуацией.

Скорцени видел, как отвисла дегенеративно сдвинутая назад нижняя челюсть Гиммлера, когда он услышал о готовности к такому повороту событий. Правда, шеф РСХА всего лишь повторял тезис, который не раз пришлось навязывать ему Скорцени, поскольку сам он всегда относился к любым двойникам с болезненным предубеждением, но какое это имело сейчас значение? Главное, что Гиммлер слышит эти слова из уст шефа Главного управления имперской безопасности.

— Вы что, действительно готовы были к такой подмене? — изумлению Гиммлера, когда он задавал этот вопрос Кальтенбруннеру, не было предела.

Оказывается, в недрах подведомственной ему службы безопасности разрабатывалась и такая вот, сногсшибательная операция... А его даже не поставили в известность. Причем Гиммлеру было ясно, что непосредственно этой операцией занимался не Кальтенбруннер, а Скорцени. Однако он умышленно не переводил взгляда на обер-диверсанта и жаждал объяснений от шефа РСХА.

Прежде чем ответить, обергруппенфюрер почти с нескрываемой ненавистью взглянул на обер-диверсанта рейха, вновь подтверждая этим, что инициатива все же принадлежала самому любимцу и личному агенту фюрера по особым поручениям^[46]. Авантюризм шефа диверсантов и любимца фюрера заставил его ощутить у себя на спине липкий пот страха. Ведь, если готовились, значит, знали, догадывались,

предчувствовали... — вот чего не учел Скорцени, раскладывая этот пасьянс. — А сейчас, когда по всему рейху вылавливают причастных к заговору и покушению, а также сочувствовавших им...

— К сожалению, нам не было известно, что Штауффенберг и его сообщники, м-да... — пробормотал он со свойственной беззубой невнятностью^[47].

— К чему же вы тогда готовились, Кальтенбруннер?

— Тем не менее, исходя из соображений высшей безопасности... Что, несомненно... Иначе наши враги и в самом деле решили бы, что обезглавили наше движение, м-да. Но это им не удалось. Вы видели этого двойника, господин рейхсфюрер? Это и есть тот, который, в случае надобности...

— Но почему не поставили в известность меня? — властно оперся кулаком о стол Гиммлер. — Почему не сообщили, что готовится операция по подмене фюрера?

В этот раз Кальтенбруннер взглянул на Скорцени с откровенной мстительностью: «Теперь выкручивайся сам, умник». Гиммлер прекрасно помнил, что именно по протекции Кальтенбруннера Скорцени в свое время оказался в здании Главного управления имперской безопасности, чтобы затем все увереннее обосновываться в нем.

— Только потому, — спокойно объяснил штурмбанфюрер, — что ситуация не угрожала выйти из-под вашего контроля, господин рейхсфюрер СС.

— Вы были абсолютно уверены в этом, Скорцени?

— Почувствовал, как только прибыл со своим батальоном фридентальских курсантов в Берлин, — напомнил ему Отто, — и ворвался в ставку заговорщиков.

— Все правильно, вы ведь арестовывали все руководство заговорщиков, — понял свою ошибку Гиммлер.

— Более неумелого и неумного руководства мятежом, чем продемонстрировали Бек, Ольбрихт и прочие военачальники во главе с фельдмаршалом Витцлебенем, даже невозможно себе представить. Классический пример бездарной попытки захвата власти, достойный того, чтобы войти в учебные пособия для будущих путчистов всего мира.

— Что совершенно очевидно и несомненно, — столь же невнятно подтвердил Кальтенбруннер и вновь позволил себе плеснуть в стакан небольшую порцию вина. Чего обычно в присутствии рейхсфюрера СС делать не решался. — Исходя из нашего плана... Который весьма предусмотрительно... Но ситуация из-под контроля так и не вышла, м-да...

— К операции «Великий Зомби» мы, по вашему приказу, господин рейхсфюрер, приступили бы только в том случае, — пришел ему на помощь Скорцени, — когда стало бы очевидным не только то, что фюрер погиб, но и то, что лично вы, рейхсфюрер, не успели перенять все его полномочия. То ли по причине того, что мятеж приобрел слишком широкое распространение, то ли кто-либо из недавних соратников Гитлера, — я не стану называть имена, они вам известны, — вдруг решил бы, что эти полномочия следует принимать ему, отстранив руководство СС от руководства страной.

Гиммлеру не следовало объяснять, что Скорцени имеет в виду, прежде всего, Геринга, который все еще оставался официальным преемником Гитлера; а также человека, который видел себя куда более реальным его преемником — то есть Бормана, со всей его партийной канцелярией и влиянием в провинциальных партийных организациях.

— Что ж, — замялся Гиммлер в нерешительности, — если исходить из такого взгляда на появление этого

унтерштурмфюрера в образе двойника... Тогда это приобретает совершенно иной смысл.

— Если ситуация, возникшая 20 июля, вдруг повторится, мы окажемся основательно подготовленными к ней.

— Теперь подобную ситуацию могут создать наши внешние враги, Скорцени, — назидательно молвил Гиммлер. — Вот почему к ней нужно готовиться со всей надлежащей строгостью и секретностью.

— М-да, с надлежащей, — пробубнил Кальтенбруннер.

И все же сначала Гиммлер прошелся свинцовым залпом

своих очков по Скорцени:

— Контроль остается за вами, штурмбанфюрер.

— Это будет реальный и жесткий контроль, — заверил его руководитель диверсионной службы рейха.

— И докладывать лично мне. Лично!..

— Мы с Кальтенбруннером, — дипломатично вывернулся Скорцени, — постоянно будет держать вас в курсе событий.

— А я сказал: «Лично!», — перевел Гиммлер «оптические прицелы» своих очков на Кальтенбруннера, предостерегая того от какой бы то ни было попытки помешать Скорцени время от времени переступать через его голову.

— В случае крайней необходимости, рейхсфюрер, — подтвердил тот.

Гиммлер пошел к выходу. Кальтенбруннер подался вслед за ним, но в последний момент умудрился приотстать, и, когда дверь за рейхсфюрером закрылась, прохрипел, выдыхая на приблизившегося Скорцени всю сумятицу запахов и несвежести:

— Когда вы начинаете работать с Имперской Тенью, вы становитесь опасны вдвойне. Ваше счастье, что ни Гиммлер, ни фюрер так до сих пор и не поняли этого.

— Или же поняли слишком отчетливо, — рассеял Скорцени мрачноватость своих шрамов столь же мрачной ухмылкой. — В любом случае я все буду делать под вашим патронатом, обергруппенфюрер.

— Вот это правильная мысль, — похвалил его Кальтенбруннер. — Вы всегда должны оставаться преданы мне. Помня при этом, благодаря кому вы стали в рейхе тем, кем вы сейчас стали.

И Скорцени вдруг вспомнил «обет верности», который недавно принимал от Зомбарта. Заполучив в свои руки двойника фюрера, они все постепенно начинали чувствовать себя заговорщиками и вели себя соответственно.

— Скоро вы всех нас будете держать в кулаке, как император свою набранную из рабов гвардию, — словно бы уловил его мысль Кальтенбруннер.

— Это мы с вами будем держать все в кулаке, Кальтенбруннер.

— И в этом ваше несомненное преимущество, Отто, — похлопал тот Скорцени по плечу и поспешил за рейхсфюрером.

Зомби аккуратно складывали принесенные ими камни на вагонетки и вновь возвращались в забой — куда-то туда, где за двумя поворотами глухо стучали отбойные молотки.

Заприметив среди них того, который чуть было не обронил камень ему на ногу, Штубер подхватил его под руку, вырвал из вереницы ему подобных и отвел в караулку.

— Кто ты? — спросил он его по-русски, усадив за небольшой дубовый стол.

— Я — номер ноль восемь, — ответил тот по-германски.

— Вижу по нашивке.

— По нашивке, — бездумно повторил зомби. Это был парень лет двадцати семи — двадцати восьми, среднего роста, но с отменно развитой мускулатурой.

По тому, как он все время, но, очевидно, произвольно приподнимал левое плечо, Штубер определил, что в свое время этот зомби-воин занимался боксом. Правда, еще одной традиционной приметы — переломленного носового хряща, у него пока что не наблюдалось, тем не менее...

— Как тебя зовут? Имя твое, имя?!

— Я — номер ноль восемь.

— Правильно, ты — номер ноль восемь. Теперь ты — зомби-08. Но ведь раньше ты был солдатом. Отвечай на вопрос: ты был солдатом?!

— Был.

— Ты был хорошим русским солдатом, так ведь?

— Я был солдатом.

— Вот видишь. Оказывается, ты все же был солдатом. У тебя была винтовка или пистолет? Вспомни: в бой ты шел с винтовкой?

— С винтовкой, — почти мгновенно отреагировал зомби-08.

— А теперь повтори за мной: «Я был солдатом. Служил в Красной армии».

Зомби повторил сказанное, однако вышло это у него как-то неосознанно.

— Какое у тебя было звание: красноармеец, сержант, взводный?

Пленный внимательно посмотрел сначала на Штубера, затем на Крайза, и вновь — на Штубера. Гауптштурмфюреру хотелось верить, что взгляд этот

был вполне осознанным. Поэтому, когда он услышал уже до рези в желудке знакомое: «Я — зомби номер ноль восемь», не поверил ему. Барону вдруг показалось, что пленный подыгрывает Крайзу, придерживаясь той легенды, которую ему навязали.

— Парень ты, вижу, разговорчивый... — перешел Штубер на германский. — И все же я спрашиваю: как тебя зовут? Вспоминай: Иван, Петр, Николай?

— Зовут? — зомби напряг лоб, пытаюсь вспомнить то ли имя свое, то ли что-то связанное со своим прошлым, однако усилия оказались тщетными.

— Меня зовут зомби-08, — выдал скованный идиотизмом мозг пленного ту единственную частицу сознания, которая была оставлена ему жрецами «Лаборатории призраков».

Штубер хищно улыбнулся, пытаюсь погасить в себе не менее идиотичную вспышку гнева.

— Меня зовут Вилли. Этого офицера, — указал он на подошедшего к ним Крайза, — Фридрих. Как зовут тебя?

— Ноль восемь.

— Жрецы «вуду», черти бы их побрали! Кто он по национальности? — поинтересовался Штубер у Фризского Чудовища. — Русский, украинец, белорус?

— Русский. Но мы подбирали таких, кто хоть немного владеет немецким, чтобы понимали команды и понимали, чего от него хотят.

— Так ты все же русский? — перешел Штубер на язык пленного.

— Я — номер ноль восемь, — безучастно ответил тот, но тоже по-русски.

— А где ты раньше жил? Тамбов, Украина, Кубань?

— Что такое «жил»?

— Сейчас ты находишься в «Регенвурмлагере», на подземной базе войск СС. Знаешь об этом?

— Знаю. Я — зомби номер ноль восемь.

— Ты служил в пехоте?

— Я должен брать камни и носить их к вагонеткам.

— Москва. Вспомни: Москва. Тебе приходилось когда-либо бывать в Москве?

— Я должен подчиняться часовым, брать камни и носить их к вагонеткам, — заученно, бесстрастно посвящал он Штубера в тайны своего бытия.

— Москва, Ленин, коммунисты... — предпринял Штубер еще одну отчаянную попытку. — Ты коммунист?

— Я — зомби.

— Что, по существу, одно и то же, — заметил Штубер.

«Содержательно» пообщавшись таким образом с зомби-08 еще несколько минут, Штубер представил себе, до какого безумия может довести следователей-энкаведистов подобный зомби, попадись он им в руки в качестве диверсанта. Много он отдал бы за то, чтобы оказаться свидетелем хотя бы одного многочасового допроса.

— Чуть уменьшить дозу одурманивания, натренировать и забросить в тыл русских! Вот где мы получим не только идеальных рабов, но и идеальных диверсантов-смертников. Как вам эта идея, унтерштурмфюрер Крайз?

— Удивляюсь, почему Скорцени до сих пор не ухватился за нее. Почему он вообще безразличен к нашей лаборатории? Хотя самим «Регенвурмлагерем» одно время интересовался.

— Может быть, потому и безразличен, что вокруг него и так развелось слишком много зомби, превратившихся в полумертвецов задолго до того, как была создана ваша досточтимая лаборатория.

Штубер хотел молвить еще что-то, но в это время зомби-08 четко и вполне осознанно произнес:

— Москва.

Штубер и Крайз многозначительно переглянулись.

— И что дальше? — спросил теперь уже Крайз, спасая Штубера от нервного срыва. — Ты сказал: «Москва». Почему ты назвал этот город? Ты бывал в нем?

— Нет.

— Но хотел бы побывать в Москве?

— Хотел бы. Столица.

— Правильно, Москва — это столица. Тебе приходилось бывать в ней?

— Нет.

Крайз и Штубер вновь переглянулись.

— Оказывается, наших зомби не так уж и трудно «разговорить», — сказал Фризское Чудовище. — При надлежащем терпении можно постепенно провоцировать их память.

— Очевидно, можно.

— Придется серьезно поговорить с доктором Мартье, чтобы он то ли увеличил дозу своего зомби-яда, то ли чаще поил им подопечных.

— Но это не должно касаться зомби-08, — заметил Штубер. — Я, понятное дело, пообщаюсь еще с несколькими пленными. Но, скорее всего, остановлюсь на нем.

— Решили все же заняться подготовкой зомби-диверсанта?

— С завтрашнего дня.

— Но это будет непросто, — предупредил Крайз.

— Сегодня же у меня состоится обстоятельный разговор; с Мартье.

— Лучше с его учеником Гамборой.

— Хорошо, с Гамборой, — согласился Штубер.

— Соблазните его тем, что подготовка зомби-диверсантов; может стать его отдельным проектом, под который будут

выделены деньги, а возможно, появится и секретная зомби-диверсионная лаборатория.

— Но для подготовки этих диверсионных зомби понадобится специальная программа, которая должна соединять в себе опыт подготовки обычных диверсантов с поправкой на зомби.

— ...Доктора Мартье слишком далек от диверсионных дел, он представления, не имеет об основах подготовки диверсантов. А тем более — диверсантов зомби. Поэтому предоставим ему возможность заниматься приготовлением зомби-яда и превращением пленников в зомби. Все равно ничем иным увлечься он не желает, ссылаясь на «законы мастеров вуду».

— Хотите сказать, что Гамбора — полная противоположность ему?

— Полной противоположностью он быть не может, поскольку тогда он не стал бы учеником доктора Мартье. Но что его действительно отличает от учителя, так это склонность к экспериментаторству.

— В таком случае останавливаемся на Гамборе, — решительно заявил Штубер.

— Кстати, программы подготовки зомби-шахтеров и зомби-охранников готовил именно он.

— Значит, наш выбор правильный. Прежде всего, зомби-диверсант не имеет права знать, что он — зомби. И ни в коем случае не должен употреблять этот термин. Да, пойманного диверсанта контрразведка русских смогла бы в какой-то степени «разговорить». Но лишь в том случае, когда там поймут, что перед ними — зомби. А понять, с чем они столкнулись, русским контрразведчикам будет непросто, ведь до этого с подобными полулюдьми встречаться им не приходилось.

Проходя мимо одного из залов, дверь в который оставалась приоткрытой, Гиммлер вдруг заметил профиль фюрера. Неслышно вернувшись на два шага назад, он остановился в проеме.

Двойник Гитлера не заметил его. Он стоял в противоположном конце помещения, сложив руки на груди и глядя в пространство между готически скроенным окном и витиевато выстроенным старинным камином.

«А ведь никакого особого впечатления встреча со мной на Имперскую Тень не произвела, — задело Гиммлера величественное наполеоновское спокойствие Зомбарта. — Еще бы: сейчас он чувствует себя приблизительно так же, как чувствовал бы себя, стоя на корабле, увозящем его с острова Эльбы, Наполеон. Впереди — подобострастно сдающиеся гарнизоны, ликующий Париж и триумф «ста дней». Правда, потом будет еще и Ватерлоо. Но величие Бонапарта в том и состояло, что он измерял свою жизнь великими победами, а не великими поражениями».

— Окликнуть? — едва слышно спросил адъютант, приблизившись сзади так, чтобы говорить Гиммлеру на ухо.

— Зачем? — так же тихо возразил рейхсфюрер. — Пусть пока поживет иллюзиями. Пока...

— Понятно: пусть пока... поживет, — по-своему уточнил ситуацию штандартенфюрер Брандт, заставив шефа улыбнуться своей лагерно-эшафотной остротой.

Лжефюрер подошел к необлагороженному пламенем камину и, подняв вверх руки с конвульсивно — по-фюрерски — сжатыми кулаками, застыл в такой позе, вводя себя в состояние транса.

«Сейчас он и в самом деле чувствует себя фюрером, — понял Гиммлер. — Судя по всему, оставаться имперской тенью для него уже мало. Теперь

он уже самого фюрера хотел бы видеть в роли своей тени».

Во внутреннем, крепостном, дворе замка Гиммлера провожали все те же — Кальтенбруннер и Скорцени, а также комендант «Вольфбурга».

— Когда прикажете направить его в «Регенвурмлагерь»? — спросил, пользуясь случаем, Скорцени. Уже завтра достучаться до Гиммлера с подобным вопросом будет непросто.

— Через два дня. Чтобы Зомбарт не связывал отправку туда с моим посещением. Подержите его там месяц. Выясните, что он собой представляет...

— Мы основательно проверили его, — начал было Кальтенбруннер, но Гиммлер не стал выслушивать своего подчиненного.

— Я не знаю такого понятия — «основательно проверили», когда речь идет о надежности подобного агента службы безопасности. «Основательно надежными» такие люди не бывают даже после крематория. Поэтому еще раз выясните, что он представляет собой на самом деле. Вы поняли меня, Скорцени?

— Выясним, причем даже то, чего он никогда собой не представлял, — заверил его обер-диверсант рейха.

— Возможно, вскоре он понадобится нам в «Вольфшанце». — Гиммлер выдержал паузу, пытаясь выяснить, какое впечатление произведет этот намек на Скорцени. Но тот оставался невозмутимым. — В виде эксперимента, конечно, — уточнил он с легким разочарованием, чувствуя, что как личность не способен ни поразить, ни тем более — потрясти свое окружение, как это время от времени удается фюреру.

«Вечный второй» — вот ты кто, — сказал себе рейхсфюрер. — Причем «вечно второй», окончательно смирившийся с таким положением в иерархии».

Уже сидя в машине, увозящей его в сторону Берлина, Гиммлер вновь мысленно вернулся к разговору, состоявшемуся у них со Скорцени в присутствии Зомбарта. Причем интересовал его не двойник фюрера, — с ним, в общем-то, все ясно. Рейхсфюрер обратил внимание, сколь деликатно, и в то же время недвусмысленно Скорцени дал понять, что в случае гибели Гитлера поддержал бы его, Гиммлера, кандидатуру на пост фюрера. Признаваться в этом сейчас, когда Гитлер вновь утвердился во власти, а по всей стране все еще катится вторая волна арестов и чисток среди участников и соучастников заговора, уже само по себе небезопасно.

Однако Скорцени не просто мысленно проигрывал возможную ситуацию, он, «человек Гитлера», его личный, особо доверенный агент, в присутствии Кальтенбруннера объявил, что рейхсфюрер может рассчитывать на него. Это было немаловажно, поскольку торг за душу первого диверсанта рейха, а следовательно, за всю его агентуру, развернулся уже довольно давно, еще со времен похищения Муссолини, а точнее, с тех пор как Скорцени объявлен «героем нации» и под его крылом начал собираться весь диверсионный цвет СС.

Как ни удивительно, первым в этот торг лихо включился Геринг. Всегда неповоротливый в подобных играх, на этот раз он довольно умело осчастливил первого диверсанта рейха Золотой медалью. Затем поднапрягся Борман. Этот действовал менее открыто, с привычными для него партийно-аппаратными интригами. Однако цель была все та же. Со странным запозданием подключился Геббельс, уверовавший, что его авторитет в массах германцев, соединенный с пропагандистским аппаратом и мастерством оратора, позволяет ему в нужное время оказаться во главе и партии, и рейха.

— Прошу прощения, господин рейхсфюрер, — совершенно некстати ожил доселе молчавший у себя на заднем сиденьи адъютант, — взгляните, как разрушительно поработала здесь авиация англо-американцев.

Гиммлер посмотрел на руины какого-то поселка, остающиеся справа от шоссе, посреди огромной, обрамленной далекими холмами равнины, и согласно промычал нечто нечленораздельное.

— Очень старательно поработала.

— В последнее время англичане ведут себя так, словно нашего воздушного флота вообще не существует.

— Это Геринг ведет себя так, словно ни его, ни воздушных армад уже давно и в помине нет, — прозвучал в словах рейхсфюрера отзвук его трононаследнических размышлений.

— Тоже верно.

— Так что англичане здесь, по существу, ни при чем. Они — враги, а потому действия их понятны и вполне объяснимы. Труднее поддается объяснению многое другое, что происходит сейчас в рейхе.

— Так, может, самое время открыть фюреру глаза на то, что происходит... — вкрадчиво посоветовал адъютант, не обращая внимания на присутствие водителя, которому, впрочем, Гиммлер доверял безоговорочно.

— Было время, когда, действительно, самое время было объяснить ему это, — мрачно скаламбурил рейхсфюрер. — Но оно ушло. И не возвращайте меня к этой теме, Брандт.

— Еще раз прошу прощения, — облегченно, с чувством честно исполненного долга, откинулся на спинку сиденья адъютант.

«Когда трагедия Третьего рейха вступит в свою последнюю стадию, — предался размышлениям

рейхсфюрер СС, — и каждый сам для себя будет решать: спасать ли ему свою жизнь или жертвовать ею ради рейха, спасти который уже невозможно, — вот тогда все они опять бросятся к Скорцени. К его парням, его фальшивым деньгам, зарубежным явкам, пограничным «коридорам» и поддельным документам. Поэтому позаботься, чтобы потом, когда все символы государственной власти и воинской дисциплины окажутся столь же иллюзорными, как и сама идея Великого рейха, этот человек служил не кому бы то ни было другому, а именно тебе».

Сказав себе это, Гиммлер инстинктивно оглянулся: не произнес ли он чего-либо вслух. Однако коротышка Брандт уже безмятежно дремал, почти утонув в высоком мягком сиденьи.

— Как мудро все устроено в этом мире, — уже почти сквозь сон пробормотал адъютант, словно бы пытался развеять самые мрачные предсказания своего шефа.

— Ценитель вы наш! — проворчал Гиммлер.

— И все же, как мудро!..

«Только с такими людьми, как Скорцени, — упорно возвращался к своим мыслям Гиммлер, — и можно начинать возведение нового, Четвертого рейха. Поэтому сделай так, чтобы обер-диверсант рейха всегда оставался преданным тебе. Не Адольфу, а тебе».

Вернувшись в Берлин, «первый диверсант рейха» тотчас же приказал Родлю разыскать личного дантиста фюрера.

— Но он вряд ли согласится... — попытался отговорить его от этой идеи адъютант, но Скорцени

успокоил:

— Вам нечего волноваться, Родль. Он с неопиcуемой радостью исполнит все, что мы прикажем.

— А что мы можем приказать ему?

— Для начала, он основательно займется вашими зубами, Родль.

— Моими... зубами?! — на лице Родля выразился такой ужас, словно он уже оказался в кресле разгорячившегося дантиста.

— Не моими же! Неужели вы думаете, что я позволю ему выдергивать собственные зубы? Тогда уж лучше направить его к Кальтенбруннеру.

Они оба рассмеялись. В управлении знали, что во рту шефа РСХА не осталось ни одного здорового зуба, поэтому говорил он невнятно, и зловоние изо рта источал такое, что однажды Гиммлер лично приказал ему отправиться к дантисту, чтобы основательно заняться лечением.

По тому, как обергруппенфюрер тянул с выполнением этого приказа и как в конце концов не выполнил его, наведавшись к врачу не более двух-трех раз, его подчиненные очень быстро определили, что тот охотнее отправился бы в подвалы к Мюллеру, чем к лучшему дантисту Германии.

— Если к Кальтенбруннеру, тогда дантисту повезло. Ну а кто на самом деле станет его жертвой?

— Зомбарт.

Адъютант разочарованно пожал плечами.

— Неужели на зубную боль он решил пожаловаться вам лично?

— В том-то и дело, что нет. Но это не должно смущать нас. Все вставные зубы, коронки... словом, все, что может быть на челюстях двойника, должно быть точно таким же, как на челюстях фюрера. Абсолютно идентичным. Так и передайте дантисту. И если он с этим не справится, я займусь его собственными зубами.

— Это будет неподражаемое действо.

— Вы пока что не способны представить себе это.

— И все же представляю, — угрюмо заметил Родль, задумавшись над тем, как бы поделикатнее подвести к этой мысли самого зубодрала. — То есть следует понимать, для Зомбарта наступает вторая часть его перевоплощения, до которой никто другой из двойников не дошел.

— Но об этом будем знать только я и вы. И никто больше.

О дантисте же мы со временем позаботимся.

А под вечер в кабинет Скорцени ввели насмерть перепуганного хирурга, который неоднократно обследовал Гитлера, но затем, повздорив с личным врачом фюрера Морелем, впал в их общую немилость. Ужас хирурга объяснялся тем, что во время обыска у него в квартире были обнаружены записи, касающиеся здоровья фюрера. Целое медицинское досье.

— Я отдаю себе отчет в том, что эти медицинские данные, — лепетал окончательно впавший в прострацию эскулап, — составляют одну из величайших тайн рейха...

— Одной из самых величайших тайн рейха, которую познает этот кабинет, станет ваше исчезновение, доктор Нойман. Все остальные тайны обычно остаются за пределами этого здания.

Наличие досье оказалось полной неожиданностью для Скорцени. Обыск в его квартире был устроен исключительно для устрашения хирурга и подавления его воли. Однако теперь Нойман был так напуган, что штурмбанфюреру предстояло каким-то образом выводить его из этого состояния.

— Но, поверьте, я берег эти бумаги, рассчитывая, что, возможно, фюрер еще раз обратится ко мне. И я должен быть готовым...

— Так вот, — стукнул Скорцени кулаком по столу так, что доска должна была бы дать трещину, — этот случай представился. Вам будет предоставлена официальная медицинская карта Гитлера. Мало того, вам предоставят снимки его тела.

— Тела?! — подхватился со своего стула Нойман.

— Не радуйтесь, до вскрытия дело не дойдет. Вынужден огорчить: несмотря на всю медицинскую изощренность вас и ваших коллег фюрер все еще жив...

— Вы не правы, Скорцени, — обессилено опустил на свое место хирург. — Лично я принадлежу к священным сторонникам фюрера.

— Мюллер охотно поверит вам. «Священные сторонники фюрера» обычно проходят по его ведомству.

— Вы не так поняли меня...

— Так вот, — прервал его Скорцени, — вам предоставят четкие снимки всех частей его тела. Всех!

— Но... зачем?! — задохнулся Нойман от нахлынувшего на него ужаса. — Какой необходимостью это вызвано?

— Чтобы потом отдать вам на растерзание двойника фюрера.

— Двойника... фюрера?

— Понимаю: вам бы хотелось, чтобы мы расчленили самого фюрера.

— Значит, речь все же идет о двойнике, — облегченно вздохнул хирург, постепенно начиная привыкать к агрессивно-ироничной манере высказываний Скорцени. — И кто этот господин?

— Имени вам знать не обязательно.

— Естественно. Я не должен знать его настоящего имени, и даже не должен проявлять любопытства по этому поводу. — Буйная, почти лишенная седин, шевелюра хирурга мешала определить его возраст. В то время как по типу лица в нем легко можно было

признать человека, какой угодно национальности, вплоть до самой «неприемлемой».

Тем не менее, гестапо пока что не интересовалось — по крайней мере, всерьез — ни его родословной, ни степенью надежности. Что, конечно же, было возмутительной оплошностью Мюллера.

— Это было бы очень благоразумно с вашей стороны.

— В то же время сделаю все, что от меня требуется.

— И даже больше, — жизнерадостно заверил его «самый страшный человек Европы».

— Как прикажете, штурмбанфюрер. Я всегда восхищался вами.

Скорцени брезгливо поморщился: вот чего он терпеть не мог, так это славословия.

— Прикажу вернуть его со всеми теми шрамами, ранами и прочими изъятиями, которые есть у фюрера. Со всеми! Вы поняли меня?!

— Но у фюрера шрам от ранения. Он старый.

— А вы запишете в его медицинской карте, что рану пришлось вскрыть. Болела, ныла. То есть обновите ее. Что еще? — поднялся Скорцени, давая понять, что разговор завершен. — Да, вам выделяют палату в одном из секретных госпиталей. Секретных, подземных, — решил Скорцени, что лучшего места, нежели «Регенвурмлагерь», ему не сыскать. — Все.

— Видите ли, — замялся Нойман, — остается одна деликатность.

— Какая еще «деликатность»?

— Дело в том, что, вследствие ранения фюрер лишился одной из важнейших мужских принадлежностей.

Скорцени застыл с приоткрытым ртом.

— Нет, это не то, о чем вы подумали.

— Молите Господа, что при этом не присутствует Ева Браун. Она бы вам подобного намека не простила.

Чего же он лишился?

— Яичка.

Скорцени сочувственно и в то же время недоверчиво помолчал.

— Когда, а главное, каким образом это произошло?

— В медицинской карточке фюрера все описано.

— Что, вообще обоих яичек?

— К его счастью, только одного^[48], — Нойман растерянно развел руками, словно вина за потерю этой драгоценности лежит именно на нем. — Но для мужчины это тяжкая потеря.

— Кто бы мог усомниться в этом?!

— Произошло это еще после прошлой войны. И хирурга, который... — Он умолк и растерянно уставился на Скорцени.

— Чего вы умолкли?

— Этого хирурга уже нет.

— Насколько мне известно, такую операцию может проделать любой фельдшер. Или, может быть, хирург, оперировавший Гитлера, обладал каким-то особым «почерком»?

— Никаких особенностей.

— Тогда в чем дело?

— Не можем же мы...

— Почему вы решили, что не можем? Мы-то с вами как раз все можем. А уж тем более — это.

Нойман еще больше сник и вобрал голову в плечи.

— Что вы мнетесь, дьявол меня расстреляй?!

— Но это же кастрация...

— Да что вы говорите?! Но одно-то у него еще остается! И вообще, чем двойник фюрера Зомбарт лучше фюрера? Почему фюрер должен довольствоваться только одним, а он — двумя?!

— Убийственная логика, — признал хирург, суетно подергивая дрожащими, по-горильи волосатыми

руками.

— Так чего вы от меня ждете? Что, пожалев двойника фюрера, пожертвую своим собственным яичником! Нет, скажите прямо: вы этого хотите?!

— Что вы, что вы! — мертвецки побледнел Нейман. — В мыслях ничего подобного не возникало.

— Тогда вон отсюда! И чтобы никаких псалмопений по этому поводу, никаких псалмопений!

— Несмотря на неопиcуемый — хотя и показной — гнев «самого страшного человека в Европе» у двери хирург все же споткнулся и остановился.

— То есть должен понимать так, — пролепетал он, — что вами отдан приказ?

— Для вас лучше было бы не слышать формулировки приказа, который будет касаться лично вас, Нойман, если вы еще раз решитесь представлять передо мной с подобными глупостями. Завтра же в ваше распоряжение поступит секретный «пациент номер, два», вместе с которым вас доставят в секретный исследовательский госпиталь одного из концлагерей.

— Понимаю, понимаю... — едва слышно пролепетал Нойман.

— Вернетесь ли вы оттуда вместе с пациентом или же останетесь в подземелье навсегда, — зависит от того, насколько у вас хватит фантазии и благоразумия. А что касается извлеченной «достопримечательности» этого пациента, то вам будет позволено носить ее на груди, в виде талисмана.

— Я понимаю вашу привязанность к Великому Зомби, гауптштурмфюрер Родль, но в последнее время

меня больше стали занимать те, истинные зомби, которые должны возникнуть в подземельях «Регенвурмлагеря».

— Судя по европейской прессе, все мы, еще сражающиеся за интересы рейха, уже напоминаем кое-кому зомби.

— Уж не меня ли янки хотят взять за образец зомби-СС?! — артистично изумился Скорцени.

— Персонально пока что никто не назван, — чопорно доложил обер-диверсанту рейха его адъютант.

— Растерялись? Не решаются?

— Просто у янки и томми существует примета: никогда не упоминать всуе вашего имени, как имени «самого страшного человека Европы».

Адъютант Родль только что просмотрел подготовленный для Скорцени аналитиками имперской службы безопасности краткий обзор прессы противника, и пребывал в том «состоянии предудныния», в которое впадал всякий раз, когда его вынуждали взглянуть на положение Германии глазами человека из-за Ла-Манша, а то и из-за Атлантики. Потому что все отчетливее понимал: мир — мыслящий, цивилизованный мир — давным-давно отвернулся от рейха. И теперь вопрос жизни и смерти состоял уже не в том, чтобы победить в этой войне, а в том, каким образом примириться с народами, которых германцы по своей воле превратили во врагов.

— Я всегда считал, что чтение газет не способствует повышению воинственности вашего духа, Родль.

— Пусть это зачтется мне как самопожертвование, — положил тот на стол перед обер-диверсантом только что отпечатанный краткий обзор прессы, давая тем самым понять, ради кого он приносит себя в жертву.

Скорцени взял дайджест, бегло пробежал взглядом первые абзацы и отшвырнул его на край стола.

— По-моему, перечитать все это способен только человек, решивший, что жертвовать ему уже нечем и незачем, — возразил он, снисходительно пожимая плечами.

— И еще: два дня назад вы попросили подготовить досье на унтерштурмфюрера Фридриха Крайза...

— Это еще что за Фридрих? — поморщился Скорцени. — Если учесть, что все Фридрихи Германии были Великими.

— По национальности — фриз. В свое время «выловлен» был в глубинах одного из островов Восточно-Фризского архипелага.

— Вы имеете в виду известное нам обоим Фризское Чудовище?

— Так точно.

— Так называйте его своим именем. Нашли что-либо достойное внимания?

— По-моему, здесь все достойно внимания, вплоть до оставленных осведомителями гестапо чернильных клякс.

— Потому что жизненный путь любого из нас для гестапо — всего лишь большая, несуразнаялернильная клякса из составленного на него досье.

Скорцени поднялся из-за стола, открыл огромный сейф и добыл из его зева тоненькую папочку.

— Здесь всего три донесения из «Регенвурмлагеря», касающиеся не столько вашего любимца-фриза, сколько первого коменданта Рейх-Атлантиды.

— Штандартенфюрера Овербека? — удивленно уставился на него адъютант. — Но он уже отправлен в мир иной.

— А кто вам сказал, что досье расстреливают вместе с теми, на кого они заведены? Вы где служите, Родль? Сколько еще вы должны прослужить в СД, чтобы понять, что самые интересные сведения о

расстрелянных нами как раз и начинают поступать из того мира, в который мы их отправляем?

— Я учту это, господин штурмбанфюрер.

— Так вот, для начала, возьмите эту папку и наполните ее так, чтобы по толщине она могла сравниться с досье, составленным Последним Мюллером рейха на нас обоих^[49].

— Не дотянем, господин штурмбанфюрер. У Мюллера особый талант. Впрочем, наши архивариусы уже кое-что накопили. Несколько минут терпения.

«Фризское Чудовище! — удивился Скорцени тому, что в бомбово-кровавой суеде войны умудрился позабыть об этом типе, о котором в свое время впервые прослышал еще от коменданта Овербека, когда тот посвящал его в подробности посещения «Регенвурмлагеря» фюрером. — Куда девался последний великий хронист войны Штубер? Еще один экземпляр для его коллекции «неповторимых воителей XX века».

Пока Родль доставлял ему папку, — поначалу адъютанта задержал в приемной телефонный звонок, затем отняло время появление кого-то из офицеров, которого он отказался пропустить к шефу, — сам Скорцени повторял ту же ошибку, в которую успел ввергнуть себя с утра Родль: просматривал обзор прессы.

Американцы сообщали о высадке дополнительного контингента своих войск на юге Италии. Англичане аристократично намекали на возможность еще одного прыжка «британского льва» через Ла-Манш, на этот раз — для освобождения Бельгии и Голландии. Вконец обнаглевший обозреватель французской газетенки, издающейся где-то в Алжире, размышлял о переустройстве послевоенной Европы, в которой Германии отводилась, видите ли, роль «подопечной

территории» под мандатом Лиги Наций или Совета стран-победительниц.

Причем территория этой «подмандатной» Лиге Нации Германии» виделась ему предельно урезанной, да к тому же расчлененной на восточную (реверанс в сторону русских) и западную зоны влияния.

«Скопище мерзавцев! — зашвырнул Скорцени обзор на конец приставного стола. — Трусливо бежать из страны, забиться в глубины африканских пустынь и оттуда пророчествовать относительно передела Германии, рассуждая о великой империи, как о подопечной территории, о некоем бантустане!»

Однако тут же остепенился: «В свое время мы точно так же делили территории стран, еще не захваченных Германией. Но, по крайней мере, делали это, пребывая в своем государстве, возвышаясь над окружающим миром мощью армии».

Появившись в кабинете, Родль, прежде всего, метнул взгляд на растрепанные страницы обзора, едва удерживавшегося на самом краешке длинного стола, и даже не счел необходимым скрыть свою ироничную ухмылку: поглощение этого антигерманского чтива оказалось вредным не только для него, но и для Скорцени. Невзирая на непробиваемость железных нервов обер-диверсанта рейха.

— Вы заметили, Родль, что ваше появление с досье на очередного рыцаря этой нескончаемой войны похоже на ритуал, достойный летописи?

Высокий, увенчанный диадемой из темно-русых, жестких, слегка вьющихся волос, загоровший лоб Родля барханно поморщился. Гауптштурмфюрер знал, что словесная игра, которую обычно затевал в таких случаях Скорцени, уже сама по себе составляет некую часть ритуала посвящения в тайны жизни очередного странствующего рыцаря войны, и что первый диверсант рейха всегда придавал ей очень большое значение. К

счастью, игра эта редко переходила в настоящую словесную дуэль: шеф, как правило, слишком был занят собственными размышлениями, чтобы прислушиваться к размышлениям адъютанта, представавшего перед ним на этом словесном ринге лишь в роли словесного спарринг-партнера.

— Все, кто удостоен чести пасть перед вами в виде досье, тем самым уже становятся избранниками истории. — Родль не льстил Скорцени, да штурмбанфюрер и терпеть этого не мог. Он всего лишь констатировал факт.

— Тем, кому повезет «пасть» на стол Последнего Мюллера рейха, — повезет еще больше.

— Это уже счастливики. Не будем завидовать их судьбе.

22

Открыв первую страницу досье, Скорцени вначале отшатнулся, а затем наклонился, и, хотя зрение его по-прежнему оставалось отменным, слишком уж пристально, и как-то подслеповато всмотрелся в то, что было изображено на фотографии.

«Да уж, там есть на что посмотреть, — ухмыльнулся про себя адъютант. Несколько минут назад он и сам уже пережил нечто очень близкое к шоку. — Господь и случай не поскупились».

Тем временем Скорцени оторвался от лицезрения изображенного на фотографии существа, перевел очумелый взгляд на гауптштурмфюрера, но, так и не добившись разъяснений, вновь уставился в лицо героя досье.

— Что это здесь наклеено, Родль?

Гауптштурмфюрер всегда очень чутко улавливал грани черного диверсионного юмора Скорцени, однако на сей раз и удивление его шефа казалось вполне искренним, и вопрос звучал со всей возможной серьезностью.

— Как и положено: фотография, — с нарочитой обыденностью объяснил он шефу, — может, не самый лучший фотограф занимался им, так ведь не в каждой казарме...

— При чем здесь фотография, Родль?! Такое не выдержит ни одна пленка. Я спрашиваю, кто здесь изображен?

— На фотографии, — щелкнул каблуками Родль; дружеское расположение к нему Скорцени никогда не позволяло адъютанту забывать, кто он есть и с кем имеет дело; Скорцени это нравилось, — изображен унтерштурмфюрер Фридрих Крайз. Кличка и агентурный псевдоним «Фризское Чудовище». В настоящее время проходит службу в «Регенвурмлагере».

— Он проходит... службу?

— Без взысканий.

— Но вы же понимаете, что...

— Утверждают, что на фотографии он выглядит значительно привлекательнее, нежели в жизни, — заверил его адъютант. — Впрочем, это уже вопрос вкуса, а главное — впечатлительности.

Даже люди, очень часто сталкивавшиеся со Скорцени и его адъютантом, не всегда могли понять, когда они говорят между собой всерьез, а когда — дурачатся.

— И где же оно сейчас, это Фризское Чудовище?

— В «Регенвурмлагере». Комендант лагеря бригаденфюрер фон Риттер вполне доволен им, я справлялся.

— Ну, если подбор гарнизона ведется по такому принципу, то вскоре враг столкнется с чем-то поистине чудовищным.

Родль приблизился еще на два шага и, приподнявшись на носках, робко заглянул в досье. Скорцени истолковал его намерение в духе того, что адъютант решил освежить свои впечатления. И, судя по выражению его лица, ему это удалось.

— Вы правы, Родль, на такое личико наглядеться трудно, хочется носить его фотографию в нагрудном кармане. Чем он там занимается, этот унтерштурмфюрер Крайз?

— Буквально вчера комендант «Регенвурмлагеря», исходя из приказа Кальтенбруннера, назначил его начальником подземной «Лаборатории призраков».

— «Лаборатория призраков» — это хорошо, это как раз для Фризского Чудовища, — одобительно кивнул Скорцени, но тут же спохватился. — Там что, существует и такая лаборатория?

— ...Недавно созданная.

— Где собирают красавцев по образу и подобию унтер-штурмфюрера Крайза?

— По-моему, именно там их и сотворяют.

— Считаете, что в «Лаборатории призраков» их выпускают серийно?

— Утверждают, что пока что лаборатория эта проводит изыскания в области нового типа гомо сапиенс.

— Сказали бы проще, Родль: пытаются родить зомби.

— Все никак не смирюсь с этим словцом.

— В любом случае, фон Риттер не лишен вкуса. Но ведь зомби — это зомби. В этой лаборатории не сотворяют нечто подобное тому, что вы осмелились положить мне на стол.

— Испытывают гомо сапиенс, а получаются «фризские чудовища». Причем унтерштурмфюрер Крайз — лучший из образцов. Эстетически наиболее выдержанный.

— Значит, бригаденфюрер фон Риттер не лишен чувства юмора. Чего никакие скажешь о вас, Родль. Вы все воспринимаете в самых мрачных тонах.

Адъютант понял, что, по существу, таким образом, — в самых что ни на есть мрачных тонах своего собственного юмора, — Скорцени упрекнул его в легкомыслии. Но что поделаешь, шеф сам повел разговор в таком духе.

— Однако замечу, что лаборатория все же существует, — поспешил деликатно оправдаться Родль. — И Крайз действительно возглавляет ее. Говорят, там собраны лучшие умы Германии и ряда других стран.

— Это чувствуется, — постучал он ногтем по фотографии унтерштурмфюрера. — Впрочем, восточная мудрость гласит, что когда безобразное достигает своего предела, наступает прекрасное. Но понятно, что в этом утверждении восточные мудрецы, как всегда, слишком перемудрили, — как считаете Родль?

— Вряд ли фон Риттер догадывается об этом. Скорее всего, действует по наитию.

— Так кого же сотворяют в «Лаборатории призраков» на самом деле? Кому понадобились обычные зомби в «Регенвурмлагере», которому вскоре предстоит оказаться в прифронтовой полосе?

— Там готовят солдат-призраков, господин штурмбанфюрер. Будущих подземных обитателей и защитников «Лагеря дождевого червя». Лишенных памяти, рассудка, инстинктов, и еще чего-то там — защитников «СС-Франконии».

— Теперь таких, лишенных памяти и рассудка, развелось немало. Но я всегда считал, что

«Лаборатория призраков» не имеет к этому никакого отношения. Недавно мы с вами испытывали целый взвод зомби, но, если помните, сотворяли их не в «Лаборатории призраков».

— И все же, Крайз — ведущий ученый. Получеловек-полудьявол, связанный с некими Высшими Силами.

Скорцени поморщился и еще раз всмотрелся в изуродованное ожоговыми шрамами и какими-то странными наростами лицо, в копну спадающих на щеки нерасчесанных волос. На фото Крайз был в гражданском, поэтому вид его разительно несоответствовал самому представлению об офицере СС. Уяснив это, Скорцени нервно осклабился, по всей вероятности, с трудом сдерживая отвращение.

— Может, лучше убрать это досье, господин штурмбанфюрер?

— Нет уж! Руководитель «Лаборатории призраков» «Регенвурмлагеря»... Такого человека мы с вами, Родль, обязаны знать, что называется, в лицо. Особенно если учесть, что только что лагерем вплотную заинтересовался фюрер. Кстати, как там чувствует себя наш комендант?

— Рядом с Крайзом барон фон Риттер будет выглядеть настоящим красавцем. Так что фюреру приятно будет сравнивать их.

— В этом можно не сомневаться. — Скорцени знал, что представляет собой этот полуазиат-бригаденфюрер, поэтому смог оценить мрачное пророчество Родля.

— Я, конечно, кое-что слышал об увечности Крайза, — признался он по этому поводу. — Овербек описывал мне его внешность, предлагая поддержать при назначении на должность в «СС-Франконию», однако видеть живую не приходилось. Поэтому даже не предполагал, дьявол меня расстреляй, что все

настолько уж... необычно, — с трудом подобрал он наиболее мягкое в подобной ситуации выражение.

— Иначе его вряд ли стали бы называть «Фризским Чудовищем».

— А как он ведет себя так вот... в обычной жизни?

— Чертовски силен, и если его разозлить...

— Ну, уж злить-то мы его, конечно, не решимся, — заверил Скорцени. — Кто рискнет?!

— Но, в общем-то, он довольно смирный. Говорят, с ним вполне можно ладить.

— Пойдите, у него что, достаточно образования, чтобы возглавлять лабораторию? — полистал Скорцени последние донесения, пытаясь добраться до бумаги, в которой значилось бы покорившееся Крайзу учебное заведение.

— Медицинский факультет университета, — пришел ему на помощь Родль.

— Это сразу же должно в корне изменить наше отношение к нему?..

— Не уверен. Но знаю, что кроме Крайза в лаборатории работает главный специалист, а также целый штат всех прочих специалистов. В том числе из Африки, Гаити и Тибета. По крайней мере, так следует из рапорта бывшего коменданта «Регенвурмлагеря» штандартенфюрера — тоже бывшего — Овербека. Этот рапорт имеется в досье.

— И за что его, этого бывшего, хотели расстрелять?

— Не только хотели, но и расстреляли.

Скорцени прокашлялся и промолчал. Он забыл, что так и не раскрыл тайны псевдонима «Центурион», под которым скрывался Овербек в роли командира взвода зомби-воинов.

— В чем его официально обвиняли?

— Судя по всему, он попросту свихнулся.

— Да-да, кажется, что-то припоминаю. Мы ведь занимались им. Хорошо, оставьте эти бумажки,

постараюсь трепетно вникнуть в суть изложенного в них. А относительно того, что свихнулся... Стоит ли удивляться, Родль: в подземелье, в кругу чудовищ и призраков, ощущая, что и сам ты уже не что иное, как призрак и чудовище?..

— Что вполне понятно...

«Чем только ни приходится заниматься, в то время когда на всех фронтах идут сражения и везде найдется работа диверсантам», — помассажировал болезненно пульсирующие виски Скорцени, чувствуя, что не мешало бы немного развеяться. Где угодно, хоть на вершине Абруццо.

— Я свободен, господин штурмбанфюрер?

— Признайтесь, Родль, что ведь вы тоже никогда не бывали в подземельях «Лагеря дождевого червя»?

— Не имел удовольствия.

— Тем не менее, не проявляете к ним абсолютно никакого интереса, — упрекнул его Скорцени.

— Никакого, — и Родль молитвенно перевел взор на потолок, обращаясь к Господу с молитвой удержать его шефа от паломничества в «Лабораторию призраков».

— Это вы, Родль, напрасно: к делам и душам диверсантов Господь во все века оставался абсолютно равнодушным, — уловил его настроение штурмбанфюрер. — Как и вы — к делам «Регенвурмлагеря».

— На когда прикажете планировать вашу поездку? — не стал Родль ни оправдываться, ни задавать лишних вопросов.

Отыскав едва заметную просеку, самолет связи резко пошел на снижение, погружаясь в голубовато-зеленое чрево лесного бора. На самом деле эта просека была взлетно-посадочной полосой затерянного посреди большого лесного массива аэродрома, значительная часть которого, в том числе и выдолбленные в каменистых холмах ангары, была замаскирована сетью. И лишь очень немногие из авиаторов знали, что из одного из ангаров тщательно замаскированный вход ведет в подземный мир «СС-Франконии», тоннели которой пролегали под всей территорией аэродрома.

— Вам не кажется, Родль, что последние обитатели этого объекта покинули его еще месяц назад? — спросил Скорцени, выходя из машины вслед за адъютантом.

— Ничего удивительного: аэродром принадлежит «Регенвурмлагерю», а всякое появление на свет божий его «дождевым червям» противопоказано. И вообще, это уже рейх в рейхе. Кстати, а вот и самые достойные из его представителей...

Скорцени с любопытством взглянул на появившихся из тщательно замаскированного блиндажа солдат аэродромной obsługi. Одетые в зеленые маскхалаты, увешанные сосновыми веточками, они поспешно, не обращая внимания на прилетевших, устанавливали на полосе бутафорские сосенки, произрастающие из небольших деревянных ящиков. Судя по всему, полоса освобождалась лишь на время приема очередного самолета, чтобы затем вновь исчезнуть под плантацией сосенок и прочей растительности.

— Вы не правы, Родль, к мерам секретности здесь относятся значительно серьезнее, нежели мы с вами предполагали.

— На сей раз позвольте не согласиться, — возразил Родль, давно привыкший к тому, что везде и всегда неправ. Ибо такова его адъютантская судьба.

Скорцени непонимающе уставился на него.

— Если бы все это действительно задумывалось всерьез, то и подземелья «Регенвурмлагеря», и этот аэродром-призрак под кодовым названием «Призрак-зет», создавались бы не на территории Польши, а по ту сторону Одера, в Германии.

Обер-диверсант рейха задумчиво кивнул. Он провел взглядом постепенно скрывающийся, вначале под маскировочной сетью, а затем и в ангаре «физелершторьх» и лишь потом заметил появившихся чуть в стороне от него, из скалы-дота, троих офицеров.

— Как только я начинаю предаваться вашему пессимизму, гауптштурмфюрер, тотчас же вспоминаю, где располагается бункер «Вольфшанце». Не говоря уже о главной полевой ставке фюрера «Верфольфе». Что поделаешь, в сорок первом карта Европы, как и весь мир, виделись несколько по-иному.

— Вот в чем труднее всего будет убедить наших потомков! Они-то будут воспринимать географическую карту таковой, каковой она есть на самом деле.

— Каковой мы ее начертим, Родль, — сурово уточнил Скорцени. — Каковой мы ее... начертим.

Обер-диверсант ухмыльнулся той суровой, загадочной ухмылкой, которая заставляла умолкать даже привыкшего ко всему адъютанта и, не спеша, двинулся в сторону встречающих. Это были комендант «Лагеря дождевых червей» бригаденфюрер фон Риттер, его адъютант Удо Вольраб, а третий, судя по его летному мундиру, мог оказаться начальником аэродрома.

— Мне известно, что комендантом я стал благодаря вашей поддержке, — удивил его своей слишком уж несвоевременной откровенностью барон, которого присутствие при этой встрече еще трех офицеров совершенно не смущало.

«Мог бы добавить, что и генералом — тоже», — мысленно дополнил обер-диверсант. Даже в мундире генерала СС фон Риттер напоминал некое степное азиатское изваяние. Как человек со столь откровенной азиатской внешностью и с азиатской кровью! мог оказаться в рядах СС, это для Скорцени оставалось полнейшей загадкой.

— Прежде всего, меня интересует «Лаборатория призраков», — молвил Скорцени, вежливо поблагодарив перед этим начальника аэродрома и объявив ему, что тот может быть свободным.

— Если речь идет об этой лаборатории, — молвил комендант, — то унтерштурмфюрер Крайз ждет вас.

— Крайз? Это его называют «Фризским Чудовищем»? — запустил пробный шар обер-диверсант.

— Причем совершенно справедливо. Его давнишняя кличка. Еще по острову, на котором обитал, словно ископаемое животное.

— Теперь я кое-что припоминаю из его досье, — прервал экскурс фон Риттера в далекое прошлое жизни Фризского Чудовища обер-диверсант рейха.

Один из входов в «Регенвурмлагерь» начинался в задней стене дота. Однако бригаденфюрер усадил гостей на трофейный американский джип и в сопровождении двух мотоциклов повез к лесному озеру. Вездеходик преодолел поросшие мхом руины укреплений, остававшихся здесь еще со времен Первой мировой, затем миновал доты Мезерицкого укрепрайона и, пройдя километра два по устланному хвоей «туннелю» из высоких сосновых крон, доставил их к холмистому берегу.

Водитель остановили свой джип у входа в огромный, теперь уже настоящий, туннель, в который можно было въезжать, как под арку моста.

— Эта пасть «Регенвурмлагеря» будет каким-то образом прикрыта и замаскирована? — на ходу

поинтересовался Скорцени, оставляя машину.

— Не планировалось. Вряд ли русские или поляки сунутся сюда.

— Можете не сомневаться: сунутся.

— Мы отключим свет и будем истреблять их у каждой ниши, каждого ответвления, — барон фон Риттер воинственно оглядел мрачный зев туннеля, в глубине которого тускло мерцал розоватый светильник, и взялся за висевший на груди бинокль, словно намерен был приступить к командованию блокированным гарнизоном «СС-Франконии» прямо сейчас. — Они понесут здесь такие потери, какие не понесли под Москвой и Сталинградом.

— Тут уж лучше сравнивать с нашими потерями, — заметил Скорцени, ухмыляясь. — Под тем же Сталинградом. Сражаться под землей, наступая в мрачном незнакомом подземелье, будет особенно трудно, согласен. Тем не менее вход придется замаскировать искусственно созданной скалой, в центре которой будет находиться дот.

— В проекте строительства «Регенвурмлагеря» подобного прикрытия предусмотрено не было.

— Так предусмотрите.

— Мы изменим проект, — сдержанно пообещал барон фон Риттер. — А пока что отправимся в ту часть «СС-Франконии», что расположена автономно, и в которую невозможно попасть из туннеля, чьи ворота мы только что видели.

Преодолев по едва приметной тропинке болотистый лесочек, они предстали перед небольшим причалом, который на самом деле оказался довольно внушительным плотом. Двое солдат, коих адъютант бригаденфюрера прихватил из гарнизона ближайшего дота, взялись за толстые жерди, и «рейхс-ковчег» медленно поплыл по мелководному лесному озеру в

сторону сереющего посреди заводи бетонного сооружения.

Еще на подходе к нему, Скорцени услышал характерный шум спадающей вниз воды, очень напоминающий едва приглушенный гул водопада.

— ...Совершенно верно, она падает с той, невидимой из берега, стороны, — самодовольно объяснил фон Риттер, радуясь, что ему есть чем удивить даже ничему не удивляющегося Скорцени. — При этом высота заборной щели регулируется из подземелья.

— Таким образом лагерь обеспечивается питьевой водой?

— Для питьевого водоснабжения у нас существуют подземные колодцы. В том числе и с лечебными источниками. Эта же спадает на лопасти подземной электростанции.

— Солиднее, нежели я предполагал. Куда же она потом девается?

— Выходит по подземному руслу на поверхность, впадая в одной из долин в реку. Внешне это напоминает обычный выход подземных вод. Кстати, заводь эта сотворена искусственно. Дно ее покрыто мощным слоем бетона, не позволяющего воде просачиваться внутрь. Кстати, этот «водозаборник», как называют его инженеры, тоже будет замаскирован под поросший густым кустарником островок.

— Что было бы весьма кстати. А как относятся к существованию вашей базы окрестные поляки?

— В основном восхищаются нашей предусмотрительностью, — мрачно и воинственно усмехнулся комендант. — Тем более что в близлежащих селах проживают теперь уже в основном немцы. От поляков эта территория, по существу, очищена.

— А всего таких электростанций будет три, — добавил адъютант коменданта Удо Вольраб. — Две

гидро- и одна тепловая. Плюс тайные отводы от нескольких наземных подстанций.

Из чистого любопытства, заглянув в колодец, дно которого было покрыто водой, Скорцени обратил внимание, что за невидимой со стороны ближайшего берега стенкой чернеет бетонный кармашек, в глубь которого уходит металлическая лестница.

— Этот «лаз» предусмотрен для отхода солдат, которым выпадет честь прикрывать «водозаборник», находясь в еще недостроенном доте, — вновь превратился в гида бригаденфюрер. Скорцени заметил, что ему нравилось выступать в этой роли. Объяснял и показывал фон Риттер с видом хозяина, которому есть чем похвастаться.

— А также для выхода на поверхность при выполнении диверсионных заданий, — задумчиво добавил обер-диверсант, потирая пальцами искореженный шрамами подбородок. — Кстати, что это за труба? — указал на закопченный круг рядом с выходом из подземелья.

Бригаденфюрер сошел с плота, потоптался на бетонном пятачке, обеспечивающем подступ ко всем трем спаренным отверстиям, заглянул в глубь него, словно видел впервые, и только потом объяснил:

— Это всего лишь труба крематория.

— Что, и крематорий здесь тоже предусмотрен? — удивленно уточнил Скорцени.

— Перед вами — труба одного из крематориев. Они работают по ночам, когда дым их сливается с озерной дымкой и сумраком, — артистично развел руками барон. — Ничего не поделаешь, условности жизни. Для кого-то колокола небесные начинают звонить не на этой грешной земле, а уже под ней.

— ...И таковых будет становиться все больше, — согласился Скорцени, демонстративно посматривая на часы. Ему не хотелось стоять у крематорной трубы

дольше, чем того требовало уважение к создателям бетонно-лагерного чуда.

Вскоре плот вновь доставил их к причалу охранного дота, а еще через несколько минут джип штурмбанфюрера въехал в огромный тоннель, по которому спокойно могли проходить крытые брезентом грузовики, и начал медленно погружаться в глубины «СС-Франконии».

У первого же поворота Скорцени инстинктивно оглянулся, и сердце его тревожно сжалось. Он почти с ужасом подумал о том, что, возможно, по этому тоннелю ему придется уходить в подземелье на долгие месяцы. Он явно не готов был к подземной жизни и воспринимал свое погружение в «Регенвурмлагерь», как некое самозахоронение.

«Но я еще вернусь в этот мир! — спасительно вспомнил о своем призабытом «родовом девизе». — Я еще пройду его от океана до океана!». — А немного поколебавшись, и тоже мысленно, добавил: — Желательно, конечно, по поверхности».

Крайз ожидал их у будки охранника, возле центрального входа в штабную цитадель «Регенвурмлагеря». Громадный, бесформный, он предстал перед Скорцени в облике истинного «дьявола подземелья». И штурмбанфюреру вдруг подумалось, что, независимо от того, кто со временем будет числиться здесь комендантом, его заместителем и начальником службы безопасности, — истинным хозяином подземной базы СС, этой «Рейх-Атлантиды», все равно будет являться именно он, Крайз. Потому что

именно он самим Творцом создан для олицетворения истинного обитателя рукотворного ада; одухотворения самой потусторонности этого, постепенно отрекающегося от земной цивилизации, подземного мира.

— Это я и есть — Фризское Чудовище, — оголил два ряда длинных, ятаганно изогнутых зубов начальник «Лаборатории призраков». Его улыбка казалась жутковатее самого грозного звериного оскала; а любая «маска ужаса», надетая на это искореженное шрамами, кроваво-пепельными наростами и глубокими морщинами лицо, лишь облагородила бы его.

Родль был прав: получалось, что на той жутковатой фотографии из «личного дела», по которой Скорцени узнал Крайза, он представал просто-таки красавцем.

— Насколько мне известно, вы всего лишь унтерштурмфюрер СС Фридрих Крайз, — резко парировал Скорцени. — Или, может, мне не так доложили?

Крайз оглушительно, словно трубил в иерихонскую трубу, прочистил свою вечно садящуюся глотку и недовольно прокряхтел, будто заржавевшую гусеницу танка на катки затягивал:

— Могильно, штурмбанфюрер. Хотя к тому, что я уже являюсь офицером СС, здесь пока что не привыкли. Зато каждый видит во мне «Фризское Чудовище».

— Это вы все еще не поняли, какой мундир носите, унтерштурмфюрер. И впредь не заставляйте напоминать вам об этом.

— Ибо такова воля Германии, — протиснулся барон фон Риттер между «лаборатор-фюрером», как называли теперь фриза в штабе «Регенвурмлагеря», и охранником, чтобы увлечь Скорцени и Крайза за собой.

Он тонко уловил стремление Скорцени сразу же, с первых минут знакомства, поставить Крайза на место, заставив помнить не об исключительности своей, но о

смертности. Однако опасался, что Крайз может повести себя очень резко, и решил, что диалоги их лучше всего прерывать в самом начале.

— И где же располагается ваша лаборатория, Крайз? — вновь заговорил Скорцени. — А главное, существует ли она в природе?

— Существует, господин штурмбанфюрер, — спокойно заверил его «лаборатор-фюрер». — Иное дело, что существует «Лаборатория призраков» вне природы.

— А нельзя ли как-то упростить ваш ответ? Что значит, «существует вне природы»?

— Это значит, что она чужда этой природе, ее законам, как и все то, что там порождается.

— Вот именно, господин Крайз, «вне природы», — согласился Скорцени. — Ибо то, что мы здесь создаем, принадлежит иному мирозданию, иной философии бытия. Как вы относительно «философии бытия», Крайз?

— Терпимо, — проворчал Фризское Чудовище, стараясь быть достойным собеседником «самого страшного человека рейха».

— Вполне возможно, что мы зарождаем здесь принципиально новую, подземную цивилизацию, которая вскоре способна будет существовать абсолютно обособленно, автономно, почти не соприкасаясь с той, что агонизирует на оказавшейся слишком тесной для нее, слишком уж не подлежащей разумному разделу, поверхности.

Фризское Чудовище немного помолчал, проследил, как Скорцени придирчиво осматривает казарменноспартанскую обстановку кабинета фон Риттера, и лишь затем продолжил его мысль:

— Если уж мы заговорили о «философии бытия», то не исключено, что, со временем, благодаря изысканиям «Лаборатории призраков», «СС-Франкония» может стать особым видом цивилизации, который будет

представлять собой цивилизацию мутантов, постепенно приобретающих совершенно новые, чуждые человечеству, физические и психические свойства.

— Вот это уже конкретный разговор, барон, — похвалил обер-диверсант Крайза, обращаясь при этом к коменданту подземной базы СС. — Неужели в своих исследованиях вы можете зайти настолько далеко?

— Теоретически — да, можем, — заверил его комендант.

— Но только теоретически?

— При этом «СС-Франкония», — не стал Крайз оспаривать утверждение барона фон Риттера, — получает целую армию рабов и охранников, сотворенных из зомби. Вот чего не учитывают те, кто скептически смотрит на все, что здесь, в «Регенвурмлагере», сооружено и к чему мы стремимся.

«Всякий, кто не заглядывал в досье на Крайза, мог бы поразиться здравомыслию этого чудовища, — подумалось обер-диверсанту. — Слушая его, почему-то ожидаешь, что мысли этой уродины должны быть столь же несуразными и уродливыми, как и внешность».

Но Скорцени знал, что Фридрих происходит из древнего рода фризских колдунов, два представителя которого удостоились чести сгореть в Нидерландах на кострах инквизиции. Еще один предок был растерзан толпой соплеменников. Однако сам Фридрих успел закончить медицинский факультет университета и даже начать хирургическую практику. Против этого решительно выступал отец, считавший, что Фридрих не имеет права предавать ремесло рода, ибо никому не позволено прерывать цепь семейного колдовства. Согласно представлениям отца он в течение всей жизни должен был вести свое небольшое частное хозяйство и чернокнижничать.

О том, что произошло дальше, сам Фризское Чудовище распространяться не желал, утверждая, что

сие ему неведомо. Но по слухам, которые дошли до полиции, состоялся тайный совет колдунов, ведьм и прочей нечисти, собравшейся на одном из островков Восточно-Фризского архипелага, который якобы приговорил Фридриха Крайза к ритуальному сожжению на костре. Как сатаниста-отступника.

Несколько дней спустя, он и в самом деле был схвачен в одном из фризских поселков и тайно увезен на островок, который издревле почитался сатанистами как место шабашей. Там его привязали к кресту и уложили — лицом вниз — на костер. От гибели Крайза спасли случайно оказавшиеся поблизости моряки пограничного катера, знавшие о мрачной славе этого клочка суши и заподозрившие что-то неладное.

25

— Вход в лабораторию — из Черного Каньона, — вырвал Скорцени из потока воспоминаний унтерштурмфюрер Крайз. — Специалисты из Тибета определили, что это чертово провалье источает какие-то силы, очень способствующие полуумерщвлению людей, которых мы превращаем затем в зомби. Это же подтвердил и «великий магистр Ордена зомби» Клод Мартье.

— Он что, действительно числится где-то там, у них, великим магистром? — поморщился Скорцени.

— Нет, это я его так называю.

— Так вот, впредь великим магистром Ордена зомби будете числиться вы, Крайз.

— Это невозможно, — не очень убедительно возразил Крайз.

— Мало того, мы и в самом деле создадим этот Орден, способный потрясать воображение не только наших современников, но и многие поколения потомков. «Великий магистр Ордена зомби доктор Крайз!». В моих интонациях достаточно пафоса?

— И величия, — улыбнулся своей обескураживающебезобразной улыбкой унтерштурмфюрер.

— Отныне вас будут именовать только так. Кстати, этот негр с французской фамилией, имя которого вы только что упоминали... Из какой африканской страны его привезли к нам?

— Из латиноамериканской. Он из Гаити. Но ремеслу Клод Мартье обучался в Африке. Състрова ему пришлось бежать. Точно так же, как когда-то и мне — со своего.

— Говорят, он отказывается передавать вам свои секреты.

— Было бы странно, если бы Мартье охотно делился ими. В конце концов, это секрет зомби... Вековые тайны двух кланов колдунов — африканского и гаитянского. Тем не менее, уже через неделю мы получим третий десяток зомби, созданных теперь уже в нашей «Лаборатории призраков».

— Они будут каким-то образом отличаться от созданных морской лабораторией «Аненербе»?

— Пока что неясно. Одно несомненно: они станут нашими, германскими зомби, созданными по особой «технологии», сотворенной на основе гаитянской и африканской практик.

— И кто теперь эти люди?

— Здесь правомерен другой вопрос: «А люди ли они, в полном понимании этого слова?!».

— Полемика по этому поводу может слишком далеко увести нас, господин Крайз, — предупредил

Скорцени. — Удобнее спросить, кем они воспринимают самих себя.

— Тоже сложный вопрос. Умерщвляли мы их русскими.

— Считаете, что после воскрешения они не будут осознавать себя русскими?

— Скорее всего, нет.

— Трудно в это поверить. Ведь какая-то родовая память у них все же остается. И потом, язык. Да-да, Крайз, что вы скажете о языке, на котором они общаются и который ясно указывает на то, что общающийся на русском языке принадлежит к русскому этносу.

— Язык, возможно, единственное, что способно будет определять их этническую принадлежность. Но и этого признака их можно лишить, приучая к сокращенному германскому языку команд. И потом, давайте спросим себя: а способны ли зомби понять, что скрывается за их языком общения, какому именно народу принадлежит их язык, и кто они такие, эти самые русские или поляки.

— И над этим следует поразмыслить.

— Кстати, все трое оказались фанатичными коммунистами.

— Что значит: «оказались»? Их ведь наверняка отбирали как коммунистов. У нас десятки тысяч русских военнопленных, так что у вас было достаточно всевозможного людского материала.

— Конечно же, — невозмутимо признал Крайз, — их отбирали.

— Вот я и спрашиваю: почему вдруг остановились на коммунистах? — подозрительно взглянул штурмбанфюрер на Крайза и фон Риттера.

Но барон красноречиво пожал плечами, давая понять, что старается не вмешиваться в этот процесс и

всю ответственность возлагает на магов из «Лаборатории призраков».

— Нет, почему, дьявол меня расстреляй, все они происходят из коммунистов?!

— Эксперимент. С элементами риска, естественно.

— Мне понятно ваше пристрастие к коммунистам, Крайз: еще бы, защитники оскорбленных и униженных... К коим причисляете и себя. Однако культивировать разведение коммунистов в подземельях «Регенвурмлагеря» в то время, когда там, на поверхности, их всячески стараются истреблять!.. Не вводите меня в искушение и не пытайтесь предстать перед миром злым гением Европы.

— Коммунисты, как и те, что воспитаны на коммунистических догмах, — почти идеальный материал для формирования зомби, призраков «СС-Франконии». Истребляя интеллигенцию, убивая всякое желание мыслить неординарно, не «как все», коммунисты из поколения в поколение культивируют особый вид человека «гомо-пролетариус». А это, позволю себе изречь, уже полужомби: под страхом смерти отученные мыслить и под страхом смерти приученные подчиняться. К тому же они заражены бациллой ненависти к частной собственности и пристрастием к вождизму. Нам остается разве что немножко подправить эту «заготовку» коммунистов рукой мастера.

Лишь выслушав этот его зомбострастный монолог, Скорцени понял, что выбор на Крайза как начальника лаборатории пал неслучайно. И что он оказался удачным. А заодно упрекнул себя, что поленился более основательно разобраться в том, что такое зомби, каковы в принципе возможности этих полувоскрешенных мертвецов, и чего сугубо человеческого в нем уже никогда не возродить.

— А как вы находите в качестве исходного материала закоренелых нацистов, дорогой Крайз?

— А вы, уважаемый штурмбанфюрер? — не растерялся Фризское Чудовище. — Обнаруживаете слишком много общего?

Скорцени поначалу опешил от его наглости, но очень скоро пришел в себя.

— И все же попробуйте расширить круг претендентов.

— Кстати, гауптштурмфюрер фон Штубер, — попытался увести их от слишком опасной темы комендант «СС-Франконии», — прибыл в «СС-Франконию» с неким пленным украинцем, бывшим семинаристом и величайшим специалистом по возведению распятий.

— У нас теперь появилось множество специалистов по распятиям, — возразил обер-диверсант. — Но если одного из них Штубер привез с собой из Украины, то, очевидно, только что вы упустили какую-то важную деталь. Или же ее упустил сам Штубер.

— Вы правы, — пристыжено прокряхтел барон. — Этот русский и сам был распят.

— Кем? — машинально спросил Скорцени.

— По приказу Штубера.

— И вы, фон Риттер, умудрились забыть такую тонкость! — укоризненно взглянул на него Скорцени. — Мастер по распятиям, бывший семинарист, который сам был распят... А что, комбинация в духе Вилли Штубера...

— Вы правы: это в его духе.

— Напомню, что гауптштурмфюрер направлен к вам, чтобы возглавить службу безопасности, а заодно — руководить еще одним экспериментом.

— Каким именно экспериментом? — не понял фон Риттер.

— Пока не знаю. Вам известно, что Штубер — «величайший психолог войны»? Нет? Не беда, вскоре вы

получите возможность убедиться в этом. Вся война — с ее страданиями, смертями, предательствами и подвигами, клятвами и отречениями — всего лишь уникальный эксперимент, за которым сам Штубер наблюдает, как сатана — за кипящими котлами ада. И если ему действительно подвернулся некий семинарист-украинец, специалист по скульптурным «распятиям», значит, ожидается что-то интересное.

— Об этом он пока умалчивает. Но попытаюсь выяснить.

— Главное, барон, предоставьте Штуберу возможность делать здесь все, что ему заблагорассудится...

— Но мало ли что ему заблагорассудится!.. — несмело возразил комендант.

— Решительно все. Этот человек, с его удивительной способностью выворачивать наизнанку не только шкуру, но и душу пленника, способен удивить весь мир.

— Уже наслышан, — вежливо склонил голову фон Риттер. — И замечу, что барону явно повезло: в «Регенвурмлагере» всегда хватает человеческого материала, достойного любых экспериментов.

— Но зомби остаются зомби, — мрачно заметил Фризское Чудовище, которого возможное появление здесь Штубера почему-то встревожило. — Мне бы не хотелось, чтобы этот человек экспериментировал на них. Иначе нам трудно будет определиться с нашими собственными успехами и просчетами.

«А ведь Крайз опасается, что и сам может оказаться подопытным у этого «психолога войны», — не без внутреннего злорадства, уяснил для себя Скорцени.

К тому же он вспомнил, что после своего спасения, Фризское Чудовище почти год провалялся по госпиталям, затем его выхаживали в больнице при одном из монастырей. А уже оттуда Крайз угодил в

концлагерь, поскольку его предсказания близкого — не позднее шести лет — конца рейха показали местным апостолам национал-социализма слишком вызывающими.

Но именно там, в лагере, способности Крайза были замечены и даже в какой-то степени проверены самим комендантом, оберштурмбанфюрером Лейтцем. Это благодаря дотошности коменданта, о способностях полусожженного фриза узнали в штабе Гиммлера, и вскоре он был переведен в секретный отдел института «Аненербе», под вывеской которого собирали звездочетов, предсказателей, спиритистов, служителей белой и черной магий и прочих рыцарей оккультных таинств...

Правда, все остальные обитатели этого заведения почему-то невзлюбили Крайза. Крайне невзлюбили. Дьявольскую внешность они еще способны были простить ему, а вот дьявольскую проницательность — нет. И вот тогда кому-то из руководства института пришла в голову мысль отправить Крайза в «Регенвурмлагерь», возглавлять «Лабораторию призраков», подальше от Гиммлера, а значит, и фюрера.

...Идущий впереди эсэсовец-проводник остановился и уперся лучом фонарика в пол.

— Осторожно: здесь ловушка! — предупредил он. — Каждый, кто ступит на эту плиту, мгновенно окажется в трехметровом бетонном колодце.

— Так что прикажете делать? — недовольно проворчал комендант.

— Перешагнуть. Но учтите: через две плиты последует еще одна ловушка. В лучших традициях средневековых замков, — извиняющимся тоном объяснил проводник, который являлся одним из инженеров, проектировавших и строивших это подземелье.

— Если вы еще и скажете, что этот ход заминирован!.. — почти рассвирепел фон Риттер.

— Он действительно заминирован. Причем весь. И даже подступы к нему на поверхности. Но пока что вся эта система отключена. До поры.

— Пусть бы только попробовали не заминировать, дьявол меня расстреляй! — яростно оправдал действия саперов Скорцени, гроыхая своим свирепым басом.

26

«Человеческий мир — всего лишь непогребенный природой скотомогильник», — эти слова, молвленные Крайзом на пороге зомби-морга, показались Скорцени кощунственными. Но если бы он всерьез признал их таковыми, пришлось бы признать кощунственным все, что происходило сейчас в этом закутке «Регенвурмлагеря».

— Вот они, эти полумертвецы! — продолжал тем временем Крайз. — Они лежат здесь, дожидаясь своего часа, чтобы восстать из небытия и вернуться в мир людей, невиданными доселе недочеловеками.

— Которых у нас и без зомби вполне хватает, — проворчал Скорцени.

— Придет время, и зомби восстанут, чтобы заложить основы новой цивилизации.

— Так уж и «новой цивилизации».

— Можете в этом не сомневаться. Это будет цивилизация зомби, или цивилизация проточеловеков.

— Не лучше ли сказать — «недочеловеков»?

— Предпочитаю называть их «проточеловеками», — настаивал на своем мнении Крайз. — Это будет цивилизация людей, чье развитие искусственно

скорректировано. Подобного вмешательства в свой естественный процесс развития человечество еще не знало. По существу мы создадим новую ветвь человекоподобных.

— И когда этот незабываемый час наступит? И наступит ли вообще? — спросил «первый диверсант рейха», даже не пытаясь скрыть при этом своей иронии.

Факт существования зомби он уже воспринял как реальность, однако противился какой бы то ни было попытке объявить создание группы этих «проточеловеков» — зарождением новой популяции людей, новой земной цивилизации.

— Мне понятен ваш скепсис, господин обер-диверсант рейха. Но час этот наступит уже через двое суток.

— Придется немного подождать. Впрочем, меня информировали, что у вас уже трудится целая бригада шахтеров-зомби.

— Первые тридцать зомби у нас действительно имеются. Но это лишь первая волна, первая, еще несовершенная модель.

— Хотите сказать, что появление новой волны способно поразить нас какими-то уникальными экземплярами?

— Как появление диверсионного отряда инопланетян.

— Вы сказали об инопланетянах-диверсантах. Уж не хотите ли вы убедить меня, что в «Лаборатории призраков» вплотную занялись подготовкой зомби-диверсантов?

— А чем, по-вашему, занят сейчас один из ваших командос, барон фон Штубер?

Скорцени многозначительно помолчал и вновь обратил свой взор на дверь, за которой покоились тела полумертвецов, коим предстояло перевоплотиться в зомби.

— Нам с вами, Крайз, этого не дано: воскреснуть из мертвых. А они воскреснут, — поучительно напомнил он Фризскому Чудовищу.

— Нам этого действительно не дано. Вот только стоит ли завидовать при этом зомби?

— Стоит. Уже хотя бы потому, что ваши недочеловеки навсегда будут избавлены от этого сатанинского чувства — зависти.

— Одно из обстоятельств, которое лишает их человеческого подобию.

Внешне зомби-морг напоминал обычный склад — огромный, неуютный, с мощной раздвижной металлической дверью. Проникнув в него, Скорцени увидел в стене еще одну дверь, но уже дубовую.

— Ее тоже открыть? — спросил врач-эсэсовец, ведавший этим богоугодным заведением.

Крайз вопросительно взглянул на Скорцени.

— Откройте, — приказал тот.

— Хотите взглянуть на мертвецов? — поинтересовался Крайз.

— Так они действительно мертвецы? — обратился Скорцени к врачу.

— Вопрос философский, — с напускной значительностью изрек седовласый шарфюрер, долго, старательно протирая старомодное пенсне. — Во многих случаях понятие «смерть» оказывается слишком неопределенным. Мы, медики, предполагаем, что существует несколько этапов умирания человека... На первом этапе...

— Прекратите эту болтовню, Устке! — вдруг взорвался Крайз. — Иначе этот офицер, — кивнул в сторону Скорцени, — одним выстрелом сможет убедить вас, что процесс умирания продолжается не более двух секунд. Не причиняя при этом особых мучений.

— Причем завершается на первом же этапе, — мрачно поддержал его фон Риттер.

— Прошу прощения, господа, — попытался сохранить достоинство врач-эсэсовец. — Я стремился ответить как можно обстоятельнее.

— Отвечать только на поставленные вопросы и без какого-либо философствования, — приказал комендант. — Это вы со Штубером можете устраивать здесь свои морго-конференции, но только не с господином Скорцени.

Зомби-морг был вырублен в каменистом грунте. Воздух здесь казался сухим и чистым, без малейшей примеси затхлости, а специальные сушильно-вентиляционные агрегаты предназначались для того, чтобы атмосферные показатели поддерживались на заданном уровне.

Кандидаты в зомби лежали в обычных, грубо сколоченных деревянных ящиках, так же мало напоминающих гробы, как это подземелье — благородную часовню.

Всматриваясь в полуумерщвленных пленников, Скорцени почему-то инстинктивно выискивал в них черты Иисуса. Но это были грубые, помеченные печатью изможденности лица, которым даже тень смерти не смогла придать хоть каких-то зримых черт благородства, духовной возвышенности или хотя бы жертвенного великойученичества.

— Кем станут эти люди в их новой жизни? Что им уготовано?

— Это уже не люди, это зомби, — с непонятым Скорцени вызовом уточнил шарфюрер Устке. — Мы еще не сумели классифицировать сие существо, но ясно: хотя это уже не полноценный человек, но еще и не полноценная обезьяна. Впрочем, тенденция к подобному «прогрессу» очевидна. В реальности же это некий биологический манипулятор, — Скорцени слушал его, не перебивая, и это позволило Устке победно взглянуть на Крайза.

— Вы определяете их склонность к тем или иным функциональным обязанностям еще до умерщвления? — не стал изводить его Скорцени полемикой относительно степени «впадения в обезьяноподобие».

— Этим суждено стать рабочими, занятыми расширением подземелий «СС-Франконии», — ответил вместо него Крайз. — Мы исходили из того, что до войны все трое работали в русских шахтах, а следовательно, обладают навыками, которые теперь будут возведены до уровня инстинкта.

— Логично. Хотя, согласитесь, привязка к профессии довольно грубоватая.

— В принципе, они смогут выполнять любые задания. Все зависит от того, какое внушение в них будет заложено после воскрешения из мертвых и какие приказы они станут получать после окончательного зомбирования. Но вы правы: профессиональные и нравственные основы следует учитывать. Уже сейчас мы подумаем о создании группы психологического отбора зомби-воскрешенных.

— Вот здесь-то нам вновь пригодится опыт гауптштурмфюрера Вилли Штубер, — одобрил эту идею Скорцени.

— Жаль, что он не прибыл в «Регенвурмлагерь» хотя бы на год раньше, — молвил комендант. — Кстати, насколько я понял, он должен стать моим заместителем по вопросам безопасности?

— Комиссаром. Как у русских, — осклабился обер-диверсант. — В связи с этим совет: следующую группу зомби тоже укомплектуйте исключительно из коммунистов, желательно, политруков. Затем мы поставим их старшими над отрядами зомби.

— Что крайне опасно. Даже с учетом того, что они уже будут зомбированы, — молвил Фризское Чудовище.

— Просто вначале им следует убедительно объяснить: то, что они здесь видят, и есть реальное воплощение идеи коммунистического общества: все равны, все всем поровну, от каждого по труду — каждому по способностям, а главное, никакого влияния буржуазного Запада. Вообще никакого влияния извне — чего русские особенно опасаются.

— Попытаемся объяснить, — вежливо склонил голову Фриз. — Хотя пока что плохо представляю себе, как это сделать.

— При этом вы должны помнить, что, в конечном итоге, все зомби должны стать воинами гарнизона, его нестигаемыми и бессмертными защитниками.

— Первые двадцать воинов-зомби готовятся к воскрешению в следующем отсеке. Все они в прошлом кадровые военные, получившие образование в военных училищах, в академиях, в школах армейской разведки и на военных курсах. Опыт боевых действий — не менее двух лет. Понимаю, что отбирать должен был кто-то из более сведущих в военном деле людей, нежели я, однако делалось это спешно... И потом, кто знает, может быть, в подобном деле важен взгляд со стороны, непрофессионала.

— Звучит, как оправдание, но зачем гадать? Увидим, что у нас проклюнется в этом инкубаторе зомбитворцов.

В дальней выработке, названной «зомби-могильником», которую рабочие еще не успели обшить досками или обложить кафелем, Скорцени показали двадцать ящиков-гробов. В каждом из них уже лежал

будущий зомби из той «новой волны», которая должна служить сотворению следующего поколения зомби.

Впрочем, внимание штурмбанфюрера привлекли не столько «вместилища недочеловеков», сколько форма самой выработки. Если все остальные вырубались в толще скал в виде квадратов — без каких-либо архитектурных излишеств, самым примитивнейшим образом, то на этом зомби-инкубаторе строителей явно повело. Они ударились в овалы отдельных углублений, в готику сводов, в опоры, высеченные, как и везде, все из того же первородно-каменного основания, однако доведенные здесь почти до совершенства римских колоннад. Взору всякого забредшего сюда открывалось некое подобие катакомбного храма первых, гонимых язычниками христиан.

— Надеюсь, вы понимаете, что все работы по сотворению зомби должны вестись в атмосфере исключительной секретности? — жестко поинтересовался штурмбанфюрер.

— Над всем, что здесь происходит, витает могильная секретность, — заверил его Фризское Чудовище. — Вы уже ощущаете ее дух, пропитываетесь им.

— Вот именно: «пропитываюсь».

Крайз благоговейно осмотрел своды шахтной выработки, словно мастер, только что закончивший возведение прекрасного храма. Он был очарован своим творением.

— Не торопитесь, Скорцени, — молвил он, остановившись посреди небольшого фойе и запрокидывая голову. — Здесь время должно приостанавливать свой бег. Осмотритесь, задумайтесь, проникнитесь...

— Не воображайте себя архиереем этого подземного храма.

— Этого собора души, входя в который, каждый обязан очиститься от брэнности потустороннего, того, что за дверью «Лаборатории призраков», мира.

В воображении Фризского Чудовища этот катакомбный «собор» действительно представал делом всей его жизни и образцом величественной красоты. Именно так должен был взирать на собор Парижской Богоматери влюбленный Квазимодо. Крайз давно решил, что впредь зомби обязаны являться миру только в таких храмах.

— И сколько же времени уходит на «высвятивание» в полноценные зомби? — вернул его с вершин эстетики на беспощадный материализм бытия «СС-Франконии» Отто Скорцени. — Я имею в виду — после их возвращения в бытие.

— С учетом функциональной переподготовки каждого из них, а также адаптации к новому виду существования и должности, — порядка трех месяцев.

— Непозволительная расточительность, Крайз.

— Мне тоже казалось, что непозволительная расточительность. Пока не вспомнил, сколько месяцев отведено природой, чтобы выносить младенца, и сколько лет — чтобы взрастить и воспитать его.

— Только не следует мнить себя Творцом небесным, Крайз. Вы все же имеете дело с творением, уже созданным Господом. А посему предусмотрите ускоренный вариант. Полтора месяца вполне достаточно, чтобы произвести на свет божий гениальнейшего из этих недочеловеков.

— Трудность заключается в адаптации. К тому же необходим срок, чтобы выяснить, насколько удачным оказалось перевоплощение и каковы практические возможности каждого из неофитов. Исходя из результатов этих исследований, можно будет вносить коррективы в подготовку нового поколения зомби.

— Еще раз напоминаю, Крайз, что вы не Всевышний, Крайз! — незло проворчал обер-диверсант.

— Но ведь и Всевышний не утруждал себя экспериментами, подобными тем, которыми озабочены мы, в нашей секретной лаборатории, — огрызнулся Фризское Чудовище.

— Не настаивайте, зачислить в штат «Лаборатории призраков» Всевышнего я все равно не смогу, — воинственно улыбнулся Скорцени. — По рангу не положено. Разве что фюрер. Ибо фюреру позволительно даже то, что не позволительно Всевышнему.

— Только вряд ли я осмелюсь напомнить об этом им обоим — фюреру и Всевышнему.

— Понимаю: далеко не каждому из нас, смертных, дано сотворять целое поколение новой цивилизации. И тем не менее... Спуститесь на землю и не забывайте, что, прежде чем решиться на сотворение зомби, мы решились сотворить Вторую мировую войну.

— Что выглядит весьма опрометчиво. Особенно идея напасть на Россию. В любом случае, теперь следовало бы очнуться и перевести дух в границах рейха сорокового года. А дальнейшее завоевание мира начинать не с того, что посылать в танковые мясорубки десятки арийских дивизий, а с превращения в зомби тот многомиллионный неполноценный людской материал, который уже имеется под рукой на огромных просторах, от африканских песков до белорусских болот.

— Создавая обычную, наземную армию зомби? — удивленно уточнил Скорцени, поражаясь тому, что подобная мысль до сих пор не пришла в голову ему самому.

— Для начала вполне хватило бы нескольких отрядов диверсантов. Понимаю, что решение о создании зомби-диверсионных отрядов было бы воспринято вами с большим пониманием, — оскалился в своей жутковатой ухмылке Фризское Чудовище.

В это время дверь в зомби-могильник вновь приоткрылась и на пороге, в сопровождении фельдфебеля Зебольда, появился барон фон Штубер.

— А вот и командир подразделения зомби-диверсантов! — объявил Скорцени, отвечая на приветствие гауптштурмфюрера. — Говорят, вы уже неплохо освоились здесь, стратег и тактик партизанских воен.

— Я и в самом деле пытаюсь определить места закладки базовых партизанских складов и самих подземных партизанских лагерей, соединяя их с лагерями и базами наземными.

— И какие перспективы подобной войны вам с Вечным Фельдфебелем видятся?

— Ни один лесной партизанский отряд не получал возможности в критической ситуации отойти на подземную базу. Мне пришлось пару недель провести в Одессе, в роли специалиста по антипартизанским операциям против отрядов, действовавших в тамошних катакомбах. Конечно, наши рейды были малоэффективными, поскольку атаковать партизан в катакомбах, в узеньких проходках и штольнях, в полном мраке, — очень сложно. Атакующие несут немислимо большие потери, а оставшиеся в живых выбираются из подземелий в полусумасшедшем состоянии. В то же время гестапо и сигуранце удалось замуровать, заминировать и взять под наблюдение все основные выходы из катакомб, поставив катакомбников на грань выживания, поскольку выработки катакомб к жизни не приспособлены: нет света, нет воды, нет топлива и всего прочего, а психика людей очень быстро истощается.

— То есть «СС-Франкония» значительно лучше приспособлена к жизни партизан, а лагеря их, в соединении с секретными наземными базами, становятся очень надежными?

— Считаю, что у диверсантов «лагеря дождевого червя» появятся уникальные возможности для партизанских действий. Через неделю у меня уже будет готов план базирования партизан, их рейдов и направления основных ударов.

— В таком случае я подготовлю приказ и назначении вас начальником разведывательно-диверсионной службы «Регенвурмлагеря» и заместителем коменданта по развертыванию партизанского движения. Уверен, что Кальтенбруннер его поддержит, а Гиммлер подпишет. Одновременно похлопочу и о повышении вас, гауптштурмфюрер, в чине.

28

В выработке, в которой должно было появиться первое распятие работы лучшего скульптора «СС-Франконии» Отшельника, уже потрудились два пленника-камнетеса. Они вырубили из каменного монолита заготовку для столба, грубо очертили контуры креста и даже контуры некоего подобия тела Иисуса. Но для более тонкой и возвышенной работы их грубые зубила ремесленников оказались непригодными.

Теперь камнетесы стояли с непокрытыми головами и молча, почти благоговейно, как и подобает подмастерьям, смотрели на появившегося мастера. Эти «голгофские плотники» примитивно «сработали» крест и вознесли его на Голгофу, теперь все решало искусство «палача».

— Зачем им, нехристям, понадобился этот крест? — негромко проговорил один из камнетесов, худощавый и согбенный, в произношении которого Отшельник четко уловил белорусский акцент.

— Ну, распятие ведь, — пожал плечами его напарник, считая, что в данном случае оправдание Штубера и Крайза сокрыто в самом смысле и предназначении скульптуры.

— Как они собираются отмаливать грехи свои перед муками Господними, когда сами муки эти возрождают в камне, через убийство и мучения?

— А они ставят распятия не для того, чтобы, глядя на них, молиться, — уже более уверенно ответил ему собрат по топору. — Это эсэсовцы нас запугивают. Кресты Иисусовы для них — что-то вроде сатанинской метки. Чтобы на каждого замученного здесь — по распятию.

Камнетесы вопросительно взглянули на Отшельника, но тот богобоязненно осматривал заготовку, взволнованно и недоверчиво прощупывая заскорузлыми пальцами каждую складку материала, каждую неудачную зазубрину.

Сейчас он был похож на скрипичных дел мастера, ощупывающего заготовку под скрипку. Вроде бы, все, как надо, все — как всегда. И все же, какие-то сомнения охватывали: неужели эта масса грубой древесины способна будет когда-либо воссоздавать уму непостижимые творения гениев?

— Что ты так прицениваешься? — скептически поинтересовался белорус. — Что облапываешь ее, словно девку на весенней травке?

— Материал понять хочу. Образ уловить...

— Что-что ты хочешь «понять»?

— Материал, материал. Что тут непонятного?

— А что «уловить», какой такой «образ»?! — поинтересовался его собрат.

— Зачем тебе это знать? — недовольно проворчал Отшельник.

— Я к тому, что если еще пару раз пройтись по ней зубилом и изуродовать, то ничерта у них потом не

выйдет.

— Не Христос, а чистый ирод — вот что у них из глыбы этой получится, — добавил белорус.

— У кого «у них»?! — хриплым басом возмутился Отшельник. — Статую сотворяют не они, а мы с вами. Наше это... Наша работа, память о нас.

Он оглянулся на безучастно стоявшего неподалеку гауптштурмфюрера Вилли Штубера, но тот методично ударял стеклом по голенищу до блеска начищенного сапога и всем своим видом давал понять, что вмешиваться не собирается.

— Какое «наше»?! Что здесь нашего?! — изумился напарник белоруса, приземистый, широкоплечий мужик лет пятидесяти, с искореженной шрамом нижней губой. — Мы здесь рабы, и дело наше — рабское.

— Неужто забыли, сколько великих творений создано было рабами? Потому что не на рабство работали — на вечность.

— Все равно надо бы изуродовать, — возразил «губастый», страшно заикаясь и шепелявя, очевидно, когда-то, во время допросов, ему раздробили челюсть.

— Вы обо мне и камне этом думайте, что хотите. Но если кто-то из вас хоть однажды нанесет неверный удар топором или молотком, того я самолично изуродую! — буквально прорычал Отшельник, обкрошивая пальцами ту часть заготовки, в которой уже чудились ему голова и терновый венок Христа.

Камнетесы приумолкли и только теперь, вспомнив, что неподалеку стоит немецкий офицер, с опаской оглянулись на него.

— Да-да, я слышал весь ваш спор, — неожиданно заговорил этот офицер почти на чистом русском, что поразило их, словно знамение небесное. — Дело не в том, что вы рабы, а в том, что вы — не мастера, а црего лишь жалкие ремесленники. Вы никак не можете понять: все, что здесь делается, принадлежит уже не

нам, ибо мы — всего лишь колония термитов, возводящих сей величественный подземный Термитник. Оно принадлежит цивилизации, которая будет утверждаться в этих подземельях после нас.

Камнетесы угрюмо молчали, время от времени посматривая то на Штубера, то на Отшельника. В эти минуты оба они в одинаковой мере были ненавистны им. Как, впрочем, и камень, из которого должно появиться распятие.

— В ближайшее время камнетесы подготовят для вас, Отшельник, еще три таких заготовки, — не обращал на них внимания барон фон Штубер. — Завершив работу над ними, вы затем украсите зал торжеств «СС-Франконии» гербом Третьего рейха.

— Никогда не занимался такого вида резьбой... — попытался возразить Отшельник, однако Штубер не пожелал выслушивать его.

— Понимаю, что вы потомственный мастер, и что ваше призвание — распятия.

— Каждый должен делать то, что умеет, — угрюмо оправдал себя Отшельник.

— Я даже предвижу, что найдутся официальные лица, которые будут убеждены, что свастику следовало бы высекать арийцам, лучшим скульпторам Германии. Но, во-первых, лучшие либо бежали за рубеж, либо оказались на фронтах или же погибли в концлагерях. А во-вторых, не следует забывать, что величие империи всегда сотворялось руками рабов. Именно рабов, в этом вы, Отшельник, правы.

— Но затем руками этих же рабов, только уже восставших, они и разрушались

— Опасная мысль, — заметил Штубер. — Хотя и верная. Руками рабов и варваров эти империи создавались и руками же рабов и варваров разрушались. Вы мне все больше нравитесь, Отшельник. Вот почему я не стану спешить с

экспериментом, в котором вам отведена та же роль, что и в библейских сказаниях Иисусу Христу.

— Каким еще экспериментом? — Отшельник давно заметил, что отношения его с этим эсэсовским офицером складываются как-то по-особому. Штубер был не менее жесток, чем многие его одетые в мундиры СС соплеменники. Тем не менее в его рассудительном спокойствии находилось место для того, чтобы сохранять некую видимость человечности и даже доверительности.

— По превращению вас в зомби.

— Меня? В зомби?!

— Вам объяснить, что это значит — зомби?

— Уже не нужно. Это — все те нелюди, которыми вы стали заполнять новые выработки, чтобы иметь там исполнительных полумертвецов?

— Понимаю, Отшельник, что такая перспектива вас не прельщает, — одной рукой Штубер сжимал рукоять лежащего у него в кармане брюк пистолета, другая легла на расстегнутую кобуру. — Но вы должны понять меня, зомби-скульптор. В основе — потрясающая идея: талантливейший из славянских скульпторов, превращенный в зомби, продолжает создавать статуи распятий. Ничего подобного мир искусства еще не знал. Однако возникает вопрос: повлияет ли сие превращение на его работоспособность и развитие таланта? Или же, наоборот, превратит в бездаря? Мои замыслы вам не интересны, Отшельник?

— Как уже только ни убивали меня на этой войне, — спокойно, устало ответил пленный. — Значит, придется умирать вот так, оставаясь в этом мире полусолдатом-полумертвецом.

— Понимаю, даже этим сообщением взволновать вас уже невозможно, — не сумел скрыть своего разочарования Штубер. — Однако же упрямством вашим разволновать меня тоже непросто.

— Прикажете предоставить мне резцы и прочий инструмент, — вновь принялся ощупывать абрис каменной заготовки Отшельник. — Руки мои уже «чуют» тело распятого, оно оживает под ними, — беседовал Отшельник теперь уже сам с собой.

— С гербом рейха мы, наверное, повременим, — постепенно начал поддаваться Штубер магии его «колдовства на камне». — Совершенствуйтесь пока что на распятии... мастер! — Это свое «мастер» Штубер произнес как-то по-особому возвышенно.

— В таком случае выдайте мне резцы и оставьте наедине с этим благородным камнем, — тонко уловил «возвышенность» его интонаций Орест Гордаш. — Вы ведь даже не представляете себе, какой твердый и в то же время податливый здесь камень. Почти такой же, как у нас в Украине, на Подолии. Сам Господь сотворил его для того, чтобы все скульпторы мира обучались высекать самые изысканные распятия, на какие только способна человеческая фантазия.

— И можете не сомневаться, каменных дел мастер, — доверительно поддержал его фон Штубер, — что в этом, в умении распинать, человечество поупражнялось вдоволь.

— Даже для того, чтобы распять всех святых, особого таланта не требуется, — молвил Отшельник, принимая из рук невесть откуда появившегося фельдфебеля Зебольда набор инструментов. — Талант требуется для того, чтобы увековечить сцены этих распятий для потомков.

Идея включить в свиту Имперской Тени лишь недавно дошедшего до Германии в составе группы «маньчжурских легионеров» русского немца фон Тирбаха пришла Скорцени буквально в последнюю минуту. Все решил неожиданный звонок из разведотдела штаба дивизии СС «Мертвая голова», к которой приписали молодого барона.

Напомнив Отто о сорвиголове, прошедшем вместе с русским казачьим полковником Курбатовым через всю Россию и половину Европы, начальник отдела тут же поинтересовался, не собирается ли он каким-то образом использовать этого опытного диверсанта.

Как только Скорцени понял, что речь идет о том самом германском белогвардейце, что уцелел во время похода князя Курбатова из Маньчжурии к столице рейха по тылам и русских, и германцев, он тотчас же затребовал его к себе.

— Кстати, почему он оказался в разведотделе дивизии СС? — поинтересовался Скорцени, когда штандартенфюрер Нейрих уже согласился на переподчинение фон Тирбаха.

— А мы посвятили его в СС, — объяснил начальник разведотдела штаба.

— Не поторопились?

— Как оказалось, он действительно происходит из древнего германского рода Тирбахов, и предок его был возведен в баронское достоинство еще во времена Генриха IV. Мало того, фюрер лично знаком с его родным дядей, владельцем поместья «Шварцтирбах», который подтвердил родословную казачьего барона; а предок Геринга в свое время служил в охране его замка.

— В общем-то, меня куда пристальнее интересует его диверсионная родословная... — камнедробильным басом прогрохотал Скорцени.

— В данном случае вы говорите устами первого диверсанта рейха, — вкрадчиво напомнил ему штандартенфюрер, с которым Скорцени был знаком еще по совместной службе в дивизии «Дас рейх». — Однако никогда не следует игнорировать породистость германца и связанную с ней гордыню.

— ...Которые в настоящем диверсионном деле всегда отчаянно мешают.

— Мы, конечно, хоть сегодня можем послать его в «окопную разведку» за линию фронта, под пули советских снайперов. Но разумно ли столь бездумно использовать подобных проходимцев? Вот я и вспомнил о вас, первом диверсанта рейха.

— С этой минуты он поступает в распоряжение Управления диверсий Главного управления имперской безопасности, — не стал Скорцени испытывать нервы штандартенфюрера.

Не важно, как он станет использовать фон Тирбаха, главное, чтобы этого диверсанта не перехватил кто-либо другой, чтобы этот свирепый славяногерманец оказался под его, а не чьим-либо иным командованием.

И на следующее утро барон фон Тирбах уже стоял перед Скорцени.

В свое время Курбатов позволил себе оставаться точным и объективным, поэтому в досье, составленном на наследника владений в районе замка «Шварцтирбах», нашло свое отражение все то, чем барон-диверсант способен был потрясать, и что со временем могло отпугивать его людей, которым выпадет когда-либо оказаться в одной с ним группе.

Вот почему для Скорцени не оставались секретом ни отчаянная храбрость барона, ни его преданность «белому делу» и рейху. Точно так же, как не мог он не обратить внимания и на приступы ярости, время от времени посещавшие фон Тирбаха в минуты наивысшего напряжения. И тогда вдруг начинала

проявляться совершенно непостижимая в источниках своих физическая сила, в порыве которой барон способен был буквально растерзать свою жертву, впадая при этом в полное безумие.

Кто-то иной сразу же посоветовал бы фон Тирбаху обратиться к хорошему психиатру, и еще неизвестно, какого рода диагноз появился бы после этого в медицинской карточке барона. Однако для обер-диверсанта рейха куда важнее было не подавлять агрессию барона, а правильно целенаправить ее.

Первое, что пришло в голову Скорцени после знакомства с досье, — использовать Тирбаха в одном из лагерей СС для военнопленных и врагов нации. Но потом решил, что пытаться эксплуатировать его диверсионный опыт на этом поприще совершенно бессмысленно. И вспомнил о группе Штубера «Рыцари рейха», в которую гауптштурмфюрер фон Тирбах вполне мог бы вписаться. По крайней мере, до тех пор, пока не подвернется что-либо более конкретное или пока не сформируется новая группа князя Курбатова.

Но пока что барону фон Тирбаху предстояло задание особой важности: войти в свиту и в личную охрану лжефюрера.

— Вам, конечно же, никогда не приходилось встречаться с фюрером? — ошарашил обер-диверсант фон Тирбаха, как только тот предстал перед ним.

— Не приходилось, господин штурмбанфюрер, — спокойно, с эдакой, достойной уважения, русской небрежностью, объявил наследный владелец замка «Шварцтирбах». — Аудиенции он меня так до сих пор и не удостоил.

— Но, по вашим представлениям, должен был бы? — прошелся по нему своей диверсионно-расстрельной улыбкой «самый страшный человек Европы».

— А почему бы ему не поинтересоваться, что представляет собой Советский Союз в наши дни, причем

поинтересоваться у человека, который прошел эту страну от самых дальних ее окраин?

— Понимаю, вам верилось, что фюрера заранее известили о вашем выходе на диверсионную тропу, и он просто дожидаться не мог вашего появления в Берлине.

Фон Тирбах четко уловил саркастические интонации в голосе Скорцени, но даже они не очень-то смутили барона.

— Если фюрер все же решит встретиться с таким диверсантом, то я готов уделить ему несколько минут своего времени.

— Кстати, он и в самом деле как-то поинтересовался князем Курбатовым и вами. Но Курбатов — русский, а вы — германец. И это возымело свое влияние на образ мыслей фюрера. Его больше заинтересовал русский казачий офицер, который всегда в диковинку. Несмотря на то, что вы русский германец.

— Я всегда чувствовал себя просто германцем, — несколько напыщенно объявил фон Тирбах. — И никогда — русским.

И вновь Скорцени отметил, сколь непринужденно держится барон, и что его манера говорить по-прежнему остается все такой же снисходительной и небрежной, ни к чему не обязывающей. За этим, несомненно, скрывался некий особый характер.

— Интересно: находясь в составе русской армии, вы, дьявол меня расстреляй, тоже решались на подобные заявления?

— Во всяком случае, никогда не скрывал своих убеждений. И хотелось бы, чтобы в Германии о моих чисто германских корнях и чисто германской душе знали все, вплоть до фюрера.

— Вплоть до фюрера, говорите?! — молвил Скорцени, явно не поощряя его стремлений.

— В своих прогерманских убеждениях я тверд, как никто иной, родившийся за пределами рейха.

— По правде говоря, Курбатов был о вас того же мнения, — согласился с его утверждением Скорцени.

— Курбатов — истинный русский офицер, еще той, царской закалки.

Скорцени так и не предложил барону кресло, и тот продолжал стоять посреди кабинета. В то время как сам обер-диверсант рейха внимательно рассматривал его, откинувшись на спинку кресла и вытянув ноги так, что из-под стола выглядывали носки уже дня три нечищенных (особой аккуратностью Скорцени никогда не отличался, что, очевидно, объяснялось его «венгерской наследственностью»^[50]) сапог.

— Он утверждает, что еще там, в Манчжурии, вы проявляли черты нордического характера, и насаждали мнение о себе, как об истинном арийце. Хотя происхождение ваше по материнской линии, прямо скажем, не может служить образцом для определения чистокровности истинного арийца, дьявол меня расстреляй.

— В таком случае я желал бы, чтобы мне наконец-то показали хотя бы одного чистокровного арийца, — оскорбленно парировал барон. — Особенно когда речь идет о высших чинах рейха. С меня достаточно того, что я — потомок рыцарского рода фон Тирбахов, о древности которого свидетельствуют благородные развалины нашего родового замка «Шварцтирбах».

— Что-что? — приподнялся со своего места Скорцени. — Вы требуете показать вам хотя бы одного чистокровного арийца?!

— Хотя бы. Для начала. Причем уверен, что найти такого будет непросто.

— То есть вы утверждаете, что на самом деле в рейхе уже не осталось чистокровных арийцев? Что их попросту не существует в природе?

Тирбах вновь попытался что-то сказать в свое оправдание, однако Скорцени прервал его потуги таким громоподобным хохотом, который способен был приводить в тихий ужас даже людей, очень близко знавших его и пользовавшихся особым расположением.

От нервного срыва фон Тирбаха спасало только то, что он все еще не освоился в германской реальности. Да, он успел надеть мундир офицера СС, но все еще продолжал чувствовать себя в этой стране, в этой системе нравов, страхов, традиций и прочих атрибутов рейха, человеком случайным. В большинстве случаев он уподоблялся бродячему актеру, волею судеб оказавшемуся в толпе фанатичных паломников, осаждающих так и не понятые и совершенно невоспринятые им святыни.

— Вполне допускаю, что не существует, — все же не удержался барон, решив идти ва-банк. — Если уж ставится под сомнение чистота крови фон Тирбахов.

— Забавная мысль. Попытаюсь предложить фюреру отобрать для вас наиболее приемлемые экземпляры из числа его ближайшего окружения. Но пока он будет заниматься этим, — вмиг посуровело исполосованное шрамами лицо первого диверсанта рейха, — советую впредь подобными идеями походно-диверсионную голову свою не забивать. Дабы не потерять ее вместе с идеями.

— Вот этот язык мне вполне понятен, — спокойно признал его правоту фон Тирбах. — Прямо, откровенно, чисто по-германски.

— Тем более что в число этих избранных я тоже не попаду, — окончательно добил его Скорцени. — Родословной не вышел.

— Что было бы несправедливо.

— Однако перейдем к сути операции. Фюрер решил посетить один из самых секретных объектов рейха — подземный город СС, именуемый «Регенвурмлагерем»,

то есть «Лагерем дождевого червя», — счел Скорцени, что тема чистоты арийской расы окружения Гитлера исчерпана. — Вам понятно, что подобные поездки в любое время сопряжены с определенными опасностями?

— Так точно.

— Но особенно сейчас. После того, как на фюрера было совершено покушение.

— Было бы странно, если бы его не совершили, — не упустил случая выразить свое личное отношение к этому событию фон Тирбах.

— Своим белогвардейским вольномыслием, барон, вы доведете меня до инфаркта.

— Но ведь оказывается, что в ставку фюрера пропускали офицеров, в портфели которых не удосуживался заглянуть ни один ефрейтор из охраны «Вольфшанце»! Потрясающая безалаберность. Такое впечатление, будто охрану ставки формировали исключительно из русских.

— К счастью, не из них.

— Причем самое удивительное, что ни одного офицера охраны после покушения на фюрера не вздернули.

Скорцени удивленно уставился на барона и решительно передернул подбородком, словно сам только что освободился из петли.

— А ведь действительно, ни одного. Я почему-то об этом не задумывался.

— Как такое могло произойти? Если бы подобное покушение совершил один из офицеров советского генштаба, Сталин бы перевешал всю охрану Кремля или своей служебной дачи.

— Действительно, странно, — признал обер-диверсант рейха.

— Фюреру тоже стоит задуматься над этим.

— Но-но, барон, — насторожился Скорцени. — Только не вздумайте провоцировать его на новую волну репрессий.

— У нас будут другие темы для разговора, — самонадеянно произнес вольномыслящий русский германец.

«А ведь этот парень и в самом деле закончит свой земной путь в газовой камере!» — в своем, неподражаемом, духе восхитился его воинственностью Скорцени. Как бы там ни было, а чем ближе фон Тирбах подступал к воротам крематория, тем все больше нравился ему.

— Так вот, с нынешнего дня одним русским в этой охране станет больше, — спокойно продолжил он свои мысли вслух. Слова недоумения, которые только что произнес этот легионер, лично он, Скорцени, готов был высказать фюреру еще год назад. Странно, что не высказал.

— Из этого следует, что меня приблизят к фюреру?

— Прежде чем вздернуть.

— Заманчивая перспектива, господин Скорцени.

— Вы назначаетесь личным телохранителем вождя лишь на время его инспекционной и, подчеркиваю, совершенно секретной поездки в «СС-Франконию». При этом вы одновременно будете исполнять также роль офицера связи и адъютанта. Надеюсь, вы понимаете, что это налагает на вас особую ответственность?

— Еще бы! — воскликнул фон Тирбах, на время забыв об этикете. — Но неужели фюрер согласится на это?

— Уже согласился. И запомните: фюрер не боится новых людей, которые вызываются служить ему со всем возможным фанатизмом и службу эту почитают за великую честь.

— Странно. Новые люди, особенно в личной охране, всегда должны вызывать опасение: откуда появились,

почему пришли к нему, каково их отношение к нацизму и какова их родословная? Причем особую бдительность следует проявлять сейчас, когда германская армия постепенно начала терять вкус побед.

— Терять вкус побед, — изобразил некое подобие улыбки Скорцени. — А ведь она и в самом деле стала катастрофически терять их.

— Достаточно взглянуть на карту боевых действий, чтобы убедиться в этом.

— Тем не менее подобных новичков, «людей со стороны», фюрер не опасается. Он видит в них таких же романтиков нацизма, каким в начале своего восхождения был сам, и большинство тех, кто с ним начинал.

— Он прав. Я знал многих членов «Русского фашистского союза», организации, существовавшей в Маньчжурии. Там действительно было много не только сторонников, но и истинных романтиков, и даже фанатиков арийского движения. Если бы их перебросить сюда, арийское движение Германии получило бы немало свежей крови, силы и энергии.

— Возможно-возможно, — задумчиво проговорил Скорцени. Появление в рейхе новой свежей славянской крови, в общем-то, его не воодушевляло. — Пока что фюрер опасается тех людей, которые давно служат ему, но, потеряв веру в идеи рейха, так же давно вынашивают планы о его свержении и даже убийстве.

Фон Тирбах помолчал. Он плохо знал ситуацию, которая складывалась в кабинетах рейхсканцелярии и вокруг нее, поэтому не брался судить ни о тех, кто уже предал фюрера, ни о тех, кто все еще оставался верен ему.

— Что же касается меня, — сказал барон после минутной паузы, — то я действительно сочту за честь быть личным телохранителем фюрера. Пусть даже всего лишь на время поездки в «СС-Франконию».

— Надеюсь, вы понимаете, что такое соединение обязанностей — телохранителя, адъютанта и офицера связи — мотивируется желанием максимально сузить число сопровождающих лиц?

— Что совершенно очевидно!

— Ибо таково стремление самого фюрера.

— Фюрер, как всегда, мудр, а потому прав.

— Кроме того, вы должны знать, что я лично повешу вас на Бранденбургских воротах, если только, не доведи Господь!..

— Не волнуйтесь, я справлюсь, — небрежно бросил фон Тирбах. Причем Скорцени обратил внимание, что никакого особого впечатления это новое назначение на германо-русса не произвело. Словно речь шла о назначении в обычный армейский наряд.

— Тоже уверен, что справитесь. Тем более что в числе сопровождающих фюрера лиц совершенно случайно окажусь я, а также мой недостойный столь высокой чести адъютант, уже известный вам гауптштурмфюрер Родль.

— То есть отныне я буду служить в отделе диверсий Главного управления имперской безопасности, который вы возглавляете, — невозмутимо заключил фон Тирбах.

— Понимаю, что вам не нравится слишком длинное название моего отдела.

— О вас, господин Скорцени, нам рассказывали еще в диверсионной школе в Маньчжурии. Не скрою, кое-что из рассказов воспринималось как легенда. Не верилось, что когда-либо стану служить под вашим началом. Для всякого диверсанта это честь.

— Опять это русское славословие! — саркастически поддел барона обер-диверсант. — В устах германца оно звучит с особой убийственностью.

Когда Тирбах вышел, Скорцени еще несколько минут неотрывно смотрел на прикрытую дверь, словно бы ожидал, что в проеме ее вновь появится рослая, но основательно исхудавшая за время диверсионного похода фигура барона.

И хотя вместо маньчжурского legionера в нем брэнно проявился адъютант Родль, первый диверсант рейха еще какое-то время продолжал смотреть сквозь него в пространственное безграничие своих еще не до конца сформировавшихся мыслей.

— Полагаю, вы, как обычно, все слышали и все поняли, Родль? — наконец вспомнил он о терпеливо ожидавшем своего часа гауптштурмфюрере.

— Мне ясно, что барон фон Тирбах будет назначен личным телохранителем лжефюрера.

— Он уже назначен им, Родль.

— То есть до конца всей этой инспекционной поездки он так и не узнает, что на самом деле перед ним — всего лишь Имперская Тень?

— Не имеет права знать этого, Родль, не имеет! Даже если со временем фон Тирбаху каким-то образом станет известно, что как раз в это время фюрер пребывал в «Вольфшанце», в рейхсканцелярии в Берлине, или на даче у Сталина, — вы, лично вы, Родль, обязаны будете убедить его, что это всего лишь бред. Или что в это время не здесь, а там находился двойник фюрера, скрывая таким образом от любопытствующих сам факт поездки истинного вождя в «СС-Франконию». В целях безопасности, естественно.

— Словом, барон фон Тирбах должен искренне верить, что охраняет не двойника, а фюрера.

— В окружении лжефюрера он как раз и будет тем верноподданным, который станет искренне «играть короля».

— Абсолютная чистота эксперимента, — понимающе кивнул Родль.

— Непорочная девственность величайшего в истории рейха эксперимента — так будет точнее. Того эксперимента со лжефюрером, который, кто знает, со временем, уже после поражения в войне, может быть успешно повторен, скажем, в Испании, а еще лучше — где-нибудь в Парагвае или в Аргентине.

— В таком случае вам, господин штурмбанфюрер, не стоило бы принимать участия в этой поездке.

— Это все равно, что потребовать от режиссера не присутствовать на премьере поставленного им «Гамлета»! — интеллигентно возмутился Скорцени.

— Но тогда вам тоже придется оказывать знаки внимания лжефюреру Зомбарту! — На испещренном ранними морщинами лице Родля вырисовался неумный ужас. — Что всегда крайне... неэстетично, — с трудом подыскал он нужное, причем самое мягкое в подобной ситуации, выражение.

— Вспомните восточную мудрость, Родль: «Когда не можешь изменить сами обстоятельства, следует изменить свое отношение к ним». С этой минуты вы должны забыть о существовании человека по имени Зомбарт. Подобно тому, как, обливаясь слезой по поводу душевных страданий Отелло, которому с таким трудом удалось наконец задушить опостылевшую Дездемону, — вы обязаны забыть, что на самом деле на сцене зверствует не Отелло, а некий провинциальный актеришко по имени Гофман.

— Уже забыл, — решительно повертел головой адъютант.

— Там, в «СС-Франконии», с нами будет фюрер. Личной персоной. С инспекционной поездкой. Суровый

и карающий фюрер.

— Ибо на то он и фюрер, — богобоязненно подтвердил адъютант.

— Правда, мы с вами задержимся в «Регенвурмлагере» недолго. Что вызовет у лжефюрера вздох облегчения.

— Как всякий раз вызывает этот вздох у настоящего фюрера, — вежливо напомнил ему Родль, — как только мы исчезаем с глаз.

— Какой же вы отпетый негодяй, Родль! — умиленно глядя ему вслед и широко улыбаясь, покачал головой Скорцени, в который раз убеждаясь, что уж с кем — с кем, а с адъютантом на этой войне ему повезло. Чего нельзя сказать о многих других окружающих.

— В подобных случаях дипломаты говорят: «И стороны обменялись мнениями по интересующим их вопросам». А теперь позвольте заняться подготовкой и лжефюрера, и его лжетелохранителя, к рейду в «СС-Франконию».

«Какой же он талантливый негодяй! — вновь, теперь уже мысленно, произнес Скорцени. — Впрочем, настало время действительно создавать свою, «особую команду Скорцени», которая сумела бы не только пройти через войну, но и потом успешно действовать в условиях временного и никому не нужного мира, дьявол меня расстреляй!»^[51].

Ганновер — Берлин — Вроцлав — Одесса.

notes

Примечания

1

Обер-ефрейтор войск СС.

2

Генерал-майор войск СС.

3

Ефрейтор войск СС.

4

Рядовой войск СС.

У фюрера была идея: после завоевания Европы создать отдельное «государство СС» — Франконию (по образцу древнегерманского государства Франконии, времен Карла Великого из династии Каролингов), которая включала бы в себя части территорий Германии, Люксембурга, Франции, Швейцарии и других государств. Вся власть в этой стране должна была принадлежать исключительно СС. Влияние Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) на Франконию не распространялось бы. Но, поскольку идея «наземной Франконии» провалилась, «Регенвурмлагерь» стали образно называть «подземной страной СС», или «СС-Франконией».

Впервые Скорцени попал на проводимое фюрером в священном для СС замке собрание высшего руководства этой организации, его «высших посвященных», незадолго до освобождения им из плена дуче Муссолини. Хотя в то время Скорцени был всего лишь гауптштурмфюрером (капитаном) СС.

«Regenwurmlager» — «Лагерь дождевого червя» — особый базовый лагерь войск СС, по существу, огромный подземный город СС, со своими казармами, оружейными и продовольственными складами, электропоездами, электростанцией... Создавался в междуречье Обры, Варты и Одера в 1927–1944 гг. До сих пор не рассекречен и не изучен. По предположениям, одно из подземелий его пролегалo под Одером и доходило до Берлина. Сейчас основная площадь его расположена в пределах территории Польши.

В стратегическом плане ставка на строительство «Регенвурмлагеря» восточнее Одера действительно была серьезной ошибкой фюрера. Если хотя бы в начале 1944 года он развернул подобное строительство в районе, отведенном под «Альпийскую крепость», союзные войска столкнулись бы с очень мощным укрепленным районом рейха. — Прим. автора.

В апреле 1945 года, в последние дни существования рейха, бригаденфюрер СС Монке сам вызвался стать (и был назначен фюрером) командиром боевой группы по обороне правительственного квартала Берлина, в котором находился бункер Гитлера. То есть он действительно до конца оставался верным фюреру. Был пленен советскими войсками, а затем осужден военным трибуналом.

Мезериц — германское наименование польского города Мендзыжеч. И в германских, и в советских источниках «Регенвурмлагерь» еще иногда именуется «Мезерицким укрепрайоном».

Одна из исторических областей Польши, граничащая с территорией Украины.

В речи фюрера использованы цитаты из его выступлений, из «Майн кампф» и отдельных его высказываний.

Теодор Эйке был первым командиром этой моторизованной дивизии СС, это он в октябре 1939-го сформировал ее в Дахау из отдельных батальонов СС, которые занимались охраной концлагерей, а также из оборонного батальона СС города Данцига. В этой должности он пробыл до июля 1941-го, а затем вновь командовал дивизией с сентября 1941 по февраль 1943 года. Кстати, Присс тоже командовал этой дивизией дважды. Кроме уже названных лиц, в разное время во главе «Мертвой головы» стояли обергруппенфюреры Матиас Кляйнхайстеркамп и Георг Кеплер, а также группенфюреры Хайнц Ламмердинг и Макс Симон.

Польская армия, которая была сформирована на территории Советского Союза, называлась Армией Людовой, то есть «народной», и контролировалась советскими и польскими коммунистами.

Книгу «Пехота атакует» («Infanterie greift an») Эрвин Роммель создал на основании своих фронтовых, времен Первой мировой войны, дневников и издал в 1937 году. Эта книга, которой Роммель засвидетельствовал свой публицистический и командирский талант, пользовалась большой популярностью у молодых германских офицеров, проявивших себя со временем на полях сражений Второй мировой. Для многих она стала настольной книгой.

По одной из версий, которые бытуют сейчас, фюрер якобы действительно посещал подземный лагерь СС в описываемое время по подземной железной дороге. Но был ли это сам фюрер, или же под конец войны подземелье посещал его двойник? — Прим. автора.

В то время территория, на которой начиналось строительство «Регенвурмлагеря», находилась в составе Германии и входила в историческую область Восточная Пруссия.

Речь идет о произведениях Уинстона Черчилля, в которых он старался откровенно подражать Юлию Цезарю, автору «Записок о галльской войне». В 1953 году, в возрасте 79 лет, Черчилль стал обладателем Нобелевской премии по литературе. Подробнее об этом читайте в романе «Субмарины уходят в вечность».

В основу этого диалога положены реальные высказывания Уинстона Черчилля, который в описываемое время уже не желал вести какие-либо переговоры ни с нацистским крылом германского милитаризма, ни с его антифашистским крылом. По его заданию Би-Би-Си и другие радиостанции Великобритании начали в буквальном смысле этого понятия «сдавать» гестапо и тех германцев, которые действительно участвовали в заговоре, и тех, кого желательно было «подставить» германским властям в качестве заговорщиков, дабы ослабить ряды нацистов и посеять в них чувство непроходящего страха.

Из многих отечественных и зарубежных источников известно, что после штурма рейхсканцелярии в саду ее и возле бункера были обнаружены сотни трупов тибетцев, одетых в германскую форму без знаков различия. Судя по всему, это и были смертники-добровольцы, которые прибыли в Берлин для защиты арийского рейха. — Прим. автора.

«Содалицимум Пианум» — специальная сыскная (разведывательная) служба Ватикана, которую в годы войны возглавлял яростный приверженец фашизма и лично дуче Муссолини прелат Бенини. Создана была эта «ватиканская разведка» папой Пием X для выяснения настроений в среде церковников-модернистов и для их нейтрализации. Ее агенты были мастерами слежки и всевозможных провокаций.

Уже в начале нынешнего века стало известно, что в коллекции потомков Ф. Флика хранится около трех тысяч ценнейших полотен различных школ и мастеров кисти. Сам Флик был приговорен в 1947 году Нюрнбергским трибуналом к семи годам заключения за использование рабского труда, но через три года помилован.

Первоначальное название этого плана было банальным — «Фриц». Как говорится, просто и со вкусом. Но затем по предложению начальника Генштаба сухопутных сил рейха генерала Гальдера он был переименован, и на папке с планом нападения на Советский Союз появилась надпись: «Вариант «Барбаросса», которая со временем трансформировалась в традиционное — «План «Барбаросса».

Отто Герман Фегеляйн, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС, являлся личным представителем Гиммлера в ставке фюрера. Был женат на Ильзе Браун, сестре Евы. 27 апреля 1945 года, переодевшись в гражданское платье, попытался бежать из бункера фюрера, но был схвачен и по приказу Гитлера расстрелян как трус и предатель. Такому решению Гитлера способствовало и то, что к тому времени он уже окончательно отрекся от предавшего его Гиммлера, чьим человеком Фегеляйн все еще продолжал оставаться.

Имеется в виду заговор германских генералов под руководством главнокомандующего сухопутными силами рейха Вальтера фон Браухича. Тогда фон Браухич собрал в Цоссене, неподалеку от Берлина, верных ему генералов и предложил устранить Гитлера от власти, чтобы заключить мирный договор с Великобританией и Францией и таким образом исключить возможность войны с этими странами, а направить общие усилия на борьбу с Советским Союзом. Однако сорвал этот заговор сам фон Браухич, из-за своей трусости.

Подробнее об этой базе читайте в других романах серии «Секретный фарватер» — «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

И Гитлер действительно ни разу не усомнился в преданности Юлиуса Шауба. Получив самый высокий после рейхсфюрера чин в иерархии СС — обергруппенфюрера — и должность личного адъютанта, Шауб до конца пользовался неограниченным доверием фюрера. Именно ему в апреле 1945 года Гитлер поручил отправиться в Мюнхен и лично уничтожить весь свой (фюрера) личный архив. В том числе и стенографические отчеты совещаний, связанных с военными действиями. Эта командировка, собственно, и спасла жизнь Шаубу, мирно дожившему до 1968 года.

Одна из базовых теоретических формулировок
фюрера.

«Ostwall» («Восточный вал») — мощная линия укреплений, которая проходила от Балтики, по правому берегу Одера, то есть по территории современной Польши, до Судет. Основой этого «вала» был «Регенвурмлагерь». Однако в первый период войны существовал план другого «Восточного вала», который должен был появиться после падения Москвы и пролегать от Белого до Каспийского морей, по линии: Архангельск — Астрахань.

Фризы — народность, населяющая Западно-Фризские и Восточно-Фризские острова, а также североморское побережье Германии.

Речь идет о смоленской ставке Гитлера «Медвежий зал» и ставке «Волчье ущелье», которая была запасной фронтовой ставкой фюрера. Основная ставка западного театра военных действий располагалась в горах, на правом берегу Рейна, и называлась «Фельзеннест», то есть «Гнездо в скалах», или «Горное гнездо». Все эти места для ставок действительно подыскивались экстрасенсами и специальными сотрудниками института «Аненербе», с учетом их астральных возможностей.

Здесь фюрер как бы цитирует высказывание премьера Великобритании Уинстона Черчилля. Придя к руководству правительством (после Чемберлена), Черчилль во время первого же публичного выступления предупредил англичан, что при создавшейся в Англии и в мире ситуации он не в состоянии «предложить стране ничего, кроме крови, забот, слез и пота». Ситуация действительно была таковой, что ничего иного новый премьер и не мог предложить, и англичане восприняли это с мужественным пониманием.

Любимое высказывание Гитлера.

Такое высказывание Гитлер допустил в декабре 1941 года, когда стало ясно, что не только наступление на Москву, но и весь план молниеносной войны против советской империи провалился. Именно в таком настроении он и изгонял тогда из армии лучших своих генералов.

Идея сооружения «Восточного вала», аналогичного валу «Западному», возникала в разное время и привязывалась к различной местности. По одному из его вариантов, вал должен был создаваться в конце 1942 года, чтобы дать возможность войскам передохнуть и отсидеться на зимних квартирах. Тогда он должен был пролегать по реке Дон.

Братство «Приорат Сиона» было основано в Иерусалиме в 1099 году французским королем Годфруа де Буйоном для того, чтобы хранить тайну Святого Грааля и передавать ее из поколения в поколение. Это тайное братство (иногда его называют орденом) сохранилось до наших дней. По преданию, именно «Приорат Сиона» стал основателем рыцарско-монашеского Ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона, больше известный как орден тамплиеров.

В начале войны эта антипартизанская группа, состоявшая из немцев и бывших белогвардейцев, именовалась «Рыцари Черного леса».

Имеется в виду бывший красноармейский ас, капитан, Герой Советского Союза Борис Антилевский, который чуть позже описываемых событий принял командование истребительной эскадрильей ВВС армии Власова, где тоже сражался предельно храбро.

Это предложение фюрером было поддержано. Чуть позже Геринг действительно передал Власову значительное количество своих остарбайтеров и русских добровольцев из числа технического персонала, что очень помогло генерал-майору Виктору Мальцеву при формировании ВВС Русской освободительной армии.

События, связанные со Страной Атлантов и антарктическими экспедициями Людвига фон Риттера, описаны в романах этой же серии — «Антарктида: Четвертый рейх», «Субмарины уходят в вечность» и «Секретный рейд адмирала Брэда».

См. романы «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Такой лама действительно существовал, фюрер несколько раз встречался с ним.

Укрепленный, то есть обнесенный крепостной стеной, замок.

Исследователи утверждают, что по степени воздействия на организм человека этот «зомби-яд» превышает цианистый калий в 500 раз. Вот почему до сих пор остается загадкой, каким образом дагомейским жрецам «вуду» (завезшим этот секрет из африканской страны Дагомеи, считающейся родиной зомби, на Гаити), удается затем оживлять умерщвленных таким сильнодействующим ядом.

Существуют сведения о том, что в 1937 году фюрер действительно прибыл в «Регенвурмлагерь» по секретной подземной дороге, проходящей от берлинского метро, под Одером, и соединяющейся с магистралью лагеря, длина которой насчитывает (с ответвлениями) сотни километров. Только расстояние от Одера до, ныне польского, городка Кеньшицы, где расположен один из центральных входов в лагерь, — 60 км. В наши дни этот подземный путь все еще остается неизвестным исследователям.

По многим германским источникам Скорцени проходит как «личный агент фюрера по особым поручениям». Именно эта должность определяла особый статус Скорцени во время планирования и проведения тех или иных операций, при которых в его, капитана, а затем майора и, в самом конце войны, подполковника войск СС, подчинении оказывались военные значительно более высоких чинов.

Гнилые, источавшие крайне неприятный запах зубы были вечной проблемой Кальтенбруннера. Время от времени Гиммлер как непосредственный руководитель Кальтенбруннера лично заставлял его посещать дантиста, что для шефа РСХА оказывалось сущей пыткой.

Реальный факт.

Имеется в виду шеф гестапо обергруппенфюрер СС Генрих Мюллер, которого герои романа, шутя, именуют «Последним Мюллером рейха» (то есть последним мельником, перемалывающим судьбы людей). Современники еще называли его «гестаповским мюллером».

Мать Отто Скорцени была мадьяркой. У некоторых блюстителей расовой чистоты порой даже закрадывалось подозрение, что она была венгерской цыганкой.

Дальнейшие события, связанные с судьбой подземной базы СС «Регенвурмлагер», расположенной теперь на территории современной Польши, а также с судьбой ее гарнизона зомби-воинов, описаны в новом военно-приключенческом романе-версии Богдана Сушинского «Воскресший гарнизон».